

ФИЛОСОФИЯ

Журнал Высшей школы экономики

2019 — Т. III, № 2

PHILOSOPHY

JOURNAL OF THE HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS

2019 · VOLUME III · № 2

PHILOSOPHY

2019 III (2)

«PUBLIC» VS. «PRIVATE»

<https://philosophy.hse.ru/> · philosophy.journal@hse.ru

ISSN: 2587-8719 · REGISTRATION: ЭЛ №ФЦ 77-68963

ROOM 417A, 21/4 STARAYA BASMANNAYA STR., 105066 MOSCOW, RUSSIA · +7 (495) 7729590 * 12032

EDITORS

Editor-in-Chief: Vladimir Porus (NRU HSE, Moscow)

Deputy Editor: Alexander Marey (NRU HSE, Moscow)

Executive Editors of the Issue:

Andrey Teslya (IKBFU, Kaliningrad), Lyubov Bibikova (MSU, Moscow)

Executive Secretary: Maria Marey (NRU HSE, Moscow)

TeX Typography: Nikola Lečić (NRU HSE, Moscow)

Copy Editor and Proofreader: Maria Ponomareva

EDITORIAL BOARD

Natalya Dolgorukova (NRU HSE, Moscow) · Diana Gasparyan (NRU HSE, Moscow) ·

Viktor Gorbatov (NRU HSE, Moscow) · Yulia Gorbatova (NRU HSE, Moscow) ·

Stefan Hessbrüggen (NRU HSE, Moscow) · Irina Makarova (NRU HSE, Moscow) ·

Alexander Mikhailovsky (NRU HSE, Moscow) · Sergey Nikolsky (IPH RAS, Moscow) ·

Alexander Pavlov (NRU HSE Moscow) · Petr Rezvykh (NRU HSE, Moscow) ·

Pavel Sokolov (NRU HSE, Moscow) · Maria Shteynman (RSUH, Moscow) ·

Andrey Teslya (IKBFU, Kaliningrad; PNU, Khabarovsk) · Anastasia Ugleva (NRU HSE, Moscow)

INTERNATIONAL ADVISORY BOARD

Zhang Baichun (Beijing Normal University) · Roger Berkowitz (Bard College, New York) ·

José Luis Villacañas Berlanga (Universidad Complutense de Madrid) ·

Claudio Sergio Nun Ingerflom (National University of San Martín, Buenos Aires) ·

Alexander Filippov (NRU HSE, Moscow) · Vladislav Lektorsky (IPH RAS, Moscow) ·

Teresa Obolevich (Pontifical University of John Paul II, Krakow) · Boris Pruzhinin (*Voprosy*

Filosofii Journal, Moscow) · Alexey Rutkevich (NRU HSE, Moscow) · Tatiana Schedrina (MSPU,

Moscow) · Tatiana Sidorina (NRU HSE, Moscow)

ФИЛОСОФИЯ

2019 — Т. III, № 2

«ПУБЛИЧНОЕ» VS. «ЧАСТНОЕ»

<https://philosophy.hse.ru/> · philosophy.journal@hse.ru

ISSN: 2587-8719 · РЕГИСТРАЦИЯ: ЭЛ № ФС 77-68963

СТАРАЯ БАСМАННАЯ 21/4, 105066 МОСКВА (КОМ. 417А) · +7 (495) 7729590 * 12032

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор: Владимир Порус (НИУ ВШЭ, Москва)

Заместитель главного редактора: Александр Марей (НИУ ВШЭ, Москва)

Выпускающие редакторы:

Андрей Тесля (БФУ им. И. Канта, Калининград), Любовь Бибикова (МГУ, Москва)

Ответственный секретарь: Мария Марей (НИУ ВШЭ, Москва)

Технический редактор: Никола Лечич (НИУ ВШЭ, Москва)

Литературный редактор и корректор: Мария Пономарева

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Диана Гаспарян (НИУ ВШЭ, Москва) · Виктор Горбатов (НИУ ВШЭ, Москва) ·

Юлия Горбатова (НИУ ВШЭ, Москва) · Наталья Долгорукова (НИУ ВШЭ, Москва) ·

Ирина Макарова (НИУ ВШЭ, Москва) · Александр Михайловский (НИУ ВШЭ, Москва) ·

Сергей Никольский (ИФ РАН, Москва) · Александр Павлов (НИУ ВШЭ, Москва) ·

Петр Резвых (НИУ ВШЭ, Москва) · Павел Соколов (НИУ ВШЭ, Москва) ·

Андрей Тесля (БФУ им. И. Канта, Калининград) · Анастасия Углева (НИУ ВШЭ, Москва) ·

Штефан Хессбрюгген (НИУ ВШЭ, Москва) · Мария Штейнман (РГГУ, Москва)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Хосе-Луис Вильяканьяс Берланга (Университет Комплутенсе, Мадрид) · Чжан Байчунь

(Пекинский педагогический университет) · Тереза Оболевич (Папский университет

Иоанна Павла II, Краков) · Роджер Берковиц (Бард-колледж, Нью-Йорк) ·

Клаудио Серхио Нун Ингерфлом (Национальный университет Сан-Мартин,

Буэнос-Айрес) · Алексей Руткевич (НИУ ВШЭ, Москва) · Александр Филиппов

(НИУ ВШЭ, Москва) · Татьяна Сидорина (НИУ ВШЭ, Москва) · Владислав Лекторский

(ИФ РАН, Москва) · Борис Пружинин (журнал «Вопросы философии», Москва) ·

Татьяна Щедрина (МПГУ, Москва)

CONTENTS

[From the Editors]	9
[From the Executive Editors of the Issue]	11

STUDIES

ANDREY MAL'TSEV «Vzglyad» i metafora vzglyada v sochineniyakh A. T. Bolotova [“Vision” and the Metaphor of Vision in the Writings of Andrey Bolotov]	15
BOGDAN GAL' Ispravnik u posteli : zamuzhestvo cherez sud v srede malorossiyskogo chinovnichestva kontsa XVIII veka [The Police Captain at the Bedside : Marriage Through Court Among the Little Russian Officials of the Late 18th Century]	49
GRIGORIY BIBIKOV [GRIGORY BIBIKOV] Nadzor III otdeleniya za chastnoy zhizn'yu gubernskikh chinovnikov (1820–1830-ye gg.) [The Third Section’s Oversight of the Private Life of Provincial Officials (1820–1830s)]	79
SVETLANA VOLOSHINA Donosy i agent-skiye doneseniya kak mekhanizm «intimnogo» vzaimodeystviya s vlast'yu [Denunciations as Means of “Intimate” Interaction with the State Authority]	109
DMITRIY BADALYAN «Moskovskiy telegraf», «Literaturnaya gazeta» i III otdeleniye : skrytaya mekhanika pokrovitel'stva i nakazaniya [“Moscow Telegraph”, “Literary Gazette” and the Third Section : Covert Mechanism of Patronage and Punishment]	128
YULIYA SAFRONOVA [JULIA SAFRONOVA] Milost' «vne ustanovlennogo poryadka» : strategii prositeley i otvet chinovnika (na primere Ministerstva imperatorskogo dvora. 1856–1861 gg.) [Mercy Beyond the Established Procedure : Strategies of Petitioners and Responses of Official (Using the Example of the Ministry of the Imperial Court. 1856–1861)]	158

TRANSLATIONS

YEVGENIY BLINOV [EVGENY BLINOV]
Respublikanskiy liberalizm Benzhamena Konstana mezhdru reaktsiyey i terrorom
[Benjamin Constant's Republican Liberalism Between Reaction and Terror] 191

BENZHAMEN KONSTAN [BENJAMIN CONSTANT]
O politicheskikh reaktsiyakh
[On Political Reactions] 205

BOOK REVIEWS

MARIYA MAREY [MARIA MAREY]
Politicheskaya sistema Rossiyskoy imperii : mif o samodержavnoy vlasti
[The Political System of the Russian Empire : the Myth of the Autocratic
Power] 235

ANDREY TESLYA
«Opasnyye veshchi» A. S. Suvorina : retsenziya na knigu O. Makarovoy
[“Dangerous Things” of Aleksey Suvorin : A Review of O. Makarova's Book] 245

ALEKSANDR MARKOV
Da, eto Platon i Aristotel' : otvet na retsenzii
[There Is Plato and Aristotle Indeed : Reply to My Critics] 253

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	9
От выпускающих редакторов	11

МЕЖДУ «ЧАСТНЫМ» И «ПУБЛИЧНЫМ»: РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В XVIII–XIX ВВ.

ИССЛЕДОВАНИЯ

АНДРЕЙ МАЛЬЦЕВ «Взгляд» и метафора взгляда в сочинениях А. Т. Болотова	15
БОГДАН ГАЛЬ Исправник у постели : замужество через суд в среде малороссийского чиновничества конца XVIII века	49
ГРИГОРИЙ БИБИКОВ Надзор III отделения за частной жизнью губернских чиновников (1820–1830-е гг.)	79
СВЕТЛАНА ВОЛОШИНА Доносы и агентские донесения как механизм «интимного» взаимодействия с властью	109
ДМИТРИЙ БАДАЛЯН «Московский телеграф», «Литературная газета» и III отделение : скрытая механика покровительства и наказания	128
ЮЛИЯ САФРОНОВА Милость «вне установленного порядка» : стратегии просителей и ответ чиновника (на примере Министерства императорского двора. 1856–1861 гг.)	158

АРХИВ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

ПЕРЕВОДЫ И ПУБЛИКАЦИИ

ЕВГЕНИЙ БЛИНОВ Республиканский либерализм Бенжамена Констана между реакцией и террором	191
---	-----

БЕНЖАМЕН КОНСТАН
О политических реакциях

205

ФИЛОСОФСКАЯ КРИТИКА

РЕЦЕНЗИИ

МАРИЯ МАРЕЙ

Политическая система Российской империи : миф о самодержавной власти

235

АНДРЕЙ ТЕСЛЯ

«Опасные вещи» А. С. Суворина : рецензия на книгу О. Макаровой

245

АЛЕКСАНДР МАРКОВ

Да, это Платон и Аристотель : ответ на рецензии

253

ОТ РЕДАКЦИИ

В июне сего года в редакцию поступило письмо от директора Центра Бахтина Шеффилдского университета (Великобритания) профессора Крэйга Брэндишта. Ниже мы приводим текст этого письма, подвергнутый лишь незначительной редактуре, а также ответ редакции.

Уважаемый профессор Порус,

Я пишу официально, чтобы пожаловаться на комментарии обо мне в рецензии Н. М. Долгоруковой, опубликованной в № 3 Вашего журнала за 2017 год.

В тексте рецензии автор делает ряд некорректных заявлений обо мне и исследовательском центре, которым я руковожу. Так, автор утверждает, что Клайв Томпсон был директором Бахтинского центра до меня и что он говорил по-русски, тогда как я даже не говорю по-русски. Эти утверждения ложны: Клайв Томпсон живет и работает в Канаде, никогда не работал директором Бахтинского центра и, в отличие от меня, не говорит по-русски. Цель комментариев состоит в том, чтобы предположить, что у меня нет компетенции в работе с русскоязычным материалом, что не соответствует истине и потенциально может нанести ущерб моей профессиональной репутации. Более того, автор, по-видимому, совершенно не знаком с моими исследованиями Бахтина и иных сюжетов, основанными на обширных архивных исследованиях в России. Вместо этого автор утверждает, что моя работа о Бахтине вызвана только моим интересом к марксизму, что заставляет подозревать, будто меня решили представить скорее идеологическим дилетантом, чем серьезным исследователем. Подобные комментарии в мой адрес показывают, что рецензия не совместима со стандартами, требуемыми серьезным академическим журналом, издаваемом в таком учреждении, как Высшая школа экономики. Поэтому я прошу опубликовать в журнале публичное исправление.

С уважением,

Крэйг Брэндишт

профессор интеллектуальной истории и истории культуры
директор центра исследований Бахтина Шеффилдского ун-та

Уважаемый профессор Брэндишт!

Редакция журнала приносит Вам искренние извинения за некорректные утверждения, сделанные Н. М. Долгоруковой в Ваш адрес и в адрес

проф. Клайва Томпсона в ее рецензии на книгу о Бахтине (№ 3 за 2017 год). Решением редколлегии журнала от 20 июня 2019 года рецензия будет снята из журнала, допущенные в ней высказывания, тем самым, дезавуируются.

От лица редакции журнала
главный редактор: проф., д. ф. н. В. Н. Порус
зам. главного редактора: доц., к. ю. н. А. В. Марей

ОТ ВЫПУСКАЮЩИХ РЕДАКТОРОВ

Понятия «публичного», «частного», «интимного» выступают одними из ключевых категорий модерна — и, в частности, категорий политического. Вслед за представителями школы «Анналов» можно вспомнить, что возникновение «публичного» связано с формированием пространства «частной жизни», или вслед за Норбертом Элиасом — о Людовике XIV как последнем короле «старого стиля», существование которого практически не ведает разграничения на «частное» и «публичное», в отличие от преемников, для которых будут — в том числе в пространстве резиденций — существовать как сферы их бытования в качестве «королей», так и другие, — где они оказывались «людьми». Настоящий номер журнала посвящен анализу ряда сюжетов, связанных с осмыслением, функционированием и динамикой названных понятий в пространстве Российской империи XVIII–XIX веков.

Проблематика данного номера продолжает вопросы, поднятые год назад в № 2 за 2018 год, где в центре внимания были понятия «революция» и «реформы». В № 2 за 2019 год анализируются публичные и непубличные практики властных и околовластных групп: формы и способы взаимодействия, «фигуры умолчания», факторы доступа в публичное пространство, негласные инструменты и технологии управления властью и публичным пространством. Открывает номер статья Андрея Мальцева, посвященная «любованию природой» как составляющей «частной жизни» в контексте философских дискурсов XVIII в. В статье Богдана Галя анализируется другой аспект «частной жизни» российского дворянства и его выходов в публичную плоскость в повседневности на примере «брачных стратегий» малороссийских чиновников конца XVIII века. Следующие три статьи номера охватывают проблематику «публичного» и «частного» в период правления Николая I — ключевое время становления представлений и у власти, и у активно формирующейся «общественности» о принципах взаимодействия. Григорий Бибииков рассматривает надзор III Отделения Собственной Его императорского величества канцелярии за губернскими чиновниками: их «частной жизнью» и публичным поведением. Светлана Волошина анализирует «доносы» и «агентские донесения» в III Отделение как практику «интимного» взаимодействия с властью со стороны отдельных представителей общества. Дмитрий Бадалян выявляет скрытые

механизмы взаимодействия литературного мира с III Отделением на рубеже 1820–1830-х годов. Завершает рубрику статья Юлии Сафроновой, посвященная анализу прошений в Министерство императорского двора в 1850–начале 1860-х годов как особой непубличной практики взаимодействия российских подданных с центральной властью.

В разделе публикаций представлен перевод работы Бенжамена Констан «О политических реакциях» (*Des réactions politiques*) (1797) (перевод и вступительная статья Евгений Блинов). Знаменитый трактат Иммануила Канта «О мнимом праве лгать из человеколюбия» стал ответом именно на этот текст классика политической философии.

В разделе рецензий публикуются рецензии: (1) Марии Марей на книгу Кирилла Соловьева «Политическая система в Российской империи в 1881–1905 гг.», описывающую неформальные механизмы взаимодействия внутри институтов российской власти на указанном историческом промежутке; (2) Андрея Тесля на работу Ольги Макаровой «„Женский вопрос“ в жизни и творчестве А. С. Суворина», посвященную переплетениям биографического, публицистического и литературного контекстов трактовок А. С. Сувориным «женского вопроса» на протяжении его долгой жизни. Завершает номер критический ответ Александра Маркова в связи с рецензиями на его переводы «Пира» Платона и «Метафизики» Аристотеля, опубликованными А. Т. Юнусовым, Е. А. Щербаковой и Н. П. Гринцером, а также рецензией А. В. Гараджи и И. А. Протопоповой, опубликованной в № 1 журнала «Философия» за 2019 год.

Андрей Тесля и Любовь Бибикова

МЕЖДУ «ЧАСТНЫМ» И «ПУБЛИЧНЫМ»:
РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В XVIII–XIX ВВ.

ИССЛЕДОВАНИЯ

STUDIES

АНДРЕЙ МАЛЬЦЕВ*

«ВЗГЛЯД» И МЕТАФОРА ВЗГЛЯДА В СОЧИНЕНИЯХ А. Т. БОЛОТОВА**

Аннотация: В статье анализируются рассказы о «любовании природой» А. Т. Болотова (1738–1833) в контексте философских дискурсов XVIII в. Болотов смотрит на природу и описывает природу под влиянием немецких философов, и особенно Иоганна Георга Зульцера. При помощи особой оптики Болотов старается увидеть уникальность и неповторимость в каждом природном явлении. В своем воображении он пытается разглядеть согласованность всех явлений между собой, используя при этом метафору машины. Метафора машины предполагает взаимосвязанность всех явлений в мире и отсутствие разрывов. В свою очередь непрерывность в природе предполагает постоянство в социальном мире (где каждому отведено свое место) и подозрительное отношение к одиночеству и самозамыканию. «Любование природой» неотделимо от удовольствий, которые Болотов пытается сделать полезными для себя, что предполагает их особую экономику и прагматику. Болотов ищет цель у каждого явления природы, несмотря на наивность представлений о целесообразности в природе; он наблюдает природу и не видит себя как покорителя и преобразователя природы. Его представления о гармонии в природе согласуются с оптимизмом XVIII в., но Болотов беспомощен в попытках разрешить проблему зла в «лучшем из миров». Кроме того, анализируется, как «любование природой» определяет самоидентификацию Болотова.

Ключевые слова: Болотов, природа, визуальное, русская философия XVIII века.

DOI: 10.17323/2587-8719-2019-3-2-15-48.

Вот холм и дол, вот лес, вот гладь воды,
И между ними видимость вражды,
Но, мнимый хаос взору говорит
О том, что здесь гармония царит;
В различиях мы видим лучше строй
Там, где стихии ладят меж собой

Александр Поуп. «Виндзорский лес»
(пер. В. Микушевича)

Я не ищу гармонии в природе.
Разумной соразмерности начал
Ни в недрах скал, ни в ясном небосводе
Я до сих пор, увы, не различал.

Николай Заболоцкий. «Я не ищу гармонии...»

*Мальцев Андрей Александрович, к. социол. н., независимый исследователь, maap1313@gmail.com.

**© Мальцев, А. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Андрей Болотов — живший в XVIII веке среднепоместный тульский помещик, обычно определяемый как видный российский просветитель, внесший немалый вклад в развитие садоводства в России, любитель наук, философии, искусств, автор знаменитых объемных записок о своей жизни. Фигура с одной стороны выдающаяся, с другой — достаточно типичная для дворянства второй половины XVIII в. Среди многих своих увлечений Болотов выделял особый вид занятий, который имел для него определенную ценность, и описанию которого он посвятил немало страниц в своих воспоминаниях и отдельных работах в 1795–1796 гг.¹ Речь идет о любовании природой. В этой статье я расскажу о том, как Болотов любит природу, как он описывает свое любование природой в своих произведениях, и попытаюсь, насколько позволят размеры публикации, рассмотреть, как устроен, как организован взгляд Болотова, как он видит природу, а также, как особая оптика взгляда Болотова позволяет ему видеть не только красоты природы, но и принципы, по которым устроены природа, мир, общество, человек, а также затронутый обрамляющий взгляды Болотова на природу дискурсивный контекст, который в той или иной степени определяет его представления о природе (или сопутствует им) и дает возможность ему обнаружить себя и видеть себя в качестве любителя природы, с этой природой связанного, природу наблюдающего и природу «создающего». То есть, проще говоря, я попытаюсь проанализировать: что видит Болотов, как видит Болотов, как он рассказывает о том, что видит; что повлияло на взгляд Болотова, какие философские дискурсы сформировали взгляд Болотова на природу, и в чем специфика взгляда Болотова на природу.

Но сначала надо разобраться в том, какое место занимает «любование природой» в социальной жизни Болотова, в его самоидентификации и саморепрезентации. Само действие, которое можно назвать «любование красотами натуры» является для Болотова своего рода различительной стратегией, с помощью этого действия он осознано или непроизвольно выделяет себя в социальном и символическом пространстве. То есть, «любование природой» становится социальным маркером, и Болотов, указывая на этот отличительный признак, пытается выстроить и подчеркнуть дистанцию в отношении «невежественных дворян» и подлых

¹См. «Письма о красотах натуры» (Болотов, 1993: 133–203) и «Живописатель натуры» (там же: 205–342).

сословий, которым недоступны тонкие чувства. Благодаря этому Болотов, умея видеть то, чего не видят другие, и получать от этого удовольствия непорочные, находит свою нишу, позволяющую ему поддерживать положительную самооценку на фоне более успешных и не склонных к учености и добродетельному поведению «собратьев» по дворянскому сословию, для которых, похоже, неказистый Болотов время от времени становился объектом насмешек, судя по некоторым оговоркам самого Болотова. С другой стороны, Болотов, инвестируя себя, свои эмоции в «любование природой», пытается закрепиться и проявить себя в новом социальном контексте, где особые культурные навыки, указывающие на знания и способность к квалифицированным эстетическим суждениям, играют уже немалую роль при определении места человека в обществе. Но многие дворяне еще остаются в стороне от набирающих силу новых правил, регулирующих социальные отношения, поэтому «любование природой» кажется им пустым, глупым, никчемным и даже достойным презрения занятием. Отсюда происходит не доходящее до конфликта противостояние между Болотовым и его окружением, и «любование природой» становится своего рода залогом, ставкой в символической борьбе за право доминировать в социальном и культурном пространстве. Болотов в этой борьбе, безусловно, в конечном счете побеждает, но, не зная об этом, он вставляет в рассказы о природе жалобы на недооцененность и пренебрежение со стороны других людей.

Через любование природой Болотов опознает себя в наиболее комфортном для него способе существования. Его идентичность с соответствующим набором индивидуальных и социальных качеств во многом сопрягается с «любованием природой», так как любование природой поддерживает те черты и свойства, которые включены в самописание Болотова: миролюбивость, незлобивость, отсутствие карьерных притязаний, стремление к уединению, соединенное с открытостью для общения с приятными людьми, дружелюбие, простота в быту, любопытство и любовь к науке и т. д. Более того, подчас описание некоторых явлений природы помогает выявить своего рода антропологический и социальный идеал Болотова, или по крайней мере некоторые черты этого идеала: например, привлекают Болотова своими качествами занесенные из Африки, простые, кроткие и добронравные, пусть и презируемые кое-кем, цветы «бархатцы», и он проводит параллели между цветами и такими же простыми, кроткими, миролюбивыми людьми, к которым, как можно понять, причисляет и себя (Болотов, 1993: 238–242).

Вместе с тем в новой культурной ситуации, которая складывается в России во второй половине XVIII века, Болотов иногда в процессе трансакций получает от своей способности «любоваться природой» пусть и небольшие, но дивиденды, прежде всего символические и социальные, которые в ряде случаев удается конвертировать в денежное вознаграждение и в материальный прибыль. «Любование природой», как и занятия наукой, помогают Болотову наладить важные и престижные коммуникации, как, например, в случае с братьями Салтыковыми, когда общее пристрастие к любованию красотами природы создало атмосферу доверия между Болотовым и Александром Михайловичем Салтыковым (Болотов, 1872: 397–401). В данном случае разговор о красотах естества сыграл роль знака, по которому каждый из участников изначальной коммуникации опознал в другом «своего» с последующей взаимной симпатией. Навыки «любования природой» ставили Болотова на один уровень с просвещенной аристократией, благодаря чему, возможно, возрастала значимость этого вида деятельности для самого Болотова, несмотря на весь его скепсис по отношению к этой социальной группе.

Способность наглядно и связано демонстрировать чувства любви к природе превращается в знак, указывающий, что его носитель является просвещенным, способным к тонким чувствованиям, человеком. В определенных социальных, достаточно высокостатусных группах такие знаки пользуются уважением и престижем. Они превращаются в культурный капитал, и Болотов не жалеет сил на инвестиции в такого рода знаки и символы, несмотря на неодобрение со стороны окружающих его людей, принадлежащих к среднему и низшему дворянству.

Тут важно отметить, что для самого Болотова стремление к любованию красотами природы — это обособленное желание, независящее ни от каких социальных инстанций. Но в этом обособлении не стоит искать романтического одиночества, это скорее индивидуальное приобщение к истинному миру, приобщение к миру истинных, естественных удовольствий. Тем не менее, наслаждаясь красотами природы, Болотов помещает себя в пространство новых иерархий и противопоставлений, он участвует в формировании новых различительных стратегий, где на статус социального актора влияют не только сословные привилегии, служебные достижения или императорские милости, но и уровень его образования, культурные компетенции и эстетические пристрастия.

Кроме того, «любование природой», как и занятия наукой, как и пристрастие к книгам делают Болотова, по крайней мере в его воображении, частью европейского ученого и философского сообщества. И здесь есть

еще один любопытный аспект, связанный с самоидентификацией Болотова. В своих текстах о любовании природой Болотов не просто описывает красоты природы и свои переживания, с этими красотами связанные: он учит любоваться природой и пытается показать, как надо настроить оптику взгляда, чтобы видеть то, что другие не видят (распространенная сейчас метафора оптики здесь очень подходит). Болотов просвещает, он сознательно становится на позицию учителя и просветителя. Можно предположить, что мимо него не прошло одно место из его любимого романа «Телемак» Франсуа Фенелона, где рассказывается о том, как бог Аполлон, а потом и сам Телемак по указанию мудрого старца приобщают диких пастухов к удовольствиям невинным, учат их чувствовать волшебную красоту природы и наслаждаться прелестями сельской жизни, и тем самым смягчают нравы этих людей (Фенелон, Лубяновский, 2011: 32–34). Как и Телемак, Болотов, хотя прямо об этом и не пишет, готов возделывать дикую землю (т. е. укрощать нравы людей); по крайней мере, он, видимо, в какой-то мере примеряет на себя эту роль.

Я еще вернусь к этой теме, но замечу, что, вкладывая физические и эмоциональные ресурсы в любование природой, Болотов приобщается к философскому дискурсу, присваивает, пусть неравномерно, фрагментарно, частично философские представления, распространенные в XVIII веке в Европе.

Важно помнить, что те представления об устройстве мироздания, которые репрезентируются в рассказах Болотова о красотах природы (в интересующем меня аспекте) не являются чем-то оригинальным. Болотов ориентируется на распространенный (можно даже сказать доминирующий) в то время философский нарратив, который можно назвать повествованием о Великой цепи бытия (см. Лавджой, Софрон-Антони, 2001). Болотов был знаком с текстами немецких авторов, их список он приводит в своем философском труде «Путеводитель к истинному человеческому счастью...» (Болотов, 2012b: 671–673), но самое большое впечатление на Болотова еще в молодости произвели работы Иоганна Георга Зульцера², и эту привязанность к Зульцеру тульский

²Интерес к Зульцеру в России сохранялся довольно долго. Вышедший в 1770-ые годы словарь «Всеобщая теория изящных искусств» (Allgemeine Theorie der schönen Künste) в России долго считался образцовым произведением в области эстетики. Так, например: «В собрании российской академии 22 апреля 1811 года президент академии Нартов, заявивши, что, по его мнению, перевод на русский язык Зульцера словаря изящных искусств принесет великую пользу упражняющимся в российской словесно-

помещик пронес через всю свою жизнь. Болотов даже составил своего рода методичку «Опыт руководства к описыванию красоты и приятностей природы», опираясь на которую, он создавал свои тексты и стихи, посвященные природе и любованию природой (Веселова, 2014: 30). То есть, в данном случае Болотов ощущает себя, скорее, учеником; до какой-то степени здесь речь может идти о механическом копировании, но он не просто заимствует, а хорошо усваивает и присваивает правила дискурса, правила говорения о любовании природой и через этот способ говорения опознает самого себя.

Надо отметить, что Зульцер был последователем Христиана Вольфа (хотя и вступал с ним в полемику по мелким проблемам). Поэтому декларируемое Болотовым агрессивное антивольфианство есть не более, чем философское недоразумение (в отличие, например, от компетентного, хорошо обоснованного антивольфианства Леонарда Эйлера и других петербургских ученых). Антивольфианство Болотова — лишь результат некритичного восприятия речей его кенигсбергского учителя, философа-крузианца Даниэля Веймана, показывающее, насколько далек был Болотов от основных философских проблем и дискуссий того времени.

Кроме того, вероятно, не прошла мимо Болотова поэма Александра Поупа «Опыт о человеке», которая пользовалась большой популярностью среди почитаемых Болотовым немецких авторов (например, Зульцер в своих работах неоднократно ссылается и цитирует Поупа). Болотов вполне мог читать эту поэму в переводе Николая Поповского, а в своих записках о «бывших происшествиях» он сообщает о дошедшем до него неведомо как известии о новом переводе поэмы Поупа Евгением Болховитиновым (Болотов, 1989: 22).

Итак, чтобы наслаждаться красотами природы, необходимо должным образом настроить взгляд, то есть:

сти, предложил, не согласится-ли кто-либо из сочленов, сведущих в немецком языке, потрудиться над этим переводом...», выбрав статьи, касающиеся словесных наук, что впоследствии и было сделано — ряд статей из словаря были переведены и опубликованы в 1812–1814 гг. (Сухомлинов, 1878: 109–112). В 1813 году была переведена с французского написанная и изданная в 60-ые годы XVIII в. работа Зульцера «Общая теория удовольствий» (*Nouvelle Théorie des Plaisirs; Avec des Réflexions sur l'Origine du Plaisir*). Русский перевод другой, более ранней работы Зульцера «Разговоры о красоте естества» (*Unterredungen über die Schönheit der Natur*), которая оказала сильное воздействие на Болотова, был издан в России еще в 1777 году. Переводились и издавались другие, менее значительные его работы.

...нужно только смотреть на все не так просто и не так грубо, как смотрит большая часть сочеловеков [...], и не оставаться при одной поверхности вещей, а вникать умственными очами своими несколько глубже в их состояние и обстоятельства, до них относящиеся и принадлежащие [...]. Нужно обозревать их не с одной, а со всех возможнейших сторон и наиболее таких, которые могут трогать [...] душу чувствительную и производить в ней ощущения нежные и сладкие [...] Надобно стараться замечать наималейшие черты и обстоятельства, к тому способные, и, ловить их везде [...] (Болотов, 1993: 236–237).

Любование природой — это своеобразная встреча правильно настроенного зрения и природных явлений. Однако, сама по себе подобная модель взгляда предполагает, что между человеком и природой существует дистанция, но эта дистанция не предполагает противопоставления. Чтобы лучше видеть природу, надо «организовать» свое зрение, и тогда улучшится качество зрения, можно научиться различать то, что не увидишь простым взглядом, то есть, это своего рода приведение мутных, неотчетливых перцепций к ясности, отчетливости и наглядности. Подобный подход открывает дорогу разнообразию.

В какой-то мере Болотов-наблюдатель отделен от природных вещей, вместо вещей он видит «картины» природы, он как бы помещен в некоторое внутреннее пространство, куда зрение доставляет «картины» природы, и любит выхваченными из непрерывного потока фрагментами. То есть, для Болотова природа — это прежде всего репрезентация природы, представление природы (которое он иногда сравнивает с театральным зрелищем, а себя, соответственно, — со зрителем), и удовольствие он получает прежде всего от представления, которое дает природа. Взгляд Болотова чем-то напоминает объектив фото-кино-камеры, выхватывающей то одну, то другую часть действительности, внимательно, пристально и долго вглядывающийся то в одну, то в другую вещь. Это детализирующий, расчленяющий взгляд. Работу этого взгляда можно, наверное, уподобить камере-обскуре³, если вспомнить гипотезу Джонатана Крэри, что камера-обскура являлась парадигмальным способом

³Про камеру-обскуру молодой любознательный Болотов узнал, когда служил во время Семилетней войны в Кенигсберге: «Я истинно вне себя был от радости и удовольствия, когда увидел, как хорошо и каким неподражаемым искусством умеет сама натура рисовать на бумаге наипрекраснейшие картины, и, что всего удивительнее для меня было, наживейшими красками» (Болотов, 1870: 687). В Кенигсберге он купил камеру-обскуру и переделал в камеру-обскуру собранный из подручных материалов и купленных деталей «прошпективический ящик» («волшебный фонарь», судя по описанию). Здесь же Болотов впервые увидел микроскоп (там же: 685–688). О роли камеры-обскуры в жизни Болотова писал Александр Эткинд (Эткинд, Макаров, 2013: 292–294).

масштабной и сложной организации знания и наблюдающего субъекта в XVII–XVIII веках, своего рода моделью для объяснения взаимоотношения зрения и внешнего мира (Крэри, Потемкин, 2014).

И в своем воображении Болотов не фантазирует, а видит реальные картины, которые являются для него источником удовольствия (даже если эти картины рисуют зло, приносимое природой человеку). Болотов четко отделяет воображаемое созерцание от непосредственной встречи с природой, однако он мысленно присваивает воображаемым образам статус реальности, можно было бы сказать, видит их как объективно существующие состояниям природы, хотя и представляемые им в своем воображении. Болотову еще недоступно понятие «объективное», он не задается вопросом, как отделить субъективное от объективного, он просто мысленно воспроизводит виды природы внутри себя и наслаждается их созерцанием, переживает встречу с картинами природы, его переживания не воздействуют на образы природы (по крайней мере, он сам не предполагает такого видения природы), взгляд соединяет природу и переживания, но последние зависят от природы, а она остается чистой и свободной от переживаний, субъективное не вторгается в природу. Для Болотова неустойчивая текучесть внутренних переживаний не соотносится с природными состояниями, внутренний мир человека не искажает картин природы (даже если это воображаемые картины природы), взгляд Болотова свободен от субъективности, эмоции и переживания не способны изменить образы природы. Природа не подчиняется человеку, и Болотов даже не пытается «подчинить» природу своему взгляду, наложить на природу свои переживания, что, впрочем, не мешает ему ее антропологизировать и проводить параллели между человеческим поведением и природными предметами, подчас превращая рассказ о природе в назидательное, поучающее повествование, то есть, использовать картинки природы в дидактических целях.

Одновременно воображаемые картины природы позволяют ему выйти за рамки локального здесь и сейчас. В своем воображении он также стремится внимательно рассматривать каждый предмет, взгляд Болотова скользит от одной воображаемой картины к другой, одна картина сменяет другую, это вроде бы дискретный набор картин, но Болотов в своем воображении ищет способ связать все картины воедино через размышления о системе природы или о машине природы, о чем будет сказано ниже.

Такой подход к наблюдению за природой порождает множественность взгляда, взгляд расплывается на множество точек. Точнее, взгляд делит

мир на множество точек, каждая из которых уникальна и неповторима⁴. А если еще точнее, то взгляд открывает для себя разнообразие мира, разгоняет туман, застилающий глаза, снимает завесу незнания и невежества и видит то, что недоступно простому, неискушенному взгляду. Распадающийся, дифференцирующийся мир предполагает внимательный взгляд, дотошное, детализированное разглядывание каждого предмета. Взгляд направлен на поиск различий. Чем больше разнообразия схватывает взгляд, тем больше человек получает удовольствия — предполагал Зульцер (Зульцер, Левитский, 1813), и Болотов, похоже, хорошо усвоил наставления немецко-швейцарского эстетика. Отсюда, возможно, скрупулезное, въедливое, подробное и кажущееся излишним и утомительным, долгое перечисление мельчайших особенностей и свойств всех природных вещей, попавших в поле зрения Болотова. То же самое можно найти и в натурологических стихах Болотова (Веселова, 2014: 33).

Любование природой для Болотова — это переживание удивления, восторженного, в духе той эпохи. Это поток удивлений, почти беспрерывный, но вряд ли можно назвать его спонтанным и произвольным потоком переживаний. Это — искусственно настраиваемый самим наблюдателем, лелеемый, артикулируемый поток переживаний, это культивация переживаний, но также и желание переживаний, тяга к переживаниям, переживаниям особого рода — непорочным, непорицаемым и никому не вредящим удовольствиям. Но не стоит забывать, что правила самопредставления того времени диктовали эмоциональную избыточность, и Болотов в своем восторженном удивлении следует правилам своей эпохи.

Это удивление открывает дорогу тому, что невидимо для обычного взгляда. Взгляд Болотова «вытаскивает» скрывающиеся в обыденности и растворенные в привычной вещи. Прежде незамечаемое, простое

⁴Лейбниц, подчеркивая огромную роль малозаметного, плохо видимого, мельчайшего в устройстве мироздания, писал: «...В силу незаметных различий две индивидуальные вещи не могут быть совершенно тождественными и [...] они должны отличаться друг от друга не только нумерически» (Лейбниц, Юшкевич, 1983: 56). Совсем юный Гете, находясь под влиянием Лейбница, в своем письме к сестре не без кокетства и легкого зазнайства подчеркивает свое умение «видеть» мельчайшее, недоступное обыкновенному взгляду: «...Мы ученые, чтим вас, других и девушек, так — так, как чтят монады. Поистине, с тех пор, как я научился тому, что частичку света можно разделить на тысячу частиц, с тех пор, говорю я, я стыжусь того, что старался понравиться девушке, которая, может быть, и не подозревала, что бывает такие зверушки, которые могут станцевать менуэт на острие иглы» (цит. по: Кемпер, Жеребкин, 2009: 35).

и подчас даже презираемое обученный, сосредоточенный взгляд Болотова переводит в состояние важного, значимого, красивого, полезного, символического. Предметы и вещи, попадающиеся взгляду Болотова, становятся «видимыми», они уже существуют сами по себе как часть большого мира, созданного Богом.

Это не только эстетизация пространства или превращение природных вещей в объект научного исследования. Взгляд Болотова производит пространство природы, это переформатирование пространства, наделение вещей и предметов, расположенных в пространстве, новыми смыслами, поиск новых связей между ними, разбросанными в пространстве, казалось бы, без всякого смысла, порядка и предназначения. Но, надо заметить, среди смыслов, которыми Болотов наделял вещи, лежащие в пространстве, совершенно нет смыслов, отсылающих к национальной специфике, то есть, для Болотова нет такого понятия как «русская природа»: время для природы с маркировкой «русскости» еще не настало — это уже следующий этап символической колонизации пространства.

Но красота, как считает Зульцер — это разнообразие, сведенное к единству:

Известно, что красота зависит от разнообразия, приведенного ко единству. Предмет совершенно простой, в коем нечего раздроблять ни когда не может быть прекрасным. И качество сие всегда предполагает множество и разнообразие частей в одном предмете. Но, одно, множество частей не составляет еще прекрасного; для сего потребно разнообразие в единстве (Зульцер, Левитский, 1813: 38).

Гармония и совершенство мира — это разнообразие и согласованность, которые не мыслятся друг без друга:

Поскольку совершенство состоит в согласии многообразного, а это согласие тем больше, чем больше имеется многообразия согласующихся друг с другом вещей, постольку, следовательно, более совершенен тот мир, в котором имеет место наибольшее многообразие вещей, и где, следовательно, больше и воспринимается, нежели там, где имеется меньше различий и меньше находят их для восприятия (Вольф, Жучков, 2001: 297).

«Любование природой» — это работа внимательного взгляда, работа, требующая усилий, работа, извлекающая порядок из нагромождения предметов и вещей. Поэтому любование природой — это не просто изумление при виде природного изобилия и многоцветия, это напряженная деятельность умственного взора, обнаруживающего связи между элементами природы. Надо уметь тренированным взглядом увидеть не

просто разбросанные в природе предметы, а некое единство и гармонию. У людей не видящих премудрого порядка в природе испорчено зрение (Зульцер, Протопопов, 1777: 90). Умственный взор (духовный взор) различает, разделяет и связывает. Здесь важную роль играет знание о наблюдаемых вещах: красота предмета неотделима от понятия о предмете. Чем больше понятий о предмете и о мире способен составить для себя человек, тем больше удовольствия получает он от наблюдения за природой. Красота вещи неотделима от понятия об этой вещи. Чем больше мы знаем о вещи, тем лучше видим эту вещь, тем прозрачнее она для нас, тем прекрасней она для нас, тем больше мы получаем наслаждения от созерцания этой вещи — считал Зульцер. Например, профан, необремененный астрономическими знаниями, смотрит на звездное небо, и, возможно, вид неба первоначально впечатлит его, но это потрясение быстро утихнет, и он отвернется, неспособный произвести каких-либо различий в огромном скоплении звезд. Но, если тот же человек приобретет астрономические знания, то вместо случайного и скучного скопища небесных светил ему представится космическая гармония, наслаждение от вида которой будет долгим и устойчивым (Зульцер, Левитский, 1813: 53–54). Таким образом, эстетическое наслаждение — это еще и познавательная деятельность души. Поиск красоты и познание мира, поиск истины неотделимы друг от друга. Счастье и благополучие человека так же зависят от количества понятий о мире. То есть, эстетические и познавательные способности прямо влияют на бытие человека и его место в мире.

На эти же принципы опирается Болотов, поэтому его взгляд на то или иное растение иногда напоминает взгляд ботаника и естествоиспытателя. И, конечно, своим умственным взором Болотов постоянно выходит за пределы данного здесь и сейчас, он наслаждается работой воображения, где перед его внутренним взором встают картины, демонстрирующие взаимосвязи вещей в природе (хотя многое еще в природе неизвестно, и, может быть, никогда не откроется человеку). Болотов прибегает к метафоре машины (очень распространенной в то время), мир для него — непрерывно работающая машина, где все природные вещи подогнаны друг к другу, где все они «цепляются» друг за друга, все согласованы друг с другом.

Болотов в своих размышлениях почти не переходит на уровень метафизики, но, если продолжить рассуждения в духе «мир есть машина» (а такие рассуждения были популярны в XVIII веке), то можно сказать, что из этого действующего совершенного механизма (подобного часам,

если вспомнить еще одну распространенную метафору того времени) ничего нельзя изъять без потери для мира в целом. В этом мире все занимает свое место и не может быть уничтожено без вреда для единства и совершенства лучшего из миров. Мир подобен часам, писал Христиан Вольф:

...если из часов изъять одну часть, от которой зависит их ход, и заменить ее на другую, то часы более не будут оставаться тем же самым, что и прежде. Если с колеса спилить хотя бы один зубец, то после такого изменения у часов будет совершенно другой ход [...] (Вольф, Жучков, 2001: 281).

Не только мир в целом есть машина: каждая часть мира работает как машина, «все произведения природы от камня даже до человека суть машины...» (Зульцер, Левитский, 1813: 71), и «целое растение в себе есть без сомнения славная машина». Она хоть и отличаясь от искусственных машин, но намного лучше них, ведь даже растение состоит из других машин, даже пыльца на растениях суть машины: «Каждая из сих пылинок есть весьма удивления достойная машина» (Зульцер, Протопопов, 1777: 55–58). То есть, как писал Лейбниц: «...машины в природе, т. е. живые тела, и в своих наималейших частях до бесконечности продолжают быть машинами» (Лейбниц, Бобров, 1982: 425).

И, конечно же, постижение прекрасного тесно связано не только с познанием мира, но и с добродетельным поведением. Моральные еженедельники, получившие распространение в первой половине XVIII века в Европе, в том числе в Германии, и которые, вероятно, не прошли мимо Болотова (и возможно, Болотов сам хотел выпускать подобный моральный журнал⁵), настоятельно обращают внимание читающей публики на воспитательную ценность прекрасного. Так, исследователь немецких «моральных еженедельников» Вольфганг Мартенс пишет:

Не ссылаясь прямо на античный идеал калокагатии, тесного внутреннего единства эстетически-прекрасного и нравственно-добраго, моральные еженедельники пытаются настоятельно обращать внимание читающей публики на воспитательную ценность прекрасного, прежде всего в поэзии, и тем самым стремятся к подобным же целям. Добродетелен — к середине века это положение делается общим местом — не человек разумный и религиозный,

⁵Болотов вспоминал, что после того, как прекратился выпуск «Экономического магазина», он задумал издавать журнал нравственный, посвященный пользе «детей взрослых и малолетних», приложил к этому довольно много трудов, но у него ничего не получилось, и он в конце концов потерял интерес к этому журналу (Болотов, 1873: 533–534).

но человек, одновременно к тому же и эстетически воспитанный (цит. по: Михайлов, 1975: 515).

Это мир, в котором нет разрывов, мир, который не терпит разрывов. Природа не делает скачков, и все изменения должны быть постепенными — это правило, по которому определяется совершенство мира (Вольф, Жучков, 2001: 296). Конечно, такое представление об устройстве мира легитимизировало социальную иерархию (оправдывало несправедливость, связанную с социальным неравенством) и консервировало социальный порядок, но, как заметил Артур Лавджой, в этом мире:

...подчинение должно быть лишено раболепия. Ни одно создание не было предназначено [...] только для того, чтобы служить благополучию расположенных выше на лестнице. Каждое создание имеет свое независимое основание для бытия; в конечном счете ни одно не является более важным, чем другое; и каждое, следовательно, имеет право на уважение и внимание, право жить своей жизнью и право на обладание всем, что может быть необходимо для исполнения своих обязанностей, для пользования привилегиями и прерогативами своего положения (Лавджой, Софронов-Антомони, 2001: 214–215).

Мир, где нет разрывов, где все происходит постепенно, и царит порядок, не предполагает наличия ничего сверхъестественного, то есть, в этом мире нет чудес, они ставятся под сомнение. Правда есть Откровение и есть опасность, что отрицание чудесного повлечет за собой обвинения в деизме, и даже в атеизме. Однако Христиан Вольф весьма категоричен: «...чудеса противоречат ходу природы и тем самым нарушают его» (Вольф, Жучков, 2001: 299). В чуде слишком много непостоянного, чудо происходит сразу, в одно мгновение, чудо — это скачок, а, значит, разрыв в естественном ходе вещей, разрушение порядка и обрушение постепенности. Поэтому Бог не торопится с чудесами, и там, где можно что-то сделать постепенно, естественным образом, он отказывается от чудес: «Поэтому способ Откровения должен придерживаться сил природы настолько, насколько это возможно» (там же: 342).

Болотов хорошо усвоил подобный ход мысли. Для него чудесное не должно выходить за рамки возможного, за пределы здравого смысла. В своей книге «Детская философия» он учит детей просить у Бога только то, что не противоречит здравому смыслу и установленному порядку природы. Бог не совершает чудеса без особой нужды, и не надо додумывать его разными невероятностями и дурачествами. Нельзя просить у Бога, чтобы остановилось солнце, но можно просить, чтобы

выздоровел близкий человек (Болотов, 2012а: 141–142). То есть, божественное чудо оказывается заперто в рамках возможного. Но в этом случае нельзя определить, что является чудом, а что — результатом естественного хода вещей; нельзя опознать, где работает божественное чудо, а где — естественная причина. Но Болотов, похоже, не пытается задавать себе подобные вопросы; он даже не осознает, в силу пробелов в философском образовании, что он уже в данном случае вплотную приблизился к деизму.

Мир, в котором живет Болотов, уже потерял божественное чудесное, но еще не увидел Человека, способного творить чудеса. Можно вспомнить, например, многочисленные рассказы про «чудеса» науки и техники, или семиотику и метафору чуда в советских нарративах, например, многочисленные рассказы про перевыполнение плана («рабочие такого-то завода совершили чудо, выполнив план в небывало короткий срок»).

Апологетика непрерывности предполагает подозрительное отношение к одиночеству. Для Поупа всеобщая взаимозависимость не оставляет места обособленности: «Нет в свете ничего, чтоб особливо было» (Попе, Поповский, 1802: 42). Цепь бытия соединяет всех и привязывает всех друг к другу. Отшельничество — это не более, чем притворство, каждому человеку нужен хотя бы друг. Каждое существо в мире уникально, неповторимо и заботится о собственном благополучии (любит себя), но даже самая малая частица стремится к союзу, любви и дружбе с другой частицей (переходит от любви к себе к любви к другим существам⁶). Человек сначала любит своих близких, а потом и все общество. Вражда и войны, порождающие разрывы, связаны не с порочностью человеческой природы, а с испорченностью человека, ибо изначальное естественное состояние общества — это мир, любовь и дружба между людьми⁷.

⁶ «...Любовь к самому себе и любовь к другим есть та же и разделиться не может; и чем кто искреннее себя самого любит, тем больше должен стараться о пользе и целости всего общества» — резюмирует Поповский в своем предисловии к поэме Поупа (Попе, Поповский, 1802: 7).

⁷ Поуп вступает в полемику с Гоббсом и Мандевилем, отталкиваясь от мысли Шефтсбери, что люди не смогли бы объединиться в общество, если бы в человеке изначально не было заложено стремление к соединению с другими людьми: «...Если образовывать семью — естественно, если естественные привязанности, забота и воспитание потомства — естественны, если при этом с человеком дела обстоят так, как они обстоят в действительности, и он является созданием с определенным обликом и устройством тела, — то отсюда следует: общество неизбежно и естественно для него, и без общества и союза с людьми

Для Зюльцера одиночество, ведущее к самозамыканию, лишает человека доступа к разнообразию⁸, что, в свою очередь, ведет к умственной, эстетической и моральной ограниченности. Человек, изолированный от общества, лишенный связей с обществом, не может составить о мире и предметах множества понятий, поэтому жизнь его скудна, ему недоступны истинные (умственные) удовольствия. Он просто не знает, что такое счастье и благополучие. Для обозначения такого человека Зюльцер подбирает подходящее английское слово — *Selfness* (Зюльцер, Левитский, 1813: 129). Человек, оторванный от общества, «заключенный» где-то в темном уголке мира, не способен понимать тонкую красоту, ибо «число понятий сего человека будет чрезвычайно мало», его ум будет неподвижен, его душа не сможет развернуться — ей не над чем будет трудиться, и человек будет оторван от истинного удовольствия и счастья, в своем невежестве он будет подобен скотам. Чтобы сделать его счастливым, надо вывести его в большой свет и показать все, что он не мог видеть в своем уединении (там же: 109–110).

Человек, бегущий от людей, а тем паче — человеконенавистник (мизантроп) не склонен к добродетели. Человек от природы желает делать добро, получать удовольствие от добрых поступков — это естественное поведение человека, изначально заложенное в его природе⁹. Но влечение к добродетели надо совершенствовать. Совершенствование добродетельных задатков требует умственной работы. Умственная работа нужна для того, чтобы понять страдания других людей, чтобы проникнуть в чувства другого, проникнуться чувствами другого человека. По мысли

человек не может существовать и никогда не существовал» (Шефтсбери, Михайлов, 1975: 160–161). Спор здесь, конечно, не только об обществе, но и о природе человека.

⁸Совершенство, прежде всего эстетическое, это единство в разнообразии, но Зюльцер отдает предпочтение разнообразию, склоняется в сторону разнообразия, так как разнообразие важнее для человека, а отсутствие разнообразия «бывает для нас несносным» (Зюльцер, Левитский, 1813: 44), не забывая, впрочем, упомянуть, что избыток разнообразия приносит дискомфорт и приводит в замешательство.

⁹Кант в подстрочном примечании в работе «Антропология с прагматической точки зрения» приводит анекдот о Зюльцере (вероятно, не совсем достоверный), где Зюльцер в разговоре с королем Фридрихом II, ссылаясь на Руссо, утверждает, что человек от природы добр, на что король по-французски ответил: «Мой дорогой Зюльцер! Вы недостаточно хорошо знаете эту скверную расу, к которой мы принадлежим» (Кант, Соколов, 1966: 587, 700). Далее Кант, выражаясь довольно туманно, дает понять, что монарх, публично объявивший, что является слугой государства, говоря об испорченности человеческого рода, признается, что вынужден прибегать к дурным методам управления, и, таким образом, получается, что суждения о плохой человеческой природе служат оправданием для скверных методов управления государством.

Зульцера на развитие добродетельных чувств влияет опытность: чем больше человек общается с другими людьми, тем лучше он способен понять их, понять их горести и печали, а, значит, может сопереживать этим горестям и печалям, перенося их на себя. Таким образом количество коммуникаций влияет на качество добродетельных чувств. В свою очередь, чем больше человек совершает добродетельных поступков, тем больше он испытывает удовольствия, и тем ближе он к счастью и благополучию. Соответственно, отделенный от общества человек будет лишен доступа к красоте, добронравию, удовольствию и счастью¹⁰.

Зульцер, сам не замечая того (хотя, как истый рационалист XVIII века он готов «поверить алгеброй гармонию»), находит внешний количественный эквивалент удовольствию и счастью: в одном случае это количество разнообразных понятий о мире, в другом — это количество коммуникаций и социальных связей (хотя, конечно, нравственные чувства, заложенные в природе человека, только к этому не сводятся). Зульцер ставит счастье и благополучие человека в зависимость от разнообразия и тонкости чувств и невольно, но ожидаемо выстраивает своеобразную иерархию, в самом низу которой он помещает тех, кто отлучен от общества, кому недоступно образование, и кто в силу каких-то причин неспособен к напряженной умственной работе: например, живость характера играет в этом случае немалую роль, давая преимущества людям с живейшим телосложением (темпераментом). На низших ступенях иерархии оказываются грубые, оставшиеся в стороне от радостей просвещения народы, которые, в силу своего положения в мире, отчуждены от красоты, добра, изысканных чувств, рафинированного удовольствия и счастья:

Народы, омраченные невежеством, совершенно лишены возвышенных удовольствий. Одни только образованные и просвещенные плавают, так сказать,

¹⁰В данном случае, конечно, не надо выпускать из виду многочисленные нарративы о связи одиночества и истины, существовавшие со времен Античности, и принявшие новый облик в XVIII веке. Например, для Руссо уединение необходимо, чтобы отрешиться от всего «противоестественного» (даже, если это нежелательное одиночество, как, например, у Робинзона Крузо) с последующим определением естественных человеческих потребностей, опираясь на которые необходимо строить жизнь в обществе. Но были и другие способы легитимизации одиночества и даже мизантропии, которые, например, позволили Ломоносову время от времени примерять на себя роль мизантропа (Осповат, 2004), что, впрочем, не мешало ему успешно взаимодействовать с императорским двором (Осповат, 2007); не следует забывать и о постепенной валоризации одиночества и уединения в Европе XVIII века.

в море удовольствий, находя соответствующие всем своим способностям, как чувственным, так и умственным (Зульцер, Левитский, 1813: 68).

Способность благодаря работе ума видеть мельчайшее, обостряет восприятие и чувства, и просвещенные народы «...гораздо чувствительнее ко всем родам удовольствий и досад; они знают их гораздо более, нежели грубые народы, коим невежество не позволяет трогаться множеством вещей, нас трогающих» (там же: 27). Отсюда — культурная дифференциация и различия во вкусах, и поэтому, например, африканские дикари не способны понимать изысканную женскую красоту, в отличие от жителей европейских городов (там же: 61–62). Также в области моральных суждений и поступков «...очевидно, что внимание, размышление и пронизательность производят и усиливают нравственные чувства...», и «...между грубыми народами приметно мало человечества и чувствований. На против того между образованными народами и оне повсюду приметны» (там же: 131).

Однако, если внимательно вчитаться в рассуждения Зульцера, то можно заметить, что он негативно оценивает даже не столько одиночество само по себе, сколько закрытость от мира, которая не позволяет видеть (охватывать умственным взором) разнообразие мира и понимать разнообразные и сложные человеческие переживания. К тому же нарративы о «любовании природой» чаще всего предполагают индивидуальную встречу с природой, что будет особенно заметно потом в романтизме. Для Болотова «любование природой» — это почти всегда сугубо индивидуальное времяпрепровождение, хотя и без специфического романтизированного культа одиночества.

Возможно, Болотов сумел разглядеть оппозицию грубых и тонких чувств в работах Зульцера, возможно его привлекала обрисованная Зульцером иерархия, где он мог бы найти себя на высших ступенях лестницы, что, конечно, подталкивало его к тому, чтобы идентифицировать себя как «любителя природы» и настаивать на этой идентичности вопреки насмешливому неодобрению со стороны грубого, малообразованного провинциального дворянства. Так же, как сделанная Зульцером ставка на открытость, живость характера (не предполагающая разнузданности и порочного поведения), активность в познании мира и природы вполне могла привлекать к себе любознательного, общительного, порывистого и нетерпеливого (как он сам себя характеризовал), деятельного Болотова.

Кроме того, сочинения Зульцера давали Болотову ключ к работе с удовольствиями. В текстах Болотова: и в его «Жизни и приключениях...», и в философских произведениях много внимания уделяется удовольствию. В его знаменитых воспоминаниях регулярно включаются сцены, где он описывает, как получает удовольствие от созерцания природы, от воображаемого созерцания прошлого, просто от встреч и бесед с хорошими, учеными людьми, от собственных поступков и много другого. Слово «удовольствие», синонимичные с ним слова, фразы и словосочетания, отсылающие к удовольствию, очень часто встречаются в его произведениях, даже, если убрать оттуда эпизоды, где слово «удовольствие» используется со смыслом «удовлетворение». Хотя описания получаемого удовольствия довольно однообразны, частота и настойчивость, с которой сообщается о данном эмоциональном состоянии, заставляет предположить, что удовольствия для Болотова не только были своего рода ценностью, но и проблемой. Стремление к удовольствиям для Болотова — это не спонтанная жажда наслаждения, не стихийный гедонизм: скорее, здесь можно найти самоманипулирование. Все, что связано с удовольствиями для Болотова — это серьезная работа над самим собой, это производство удовольствий, это тонкая и тщательная работа с предметным миром в связывании внутреннего удовольствия и внешних предметов.

Болотов никогда не забывает подчеркнуть, что встреча с картинами природы при непосредственном соприкосновении или в воображении всегда сопровождается удовольствием. Это поток удовольствий, который сопровождает поток картин природы и поток восторженного удивления. Картины природы, поток удивлений и поток удовольствий перемежаются, цепляются друг за друга, иногда просто сливаются вместе. Соответственно, предполагается, что взаимоотношения между этими тремя потоками построены по принципу «стимул — реакция», то есть, картина природы вызывает удивление и доставляет удовольствие, и надо благодарить Бога и природу за это благодеяние. В телеологии Болотова, где каждому природному явлению должна быть изыскана цель, важную роль играет именно эта способность природы дарить людям радость и веселие своею красотой, разнообразием, гармонией. Надо только научиться видеть красоты природы. Казалось бы, субъектность и внутренняя активность самого Болотова здесь сведены к минимуму. Однако, Болотов не просто констатирует, что получает удовольствие от того или иного предмета (картины природы, животного, растения и т. д.) или от собственных действий, душевных и телесных состояний.

Он рефлексивирует, ищет, отбирает те или иные виды удовольствия, определяет какие удовольствия пригодны для него, а какие надо исключить, напряженно думает об удовольствиях и их месте в своей жизни. Например, после воображаемого разговора со своей собакой датской породы, Болотов погружается в размышления:

Я мыслил о себе, о других человеках и о всех животных, живущих с нами на земле, а сии мысли нечувствительно завели меня далее. Я углублялся даже в самые философические размышления, мыслил о существе, силах и свойствах душ наших и обо всем происходящем в них. А паче всего о том, отчего происходят в них радости, веселия и удовольствия и чем они нами и как производимы в них быть могут. И размышляя о сем, не однажды восклицал: «О! как это нужно, чтоб иметь нам о том искусстве понятие, которое нам нужно к тому, чтоб уметь в душе нашей производить веселия и удовольствия и не давать зависеть им от одних дорогих и редких вещей или от обстоятельств и происшествий, не состоящих у нас во власти и не зависящих от произволения нашего, а уметь извлекать их всегда, когда ни похотим из всего и из всех окружающих нас вещей и употреблять к тому не только людей, но и самых животных так, как теперь употреблял я к тому центавра моего (центавр — собака Болотова. — А. М.). А наконец, уметь заставляя и самые неодушевленные вещи производить собою удовольствия нам и тем и с своей стороны поспешествовать нашему блаженству» (Болотов, 1993: 323).

Приведенный отрывок очень хорошо показывает отношение Болотова к удовольствиям. Есть некое первоначальное стремление души — стремление к удовольствиям (можно было бы назвать это «либидинальной энергией», но в данном случае лучше воздержаться от психоаналитических терминов). Если для Зюльцера стремление к умственному и нравственному удовольствию — это естественное состояние человека, то есть предмет для удовольствий как бы уже задан, надо только найти его, постигнув разнообразие, красоту, гармонию мира, очистившись от дикости, варварства, глупости, то для Болотова само по себе стремление к удовольствию не имеет ясного предмета, это своего рода смутный объект желания, это могучая беспредметная энергия, давящая на человека изнутри, способная погубить человека толкнув его в сторону порока и безнравственности. Поэтому для Болотова основная проблема — не пробиться к естественному удовольствию, то есть удовольствию от добродетельных поступков, от разнообразия и гармонии мира увиденных с помощью активной деятельности ума, благодаря которой множится количество понятий о мире. Его не заботит проблема «естественного состояния» человека, его основная проблема — это направить энергию

удовольствий в нужное русло, он хочет регулировать потоки удовольствий, разум нужен ему не для того, чтобы прямолинейно подавлять удовольствия¹¹ (как, например, в классическом варианте борьбы разума со страстями, разум у Болотова слишком слаб для открытых репрессий), а для того, чтобы связывать удовольствия с новыми предметами — непорочными и непорицаемыми, и тем самым обезопасить свое социальное бытие, сохранить свою тождественность религиозным принципам, обеспечить бесконфликтное существование в обществе. Кроме того, что любопытно, Болотов пытается найти удовольствия, которые бы помогли ему эмансипироваться от внешнего влияния. То есть, с одной стороны, он пытается минимизировать конфликтность с внешней средой, с другой — ищет способы освободиться от зависимости от внешнего окружения. Именно для этого ему нужны удовольствия. Поиск непорочного, безопасного, эмансипирующего удовольствия заставляет взгляд Болотова искать разнообразие, порядок, гармонию в природе. Больше того, добродетельный поступок (не только по отношению к людям, но и животным), предполагающий эмпатию (удовольствие от удовольствия других) — это для Болотова не столько влечение к естественному состоянию, сколько производство удовольствия в своей душе, помогающее отстраниться от «непригодного» удовольствия в пользу удобных видов удовольствия¹². Это отбор нужных и полезных удовольствий с соответствующим предметным наполнением. Это инвестиции в удовольствия и желания с ожиданием некоторой выгоды для себя, которая состоит еще и в получении дополнительного удовольствия, то есть, приращении

¹¹Здесь необходимо обратиться к основному философскому труду Болотова «Путеводитель к истинному человеческому счастью» (Болотов, 2012b), но, к сожалению, рамки статьи не позволяют подробно рассмотреть проблему удовольствия у Болотова.

¹²Не надо объяснять, насколько такое отношение к моральному поступку не соответствует основаниям и мотивам нравственного закона у Канта. Но не стоит забывать, что, скорее всего, мнение о том, что должна существовать взаимосвязь между добродетельным поступком и удовольствием, было широко распространено в XVII–XVIII вв. Человек должен получать удовольствие от добронравного поступка, «...добродетель заключается в удовольствии духа» (Лейбниц, Юшкевич, 1983: 162). В принципе, человек, даже не получая от благонравного поступка удовольствия в настоящем, должен ожидать «вознаграждения» в будущем, но это слишком абстрактное вознаграждение, которое далеко не всегда перевешивает актуальные переживания — рассуждал Лейбниц в споре с Локком, соглашаясь с ним (там же: 184–211). Многие зависят от воспитания. Но человек сам, своими усилиями может приучить себя к удовольствию от добродетельного поведения: «...Взрослый человек, лишенный отменного воспитания, должен начать... искать светлых и разумных удовольствий, чтобы противопоставить их смутным, но захватывающим нас чувственным удовольствиям» (там же: 188).

удовольствия, что в свою очередь поддерживает состояние внутреннего комфорта, к чему Болотов всеми силами стремится.

Это своего рода производство желаний, производство удовольствий, хотя понятно, что под словом «производство» Болотов понимает изготовление, создание, ни в коем случае не вкладывая в него современные экономические смыслы. Однако здесь можно говорить об экономике и прагматике удовольствий. Для Болотова удовольствия — не только ценность и цель, но инструмент, с помощью которого он, несмотря на всю наивность своих рассуждений, пытается решить собственные социальные и экзистенциальные проблемы.

С наивной прагматикой связана еще одна особенность рассказов Болотова о природе — это повторяющиеся и довольно натужные попытки найти любому природному явлению цель. В данном случае Болотов скорее плохой ученик Зульцера, который в свою очередь в своих суждениях о целесообразности природы движется вслед за Вольфом и Лейбницем. Возможно, не обошлось без влияния Поупа. Когда-то Энгельс писал о плоской вольфовской телеологии, «...согласно которой кошки были созданы для того, чтобы пожирать мышей, мыши, чтобы быть пожираемыми кошками, а вся природа, чтобы доказывать мудрость творца» (Энгельс, Айхенвальд, 1961: 350). Возможно, замечание классика марксизма не совсем справедливо, но разговоры о целесообразности у Болотова намного вульгарней и примитивней даже этой высмеянной Энгельсом телеологии. Болотов лишь хорошо усвоил правило, что у каждого природного явления, даже несущего зло людям, должна быть какая-нибудь цель, часто скрытая от взора человеческого. Он иногда пытается определить эти цели, но специфика его умозаключений состоит в том, что все цели он сводит либо весьма прямолинейно к пользе человека, либо даже только к своей собственной пользе. То есть, Болотов не выходит за рамки незамысловатого антропоцентризма и бесхитростного эгоцентризма: все в природе создано для людей, а самое лучшее место в мире — это то место, где находится сейчас Болотов. И мысли об этом веселят сердце Болотова, и за это он славит Бога и Натуру. К тому же, Болотов неспособен еще признать автономию эстетического и не может отделить красоту от полезности. Поэтому его рассуждения о природе в прозе и стихах иногда имеют комический эффект: либо из-за несуразности обобщений о целесообразности явлений, либо из-за неудобоваримого сочетания прекрасного и полезного, высокого и низкого. Местами в такого рода рассуждениях можно разглядеть

оттенок самодовольства, что и стимулировано сарказм Шкловского, приводившего стихи Болотова как пример его тупости и ограниченности (Шкловский, 1928: 185).

Но помещение человека в центр мира не предполагает ориентацию на модерн, скорее, наоборот, болотовский антропоцентризм отрицает новоевропейского субъекта. Можно, наверное, сказать, что рассуждения Болотова о целесообразности наивны, но, с другой стороны, подобная телеология предохраняла человека от разрыва с миром, предотвращала разрыв между человеком и природой. Если природа служит человеку, если в природе все целесообразно, то вмешательство человека в природу становится излишним, нет необходимости воздействовать на природу, не надо воевать с природой, не надо нарушать природный порядок, созданный Всевышним Творцом. Агрессивность человека по отношению к природе становится избыточной, если природа и так работает на человека. Если человек и может вносить изменения в природу, то очень осторожно, сообразуясь с естественным порядком, и, конечно, изменения эти не должны быть резкими. Природа и Бог уже все дали Болотову, он доволен тем местом, которое занимает в Системе мира, ему остается только радоваться, что Бог ему все дал, и больше нечего ему требовать от природы.

Казалось бы, к Болотову можно отнести ту едкую критику, с которой Поуп обрушился на тех, кто считал, что мир, природа, животные, растения созданы только для человека. Но вряд ли сам Болотов эти строки из «Опыта о человеке» относил к себе. Поуп высмеивает «гордецов» и с опаской смотрит на дискурсы, из которых потом вырос новоевропейский субъект. У Болотова другое настроение: он не гордится своим положением в центре мира, он лишь радуется, что Бог предоставил ему все возможное, чтобы чувствовать себя счастливым и спокойным в данный момент, в данной точке вселенной. Болотовский антропоцентризм и эгоцентризм помогают принять мир без претензий к природе и мирозданию, природа все дала Болотову, ему остается только славить Бога и Природу (Бог и Природа иногда сливаются у Болотова, иногда Природа заменяет Бога), не пытаясь ничего самостоятельно отнять у мира и природы.

Отношения между Болотовым и природой построены по принципу дара. Болотов воспринимает все, что он получает от природы как дар. Природа дарит, а не человек забирает у природы. В процессе «любования красотами натуры» Болотов указывает на те благодеяния, которые приносит природа человеку. Болотов как будто не понимает, что значит

«покорять» природу. Это — несимметричный обмен между природой и человеком. Природа одаривает человека — человек смиренно и с благодарностью принимает дары природы, и тем самым, в соответствии с «экономикой дара» принимает власть природы (и Творца природы) над собой как нечто само собой разумеющееся. Мичуринский лозунг «не ждать милости от природы, взять их у нее — наша задача» совершенно чужд Болотову. Наоборот, человек получает все необходимое для жизни только благодаря милостям природы. На дискурсивном уровне любознательный и деятельный Болотов не видит природу как объект для преобразования.

Любопытно, что в рассказе о своей жизни Болотов время от времени пытается давать оценку событиям, произошедшим с ним, с точки зрения полезности. И он пытается обосновать, почему то или иное, иногда дурное событие, полезность которого не сразу видна, превращается в конечном счете во что-то благополучное для него. Болотов, описывая свою жизнь, исходит из правила, что каждый поворот в его жизни и связанные с ним события — это милость божья, у Бога есть какой-то план жизни Болотова. Самому Болотову этот план неизвестен, но, так как Бог любит Болотова (удачные для него стечения обстоятельств Болотов воспринимает как знаки Всевышнего, указывающие не его покровительство Болотову (Болотов, 1873: 531)), даже неприятные события оборачиваются в конце концов чем-то полезным и необходимым для его жизни в целом (иногда хотя бы тем, что упраздняют непригодную для Болотова жизненную альтернативу) — и Болотов при случае пытается проследить последствия тех или иных событий для него и его жизни. Но в подобных размышлениях о прошедших и актуальных событиях иногда — это заметно — срабатывают механизмы психологической защиты, которые старательно изгоняют из жизни Болотова все негативное, сохраняя неизбывный оптимизм Болотова в отношении прошлого, настоящего и будущего и поддерживая ощущение, что он живет в лучшем из миров для него из всех возможных.

Болотов — оптимист. Он оптимист по своему характеру, он ждет от жизни только хорошего, в том числе от загробной жизни. По отношению к оптимизму XVIII века это могло бы выглядеть как случайность. Но в рассказах о красотах природы болотовский индивидуальный оптимизм сливается с философским оптимизмом: совершенство Природы не оставляет сомнений в том, что мы живем в лучшем из миров. Несмотря

на то, что Болотов старательно позиционирует себя сторонником Крузия и вслед за своим кенигсбергским учителем Даниэлем Вейманом¹³ яростно осуждает Христиана Вольфа за деизм, он, скорее, хотя бы на интуитивном уровне является приверженцем концепции «лучшего из миров», пусть и в неприхотливой, упрощенной, простодушной форме.

Насколько этот оптимизм распространялся на общественные и государственные установления? Видимо, по крайней мере, до какой-то поры, Болотов и в социально-политических институтах видит некоторую законченность, «естественность», устойчивость. Это не отменяет критического взгляда на многое, происходящее в обществе и государстве. Болотов еще не погружен полностью в историческую темпоральность, но уже помещает себя в систему отсчета, где новое лучше старого, что помогает ему с яростью нападать на злящие его обычаи и привычки. Он достаточно критично настроен ко многим существовавшим в то время социальным нормам, он самоотстраняется от многих правил и ценностей маскулинной субкультуры, например, ему претят многие мужские забавы. Любит Болотов побранить начальство, но неспособен предать своих начальников и готов помочь им в трудную минуту даже с ущербом для себя, Он очень плохо относится к фаворитизму, его опытный и рациональный взгляд способен разглядеть недостатки и упущения в организации государственного хозяйства. Больше того, после французской революции Болотову спорадически, почти случайно, как результат печальной встречи с российской бюрократией, приходят мысли, что политический режим в России может быть изменен, что события, подобные французской революции, могут произойти и в России (от чего, конечно, Бог должен сохранить Россию), если министры и бюрократы будут вести себя по-прежнему, то есть препятствовать справедливому разрешению спорных дел (среди которых и дело уже старого Болотова) (Болотов, 1988: 52). Тем не менее, ни о каком радикализме не может быть и речи, лояльность Болотова государственной власти и общественно-политическому устройству не вызывает сомнений ни у самого Болотова, ни у его окружения. Он видит гармонию в природе. В обществе много такого, что препятствует гармонии, но, похоже, это несоответствие мало заботит Болотова. Рассказ о совершенстве природы

¹³Кстати, конфликт учившего Болотова философии в Кенигсберге крузианца Даниэля Веймана с Кантом произошел из-за работы «Опыт некоторых рассуждений об оптимизме», где Кант, вступая в полемику с Крузием, защищает «лучший из миров» (Гульга, 1981: 45–46). Но, как известно, впоследствии Кант весьма негативно оценивал свои ранние работы.

и рассказы о «происшествиях» в общественной жизни не соединяются друг с другом, но можно предположить, что представления о гармонии в природе поддерживали уверенность, что социально-политический порядок в целом не нуждается в изменениях: исторический процесс не терпит разрывов, данный нам государственный порядок есть порядок естественный, несмотря на отдельное зло, творимое отдельными людьми. Но зла и в природе Болотов видит достаточно, и он не знает, как объяснить это зло.

Болотов поразительно беспомощен при решении важной для оптимизма XVIII века проблемы: как объяснить наличие зла в «лучшем из миров». Чаще всего он старается обойти эту проблему стороной. Нельзя сказать, что Болотов даже не пытался найти положительные последствия от злых или бессмысленных явлений природы, как, например, это делал Зульцер, когда подробно описывал, для чего нужны, например, холодные и жаркие бесплодные пустыни и безлюдные горы, пытаясь тем самым убедить, что только глупые люди хотят сей свет лучше сделать (Зульцер, Протопопов, 1777: 264–277). В природе все есть благо. Как упоминалось выше, Болотов усвоил правило, что даже зло в Натуре бывает «не по-пустому» и должно нести пользу человеку, и поэтому, например, отказывается, подобно другим, сетовать на осеннее ненастье или пытается объяснить, для чего нужны наст и морозы на исходе зимы (Болотов, 1993: 277, 333). Но чаще всего после красочных описаний того зла, которое природа несет людям, Болотов радуется, что сам находится в тепле и занимается любимыми делами, и мысль о том, что беды, претерпеваемые другими людьми, проходят мимо него, доставляет ему дополнительное удовольствие.

Французская революция, заставившая содрогнуться добродетельные умы, хотя и не проходит мимо Болотова и будоражит его воображение, но не порождает тяжелых раздумий о разрывах и провалах в мироздании. Что заметно отличает его, например, от Карамзина, который в середине 90-х годов сокрушается о гибели в крови и пламени Века просвещения (Карамзин, 1984а). Но в конце концов Карамзин возвращается к тем же до боли знакомым суждениям (встречаемым у Лейбница, Шефтсбери, Поупа, Вольфа, Зульцера и многих других) о целесообразности зла: если есть гармония в природе, значит должна быть гармония в человечестве, пусть и недоступная простым смертным (разный уровень знаний о мире — у людей и у ангелов — предполагает разную оптику взгляда на мир и разную оценку событий: ангелы знают больше и, соответственно, там, где люди видят неустройство и разрушение, ангелы

видят совершенство); жестокие потрясения в нравственном мире сравнимы с землетрясениями в природе — лиссабонским и мессинским, и так же, как после сих природных катаклизмов, мирная жизнь и процветание снова доступны жителям некогда разрушенных городов, так и в истории человечества темные и жестокие времена сменяют светлые и просвещенные; как и в природе, зло в истории «работает» на благо человечества в целом. Любопытно, что Карамзин приводит примеры не только из мира природных явлений, но и из мира истории, где, как он считает, варварство Средних веков способствовало дальнейшему распространению света наук (Карамзин, 1984с: 188–189), как и в природе зло служит добру. Человек от природы добр, лишь по заблуждению бывает злым, но природа никогда не бывает злой.

В этих текстах Карамзин, как и Болотов, принадлежит оптимизму XVIII века, хотя, конечно, в суждениях, касающихся проблемы зла, Карамзин чувствует себя намного увереннее, чем Болотов. И к тому же оптимизм уже раздражает Карамзина своей абстрактностью: «Оптимизм не философия, а игра ума...» (Карамзин, 1984b: 204)¹⁴. Карамзин видит подступающую новую эпоху; Болотов, похоже, остался верен XVIII веку до конца своих дней.

И для Зульцера, и для Болотова природа — это храм, в котором ничего нельзя и невозможно переделать. «Любование природой» — это своего рода восхождение к храму, непременно сопровождаемое удовольствием, когда человек познает совершенство и гармонию в природе, где все целесообразно и занимает свои, положенные Творцом, места. Но уже к концу XVIII века начинают меняться представления о человеке, о природе, о взаимоотношении человека с природой, об обществе, истории и многом другом. Ко времени написания болотовских писем о красотах природы прошло уже десять с лишним лет с тех пор, как появилась «Критика чистого разума». Уже набирал силу романтизм с его любовью к необычному, индивидуальному, взламывающему границы и выходящему за пределы.

В 1772 году молодой Гете яростно обрушился на Зульцера и его словарь (тот самый, который в 1811 году российская академия во главе с Нартовым признала важным для упражняющихся в российской словесности и рекомендовала к переводу статьи, касающиеся оной) с обвинениями в пустом и унылом морализаторстве, интересном только

¹⁴Об отношении Карамзина с оптимизмом XVIII века см. Галахов, 1858.

школярам и дилетантам. Гете надо было обосновать автономию эстетического, независимость красоты и искусства от морали, добра, и любой другой полезности. Поэтому для Гете уже нет единства и миролюбивого сосуществования между человеком и природой, несущей добро людям, по мнению Зульцера. Красота природы («любование природой») не учит добру, природа несет людям боли и беды, — утверждает Гете, не забыв намекнуть на лиссабонское землетрясение. Природа — это грозная сила, противоположная искусству, так как искусство «...возникает из усилий индивидуума, сопротивляющегося разрушительной силе целого» (Гете, Закс, 1975: 75–76). Природа закаляет человека для того, чтобы человек мог победить природу: «...человек во все эпохи укрепляет себя, чтобы сопротивляться природе, чтобы избегать тысяч исходящих от нее бедствий и в полной мере наслаждаться ее благами...» (там же: 76). Это уже почти доходящий до вражды разрыв между человеком и природой. В борьбе с природой человек обретает свое право на счастье. Вскоре суждения, предполагающие разрыв между человеком и природой, прочно обосновываются в дискурсивном пространстве Европы и России.

Образующийся разрыв между человеком и природой преодолевается за счет возвышения человека. Человек становится преобразователем природы, хозяином природы. Научное знание, полностью отделившись от эстетики и морали, ищет «объективные законы» природы, чтобы с их помощью воздействовать на нее: переделывать, изменять, покорять.

Но не только разум покоряет природу. Красота природы попадает в зависимость от внутреннего состояния человека. Предполагается тесное взаимодействие переживаний человека и образов природы. Зрение становится неустойчивым и подвижным. Культивируется субъективность взгляда, когда волнения души определяют видение природы. Даже если природа не соответствует эмоциональному состоянию человека, то подчеркивается разлад между настроением человека и состоянием природы, то есть человек видит природу, отталкиваясь от своего настроения (например, меланхолия сильнее ощущается в яркий радостный солнечный день). Переживания человека заставляют природу соответствовать им. Картины природы теперь не просто внешний раздражитель человеческих чувств: они становятся частью переживаний, подстраиваются под переживания, получают свою ценность только вместе с субъективными переживаниями человека. Образы природы становятся частью внутреннего мира. Человек не столько отражает природу, как в камере-обскуре, сколько создает природу вместе со своими переживаниями. Природный мир замыкается в человеке.

Уже в «Страданиях юного Вертера» при встрече Вертера с природой «...речь идет не столько о восприятии внешнего мира, сколько о конституировании субъективного мира чувств...» (Кемпер, Жеребкин, 2009: 91). В данном случае речь идет не о эмоционально окрашенном восприятии, а о «сотворении мира» из глубины переполненного сердца, и «Вертер наслаждается не творением божьим, а своим собственным, и своей собственной творческой способностью» (там же: 94–94).

Природа подчиняется переживаниям, природа используется для создания «субъективных» миров, в конце концов, чисто технически природа нужна для демонстрации переживаний и эмоциональных состояний человека. В современной литературе и литературоведении (живописи, фотографии, кино) репрезентация эмоционального состояния человека через картины природы стала своего рода шаблоном: изображения природы раскрывают состояние человека. Картины и образы природы становятся неотделимы от состояния человека и мира, человеком созданного. Случайность человеческого настроения, человеческий произвол дают жизнь картинам природы. Природа лишается самостоятельного существования вне человеческих переживаний.

Между природой и Болотовым складываются своего рода «партнерские отношения». Если и есть асимметрия в этих отношениях, то в сторону природы: Болотов признает ее превосходство над собой. Соответствующим образом устроен взгляд Болотова, который не предполагает никакого влияния субъективности на восприятие красоты природы, в результате чего природа открыта Болотову в своей уникальности и связанности. При доминировании переживаний асимметрия склоняется в сторону человека, переживания господствуют над взглядом, и человеку открываются в первую очередь его собственные переживания, а природа — лишь посредник в этой саморепрезентации и в этом самопознании.

В XIX–XX веках впечатляющими темпами происходит эстетизация природы. С одной стороны, благодаря литературе, живописи, потом и фотографии множится количество образов «красивой природы». С другой стороны не без помощи массового образования растет количество социальных акторов, способных «видеть» красоту природы. С юных лет, со школы современный человек погружен в изображения и образы «красивой природы». При встрече с природой люди автоматически опознают образы, которые знакомы им с детства. Для того, чтобы овладеть искусством наслаждаться «красотами природы» теперь не нужно специальных усилий, не нужно делать выбор в пользу определенно-го типа культурного поведения. Уже в период ранней социализации

знание о том, что природой можно и нужно любоваться, насаждается культурой повсеместно, почти с принудительной силой. Современный человек даже может не вживаться в роль любителя природы, он просто знает, что получать удовольствие от созерцания природы — это норма. Приобщение к «любованию природой» становится неосозанным, спонтанным. «Любование природой» давно вошло в разряд естественного типа поведения. Растворенное в повседневных практиках умение «любоваться природой» теряет часть своей символической значимости (стоимости), и доля этого навыка в структуре культурных капиталов значительно снижается по сравнению с XVIII в. и уже не может быть важным маркером для культурной и социальной дифференциации, как во времена Болотова в России. К тому же где-то с XIX в. на зрение человека налагается другое значимое культурное обязательство: видеть не просто природу, но уметь распознавать и видеть «родную природу», чему тоже обучают, начиная со школьных картинок в букваре, в то время как для Болотова даже любимые им березки не являлись символом «русскости», то есть природа не имела национальной специфики. Расширение возможностей технического воспроизводства образов природы порождает потоки образов, которые отдаляют человека от непосредственного живого восприятия природы, направляют и регулируют взгляд людей при встрече с природой. Возможно, «природа» в современном мире — часть «общества спектакля», если следовать в рассуждениях за Ги Дебором и его критикой капитализма.

После рассказов Болотова о «любовании природой» отношения между зрением и природой значительно изменились, и все изложенное в последних абзацах призвано продемонстрировать в общих чертах, в каком направлении двигались эти изменения.

Источники

- Болотов А. Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков. 1738–1793. В 4 т. Т. 1. — СПб. : Русская старина, 1870.
- Болотов А. Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков. 1738–1793. В 4 т. Т. 3. — СПб. : Печатня В.И. Голвина, 1872.
- Болотов А. Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков. 1738–1793. В 4 т. Т. 4. — СПб. : Типография В.С. Балашова, 1873.
- Болотов А. Т.* Письма к сыну // Наше наследие. — 1988. — № 2. — С. 48–55.

- Болотов А. Т.* Памятник протекших времен, или Краткие исторические записки о бывших происшествиях и о носившихся в народе слухах // Записки очевидца: воспоминания, дневники, письма / под ред. М. Вострышева. — М. : Современник, 1989. — С. 6–276.
- Болотов А. Т.* Избранное. — Псков : ПОИПКРО, 1993.
- Болотов А. Т.* Детская философия // Детская философия. — СПб. : Петрополис, 2012а. — С. 33–350.
- Болотов А. Т.* Путеводитель к истинному человеческому счастью // Детская философия. — СПб. : Петрополис, 2012б. — С. 353–853.
- Вольф Х.* Метафизика / пер. с лат. В. А. Жучкова // Христиан Вольф и философия в России / под ред. В. А. Жучкова. — СПб. : Издательство русского христианского гуманитарного института, 2001. — С. 227–358.
- Галахов А. Д.* Карамзин, как оптимист // Отечественные записки. — 1858. — Т. 116, № 1. — С. 107–146.
- Гете И.-В.* Изящные искусства / пер. с нем. Е. Закс // Об искусстве. — М. : Искусство, 1975. — С. 72–78.
- Зульцер И.* Разговоры о красоте естества / пер. с нем. М. Протопопова. — СПб. : Императорская Академия Наук, 1777.
- Зульцер И.* Новая теория удовольствий / пер. с фр. И. Левитского. — СПб. : Императорская Академия Наук, 1813.
- Кант И.* Антропология с прагматической точки зрения / пер. с нем. Н. М. Соколова // Сочинения. В 6 т. Т. 6 / под общ. ред. Т. И. Ойзермана. — М. : Мысль, 1966. — С. 349–588.
- Карамзин Н.* Мелодор к Филарету // Сочинения. В 2 т. Т. 2. — Л. : Художественная литература, 1984а. — С. 178–183.
- Карамзин Н.* О счастливейшем времени жизни // Сочинения. В 2 т. Т. 2. — Л. : Художественная литература, 1984б. — С. 204–206.
- Карамзин Н.* Филалет к Мелодору // Сочинения. В 2 т. Т. 2. — Л. : Художественная литература, 1984с. — С. 183–189.
- Лавджой А.* Великая цепь бытия : история идеи / пер. с англ. В. Софронова-Антони. — М. : Дом интеллектуальной книги, 2001.
- Лейбниц Г. В.* Монадология / пер. Е. Н. Боброва // Сочинения. В 4 т. Т. 1 : пер. с фр. / под ред. В. В. Соколова. — М. : Мысль, 1982. — С. 413–429.
- Лейбниц Г. В.* Новые опыты о человеческом разумении автора системы пред-установленной гармонии / пер. П. Юшкевича // Сочинения. В 4 т. Т. 2 : пер. с фр. / под ред. И. С. Нарского. — М. : Мысль, 1983. — С. 47–545.
- Михайлов А. В.* Общий комментарий / пер. А. В. Михайлова // Эстетические опыты / Э. Шефтсбери ; коммент. А. В. Михайлова ; пер. с англ. А. В. Михайлова. — М. : Искусство, 1975. — С. 484–519.
- Попе А.* Опыт о человеке / пер. с фр. Н. Поповского. — М. : Университетская типография, 1802.
- Фенелон Ф.* Телемак / пер. с фр. Ф. Лубяновского. — М. : РИМИС, 2011.

- Шефтсбери Э.* Моралисты / пер. А. В. Михайлова // Эстетические опыты / коммент. А. В. Михайлова ; пер. с англ. А. В. Михайлова. — М. : Искусство, 1975. — С. 77–236.
- Шкловский В. Б.* Краткая и достоверная повесть о дворянине Болотове // Красная Новь. — 1928. — № 12. — С. 97–186.
- Сухомлинов М. И.* История Российской академии в 8 вып. // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. — 1878. — Т. XIX, № 1.

ЛИТЕРАТУРА

- Веселова А. Ю.* Натурологическая поэзия А. Т. Болотова // Память как механизм культуры в русском литературном процессе / под ред. Н. В. Володиной, Е. В. Грудевой, Е. Е. Соловьевой. — Череповец : Череповецкий государственный университет, 2014. — С. 28–35.
- Гулыга А. В.* Кант. — М. : Молодая гвардия, 1981.
- Кемпер Д.* Гете и проблема индивидуальности в культуре эпохи модерна / пер. с нем. А. И. Жеребкина. — М. : Языки славянской культуры, 2009.
- Крэри Д.* Техники наблюдателя / пер. с англ. Д. Потемкина. — М. : V-A-C press, 2014.
- Осват К. А.* Sublime misanthrope : Ломоносов в 1760–1761 годах // Новое литературное обозрение. — 2004. — Т. 69. — URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/69/osp11.html> (дата обр. 8 нояб. 2018).
- Осват К. А.* Ломоносов и «Письмо о пользе стекла» : поэзия и наука при дворе Елизаветы Петровны // Новое литературное обозрение. — 2007. — Т. 87. — URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/87/os9.html> (дата обр. 8 нояб. 2018).
- Энгельс Ф.* Диалектика природы / пер. Ю. И. Айхенвальда // Собрание сочинений. В 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс ; пер. с нем. Ю. И. Айхенвальда. — М. : Государственное издательство политической литературы, 1961. — С. 339–626.
- Эткинд А.* Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / пер. с англ. В. Макарова. — М. : Новое литературное обозрение, 2013.

Mal'tsev, A. A. 2019. "‘Vzglyad’ i metafora vzglyada v sochineniyakh A. T. Bolotova [‘Vision’ and the Metaphor of Vision in the Writings of Andrey Bolotov]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* III (2), 15–48.

ANDREY MAL'TSEV
PHD IN SOCIOLOGY; INDEPENDENT RESEARCHER

“VISION” AND THE METAPHOR OF VISION IN THE WRITINGS OF ANDREY BOLOTOV

Abstract: The article explores the problem of “vision” in the writings of the memoirist, scientist, philosopher A. T. Bolotov (1738–1833). German philosophers and especially Johann

Georg Sulzer influenced the “vision” of the nature of Bolotov. Bolotov’s works are analyzed, where he describes how he admires nature. In order to admire the nature it is necessary to adjust the vision correctly so one can see even the smallest of the phenomena of nature and their interconnections. Bolotov uses the metaphor of the machine. A properly adjusted vision sees the uniqueness and expediency of each natural phenomenon. In the present paper the pleasure that Bolotov gets from the contemplation of nature is also investigated. Bolotov observes nature, but doesn’t see himself as a conqueror and converter of nature. Bolotov’s ideas about harmony in nature are consistent with the optimism of the 18th century, but Bolotov is helpless in trying to solve the problem of evil in the “best of worlds”. In addition, in present paper Bolotov’s self-identification through the “admiration of nature” is analysed.

Keywords: Andrey Bolotov, Nature, Visual, Vision, Russian Philosophy of the 18th century, 18th century.

DOI: 10.17323/2587-8719-2019-3-2-15-48.

REFERENCES

- Bolotov, A. T. 1870. [in Russian]. Vol. 1 of *Zhizn' i prikl'yucheniya Andreya Bolotova, opisannyye im samim dlya svoikh potomkov. 1738-1793* [The Life and Adventures of Andrey Bolotov, Described by Him for His Descendants: 1738-1793]. 4 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Russkaya starina.
- . 1872. [in Russian]. Vol. 3 of *Zhizn' i prikl'yucheniya Andreya Bolotova, opisannyye im samim dlya svoikh potomkov. 1738-1793* [The Life and Adventures of Andrey Bolotov, Described by Him for His Descendants: 1738-1793]. 4 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Pechatnya V.I. Golovina.
- . 1873. [in Russian]. Vol. 4 of *Zhizn' i prikl'yucheniya Andreya Bolotova, opisannyye im samim dlya svoikh potomkov. 1738-1793* [The Life and Adventures of Andrey Bolotov, Described by Him for His Descendants: 1738-1793]. 4 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tipografiya V. S. Balashova.
- . 1988. “Pis'ma k synu [Letters to Son]” [in Russian]. *Nashe naslediyе [Our Heritage]*, no. 2: 48–55.
- . 1989. *Pamyatnik protekshikh vremen, ili Kratkiye istoricheskkiye zapiski o byvsikh proisshestviyakh i o nosivshikhnya v narode slukhakh* [The Records of the Old Days, or Brief Historical Notes on Past Occurrences and Rumors That Were in the Air] [in Russian]. In *Zapiski ochevidtsa: vospominaniya, dnevmiki, pis'ma* [The Notes of an Eyewitness: Memoirs, Diaries, Letters], ed. by M. Vostryshhev, 6–276. Moskva [Moscow]: Sovremennik.
- . 1993. *Izbrannoye [Selected Works]* [in Russian]. Pskov: POIPKRO.
- . 2012a. *Det-skaya filosofiya [Philosophy for Children]* [in Russian]. In *Det-skaya filosofiya [Philosophy for Children]*, 33–350. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Petropolis.
- . 2012b. *Putevoditel' k istinnomu chelovecheskomu schastiyu [Genuine Human Happiness Guidebook]* [in Russian]. In *Det-skaya filosofiya [Philosophy for Children]*, 353–853. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Petropolis.
- Engel's, F. 1961. *Dialektika prirody [Dialektik der Natur]* [in Russian]. In *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, by K. Marks and F. Engel', trans. from the German by Yu. I. Aykhenval'd, 339–626. 50 vols. Moskva [Moscow]: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury.

- Etkind, A. 2013. *Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskiy opyt Rossii [Internal Colonization. Russia's Imperial Experience]* [in Russian]. Trans. from the English by V. Makarov. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Fenelon, F. 2011. *Telemek [The Adventures of Telemachus]* [in Russian]. Trans. from the French by F. Lubyantsovskiy. Moskva [Moscow]: RIMIS.
- Galakhov, A. D. 1858. "Karamzin, kak optimist [Karamzin as an Optimist]" [in Russian]. *Otechestvennyye zapiski* 116 (1): 107–146.
- Gete, I.-V. 1975. "Izlyashchnyye iskusstva [Beautiful Arts]" [in Russian]. In *Ob iskusstve [About Art]*, trans. from the German by Ye. Zaks, 72–78. Moskva [Moscow]: Iskusstvo.
- Gulyga, A. V. 1981. *Kant [Kant]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Molodaya gvardiya.
- Kant, I. 1966. "Antropologiya s pragmaticheskoy tochki zreniya [Anthropologie in pragmatischer Hinsicht]" [in Russian]. In vol. 6 of *Sochineniya [Collected Works]*, ed. by T. I. Oyzerman, trans. from the German by N. M. Sokolov, 349–588. 6 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- Karamzin, N. "Filalet k Melodoru [Filalet to Melodor]" [in Russian]. In Karamzin, 183–189.
- . "Melodor k Filaretu [Melodor to Filaret]" [in Russian]. In Karamzin, 178–183.
- . "O schastliveyshem vremeni zhizni [Happiest Time in Life]" [in Russian]. In Karamzin, 204–206.
- Kemper, D. 2009. *Gete i problema individual'nosti v kul'ture epokhi moderna [Goethe und die Individualitätsproblematik der Moderne]* [in Russian]. Trans. from the German by A. I. Zhrebkin. Moskva [Moscow]: Yazyki slavyanskoj kul'tury.
- Kr-eri, D. 2014. *Tekhniki nablyudatelya [Techniques of the Observer]* [in Russian]. Trans. from the English by D. Potemkin. Moskva [Moscow]: V-A-C press.
- Lavdzhoj, A. [Lovejoy, A.] 2001. *Velikaya tsep' bytiya [The Great Chain of Being]: istoriya idei [A Study of the History of an Idea]* [in Russian]. Trans. from the English by V. Sofronov-Antonomi. Moskva [Moscow]: Dom intellektual'noy knigi.
- Leybnits, G. V. [Leibniz, G. W.] 1982. *Monadologiya [Monadology]* [in Russian]. In vol. 1 of *Sochineniya [Collected Works]*, ed. by V. V. Sokolov, trans. from the French by Ye. N. Bobrov, 413–429. 4 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- . 1983. *Novyye opyty o chelovecheskom razumenii avtora sistemy predustanovlennoy garmonii [New Essays on Human Understanding]* [in Russian]. In vol. 2 of *Sochineniya [Collected Works]*, ed. by I. S. Narskiy, trans. from the French by P. Yushkevich, 47–545. 4 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- Mikhaylov, A. V. 1975. "Obshchiy kommentariy [General Commentary]" [in Russian]. In *Sheft-sberi* 1975, 484–519.
- Ospovat, K. A. 2004. "Sublime misanthrope [Sublime misanthrope]: Lomonosov v 1760–1761 godakh [Lomonosov in 1760–1761]" [in Russian]. *Novoye literaturnoye obozreniye* 69. Accessed Nov. 8, 2018. <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/69/osp11.html>.
- . 2007. "Lomonosov i 'Pis'mo o pol'ze stekla' [Lomonosov and 'Letter on the Usefulness of Glass']: poeziya i nauka pri dvore Yelizavety Petrovny [Poetry and Science at the Court of Elizaveta Petrovna]" [in Russian]. *Novoye literaturnoye obozreniye* 87. Accessed Nov. 8, 2018. <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/87/os9.html>.
- Pope, A. 1802. *Opyt o cheloveke [Essay on Man]* [in Russian]. Trans. from the French by N. Popovskiy. Moskva [Moscow]: Universitet-skaya tipografiya.
- Sheft-sberi, E. 1975. "Moralisty [The Moralists]" [in Russian]. In *Esteticheskiye opyty [Essays on Aesthetic]*, comm. by A. V. Mikhaylov, trans. from the English by A. V. Mikhaylov, 77–236. Moskva [Moscow]: Iskusstvo.

- Shklovskiy, V. B. 1928. "Kratkaya i dostovernaya povest' o dvoryanine Bolotove [Short but Trustworthy Story about a Nobleman Bolotov]" [in Russian]. *Krasnaya Nov' [Red Virgin Soil]*, no. 12: 97–186.
- Sukhomlinov, M. I. 1878. "Istoriya Rossiyskoy akademii v 8 vyp. [History of the Russian Academy in 8 issues]." *Sbornik Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy Akademii nauk* XIX (1).
- Veselova, A. Yu. 2014. "Naturoligicheskaya poeziya A. T. Bolotova [The Natural Poetry of A. T. Bolotov]" [in Russian]. In *Pamyat' kak mekhanizm kul'tury v russkom literaturnom protsesse [Memory as a Mechanism of Culture in the Russian Literary Process]*, ed. by N. V. Volodinoy, Ye V. Grudevoy, and Ye. Ye. Solov'yevoy, 28–35. Cherepovets: Cherepovetskiy gosudarstvennyy universitet.
- Vol'f, Kh. 2001. *Metafizika [Reasonable Thoughts on God, the Word, the Soul of Man, and Things in General]* [in Russian]. In *Khristian Vol'f i filosofiya v Rossii [Christian Wolff and Philosophy in Russia]*, ed. and trans. from the Latin by V. A. Zhuchkov, 227–358. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Izdatel'stvo russkogo khristianskogo gumanitarnogo instituta.
- Zul'tser, I. 1777. *Razgovory o krasote yestestva [Dialogues on the Beauty of Nature]* [in Russian]. Trans. from the German by M. Protopopov. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Imperatorskaya Akademiya Nauk.
- . 1813. *Novaya teoriya udovol'stviy [Nouvelle théorie des plaisirs]* [in Russian]. Trans. from the French by I. Levit'skiy. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Imperatorskaya Akademiya Nauk.

БОГДАН ГАЛЬ*

ИСПРАВНИК У ПОСТЕЛИ**

ЗАМУЖЕСТВО ЧЕРЕЗ СУД В СРЕДЕ
МАЛОРОССИЙСКОГО ЧИНОВНИЧЕСТВА КОНЦА XVIII ВЕКА

Аннотация: В российской провинции конца XVIII в. дворянское сообщество через семью задавало индивиду нормы поведения и допустимые отклонения. Соотношение прав сообщества и прав семьи, свободы индивида и семейной дисциплины особенно остро проявлялись в вопросах замужества дочерей. С одной стороны, за отцом признавалось право на отказ от благословения, коль скоро предполагалось, что он ищет для дочери партию более «сходную и равную». С другой стороны, дворянское сообщество и за дочерью признавало право на выражение собственных предпочтений, не подрывающих отцовского авторитета. Конфликтом с перспективой выхода в публичную плоскость была чревата ситуация, когда семейные дисциплинарные практики входили в явное противоречие с брачными стратегиями, трансформируясь из общественно одобряемых в отклоняющиеся. Причины такого отклоняющегося поведения, как правило, слабо или вовсе не проговаривались сторонами. Для перевода внутрисемейного конфликта в публичную плоскость требовалось представить принятое отклоняющееся поведение другой стороны как непринятое (отказ в благословении как уклонение от брака дочери и, наоборот, стремление к замужеству как попрание священной воли отца). В таких случаях посредничество сообщества выражалось в формах как принудительных (вмешательство полиции, судебный процесс), так и добровольных («комиссии» высокопоставленных покровителей). В ходе судебных тяжб отец решал задачу восстановления родительского авторитета (в случае неудачи — лишения дочери материнского наследства), а дочь — получения судебного разрешения на замужество (в случае успеха — еще и доли материнского / отцовского наследства). Выходом из ситуации внутрисемейного конфликта был одобренный или навязанный покровителями взаимный отказ от судебных исков и предоставление дочери части материнского наследства. Однако это не всегда влекло за собой отцовское благословение дочери и зятю, признание их своими детьми и восстановление семейного единства.

Ключевые слова: дворянка, семья, конфликт, суд, брак, покровительство, наследство.

DOI: 10.17323/2587-8719-2019-3-2-49-78.

Я знаю, вы смеетесь над уездными дамами, и Пушкин над ними смеялся... И подлинно, есть много в них смешного, но, может быть, в то же время много и грустного.

В. А. Соллозуб. Метель

*Галь Богдан Александрович, к. и. н., доцент кафедры истории и политической теории Национального технического университета «Днепропетровская политехника» (Днепр, Украина), bogdan.gall@gmail.com.

** © Галь, В. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Жесткое разграничение индивидуального и публичного пространств отошло в прошлое. Современные исследователи либо помещают индивидуальное внутри сферы публичного, либо рассматривают его вкупе с публичным как взаимно ориентированные стороны социальной жизни (Кастан, Неклюдова и Панайотти, 2016: 452; Репина, 1996: 27). Условность принятого ранее разграничения подчеркивают тем, что «индивидуальные» переживания открываются исследователю через «публичные» действия носителей этих переживаний (Глаголева, 1997: 303–304).

До «захвата» публичного пространства модерным государством (и одновременного отграничения пространства индивидуального) публичные функции осуществлялись раннемодерными патрон-клиентскими группами, члены которых, одновременно, удовлетворяли свои частные интересы (Арьес, Неклюдова и Панайотти, 2016: 24–25). Группы же обеспечивали стабильность публичного пространства через подчинение индивидуального поведения общепринятым, т. е. групповым нормам, а также санкционировали некоторые отклонения от них (Шартье, Неклюдова и Панайотти, 2016а: 449). Распространение и внутреннее усвоение социальных ролей и правил осуществлялось через семью. Таким образом, индивид с его желанием жить для себя, с одной стороны, был ограничен групповым этикетом и семейной дисциплиной, а с другой — мог искать защиту от крайностей семейной дисциплины в сообществе, а от группового гнета — в семье (там же: 448).

Ситуация выхода совершеннолетней девушки из родительской семьи и создания собственной позволяет анализировать норму и отклонения в функционировании раннемодерной семьи и, шире, сообщества, проявления власти и подчинения, индивидуального и публичного в «женском мире» и за его пределами.

Следуя за «пристрастными» источниками, часть которых представлена в Приложениях, рассмотрим случаи замужества через суд двух девушек из среды малороссийского чиновничества: Анастасии Петровны Милорадович, в замужестве Лашкевич (1769–1833) и Прасковьи Акимовны Сулимы, в замужестве Войцехович (1777–1817). Это яркие примеры семейного конфликта, противопоставившего в публичном пространстве индивида и семью, и нашедшего свое разрешение через посредничество высокопоставленных представителей дворянского сообщества (Шартье, Неклюдова и Панайотти, 2016b: 664; Репина, 2008: 12–13).

БРАЧНОЕ ПОВЕДЕНИЕ: ОТКЛОНЕНИЯ ПРИНЯТЫЕ И НЕПРИНЯТЫЕ

Вопрос нормы, а также принятых и непринятых отклонений во взаимоотношениях между родителями и детьми в российских дворянских семьях относится к числу не вполне проясненных (Каменский, 2007: 272; Маслійчук, 2007: 337–338). Принято считать, что семейные узы были крепкими, хотя и несколько формальными (В. А., 1884: 334). Внутрисемейные отношения строились на всевластии главы семьи, на зависимости прав и обязанностей членов семьи от пола и возраста, на господстве общих семейных интересов над индивидуальными и на огромном значении общественного мнения для семьи (Миронов, 2000: 257). Это предполагала традиция, так требовал закон. В частности, «Правила добронравия» из «Устава благочиния или полицейского» от 8 апреля 1782 г. определяли родителей как «властелинов над своими детьми» (Устав благочиния, 1830: 465).

В то же время семьи часто были неполными, и это вносило коррективы во внутрисемейные отношения. М. Раев и Р. Уортман пишут об «отсутствующем отце» во многих дворянских семействах (служил вдали от дома или, создав семью на склоне лет, умирал до того, как дети выросли), не уточняя, была ли эта модель типичной для всего дворянского сословия (Уортман, Долбилов и Севастьянов, 2004: 178). Но в случаях Анастасии Милорадович и Прасковьи Сулимы отсутствовала мать. София Степановна Милорадович, в девичестве Полуботок (1747–1773) умерла в 26 лет во время родов или в течение года после них, Мария Павловна Сулима, в девичестве Скорупа (1753–1783) умерла в 30 лет во время родов.

Вероятно, в связи со смертью матери девушки с ранних лет получали воспитание вдали от дома. Прасковья Сулима содержалась в глуховском¹ пансионе Анны Ляянс. Анастасию Милорадович отец² в малолетстве передал под опеку дяди, Андрея Степановича³, в имении которого Воронкове она и «обучалась в мадам». В июне 1783 г. по просьбе тещи Анастасии Степановны Полуботок, в девичестве Леонтович (ум. 1802), отец прислал дочь в бабушкино имение с. Боровичи «для обучения

¹Уездный город Глухов Новгород-Северского наместничества.

²Милорадович Петр Степанович (1723/4–07.01.1799) — черниговский полковник (1762–1782), генерал-майор (1783). На 1786 г. во владении числилось 5281 душа м. п. в 2 местечках, 2 селах, 35 деревнях, 3 хуторах (Модзалевский, 1912: 518).

³Милорадович Андрей Степанович (1726/7–1796) — правитель Черниговского наместничества (1781–1796), генерал-поручик (1779).

хозяйства» (Любецкий архив графа Милорадовича, 1898: 66). Накануне и во время последовавшего судебного процесса отец всячески пытался преуменьшить время, проведенное дочерью у бабушки («временно прибыла в сказанной бабы своей в с. Боровичах»), в то время как дочь определяла «пробывание мое у бабушки весьма уже от давних времен, а не по случаю какому, на время сюда приехавши оставалась бы; тут воспитана, так как угодно было отцу, чрез благодетельницу и попечительку мою» (там же: 94, 62). Соответственно, в ситуации вынужденного выбора между стороной отца и бабушки Анастасия Милорадович сделала однозначный выбор в пользу последней («дочь моя мне персонально отвечать не устыдилась сими словами: что она состоит не в моей воли, меня не слушает и со мною не поедет») (там же: 65).

Целью воспитания дворянских девушек считалось привлечение будущих мужей. Вступление в брак представлялось реализацией нормативного и превалярующего жизненного сценария⁴, а любые стратегии, исключавшие пребывание женщины в браке, девальвировались (Белова, 2010: 292–293; Абрамс, Незлобина, 2011: 84). Возраст вступления в брак для женщин не был раз и навсегда определен. Так, в последней четверти XVIII в. церковь и действовавший на Левобережье Литовский статут устанавливали бракоспособный возраст для женщин в 13 лет, а гражданский закон — в 16 лет (Миронов, 2000: 167; Пушкарева, 1997: 157). В самой дворянской среде обнаруживалась тенденция к повышению брачного возраста, и в начале XIX в. представительницы привилегированного сословия выходили замуж, как правило, в возрасте от 17 до 23 лет (там же: 158).

И бабушка, и отец называли Анастасию Милорадович, которой едва исполнился 21 год, совершеннолетней. С точки зрения брачных перспектив бабушка определяла возраст внучки как «не к летам, но из лет идет» и «не в таких летех она, чтоб ей ожидать неизвестного жениха» (Любецкий архив графа Милорадовича, 1898: 53, 55). На ироничное предложение зятя отписать внучке с. Боровичи как «способ, через который она скоро помолодеет», Анастасия Степановна отвечала:

Нет, дайте ей и весь свет, то ничто не поможет наградить потерявший лета; а особливо ее и меня тревожат ежедневно видимые образцы, как то Борознина дочь, которая еще мене старее, в девках по сие время, несчастные

⁴Согласно расчетам Б. Н. Миронова, брачность была почти всеобщей, — в конце XVIII в. всего около 1% мужчин и женщин никогда не состояли в браке к 60 годам (Миронов, 2000: 172).

Лизогубовны и Гудовичева, а к ним Базилевскозна, которая 70 тысяч имеет денег и 600 душ (Любецкий архив графа Милорадовича, 1898: 52–53).

Прасковье Сулиме шел «уже двадцать четвертой год от рода», когда она решилась на разрыв с отцом, «не предвидя далее ни чего для себя полезного и прочного» (ИР НБУВ. п. 5. 15244–15333. Арк. 243–243зв.).

Разница в возрасте между девушками и их женихами составляла в случае Анастасии Милорадович 4 года (т. е., была близка к условно «идеальной»), а в случае Прасковьи Сулимы — 23 года. И, похоже, что последнее не было таким уж исключением из правил, и, вообще, о правиле можно говорить условно. В близком окружении девушек разница в возрасте между супругами составляла: у родителей Анастасии Милорадович — 24 года, у родителей Прасковьи Сулимы — 16 лет, у родственников Сулим Лобысевичей — 23 года, у брата Анастасии Милорадович — 7 лет, у ее кузины — 2 года, у сестры Прасковьи Сулимы — 13 лет.

Влечение, которое девушка испытывала по отношению к жениху, могло опираться на сложную комбинацию из всех ее стремлений и расчетов (Репина, 2008: 13). Сохранившиеся свидетельства мало говорят об аргументах выбора Анастасии Милорадович и Прасковьи Сулимы, но позволяют сделать вывод, что речь шла скорее о приобретении желанного статуса в возрасте, воспринимаемом как критический, чем о воссоединении с по-настоящему любимым человеком.

Анастасия Милорадович в письмах к отцу сообщала, что жених И.С. Лашкевич⁵ «явился не противным» и что вопрос женитьбы не встал бы так остро, если бы «не угрожало меня, Боже сохрани, по смерти вашей и бабушки остатся в девках»⁶ (Любецкий архив графа Милорадовича, 1898: 58–59). Эмоции прорвались наружу, лишь когда Анастасия Милорадович вспоминала брату услышанные от него однажды слова:

...дожду я того, что ты будешь у мене дети нянчить. Сие посля воспитания вам данного и просвещенности, как вы о себе заключаете, не воспрепятствовавшее

⁵Лашкевич Иван Степанович (1765–1822) — подполковник в отставке.

⁶«Ежедневно видимые образцы», о которых писала бабушка Анастасии Милорадович, и страх внучки «остатся в девках», представление Прасковьи Сулимы о вдвое старшем женихе как о партии «сходной и равной» во многом объясняется картиной черниговского губернского общества, которую оставил малороссийский генерал-губернатор А.Б. Куракин в письме из Чернигова от 5 августа 1802 г.: «Чернигов, сам по себе был бы хорошим городом [...]. Но в нем нет совершенно общества. Никто из дворян, кроме чиновников, никогда там не жили; из тех которые состоят на действительной службе, есть только 4–5, которые женаты» (Куракин, Несвитская, 1909: 50).

вам изрекли мне. Я слышав, помню, должна одинажды навсегда так расположить себя, чтоб не быть вам слугою и нянею детей ваших, но соответственно моему имению жить (Любецкий архив графа Милорадовича, 1898: 63).

Об условной «бесчувственности» говорят и аргументы в пользу брака Прасковьи Сулимы, которая «по долгом, тщательном, и зрелом разсуждении, и соображении всех домашних обстоятельств, не предвидя далее ни чего для себя полезного и прочного» нашла в лице И. А. Войцеховича⁷ «партию сходную и равную» (IP НБУВ. II. 5. 15244–15333. Арк. 243–243зв., 246). Впрочем, нельзя исключать и того, что отсутствие в переписке и судебных бумагах упоминаний об эмоциональной стороне отношений может быть следствием холодного расчета обеих девушек (или совета их покровителей), которые не желали давать аргументы в суде противоположной стороне.

Наиболее деятельное участие в заключении брака принимали, как правило, старшие родственницы невесты. Исследовательница предположила, что речь идет о незамужних родственницах, для которых это носило компенсаторный характер (Белова, 2010: 338). Однако в случаях Анастасии Милорадович и Прасковьи Сулимы это было не совсем или совсем не так. У бабушки А. С. Полуботок на момент конфликта с зятем умерли муж и обе дочери, но выросло трое внуков, между которыми она обещала разделить наследство. Именно бабушка в конце января 1789 г. дала И. С. Лашкевичу согласие на брак со своей внучкой, не дожидаясь решения отца (благодарственное письмо И. С. Лашкевича датировано 27 января 1789 г.).

Прасковья Сулима сама выбрала дальнюю родственницу⁸, которую просила представлять в суде свои интересы: «Милос[тивая] Государ[ыня] моя! по родству Вашему со мною я избираю орудием к сему вас» (IP НБУВ. II. 5. 15244–15333. Арк. 246). При этом Екатерину Михайловну Лобысевич, в девичестве Губчиц (ок. 1754–1824), у которой было трое собственных детей, не остановило и то, что ее муж Афанасий Ки-

⁷Войцехович Иван Андреевич (1754–1821) — советник Черниговского наместнического правления (1787–20.11.1801), коллежский советник (1797), статский советник (1799), председатель Пензенской палаты гражданского суда (1801–1806–?), действительный статский советник (1803), пензенский вице-губернатор (?–1817–1819), в отставке с полным пансионом (05.03.1819).

⁸Ни бабушек, ни родных теток к тому времени не было в живых.

риллович Лобысевич⁹ был в тот момент подчиненным отца Прасковьи Сулимы¹⁰. Впрочем, длившееся три года сватовство И. А. Войцеховича одобряемо было, по словам Прасковьи Сулимы, «всем здешним обществом, а почетнейшие чиновники [...] многократно представляли отцу моему что Г-н Войцехович по всем отношениям есть партия для меня сходная и равная, а потому просили о принятии Его в наше семейство» (IP НБУВ. II. 5. 15244–15333. Арк. 243–243зв.).

Среди тех, кто просил за И. А. Войцеховича, Прасковья Сулима называла черниговского (малороссийского) гражданского губернатора Я. Л. Бакуринского, его преемника на посту малороссийского гражданского губернатора М. П. Миклашевского, малороссийского вице-губернатора П. Г. Коропчевского, архиепископа Черниговского и Нежинского Виктора, архимандрита Елецкого монастыря Феофана, казначеев черниговского губернского И. И. Навроцкого и поветового М. А. Павловского (IP НБУВ. II. 5. 15051–15242. Арк. 56). Кроме того, искания жениха поддерживал родной брат А. С. Сулимы епископ Слободско-Украинский и Харьковский Христофор Сулима (IP НБУВ. II. 5. 15051–15242. Арк. 49–50зв., 57–57зв.).

«Непросвещенным» поведением вполне образованных людей¹¹ называли случаи, когда отцы навязывали дочерям партию или отказывали претендентам на руку их дочери в пользу других, более подходящих претендентов, не учитывая мнение самой невесты (Глаголева, 1997: 300). И хотя это и было противозаконно, это воспринималось сообществом как приемлемое отклонение от условно нормального типа поведения¹². Как писала зятю бабушка Анастасии Милорадович, «если при том у вас есть жених на примете такой отделной, какого вы желаете, то сему не грех и отказать» (Любецкий архив графа Милорадовича, 1898:

⁹Лобысевич Афанасий Кириллович (ок. 1732–до 1805) — коллежский советник (1797), советник I-го департамента Малороссийского генерального суда (04.03.1797–14.05.1802), действительный статский советник (1800).

¹⁰Сулима Аким Семенович (1737–1818) — генерал-майор (1778), генеральный судья I-го департамента Малороссийского генерального суда (1797–1802), действительный статский советник (1797), тайный советник (1799). На 1802 г. во владении числилось 1310 душ м. п. в Переяславском, Стародубском и Мглинском поветах (Модзалевский, 1914: 811).

¹¹Малороссийский генерал-губернатор А. Б. Куракин в письме из Чернигова от 5 августа 1802 г. определял А. С. Сулиму как «человека с большим образованием» (Куракин, Несвитская, 1909: 50).

¹²Пример одобряемого сообществом «замужества добром» предлагает история сватанья в 1787 г. брата Анастасии Милорадович к Александре Павловне Кочубей (1769–1838) (Как сватались сто лет назад, 1898).

52–53). Но особенностью случаев Анастасии Милорадович и Прасковьи Сулимы было то, что их отцы отказали претендентам на руку дочери, недостаточно (по мнению невесты и окружающих) или вовсе не аргументировав свой отказ и не предложив альтернативы¹³.

Сперва, по словам П. С. Милорадовича, он не мог согласиться на брак дочери, «ни за господина Лашкевича, ни за кого другого, не зная ни дому, ни имения его, ни уделу»¹⁴ (Любецкий архив графа Милорадовича, 1898: 52). Потом объяснял свой отказ невозможностью решиться «на всекрайнейшее расположение о дочери моей, имея у себя, по воле Божией, толко ее одну, в таком важном пункте, каков есть сей», рассчитывая, что в дальнейшем она получит жениха «превосходнейшего дарованиями, соразмерно собственного состояния достойного»¹⁵ (там же: 55). Наконец, отец Анастасии Милорадович глухо указывал на «многие резоны, которые тебе неизвестны, что сей жених ни с какой стороны и ни почему быть тебе не может [...] о которых ни тебе, ни бабушке твоей объявлять на письме неудобно, а после ты словесно услышишь» (там же: 58, 59). Поскольку эти причины так и не были названы, суды обоснованно посчитали их плодом воображения отца невесты.

В отличие от П. С. Милорадовича и, возможно, под влиянием его судебной тяжбы с дочерью, А. С. Сулима отдавал претенденту на руку дочери «всю справедливость» и соглашался считать его «достойною партиєю» (из письма М. П. Миклашевского от 26 сентября 1798 г.), однако, что касается брака, «давал всегда ответы в неопределенных выражениях состоявшие, которые ни отказа, ни согласия в себе не заключали» (ИР НБУВ. II. 5. 15244–15333. Арк. 56, 243).

¹³И. С. Лашкевич в письме невесте сообщал о якобы высказанном ее отцом намерении отдать ее руку какому-то лифляндцу, но, скорее всего, это лишь оборот речи («отдать в жены первому встречному»), а не истинное намерение отца девушки (Любецкий архив графа Милорадовича, 1898: 71).

¹⁴Это едва ли соответствовало действительности, потому что в то же время П. С. Милорадович подстрекал тещу к распределению наследства между его детьми, упоминая, что «господина Лашкевича мать записала сына своим отческую свою деревню» (там же: 52). Кроме того, на родных сестрах И. С. Лашкевича были женаты троюродный брат П. С. Милорадовича Петр Антонович (ок. 1755–после 1824) и кузен его невестки Михаил Семенович Кочубей (1751–после 1791).

¹⁵Вероятно, в качестве образцового отец рассматривал брак ее старшего брата Г. П. Милорадовича с представительницей богатейшего и влиятельнейшего семейства на Левобережье, а кроме того, племянницей всемогущего А. А. Безбородка.

СУДЕБНЫЕ ТЯЖБЫ: ИЕРАРХИИ И СЕТИ

Далеко не все конфликты внутри семей становились предметом публичного разбирательства, но нет сомнений, что российские подданные видели в многообразных и в массе своей сословных судах средство защиты и механизм регулирования отношений с родственниками (Каменский, 2007: 290; Бербэнк, 2004: 329). Среди прочих нередко обращались в суды и дворянки¹⁶, и особенно часто — в левобережных губерниях, успешно защищая свои права собственности (Маррезе, Лужецкая, 2009: 276; Маслійчук, 2007: 316).

Для того, чтобы обратиться в суд, стороне истицы требовалось перевести поведение отца невесты из разряда принятых отклонений в неприятные. С этой целью бабушка Анастасии Милорадович («не явное ли ваше открывается нежелание видеть дочь вашу замужем») и Прасковья Сулима («отец мой весьма удален от того, что бы меня выдать») обвиняли отцов в нежелании выдавать дочерей замуж вовсе, а не только за конкретного просителя руки (Любецкий архив графа Милорадовича, 1898: 55; IP НБУВ. II. 5. 15244–15333. Арк. 246).

Неизвестно наверняка, какими правовыми знаниями обладали дворянки и какова была их роль в составлении исков (Маррезе, Лужецкая, 2009: 277). Анастасия Милорадович «хвалилась» брату, что «и закон гражданский мне известен, а особливо сего края книга [Литовский] статут; по оной и другим давно могла и должна иметь свое достояние и волю располагать собою» (Любецкий архив графа Милорадовича, 1898: 63). Так же и Прасковья Сулима не только ссылалась на Статут, но и подкрепляла прошение указанием на конкретные раздел и артикул: «...и испросить по силе права Книги Статут раз[дела] 5-го артик[ула] 9-го себе изволения от уряду на выход в замужество» (IP НБУВ. II. 5. 15244–15333. Арк. 246). Впрочем, отец Анастасии Милорадович предполагал, что и письма, и прошение в суд писал от имени дочери опытный юрист, брат бабушки Г. Г. Фридрикевич¹⁷. Так же и в случае с Прасковьей Сулимой нельзя исключать, что письмо с прошением было составлено женихом.

¹⁶Современные исследователи не фиксируют случаев жалоб в суд детей на родителей, иногда специально оговаривая их отсутствие, что делает особо интересными случаи Анастасии Милорадович и Прасковьи Сулимы (Каменский, 2007: 287).

¹⁷Фридрикевич Григорий Григорьевич (?–1797) — председатель Черниговской палаты гражданского суда (1782–1797), статский советник (1784), действительный статский советник (1793), умер бездетным, состояние оставил сестрам по матери, в том числе А. С. Полуботок.

Непосредственно в суде девушки и их покровительницы не присутствовали. Интересы Анастасии Милорадович и ее бабушки как истцов в Сосницком¹⁸ уездном суде представлял поверенный Терентий Санчевский, а интересы бабушки и ее брата Г. Г. Фридрикевича как ответчиков в Городненском¹⁹ уездном суде — поверенный Каленовский. 11 июля 1790 г., т. е. через год после свадьбы Анастасия Лашкевич дала улиточную запись²⁰ своему мужу на ведение дел, поскольку «по женскому состоянию моему, не в силах я лично в судебных местах производить о сем дело» (Любецкий архив графа Милорадовича, 1898: 112). От имени И. С. Лашкевича дела также вел поверенный Антон Андреевич Войцехович²¹.

В деле Прасковьи Сулимы поверенные не упоминаются. Весной 1800 г. девушка обратилась к своей родственнице Екатерине Михайловне Лобысевич:

...решилась я наконец прибегнуть к покровительству законов [...]; но как мне самой живущей под непосредственною властью отца моего ни как не можно зделать в Суд отзыва: то к вам Милостивая государыня моя, яко к родственнице моей, в сем случае прибегая, покорнейше прошу подать за меня от имени своего в Суд Земский Повега Черниговскаго прошение (IP НБУВ. II. 5. 15244–15333. Арк. 243зв.–244).

22 мая 1789 г. Сосницкий уездный суд в неполном составе из двух заседателей рассмотрел дело и принял постановление «дозволить просительки Настасьи Милорадовичевне вытить в замужье» (там же: 98). На следующий же день, 23 мая Анастасия Милорадович обвенчалась. В дальнейшем решение Сосницкого уездного суда в порядке апелляции было подтверждено постановлением Новгород-Северского верхнего земского суда (5 декабря 1790 г.).

24 мая 1800 г. земский суд Черниговского²² повета выдал истце аналогичное свидетельство в подтверждение права заключить брак. Основанием стал высочайший указ от 22 декабря 1785 г. (право распоряжения имуществом по достижении 21 года), раздел 6 артикул 1 (наступление совершеннолетия по достижении 13 лет), раздел 8 артикул 4 и раздел 9 артикул 2 Литовского статута (право уряда давать

¹⁸Уездный город Сосница Новгород-Северского наместничества.

¹⁹Уездный город Городня Черниговского наместничества.

²⁰Договор об уступке прав на наследство.

²¹Войцехович Антон Андреевич (1757/9–после 1808)— судья Городненского уездного суда (1785–1787), коллежский ассессор (1786), родной брат И. А. Войцеховича.

²²Губернский город Чернигов Малороссийской губернии.

девицам разрешение на брак с благородным женихом). Предварительно суд подтвердил указанные в прошении свидетельства о благоволении жениху со стороны местного сообщества и собрал сведения «о чине, о поместье в сем повете, и о достоинствах Господина Статского Советника Войцеховича ничем неупослеждающих состояния девицы Сулиминой» (IP НБУВ. II. 5. 15244–15333. Арк. 242–242зв.).

Опротестование этих решений в судах предполагало со стороны отца также перевод поведения дочери из разряда принятых отклонений в неприятые. А. С. Сулима, возможно, что под влиянием примера своего предшественника, не стал этого делать. А вот П. С. Милорадович не только подал апелляции, но и начал параллельные судебные процессы против родственников, а также задействовал внесудебные механизмы преследования.

В письмах теще, а потом в прошении в Городненский уездный суд П. С. Милорадович писал о разврате дочери и непослушании отцу, презрении ею долга в повиновении и почитании родителя, оскорблении отца, неблагопристойном и вредном честности поведении, неисполнении воли отца, других непристойностях против отца (там же: 66, 85–86). Со слов отца и Г. П. Милорадович²³ обвинял сестру в притворстве, обмане, отречении от власти отца и, наконец, в провоцировании «к удалению отца толпою подлых людей. Поступок вовсе противный природе и всяким и везде законам» (там же: 61). Как резюмировала эти обвинения бабушка в письме зятю, «описали ея пред правительствами с такой стороны, с которой любящие своих детей отцы помыслить бояться» (там же: 64). Жениху И. С. Лашкевичу вменялось в преступление то, что «более шести душ во владении нету», т. е. что партия не может считаться сходной и равной (там же: 141).

Неудавшаяся 27 марта 1789 г. попытка увезти дочь из имения брата тещи Г. Г. Фридрикевича и судебное разрешение на ее замужество подвигли П. С. Милорадовича инициировать три судебных процесса.

Во-первых, он подал в Городненский уездный суд иск «о безчестии и обиде, причиненной ему Милорадовичу, в с. Смячи со стороны Фридрикевича и Полуботковой» (там же: 60). В решении от 14 ноября 1789 г.

²³Милорадович Григорий Петрович (1765–1828) — малороссийский почт-директор (1789–1792–?), статский советник (1795), генеральный судья во II департаменте Малороссийского генерального суда (1797–1802), действительный статский советник (1801), тайный советник (1802).

суд удовлетворил иск в части требования наложения штрафа (в размере годового генеральского жалованья) и публичного признания вины. По апелляции иск рассматривался во II-м департаменте Черниговского верхнего земского суда, который в ноябре 1790 г. присудил штраф разделить пополам между А. С. Полуботок и Г. Г. Фридрикевичем и отказать в требовании тюремного заключения ответчиков. Недовольный истец передал дело в порядке апелляции далее в Черниговскую палату гражданского суда, о чем писал сыну: «...ежели суд или палата гражданская приговорит тещи и Фидеркевичу вежу²⁴, то я оным в таком случае и приговоренным ныне верхним земским судом безчестием доволен бы был» (Любецкий архив графа Милорадовича, 1898: 211–212). На момент примирения сторон в октябре 1791 г. иск П. С. Милорадовича по поручению исполняющего должность малороссийского генерал-губернатора М. Н. Кречетникова находился «под рассмотрением» в Киевской палате гражданского суда.

Во-вторых, 9 августа 1789 г. П. С. Милорадович подал прошение в Городненский уездный суд об отречении от дочери и о лишении ее права на материнское имение. Ссылаясь на раздел 8 артикул 7 (разрешение родителям отречься от детей) и раздел 5 артикул 8 (лишение отцовского и материнского наследства при выходе замуж без родительского разрешения) Литовского статута, истец утверждал, что «оному недвижимому жены моей материстому имению остается один законный наследник сын мой, надв. сов. Григорий Милорадович, и чтоб показанная Лашкевичева до сына моего ни под каким предлогом за оное имение дела и никакой претенсии не имела» (там же: 110). Прошение судом было принято и вписано в крепостную книгу, но, похоже, не рассматривалось, а через два года иск был истцом отозван.

В-третьих, 3 сентября 1789 г. П. С. Милорадович подал в Новгород-Северское. наместническое правление жалобу на заседателей Сосницкого уездного суда за неправомерное решение. Жалоба была передана на рассмотрение в Новгород-Северский верхний земский суд, где решением от 5 декабря 1790 г. было подтверждено постановление Сосницкого уездного суда (при двух судьях, включая председателя, оставшихся «при своем мнении»). Напротив, Новгород-Северская палата гражданского суда, рассматривавшая дело в порядке апелляции, решением от 29 января 1791 г. постановила «уничтожить» предыдущие постановление и приговор. Основанием для подобного двусмысленного решения стала

²⁴Личный арест.

ссылка на неполный состав Сосницкого уездного суда, рассматривавшего дело (два заседателя без судьи и секретаря) и нарушение нормы раздела 5 артикула 8 Литовского статута (требование предварительно уведомлять уряд об отказе отца выделять дочери материнское имение). Это, в свою очередь, вынудило уже Анастасию Лашкевич подать апелляцию в 3-й департамент Сената, где дело и было остановлено в 1791 г. при последовавшем примирении сторон (Любецкий архив графа Милорадовича, 1898: 115).

В письме к сыну от 2 апреля 1791 г. П. С. Милорадович предлагал еще опротестовать в суде проект завещания А. С. Полуботок, но, скорее всего, прошение в суд подано не было (там же: 219).

Кроме того, П. С. Милорадович преследовал дочь и всех, кто оказывал ей поддержку, во внесудебном порядке. Так, после неудачной попытки забрать дочь домой он исходатайствовал у брата предписание Черниговского наместнического правления вернуть Анастасию Милорадович в дом отца силами уездной полиции. Исполняя это предписание в с. Смяч выезжал Городненский нижний земский суд во главе с земским капитаном-исправником. Г. Г. Фридрикевичу, С. С. Леонтовичу²⁵ и его жене, а также А. С. Полуботок были вручены «повестки с требованием оной Милорадовичевой дочери и дачи нужного к следствию показания». Тем не менее, исправнику не удалось вернуть Анастасию Милорадович отцу. Бабушка А. С. Полуботок, «извиняя оную девицу болезнию, вводила нижний суд в ту комнату, где сия в постели больною оказывалась, тамо суд ее уговаривал в послушности отцу, напоминая обязанности детей родителям и чтобы к повиновению воле его ехала к нему з земским исправником, но тут девица представляла, якобы не может сего исполнить по болезни» (там же: 87–88). После того, как в комнате стали собираться дворовые люди Г. Г. Фридрикевича, суд во главе с исправником ретировался из с. Смячи, не доводя дело до столкновения. Такое поведение городненского исправника стоило ему впоследствии проблем по службе, о которых глухо упоминал И. С. Лашкевич в письме к жене от 7 августа 1790 г. (там же: 123).

Кроме того, П. С. Милорадович еще до рассмотрения прошения дочери в Сосницком уездном суде просил епископа Новгород-Северского и Глуховского Иллариона, чтобы местные священники не венчали его дочь, и получил в марте 1789 г. следующую резолюцию: «Я уже дал

²⁵Леонтович Степан Степанович (?–до 1797) – полковник в отставке, родной брат А. С. Полуботок, умер бездетным.

на примечание дикастерии, [...] чтобы недремленно наблюдали за священством, дабы беглых от родителей отнюдь венчать не дерзали» (Любецкий архив графа Милорадовича, 1898: 95). Впоследствии, дело священника, венчавшего Анастасию Милорадович, действительно разбирала дикастерия, и бабушка А. С. Полуботок напоминала новобрачным о необходимости заступиться. Наконец, А. С. Полуботок писала к И. С. Лашкевичу, что «в доми же Войцеховичей все суд попечатал, так сказывают, но я не знаю совершенно» (там же: 190). Возможно, это был только слух, но, скорее всего, она не исключала, что это могло быть мезьей со стороны П. С. Милорадовича за то, что А. А. Войцехович вел в суде дела И. С. Лашкевича.

Для решения дел в свою пользу и создания благоприятного общественного мнения обе стороны стремились заручиться поддержкой многочисленных друзей, знакомых, местных и столичных клиентов и покровителей (родственников и земляков). Дела П. С. Милорадовича вели его сын Григорий Петрович («отец дал ему верующее мирится, но Г. П. от того удаляется, ища всемерно сестру обидить») и брат Андрей Степанович («нечестивого дядка; по всему видно, что он то и всему причиною, как и отец мне пояснял, что я во всем слушаюсь брата и поступлю неинако, как он мне советует») (там же: 135–136, 162). Их сторону открыто держали председатель II-го департамента Черниговского верхнего земского суда И. А. Каниевский, стряпчий того же суда Р. И. Маркович, а также, вероятно, председатель Новгород-Северской палаты гражданского суда И. Я. Селецкий и поручик правителя Черниговского наместничества Я. Л. Бакуринский, который представлял сторону старшего Милорадовича во время примирения (там же: 135). Кроме того, многие помогали им советами и составлением бумаг, о чем неоднократно упоминали П. С. Милорадович («постарайся, поговори [...] из другими своими приятелями», «поступи, так как сам знаешь, посоветовавшись с приятелями») и И. С. Лашкевич («столько ненавистников!», «имеют помощников плутов дюжину», там же: 77, 126, 211, 215). Предполагая, что содержание писем может стать известно посторонним, П. С. Милорадович в письмах к сыну не называл открыто некоторых своих поверенных («в отводе моем, который писан в Батурине известным тебе человеком», «надобно зараз ехать в Батурин к известному тебе человеку») (там же: 217, 220).

После передачи дела на апелляцию в Сенат П. С. Милорадович надеялся заручиться поддержкой высокопоставленных петербургских земляков: А. А. Безбородка, П. В. Завадовского, И. С. Судиненко и Д. П. Тро-

щинского, «чтобы они учинили милость вспомоществование, дабы оная апелляция после подачи приняла надлежащее свое действие» (Любецкий архив графа Милорадовича, 1898: 215). Однако, похоже, что в Санкт-Петербурге сторону П. С. Милорадовича был готов поддержать лишь А. А. Безбородко, наиболее тесно связанный с ним свойством («примечаю, что граф Б(езбородко) вступается за нашего родича») (там же: 141).

Дворянки также опирались на помощь высокопоставленных покровителей и были мастерицами добиваться протекции через сети патронажа (Маррезе, Лужецкая, 2009: 277, 288). Но в данном случае поддержку Анастасии Милорадович и ее бабушке обеспечивали жених (а после — муж) И. С. Лашкевич и бабушкины братья Г. Г. Фридрикевич и С. С. Леонтович. Из открыто поддержавших сторону дочери местных чиновников упоминался приятель И. С. Лашкевича, советник Черниговской палаты уголовного суда С. А. Ожегович фон Винарец, К. А. С. Полуботок и ее брату был отлично расположен малороссийский генерал-губернатор П. А. Румянцев-Задунайский. Однако последний не был намерен открыто вмешиваться в тяжбу, что отлично понимали Лашкевичи: «...сколько я могу понимать содержание нашего дела, то должен вам сказать, что граф настоящего конца не зделает и предаст на рассмотрение судам, что до крайности продлится» (Любецкий архив графа Милорадовича, 1898: 82–83). При таком раскладе ключевые чиновники заняли выжидательную позицию, чему в Санкт-Петербурге удивлялся А. Р. Воронцов в разговоре с И. С. Лашкевичем: «почему не вошел в дело ни губернатор²⁶, ни прокурор²⁷ Новгород-северские» (там же: 135)?

Таким образом, судьба одной из трех затеянных П. С. Милорадовичем судебных тяжб, как и перспективы разрешения семейного конфликта в целом должны были решиться в столице, среди покровителей той и иной стороны, которых оказалось немало. Как писал И. С. Лашкевич жене 11 августа 1791 г., «оба мы имеем хороших и славных тут защитников, но Бог знает на чью сторону дело будет» (там же: 140). На исход повлияло то, что большинство покровителей, прекрасно относясь к Г. П. Милорадовичу как мужу племянницы А. А. Безбородка («Г. П. доброй человек кажется и [...] видно отец сие делает», по выражению

²⁶Бибиков Илья Богданович (1739–1806) — правитель Новгород-Северского наместничества (?–к. 1783–к. 1791–?), генерал-поручик (1786).

²⁷Юзефович Алексей Евстафьевич — новгород-северский губернский прокурор (?–к. 1783–к. 1792–?), коллежский советник (1785).

Д. П. Трощинского), склонялись принять аргументы его сестры, которую воспринимали как обделенную наследством (Любецкий архив графа Милорадовича, 1898: 140).

Такое восприятие дела обеспечила позиция графа П. В. Завадовского, переговорившего лично со всеми заинтересованными лицами и организовавшего их встречи с И. С. Лашкевичем. Почему граф так активно вступился за сторону Лашкевичей, не ясно до конца, — то ли имела место просьба его покровителя П. А. Румянцева-Задунайского, то ли сказались тесные родственные связи с Лашкевичами. Однако, ему удалось исключить вмешательство в дело А. А. Безбородка («граф в сие дело не войдет») и гарантировать И. С. Лашкевичу благоприятный исход в Сенате: «Будьте уверены, ничего не опасайтесь и ничего, что принадлежит жене вашей по матери, не уступайте!» (там же: 137).

СЕМЕЙНОЕ ПРИМИРЕНИЕ КАК РАЗДЕЛ ИМУЩЕСТВА

Разговоры об условиях, на которых было возможно даже не столько примирение сторон, сколько удовлетворение взаимных претензий, велись с самого начала конфликта и проявляли истинные мотивы его основных участников.

П. С. Милорадович неоднократно предлагал теще разделить имение, отписав внучке с. Боровичи, тем самым повысив шансы Анастасии Милорадович найти достойного жениха (ноябрь 1788 г.). Впрочем, в разгар конфликта он уже обвинял тещу в том, что давнее ее обещание «осталось в неправде и есть во всем сему суцая ложь и обманство» (октябрь 1790 г.) (там же: 52, 210).

В свою очередь, теща предлагала зятю отдать дочери полагающуюся той часть наследственного имения (май 1789 г.) (там же: 64). Судя по письму Григория Петровича, П. С. Милорадович давал детям согласие на раздел материнского наследства (но не на брак дочери), однако при условии возвращения Анастасии в отцовский дом, что было неприемлемо для девушки, поскольку, как она писала брату, «не утверждаете никаким добрым и надежным уверением» (там же: 61, 63).

В связи с венчанием Анастасии Милорадович ее бабушка в письме от 29 мая 1789 г. безрезультатно обращалась к зятю с предложением отказаться от тяжб. Параллельно с судебными тяжбами представители сторон (со стороны дочери — Г. Г. Фридрикевич, а со стороны отца — Я. Л. Бакуринский) вели переговоры об условиях заключения мирового соглашения. В ноябре 1790 г. П. С. Милорадович не исключал подписания договора, если по нему сыну отойдет с. Полуботки из бабушкиного

наследства, «но однакож после подачи апелляции в гражданскую палату, а отнюдь не прежде, дабы мне чрез потсудные дела болше безчестия не претерпеть», т. е. соглашение понималось им как прекращение лишь части судебных тяжб (Любецкий архив графа Милорадовича, 1898: 211–212).

Когда дело дошло до петербургских родственников и покровителей, тем показалась более конструктивной позиция И. С. Лашкевича: «...когда можно прекратить такие в фамилии вражды неделающие чести, то я с моей стороны считал бы сие за счастье и удовольствие» (там же: 135–136). По неоднократным переговорам П. В. Завадовского (представлявшего сторону дочери) и А. А. Безбородка (представлявшего сторону отца) в августе 1791 г. было принято решение все тяжбы «миром прекратить» (там же: 142). Это было воспринято с облегчением не только И. С. Лашкевичем, но Г. П. Милорадовичем, предложившим своему недавнему визави возвращаться домой из Санкт-Петербурга одним экипажем. Напротив, оно было встречено отцом как вынужденная неизбежность: «...по совету его сиятельства равно и брата Андрея Степановича, я принужден согласится в разсуждении разных обстоятельств и затруднений» (там же: 218). При этом П. С. Милорадович требовал от сына проследить, чтобы его сестра «во всем призналась покаянием», и чтобы в мировых от обеих сторон не было упоминаний о его имени, «ибо я о сем ни почему и ни для чего никогда не соглашуся и не согласен» (там же: 219). Как и ранее в случае с материнским имением, единственным «законным наследником» своего имения он считал сына, а в примирении с тещей видел способ закрепить за сыном часть еще и бабушкиного наследства.

В рамках согласованного и подписанного мирового соглашения П. С. Милорадовича (от его имени — А. С. Милорадович), Г. Г. Фридрикевича и А. С. Полуботок все три инициированные П. С. Милорадовичем против родственников и заседателей Сосницкого уездного суда тяжбы были «оставлены, уничтожены и преданы вечному забвению». 16 октября 1791 г. А. С. Полуботок сделала уступочную запись своих имений внукам: Г. П. Милорадовичу, А. П. Лашкевич и Н. М. Стороженко²⁸. В свою очередь П. С. Милорадович объявил, что отечески простил дочь и зятя, возвратил им звание своих детей, позволил учинить раздел материнского имения, благословил их брак и «принял в совершенную

²⁸Стороженко Николай Михайлович (ок. 1770–1815) — штаб-квартирмейстер в штабе графа П. А. Румянцева (1791), был женат на кузине Анастасии Милорадович Марии Андреевне (1772/3–1851), умер бездетным, его недвижимость отошла к Милорадовичам.

родительскую милость, любовь и благопризрение» (Любецкий архив графа Милорадовича, 1898: 114, 115).

Неформальное же примирение отца с дочерью произошло лишь спустя семь лет после подписания мирового соглашения. Все эти годы П. С. Милорадович отказывался принимать семью дочери в своем доме. Лишь в октябре 1798 г. бывший черниговский архиепископ, а на тот момент киевский митрополит Иерофей уговорил П. С. Милорадовича дать личное благословение семье дочери (там же: 149). Через две недели после этого разговора И. С. и А. П. Лашкевичи побывали в доме отца, который отпустил их с «грешным родительским прощением и благословением». В первом за долгие годы письме к теще П. С. Милорадович просил милостивого прощения за прегрешения «от неведения моего или же неосторожности» (там же: 150). Еще через два месяца, помирившись с ближайшей родней, он скончался. Другой участник тяжбы, его сын Г. П. Милорадович настолько сблизился с семьей сестры, что даже был восприемником ее детей.

В случае Прасковьи Сулимы отец девушки не стал подавать апелляции на решение суда о разрешении замужества, но прекратил какое-либо общение с новой семьей. Неизвестный посредник, в котором угадывается муж Екатерины Михайловны и подчиненный А. С. Сулимы А. К. Лобысевич брался уладить вопрос с разделом материнского имения. В недатированном письме, относящемся к концу мая 1800 г., он передавал отцу «комиссию» М. П. Миклашевского, по которой отцу предлагалось купить дочери деревню «когда, и где пожелает» с «уступкой на известное» со стороны дочери и отказом зятя и тестя от взаимных претензий (ИР НБУВ. II. 5. 15051–15242. Арк. 55). Под «уступкой на известное», вероятно, имелось в виду письменное раскаяние дочери, о котором шла речь в другом письме того же посредника. Письменное раскаяние было подписано замужней дочерью и передано отцу, но прощение в ответ так и не было получено. В результате посредник открыто обвинял А. С. Сулиму в лжесвидетельствовании и тем самым оправдывался перед семьей И. А. Войцеховича, которую невольно обманул: «Публика не отсуживает ни рук ни ног, правда; но отсуживает добрыя качества, когда дело о нравственности; и где она видит уловку, там проворству разума дивятся, но от сердца такого, вся и на век отвращается» (ИР НБУВ. II. 5. 15244–15333. Арк. 258зв.–259зв.).

Сохранился список движимого имущества, полученного Прасковьей Войцехович «в Сулимовке от батюшки», датированный 3 октября 1809 г. (ИР НБУВ. II. 5. 15244–15333. Арк. 248–249зв.). Шла ли речь о материнском наследстве, неизвестно. Вопрос этот решался через поверенных, поскольку семья Войцеховичей в то время находилась в Пензе. Ровно через год, а именно 5 октября 1810 г. Прасковье Войцехович и ее младшей сестре Марии Маркевич (1783–до 1839), также вышедшей замуж вопреки воле отца, была выдана выписка из решения земского суда Переяславского²⁹ повета о подтверждении прав собственности относительно доли отцовского имущества:

...с времени выходу их в замужество не имеют никакого участия в недвижимых и движимых имениях от доходов из оных полученных по правам Малороссийским им принадлежащих в сем случае в охранение своем том права их на прошедшее и будущее время дабы паче всякаго чаяния молчание их чрез десять лет не было обращено во вред их (ИР НБУВ. II. 5. 15244–15333. Арк. 247зв.).

Судя по всему, в этом случае личное примирение отца с дочерью так и не произошло. Последней записью в дневнике А. С. Сулимы стало известие о смерти дочери (1817), а в начале следующего 1818 г. его самого не стало. Возвращению И. А. Войцеховича с детьми на родину предшествовала любезная переписка с братом сестры Акимом Акимовичем³⁰: «Нет ничего приятнее, как видеть себя с родными своими первый раз, в доме матери» (Сулимовский архив, 1884: 285). В письме упоминались дом матери Прасковьи Сулимы и могила ее бабушки, отец же поневоле превратился в «фигуру умолчания».

Описанные случаи отстаивания девушками в суде своего права на реализацию нормативного жизненного сценария демонстрируют, что провинциальная незамужняя российская дворянка с невыделенным имением не была такой уж маргинальной. В случае конфликта поведенческих предписаний она могла успешно лавировать между семейной дисциплиной и общественным этикетом, заручаться судебной поддержкой сообщества против деспотического родителя и гарантировать свои имущественные права.

²⁹Уездный город Переяслав Полтавской губернии.

³⁰Из-за бездетности Павла (1779–1812) и Акима Акимовичей Сулим (1780–1840) Войцеховичи и Маркевичи разделили в последующем наследство А. С. Сулимы, и к И. А. Войцеховичу отошли все его полтавские имения.

ПРИЛОЖЕНИЯ

№ 1.

[СВИДЕТЕЛЬСТВО, ВЫДАННОЕ ЗЕМСКИМ СУДОМ
ЧЕРНИГОВСКОГО ПОВЕТА ДЕВИЦЕ П. А. СУЛИМЕ,
В ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ПРАВА ВЫЙТИ ЗАМУЖ, 24 МАЯ 1800 Г.]³¹

По указу Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссийскаго, из суда земскаго повета Черниговскаго Его Превосходительства Господина Тайнаго Советника и Кавалера Акима Семеновича Сулимы дочери девице Прасковье Акимовне Сулиминой

Свидетельство

Настоящаго мая 23 дня Госпожа Коллежская Советница Катерина Лобисевичева поданным в сей суд земский прошением, прилагая письмо оной девицы Сулиминой к ней госпоже Лобисевичевой от того ж 23 числа мая списанное, коим она изъясняя, что проходит уже третий год, как Господин Статский Советник Иван Андреевич Войцехович ищет ея Сулимину в супружество, и ей позволительно было надеяться, что отец ея не будет противитися оному; ибо искание Ивана Андреевича одобряемо было всем здешним обществом; а почетнейшие чиновники, яко-то: Тайный Советник Яков Леонтьевич Бакуринский, Малороссийский / Губернатор Михаил Павлович Миклашевский, и Статский Советник Коропчевский многократно представляли отцу ея, что Господин Войцехович по всем отношениям есть партия для ея Сулиминой сходная и равная, и потому просили о принятии его в их семейство; но на прозбы, советы, и убеждения вышеписанных Господ отец ея давал всегда ответы в неопределенных выражениях состоявшие, которые ни отказа ни согласия в себе не заключали, не имело лучшаго успеха и милостивое предстательство Преосвященнейшаго Виктора Архиепископа Черниговскаго и Нежинскаго, который вместе с Архимандритом Елецкаго Монастыря нынешняго Епископа Феофана в присудствии Казначеев Губернскаго Навроцкаго, и поветоваго Павловскаго умоляли отца ея дать ей изволения на помянутый брак, но равномерно получили таковой же неопределительный ответ; и так по долгом тщательном и зрелом разсуждении и соображении всех домашних обстоятельств, непредвидя далее ничего для себя полезнаго и прочнаго решилась она Сулимина

³¹ Публикуется по: IP НБУВ. п. 5. 15244–15333. Арк. 241–242зв..

наконец прибегнуть к покровительству законов, и просить / себе позволения от уряду на выход в замужество за Господина Войцеховича, имея на то право в разсуждении ея совершеннолетия, поелику ей Сулимовой уже двадцать третий год отрода; Но как де ей Сулимовой самой живущей под непосредственную властию отца ея, никак невозможно сделать в суде отзыва, то к просительнице Лобисевичевой в сем случаи прибегая просит, подать за ея от имени своего в суд земский повета Черниговскаго прошение, дабы выдан ей Сулимовой позволительный вид на таковое супружество, и оной ей доставить; и изъясняя она просительница Лобисевичева в оном прошении, что она ведаая и сама, что Господин Сулима подлинно не желает ея Сулиминой выдать, и удостоверяя толико справедливому ея требованию, просит суда на основании права Книги Статут раздела 5. артикула 9го дать ей Сулиминой таково на выход в супружество за Войцеховича позволение, и оное для доставления Сулиминой, поручить Лобисевичевой. **Приказали:** Статутоваго права высочайше Малой России подтвержденнаго раздела 6. по артикулу 1^{му}, совершенные лета положены мужчине 18, а девице 13 лет; по Высочайшему Указу 1785 Года декабря 22го д. состоявшемуся, в таковых летах, каковы Госпожа Сулимина себя показывает 23 / не только считается особа та совершеннолетнею, но в 20 с годом и имением уже всяким располагать властна; по 8^{му} артикулу 4 раздела на случай бы девицы без воли родителей замуж пошли, поступать по 9^{му} артикулу того ж раздела, а в оном 9м артикуле в §2^м узаконено «Если бы девица имела лета свои, а братья или дяди удерживая ея не хотели бы ея замуж выдать, тогда однак своевольню ни за кого итти не имеет, но должна дать знать до уряду чрез родственников или чрез сосед или чрез кого нибудь, а уряд взявши о том певную ведомость, что они близкие, в которых опека есть, замуж ея выдать не хотят, должен ей позволить замуж итти, но за шляхтича, а не за простаго стану человека». По силе коих прав, и согласно оным зделаннаго отзыва, по доволному свидению самага сего уряда о чине, о поместье в сем повете, и о достоинствах Господина Статскаго Советника Войцеховича ничем неупослеждающих состояния девицы Сулиминой, но как сама она изъясняет, желанию ея соответствующих, и по уверению пред урядниками сего суда особ в письме Госпожи Сулиминой изъясненных, и самой просительки Госпожи Коллежской Советницы Лобисевичевой, что отец ея не желает выдать ея в замужество, Суд сей почитая то за певную ведомость, находит справедливостию дать ей Госпоже Сулиминой на выход в замуже за помянутого Господина Войцеховича позволение; для чего выдать

просительке Госпоже Коллежской Советнице Лобисевичевой; которое за подписью и печаткою уряда и поручается 1800 Года Маия 24 дня.

Судья Земский Иосиф Дебогория Мокриевич
Подсудок земский Григорий Пригара
За Писаря возный земский Григорий Скибановский

№ 2.

[ЗАПИСКА НЕИЗВЕСТНОГО К А. С. СУЛИМЕ, НЕДАТИРОВАННАЯ]³²

Михайло Павлович давал мне комиссию. Я видя что в ней никакого мастерства нет, а одна простота святая, принял пересказать оную. И вот она.

Вместо бриллиантов на 8 тысяч пятьсот рублей; дать

деньгами 8500 р.

Обещаемых деньгами 12000 р.

Итого 20500 р.

1. На сии деньги, буди милость отцова купить дочери деревню, когда, и где пожелает в 20500 р.
2. Дочь даст уступку на известное.
3. От мужа ея ни чего не требовать который и сам ни чего не требует себе и жене своей кроме прощения и благоволения, и сего прежде всего.
4. Последнее желание и прозьба М. Павловича, не можно ли чтоб сие при нем, на возвратном Его приезде из Церковица в Чернигов кончилось сказанием вашего благоволения.

№ 3.

[ПИСЬМО НЕИЗВЕСТНОГО К И. А. ВОЙЦЕХОВИЧУ (?)
С ВЛОЖЕНИЕМ КОПИИ ПИСЬМА К А. С. СУЛИМЕ (?),
БЕЗ НАЧАЛА, НЕДАТИРОВАННОЕ]³³

Копия

И так в[аше]. П[ревосходительство], по случаю прозбы моей об отпуске ко мне на работу человека вашего Василия, дали мне знать, что негодование ваше на дом замужней дочери вашей так велико, что вы с оным никакой связи иметь не желаете, и боитесь чтоб оный Василий туда не зашел. Сие не ожиданное объявление ваше как ударом меня поразило;

³²Публикуется по: IP НБУВ. п. 5. 15051-15242. Арк. 55.

³³Публикуется по: IP НБУВ. п. 5. 15244-15333: Арк. 258-260.

ибо я с дня на день ожидал, и право от вас данное имел ожидать, хотя то уже и поздно, оставления вашего гнева, и на место онаго возвращения к ней дочери вашей отческой милости. Правда в[аше]. П[ревосходительство] вы как отец, во гнѣве и милости вольны; но дозвольте доложить что когда вам угодно было в свое семейное дело употребить сторонняго человека, то уже вы не свою волю, но справедливость в разсуждении сего сторонняго наблѣсть обязаны; и когда справедливость такова что оною мы в данном слове и не приятелям должны, то не изъять благодетель в разсуждении одолженнаго, каковым я быть честь имею. Ибо милости ваши мне не могли быть оказываемы в таком намерении чтоб возыметь вам право зделать меня орудием несправедливости, чтобы я кого уговаривал, обращая, уверяя, клялся в таком чем нибудь чему никогда не бывать, чтоб под видом / благоволения кривалось: я никакой связи иметь не буду. Что сие последовало между отцем и детьми, тому не я судьбою, но что те клятвы мои были ни детские, ни подступныя, ни лживыя, в том я пред публикою оправдаться должен, пред которою я досели молчу, и удаляюсь от оной, и от всяких изъяснений.

Публика не отсуживает ни рук ни ног, правда; но отсуживает добрыя качества, когда дело о нравственности; и где она видит уловку, там проворству разума дивятся, но от сердца такого, вся и на век отвращается. Оправдание мое пред нею будет не что другое как с дозволения вашего рассказ точности как все происходило, или сие чтение, чего для меня и довольно. И когда сего для меня довольно, подумайте ваше П[ревосходительство]. Не будет ли для другаго кого ущербу. И вот как происходило, и буде что не так уличите меня прежде.

При отъезде моем на каникулы изволили мне сказать чтоб Я не отъехал не доставив вам с уряда раскаяния дочери вашей, и судовой выписи. Знать оное раскаяние весьма вам нужно было, что отъезд мой остановили. Оное раскаяние только списано моею рукою, а сочинено вашею. Я при взятии на себя комиссии вам той весьма желанной, / доложил в[ашему]. П[ревосходительству]. что берусь доставить вам удобное; хотя б тут на горло написано было, уговорю подписать, естли простите дочь вашу и моего доброхота. Первой раз сказали повижу как подпишут; и когда сие слово меня в сомнении оставляло, а я хотел вернаго сказал, конечно подпишут, да простите ли и примите ль в свою милость и благоволение: то в[аше]. П[ревосходительство]. отвечали своим ртом, без сомнения. На сем я условия от вас пошел, уговорил, списали, пошли, на уряд подали, и вам выпись доставлена. Где ж то прощение, буде раскаяние для прощения требовано, а не другаго чего?

Извините в[аше]. П[ревосходительство]. где бывают условия, там могут быть и требования; и сего вопроса не почтите за дерзновение но за право сказать и повторить, где то прощение, надежда слабостей человеческих, а паче детских. Я об оном с пути писал но в[аше]. П[ревосходительство]. ни письмом ни словом ни делом за благо разсудили не отвечать как бы рабу, а дело идет о моей чести не пред одними детьми вашими, но пред всею публикою, которая вся за ними интересуется. Разве никакого условия не было, ничего не говорено, ни делано? Сказать не делано, а играно, я не могу и подумать. И как я между отцем и детьми игры подозревать ни когда не мог, а полагал чистосердечие, щитая оному тут, между ими собственное природою определенное священное оному место: то думаю что всяк в сем деле веру мою к вам простодушием и легкомыслием укорять пожалеет. Пойду с дозволения вашего П[ревосходительства]. к доброхоту моему и к дочери вашей, с коими в два месяца не вижусь, с упокоренною честностию сказать, что я одну душу имел а не две, одною говорил, одною верил. Буду пред ними и пред публикою а хотя б и пред Судом в лживом моем поступке оправдываться теми самыми словами и уверениями которья здесь написал которые от отца и благодетеля слышал. Протчее пред Богом сердцевидцем. /

Вот мое оправдание на то что я с вами два месяца не виделся. Какое то будет ваше что вы меня два месяца не видите, что меня описывали? Несвиданья моего намерение мое было чтоб батюшке вашему сказать что он меня лишил онаго, зделав мои уверения лживыми;

А ваше какое? Будь доброю, желаю. Поищите пожалуйста хотя благовиднаго, и изготовте; скоро приду онаго послушать.

Посылаемое при сем отправлено вчера.

№ 4.

[ВЫПИСКА ИЗ РЕШЕНИЯ ПЕРЕЯСЛАВСКОГО УЕЗДНОГО ЗЕМСКОГО СУДА,
ВЫДАННАЯ П. А. ВОЙЦЕХОВИЧ И М. А. МАРКЕВИЧ,
В ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ПРАВ СОБСТВЕННОСТИ НА ЧАСТЬ
ОТЦОВСКОГО ИМУЩЕСТВА, 5 ОКТЯБРЯ 1810 Г.]³⁴

По указу Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссийскаго из Переясловскаго Поветового Земскаго Суда, Действительнаго Статскаго Советника Ивана Войцеховича жене Парасковии Якимовне Войцеховичевой, и Штабс капитана Михайла Маркевича жене Мариин Якимовне Маркевичевой.

³⁴Публикуется по: IP НБУВ. п. 5. 15244–15333. Арк. 247–247зв..

Выпись.

Означенные Войцеховичева и Маркевичева поданным в сей суд прошением изъяснили, что они именованные рожденныя от Тайнаго Советника Якимя Семеновича Сулимы и Марии Ивановны урожденной Искоруп, с времени выходу их в замужество не имеют никакого участия в недвижимых и движимых имениях от доходов из оных полученных по правам Малороссийским им принадлежащих в сем случае в охранение своем том права их на прошедшее и будущее время дабы паче всякаго чаяния молчание их чрез десять лет не было обращенно во вред их, они по сей крайности и руководствуясь на защищение каждого собственности правилам установленным Книги Статут раздела 4го в артикуле 91^м вынуждаются просить о исполнении того в Малороссийских правах установленного обряда; вследствие того и просили с прописанием одного изготовить родителю их тайному советнику и орденов Святыя Анны первой степени и Святаго равноапостола Владимира второй степени / Кавалеру Якимю Семеновичу Сулиме по изъясненному праву Книги Статут упоминательный лист, оный надлежащим порядком вручить ему и их снабдить из онаго и донесения суду каковое от вознаго в последствии того упоминательного листа поручения доставлено будет судовою выписью; в сходство котораго их Войцеховичевой и Маркевичевой прошения и учиненнаго в сем Суде прошлаго Апреля 28го числа определения выпущен из сего суда упоминательной лист сего 1810го Года Мая 17го Господину Действительному Статскому Советнику и Кавалеру Якимю Сулиме; которой чрез вознаго сего суда Созоновича по отлучке Господина Тайнаго Советника и Кавалера Якимя Семеновича Сулимы положен сего 1810го Года Июня двадцать шестого числа в селе Сулимовке, о чем и сия выпись просителькам Госпожам Действительной Статской Советнице Парасковии Войцеховичевой, и Штабс капитанше Маркевичевой, из Переясловскаго Земскаго Поветоваго суда за подписом присутствующих и с приложением казенной печати данна, 1810го Года Октября 5. Дня.

Земской Судия Павел Соломка
Земской Подсудок Ефим Сорокин
Земский Подсудок Андрей Лисенко

Указные казенны пошлины

Земский писарь Федор Григорович
Поветчик Коллежский Секретарь Боярин

СОКРАЩЕНИЯ

- IP НБУВ. п. 5. 15244–15333 Інститут рукописів Національної бібліотеки України ім. В. І. Вернадського. Ф. п. Оп. 5. Спр. 15244–15333.
- IP НБУВ. п. 5. 15051–15242 Інститут рукописів Національної бібліотеки України ім. В. І. Вернадського. Ф. п. Оп. 5. Спр. 15051–15242.

Источники

- Как сватались сто лет назад : письмо Петра Степановича Милорадовича к Евдокии Михайловне Безбородко // Киевская старина. — 1898. — Т. LXI, № 6. — С. 92.
- Любецкий архив графа Милорадовича. Вып. 1 / предисл. А. Лазаревского. — Киев, 1898.
- Письма генерал-губернатора князя А. Б. Куракина из Малороссии / пер. с фр. А. А. Нествитской // Труды Полтавской ученой архивной комиссии / под ред. И. Ф. Павловского. — 1909. — Вып. 6/1. — С. 41–75.
- Сулимовский архив : фамильные бумаги Сулим, Скороп и Войцеховичей XVII–XVIII вв. / предисл. А. Лазаревского. — Киев : К. Н. Милевский, 1884.
- Устав благочиния, или полицейский. 08.04.1782 // Полное собрание законов Российской империи. В 55 т. Т. XXI. Собрание второе. — СПб. : II Отделение Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. — С. 461–468.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамс Л.* Формирование европейской женщины новой эпохи, 1789–1918 / пер. с англ. Е. Незлобиной. — М. : Высшая школа экономики, 2011.
- Арьес Ф.* К истории частной жизни // История частной жизни. В 5 т. Т. 3. От Ренессанса до эпохи Просвещения / под ред. Ф. Арьеса, Ж. Дюби ; пер. с фр. М. С. Неклюдовой, О. П. Панайотти. — М. : Новое литературное обозрение, 2016. — С. 6–26.
- Белова А. В.* «Четыре возраста женщины» : повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX вв. — СПб. : Алетей, 2010.
- Бербэнк Д.* Местные суды, имперское право и гражданство в России / пер. с англ. А. Трибунского // Российская империя в сравнительной перспективе : сборник статей / под ред. Е. И. Миллер. — М. : Новое издательство, 2004. — С. 320–358.
- В. А.* Сулимовский архив : фамильные бумаги Сулим, Скороп и Войцеховичей. Изд. А. Лазаревский // Киевская старина. — Киев, 1884. — Т. X, № 10. — С. 332–336.
- Глаголева О. Е.* Горькие плоды Просвещения : три женских портрета XVIII века // Социальная история : Ежегодник. Женская и гендерная история / под ред. Н. Л. Пушкаревой. — М. : РОССПЭН, 1997. — С. 300–323.

- История частной жизни. В 5 т. Т. 3. От Ренессанса до эпохи Просвещения / под ред. Ф. Арьеса, Ж. Дюби ; пер. с фр. М. С. Неклюдовой, О. П. Панайотти. — М. : Новое литературное обозрение, 2016.
- Каменский А. Б.* Повседневность русских городских обывателей : исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. — М. : РГГУ, 2007.
- Кастан Н.* Публичное и частное // История частной жизни. В 5 т. Т. 3. От Ренессанса до эпохи Просвещения / под ред. Ф. Арьеса, Ж. Дюби ; пер. с фр. М. С. Неклюдовой, О. П. Панайотти. — М. : Новое литературное обозрение, 2016. — С. 452–496.
- Маррезе М. Л.* Бабье царство : дворянки и владение имуществом в России (1700–1861) / пер. с англ. Н. Лужецкой. — М. : Новое литературное обозрение, 2009.
- Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII в. – начало XX в.) : генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. Т. 1. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2000.
- Модзалевский В. Л.* Малороссийский родословник. В 4 т. Т. 3. — Киев : С. В. Кульженко, 1912.
- Модзалевский В. Л.* Малороссийский родословник. В 4 т. Т. 4. — Киев : С. В. Кульженко, 1914.
- Пушкарева Н. Л.* Частная жизнь русской женщины : невеста, жена, любовница (X–начало XIX в.) — М. : Ладомир, 1997.
- Репина Л. П.* Выделение сферы частной жизни как историографическая и методологическая проблема // Человек в кругу семьи : Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени / под ред. Ю. Л. Бессмертного. — М. : РГГУ, 1996. — С. 20–34.
- Репина Л. П.* История брака и семьи в гендерной перспективе // Диалог со временем. — 2008. — Т. 23. — С. 5–23.
- Уортман Р.* Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России / пер. с англ. М. Л. Долбилова, Ф. Л. Севастьянова. — М. : Новое литературное обозрение, 2004.
- Шартье Р.* Вступление // История частной жизни. В 5 т. Т. 3. От Ренессанса до эпохи Просвещения / под ред. Ф. Арьеса, Ж. Дюби ; пер. с фр. М. С. Неклюдовой, О. П. Панайотти. — М. : Новое литературное обозрение, 2016а. — С. 446–451.
- Шартье Р.* Заключение // История частной жизни. В 5 т. Т. 3. От Ренессанса до эпохи Просвещения / под ред. Ф. Арьеса, Ж. Дюби ; пер. с фр. М. С. Неклюдовой, О. П. Панайотти. — М. : Новое литературное обозрение, 2016б. — С. 662–665.
- Маслійчук В. Л.* Девіантна поведінка жіноцтва у 80–90-х рр. XVIII ст. (за матеріалами повітових судів Харківського намісництва) // Провінція на перехресті культур : дослідження з історії Слобідської України XVII–XIX ст. — Харків : Харківський приватний музей міської садиби, 2007. — С. 304–338.

Gal', B. A. 2019. "Ispravnik u posteli [The Police Captain at the Bedside]: zamuzhestvo cherez sud v srede malorossiyskogo chinovnichestva kontsa XVIII veka [Marriage Through Court Among the Little Russian Officials of the Late 18th Century]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* III (2), 49–78.

BOGDAN GAL'

PHD IN HISTORY; ASSOCIATE PROFESSOR AT THE DEPARTMENT OF HISTORY AND POLITICAL THEORY, NATIONAL TECHNICAL UNIVERSITY "DNIPRO POLITECHNIC", DNIPRO, UKRAINE

THE POLICE CAPTAIN AT THE BEDSIDE

MARRIAGE THROUGH COURT AMONG THE LITTLE RUSSIAN OFFICIALS OF THE LATE 18TH CENTURY

Abstract: In the Russian province of the end of the 18th century, the noble community imposed on the individual norms of behaviour and tolerances through the family. The relationship between community rights and family rights, individual freedom and family discipline was particularly acute in the matters of marriage of daughters. On the one hand, a father has the right to refuse to bless, suggesting that he is looking for a more suitable groom for his daughter. On the other hand, the community recognised the daughter's right to express her own preferences, not undermining a father's authority. A public conflict was fraught if family disciplinary practices were clearly in conflict with marriage strategies, transforming from socially approved to deviating ones. As a rule, the reasons for such deviating behaviour were weak or not uttered by the parties at all. In order to make family conflict public, it was necessary to present the accepted deviating behaviour of the other party as unacceptable (a refusal to bless as evading the marriage of a daughter and, conversely, striving for marriage as a violation of the father's sacred will). In such cases community mediation was expressed in the form of both coercive (police intervention, trial) and voluntary ("commission" of high-ranking patrons). During the trials, the father tried to restore his parental authority (in case of failure, depriving the daughter of the maternal inheritance), and the daughter — tried to obtain judicial permission for marriage (in case of success — a share of the maternal / paternal inheritance). The way out of the family conflict situation was the mutual abandonment of lawsuits, approved by the patrons, and the provision of a part of the maternal inheritance to the daughter. However, this did not always entail the father's blessing of the daughter and son-in-law, their recognition as his children and the restoration of family unity.

Keywords: Noblewoman, Family, Conflict, Trial, Marriage, Patronage, Inheritance.

DOI: 10.17323/2587-8719-2019-3-2-49-78.

REFERENCES

- Abrams, L. 2011. *Formirovaniye yevropeyskoy zhenshchiny novoy epokhi, 1789–1918 [The Making of Modern Woman: Europe 1789–1918]* [in Russian]. Trans. from the English by Ye. Nezhobina. Moskva [Moscow]: Vysshaya shkola ekonomiki.
- Ar'yev, F. and Zh. Dyubi [Ariès, P., and G. Duby], eds. 2016. *Ot Rennessansa do epokhi Prosveshcheniya [De la Renaissance aux Lumières]* [in Russian]. Vol. 3 of *Istoriya chastnoy zhizni [Histoire de la vie privée]*, trans. from the French by M. S. Neklyudova and O. P. Panayotti. 5 vols. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.

- Ar'yes, F. 2016. "K istorii chastnoy zhizni [To the History of Privacy]" [in Russian]. In Ar'yes, F. and Zh. Dyubi [Ariès, P., and G. Duby], eds. 2016, 6–26.
- Belova, A. V. 2010. "Chetyre vozrasta zhenshchiny" ["The Four Ages of Woman"]: *povsednevnyaya zhizn' russkoy provintsial'noy dvoryanki XVIII – serediny XIX vv. [Daily Life of a Russian Provincial Noblewoman of 18th–mid-19th cc.]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Aleteyya.
- Berb-enk, D. 2004. "Mestnyye sudy, imperskoye pravo i grazhdanstvo v Rossii [Local Courts, Imperial Law and Citizenship in Russia]" [in Russian]. In *Rossiyskaya imperiya v sravnitel'noy perspektive [Russian Empire in Comparative Perspective] : sbornik statey [Collection of Essays]*, ed. by Ye. I. Miller, trans. from the English by A. Tribunskiy, 320–358. Moskva [Moscow]: Novoye izdatel'stvo.
- Glagoleva, O. Ye. "Gor'kiye plody Prosveshcheniya [The Bitter Fruits of the Enlightenment]: tri zhenskikh portreta XVIII veka" [in Russian]. In *Zhenskaya i gendernaya istoriya [Women's and Gender History]*, in *Sotsial'naya istoriya [Social History] : yezhegodnik [Annual]*, ed. by N. L. Pushkareva, 300–323. Moskva [Moscow]: ROSSP-EN.
- "Kak svatalis' sto let nazad [How to Agree About Marriage a Hundred Years Ago]: pis'mo Petra Stepanovicha Miloradovicha k Yevdokii Mikhaylovne Bezborodko [Letter of Peter Stepanovich Miloradovich to Evdokie Belaybodko Mikhailovna]." 1898 [in Russian]. *Kiyevskaya starina LXI* (6): 92.
- Kamenskiy, A. B. 2007. *Povsednevnost' russkikh gorodskikh obyvateley [Daily Life of Russian Urban Inhabitants]: istoricheskiye anekdoty iz provintsial'noy zhizni XVIII veka [Historical Jokes from the Provincial Life of the 18th Century]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: RGGU.
- Kastan, N. 2016. "Publichnoye i chastnoye [Public and Private]" [in Russian]. In Ar'yes, F. and Zh. Dyubi [Ariès, P., and G. Duby], eds. 2016, 452–496.
- Lyubetskiy arkhiv grafa Miloradovicha [Lyubetsky Archive of Count Miloradovich]* [in Russian]. 1898. With a forew. by A. Lazarevskogo. Vyp. 1. Kiyev [Kiev].
- Marreze, M. L. 2009. *Bab'ye tsarstvo [A Woman's Kingdom]: dvoryanki i vladeniye imushchestvom v Rossii (1700–1861) [Noblewomen and the Control of Property in Russia, 1700–1861]* [in Russian]. Trans. from the English by N. Luzhetskaya. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Masliychuk, V. L. 2007. "Deviantna povedinka zhinotstva u 80–90-kh rr. XVIII st. (za materialami povitovikh sudiv Kharkivs'kogo namisnitstva) [Deviant Behavior of Women in the 80's and 90's of the 18th Century (on the Materials of the District Courts of the Kharkiv Governorship)]" [in Ukrainian]. In *Provintsiiya na perekhresti kul'tur [Province at the Crossroad of Cultures] : doslidzhennya z istorii Slobids'koï Ukraïni XVII–XIX st.* 304–338. Kharkiv: Kharkivs'kiy privatniy muzey mis'koï sadibi.
- Mironov, B. N. 2000. [in Russian]. Vol. 1 of *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII v. – nachalo khkh v.) [The Social History of Russia in the Period of the Empire (XVIII Century – Beginning of the XX Century)] : genezis lichnosti, demokraticheskoy sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva [The Genesis of Individual, Democratic Family, Civil Society and Rule of Law]*. 2 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Dmitriy Bulanin.
- Modzalevskiy, V. L. 1912. [in Russian]. Vol. 3 of *Malorossiyskiy rodoslovník [Little Russian Genealogy]*. 4 vols. Kiyev [Kiev]: S. V. Kul'zhenko.
- . 1914. [in Russian]. Vol. 4 of *Malorossiyskiy rodoslovník [Little Russian Genealogy]*. 4 vols. Kiyev [Kiev]: S. V. Kul'zhenko.
- Pavlovskiy, I. V., ed. 1909. "Pis'ma general-gubernatora knyazya A. B. Kurakina iz Malorossii [Letters of Governor-General Prince A. B. Kurakin from Little Russia]" [in Russian], trans.

- from the French by A. A. Nesvit'skaya. *Trudy Poltavskoy uchenoy arkhivnoy komissii* (6/1): 41–75.
- Pushkareva, H. L. 1997. *Chastnaya zhizn' russkoy zhenshchiny [Private Life of Russian Woman]: nevesta, zhena, lyubovnitsa (X–nachalo XIX v.) [Bride, Wife, Mistress (10th – Early 19th Century)]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Ladomir.
- Repina, L. P. 1996. “Vydeleniye sfery chastnoy zhizni kak istoriograficheskaya i metodologicheskaya problema [Selection of the Sphere of Private Life as a Historiographical and Methodological Problem]” [in Russian]. In *Chelovek v krugu sem'i [Man within His Family Circle] : Ocherki po istorii chastnoy zhizni v Yevrope do nachala novogo vremeni*, ed. by Yu. L. Bessmertnyy, 20–34. Moskva [Moscow]: RGGU.
- . 2008. “Istoriya braka i sem'i v gendernoy perspektive [History of Marriage and Family in a Gender Perspective]” [in Russian]. *Dialog so vremenem* 23:5–23.
- Shart'ye, R. 2016a. “Vstupleniye [Introduction]” [in Russian]. In Ar'yes, F. and Zh. Dyubi [Ariès, P., and G. Duby], eds. 2016, 446–451.
- . 2016b. “Zaklyucheniye [Conclusion]” [in Russian]. In Ar'yes, F. and Zh. Dyubi [Ariès, P., and G. Duby], eds. 2016, 662–665.
- Sulimovskiy arkhiv [Sulimovsky Archive]: famil'nyye bumagi Sulim, Skorup i Voytsekhovichy XVII–XVIII vv. [Papers of the Sulima, Skorupa and Wojciechowicz Families of 18th–19th cc.]* [in Russian]. 1884. With a forew. by A. Lazarevskiy. Kiyev [Kiev]: K. N. Milevskiy.
- Uortman, R. [Wortman, R.] 2004. *Vlastiteli i sudii: razvitiye pravovogo soznaniya v imperatorskoy Rossii [The Development of a Russian Legal Consciousness]* [in Russian]. Trans. from the English by M. L. Dolbilov and F. L. Sevast'yanov. Moskva [Moscow]: No-voye literaturnoye obozreniye.
- “Ustav blagochiniya, ili politseyskiy. 08.04.1782 [Charter of Decency, or of Police Officer. 08.04.1782]” [in Russian]. 1830. In *Sobraniye vtoroye [Digest no. 2]*, vol. XXI of *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii [The Digest of Laws of the Russian Empire]*, 461–468. 55 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: II Otdeleniye Sobstvennoy Ye. I. V. Kantselyarii.
- V. A. 1884. “Sulimovskiy arkhiv [Sulimovsky Archive]: famil'nyye bumagi Sulim, Skorup i Voytsekhovichy. Izd. A. Lazarevskiy [Papers of the Sulima, Skorupa and Wojciechowicz Families. Publ. by A. Lazarevskiy]” [in Russian]. *Kiyevskaya starina* (Kiyev [Kiev]) Kh (10): 332–336.
- Institut rukopisiv Natsional'noi biblioteki Ukraini im. V. I. Vernads'kogo. F. II. Op. 5. Spr. 15051–15242 [Institute of Manuscripts of the National Library of Ukraine Named After V. I. Vernadsky. II. 5. 15051–15242]* [in Ukrainian].
- Institut rukopisiv Natsional'noi biblioteki Ukraini im. V. I. Vernads'kogo. F. II. Op. 5. Spr. 15244–15333 [Institute of Manuscripts of the National Library of Ukraine Named After V. I. Vernadsky. II. 5. 15244–15333]* [in Ukrainian].

Григорий Бибиков*

НАДЗОР III ОТДЕЛЕНИЯ ЗА ЧАСТНОЙ ЖИЗНЬЮ ГУБЕРНСКИХ ЧИНОВНИКОВ (1820–1830-Е ГГ.)**

Аннотация: Статья посвящена надзору III отделения Собственной его императорского величества канцелярии за частной жизнью губернских чиновников 1820–1830-х гг. Исследование основано преимущественно на архивных материалах делопроизводства III отделения, Корпуса жандармов и Министерства внутренних дел. Отмечается, что современная историография уделяет особое внимание тому, как тайная полиция эпохи правления Николая I наблюдала за служебной деятельностью чиновников, а также надзирала за частной жизнью подданных, их нравственным обликом и поведением. На практике в деятельности III отделения надзор за управлением и забота об общественной морали переплетались. В статье рассмотрены примеры вмешательства III отделения в частную жизнь губернских чиновников, основное внимание уделено губернаторскому корпусу. Центральным сюжетом выступает дело пермского гражданского губернатора К. Я. Тюфяева (1777–1845), в котором переплелись частное и публичное, надзор за служебной деятельностью и семейной жизнью чиновника. Отмечено, что в правящей элите Российской империи не было единства взглядов относительно путей и допустимых пределов вмешательства власти в частную жизнь чиновников. При Николае I эта сфера стала объектом надзора тайной полиции, преимущественное внимание отводилось наблюдению за губернаторами посредством жандармских штаб-офицеров. Последние обращали особое внимание на семейные раздоры и непристойное поведение чиновников. Негласный надзор замыкался на фигуре императора, который подчас детально вникал в обстоятельства дела. Николай I стремился избегать лишней гласности, но вмешивался в ситуацию, когда обстоятельства частной жизни служащих становились предметом публичного обсуждения и порицания. В таком случае домашняя жизнь переставала быть частным делом чиновника и могла стоить ему служебной карьеры. Выступая представителем верховной власти, чиновник не должен был дискредитировать ее своими поступками.

Ключевые слова: III отделение, Николай I, надзор, частная жизнь, публичная сфера, чиновник, губернатор, Кирилл Тюфяев.

DOI: 10.17323/2587-8719-2019-3-2-79-108.

История III отделения Собственной его императорского величества канцелярии второй четверти XIX в. до недавнего времени рассматривалась в контексте противостояния оппозиционным настроениям и цензуры (Лемке, 1908; Деревнина, 1973; Оржеховский, 1982; Чукарев, 2005

*Бибиков Григорий Николаевич, к. и. н., старший научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (Москва), grigoriy_bibikov@mail.ru.

**© Бибиков, Г. Н. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

и др.). Между тем дореволюционные правоведы отмечали, что с учреждением III отделения «несомненно имелось намерение пользоваться этим отделением и находящимися в его ведении жандармами для надзора за управлением и открытия различных злоупотреблений» (История Правительствующего Сената за двести лет, 1911), реорганизация тайной полиции в 1826 г. призвана была «образовать особый высший контроль над администрацией» (Середонин, 1902: 70).

Современные историки местного управления подкрепили эти теоретические посылы архивными материалами (Абакумов, 2015; Бикташева, 2014; Романов, 2012). А. В. Ремнев показал, как «жандармские офицеры способствовали обнаружению целого ряда случаев вопиющих злоупотреблений и откровенного произвола, творимых сибирской администрацией, через жандармов самодержавие получило дополнительный канал информации о нуждах региона» (Ремнев, 1995: 139). А. Н. Бикташева рассмотрела становление жандармского надзора за чиновниками на примере Казанской губернии и пришла к выводу, что «в коммуникативном пространстве власти жандармские штаб-офицеры получили равный голос наряду с ее первыми лицами» (Бикташева, 2012: 413).

В теоретическом плане надзор III отделения за бюрократией рассматривается в рамках истории государственного управления и исторической социологии, где в отношении абсолютистских государств Нового времени принято говорить о складывании «института монарха» и «агентах» верховной власти, представлявших в государственном управлении непосредственно волю монарха (Андерсон, Курилла, 2010; Мустонен, 1998; Burbank, Cooper, 2010). Таким путем верховная власть стремится не допустить монополии бюрократии на выработку управленческих решений в условиях, когда «монарх нуждался в постоянной информации о настроениях, царящих в его ближнем и дальнем круге, и должен был получать сведения из всех возможных источников» (Ремнев, 2010: 320).

Одновременно выходят новые исследования о III отделении, фокус внимания которых смещен к надзору за частной жизнью подданных, их нравственным обликом и поведением (Абакумов, 2017; Эдельман, 2013; Экштут, 2001; 2013:)¹. В николаевское время высшая полиция в числе прочего занималась разрешением семейных конфликтов. Сохраняя в секрете обстоятельства частной жизни, III отделение по указаниям императора добивалось примирения сторон. Если это не удавалось,

¹О надзоре за семейной жизнью самих служащих политической полиции рубежа XIX–XX вв. см. Лавренова, 2015.

применялись административные меры, вплоть до помещения в монастырь на покаяние или передачи имения в опеку. Такие исследования ведутся в контексте истории повседневности и частной жизни, а также концепции «регулярного полицейского государства», призванного брать на себя заботу о материальном и душевном благоденствии подданных (Абакумов, 2000; Raeff, 1983).

На практике в деятельности III отделения 1820–1840-х гг. надзор за управлением и забота об общественной морали переплетались: государственные служащие обращали на себя внимание тайной полиции как служебными злоупотреблениями, так и ненормативным поведением. Настоящая статья рассматривает примеры вмешательства III отделения в частную жизнь губернских чиновников, главное внимание уделено делу пермского губернатора К. Я. Тюфяева.

С учреждением III отделения в июле 1826 г. предполагалось его участие в улучшении системы государственного управления. Управляющий III отделением М. Я. фон Фок указывал на разрастание чиновного сословия как угрозу внутренней стабильности:

Бюрократия, говорят, это гложущий червь, которого следует уничтожить огнем или железом; в противном случае невозможны ни личная безопасность, ни осуществление самых благих и хорошо обдуманных намерений, которые, конечно, противны интересам этой гидры (Петербургское общество..., 1881: 548).

Руководство III отделения полагало, что чиновники, в отличие от политической оппозиции, узурпируют прерогативы верховной власти: «К несчастью, они-то и правят, и не только отдельные, наиболее крупные из них, но, в сущности, все, так как им всем известны все тонкости бюрократической системы» («Россия под надзором», 2006: 23).

Если деятельность столичных ведомств находилась в поле зрения монарха, который отбирал министров из известных и преданных ему лиц (Lincoln, 1975), то в числе губернаторов почти не было приближенных императора (История Правительствующего Сената за двести лет, 1911: 556), в провинции формировалась изолированная и самодостаточная чиновная корпорация. Поэтому основное внимание III отделения было обращено на губернских чиновников.

По проекту главного начальника III отделения и шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа сведения о местном управлении доставляли жандармские

офицеры, набранные из доверенных военных чинов². По «Положению о Корпусе жандармов» 1827 г. европейская Россия была поделена на пять жандармских округов во главе с генералами и с управлениями в Петербурге, Москве, Вильно, Харькове и Симбирске. К началу 1830-х гг. во все губернии, входившие в состав округов, были определены жандармские штаб-офицеры, начальники округов координировали их взаимодействие с III отделением.

Секретная инструкция 1826 г.³ вменяла в обязанность жандармским штаб-офицерам обращать внимание на «злоупотребления, беспорядки и закону противные поступки», следить, чтобы права «граждан» не нарушались «чьей-либо личной властью или преобладанием сильных лиц». Жандармам предлагалось надзирать за поведением подданных, негласными внушениями склоняя к соблюдению принятых норм:

Цель вашей должности должна быть прежде всего предупреждение и отстранение всякого зла. Например, дойдут ли до вашего сведения слухи о худой нравственности и дурных поступках молодых людей, предварите о том родителей или тех, от коих участь их зависит, или добрыми вашими внушениями старайтесь поселить в заблудших стремление к добру и возвести их на путь истинный прежде, нежели обнаружить гласно их худые поступки пред правительством (Шильдер, 1997: 473–474).

Штаб-офицер, по словам Бенкендорфа, «всегда может, даже обязан частным образом стараться направить на путь справедливости принявшее неправильный ход дело» (ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 221. Л. 50 об.). При назначении в губернию шеф жандармов устно напутствовал подчиненных: «Ваша обязанность — утирать слезы несчастных и отвращать злоупотребления власти, а обществу содействовать быть в согласии. Если будут любить вас, то вы легко всего достигнете» (Стогов, 2003: 108)⁴. Дополнительная секретная инструкция 1827 г. определяла порядок действий жандармских чинов, которые были независимы от губернатора и других местных властей, но не имели права вмешиваться в их деятельность, наводить справки в присутственных местах и принимать письменные жалобы подданных (Деревнина, 1973: XI–XIII).

²В 1970-е гг. американский историк Дж. Яни применил концепцию «личных агентов» монарха к жандармским штаб-офицерам николаевской эпохи (Yaneu, 1973: 224–227). В распоряжении историка не было архивных документов III отделения.

³Наиболее ранним из датированных вариантов этого текста остается инструкция И. В. Шервуду-Верному от 13 января 1827 г. (Шильдер, 1997: 473–474).

⁴В цитируемой фразе угадывается фразеология эпохи европейских просвещенных монархий XVIII в.

Жандармам вменялось в обязанность собирать сведения о губернских чиновниках. Циркуляр Бенкендорфа от 2 февраля 1832 г. формализовал этот круг их действий, обязав дважды в год представлять в III отделение отчеты по надзору за губернскими служащими:

...обратить самое бдительное внимание на тех [...], которые своим званием или богатством, связями, умом, просвещением или другими достоинствами имеют дурное или хорошее влияние на окружающих и даже на чиновников высшего звания [...] основываясь на беспристрастном отзыве людей достойных и доверенных (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 7. Д. 434. Л. 4).

Собранные негласным путем отзывы о чиновниках жандарм должен был частным образом доводить до сведения начальника губернии, а в случае отсутствия реакции с его стороны — доносить в III отделение. Из ведомства высшей полиции записки передавались на усмотрение министров и генерал-губернаторов, а в важных случаях ложились на стол императору.

Основной поток жандармских записок относился к служебной деятельности чиновников, но сведения касались и частной жизни. Так, в 1829 г. президент Академии наук С. С. Уваров сообщил в III отделение записку о назначении председателем Оренбургской гражданской палаты коллежского советника И. Я. Соколова, который «пользуется не лучшей славой». На запрос Бенкендорфа жандармский полковник А. П. Маслов подтвердил, что «корыстолюбие Соколова не имеет границ», чиновник «берет всем, что только имеет какую-либо ценность», а «обращение его с своим семейством служит доказательством до какой степени пороки закоренились в сем человеке» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 5. Д. 41. Л. 6–8). Из III отделения записка Маслова была направлена оренбургскому военному губернатору генерал-лейтенанту графу П. П. Сухтелену, который отозвался, что не готов войти с представлением об увольнении чиновника без формальных доказательств. Подробности семейной жизни Сухтелен посчитал незаслуживающими внимания: «Происходя в стенах его дома, я сознаться должен, что не почитаю уместным вмешиваться в подобные семейные тайны, довольно обыкновенные» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 5. Д. 41. Л. 11–12об.). Бенкендорф сообщил переписку управляющему Министерством юстиции Д. В. Дашкову, который согласился, что «отзывы отовсюду невыгодные», но «законных доказательств нет», а потому «токмо Верховной Власти [...] принадлежит [...] принять меру

более решительную». В феврале 1831 г. Бенкендорф доложил записку министру Николаю I, который отстранил чиновника от должности (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 5. Д. 41. Л. 15–17).

Некоторые жандармы пытались своими силами пресечь непопозволенное поведение служащих. По сведениям Ф. В. Булгарина, переданным в III отделение в 1828 г., виленский штаб-офицер подполковник К. Л. Рутковский:

...в усердии своем не знает ни лица, ни места. Недавно он пришел к почт-директору Бухарскому и объявил ему, что желает говорить с ним по службе. Бухарский просил изъясниться, и Рутковский сказал: «Государь не любит разврата и явного соблазна. Высшие чиновники должны подавать собою пример нравственности, и потому нехорошо, что в карете с вашим гербом ездит днем публичная девка, ваша наложница, стучится в двери к женам чиновников, желая делать им визиты, и за то, что они не принимают ее, Ваше Превосходительство гоните несчастных мужей». — Бухарский взбесился: «Кто вам дал право говорить так?» — «Я действую по моей инструкции». «Но кто может мне предписывать, кого я должен возить в моей карете? Я велью возить в ней жида», — сказал Бухарский. — «Вы можете возить жида и цыгана, но не *наложницу по визитам* (здесь и далее курсив в тексте документов мой. — Г. Б.), потому что это соблазнительно и вредит службе Государевой, озлобляя чиновников», — отвечал жандарм. «Извольте меня оставить в покое!» — воскликнул Бухарский. Жандарм вышел, вежливо поклонившись (Видок Фиглярин..., 1998: 298–299).

Бенкендорф не оценил служебного рвения Рутковского, полагая, что «не нужно ему столь явно вооружаться против чиновников старее его, если они неохотно принимают его извещения» (там же).

Основное внимание III отделения было обращено на губернаторский корпус. Надзор за губернаторами приобретал особую конфигурацию. Жандармы по понятным причинам не могли докладывать губернаторам собранные о них сведения, направляя их прямо в Петербург. Считаясь служащими Министерства внутренних дел, начальники губерний назначались и увольнялись именными высочайшими указами, император лично изучал послужной список кандидатов на губернаторские должности.

В ноябре 1826 г. Бенкендорф предлагал Николаю I уведомлять его о предполагаемых назначениях губернаторов с тем, чтобы «заранее использовать все средства для сбора наиболее детальных сведений о предшествующей службе и репутации этих особ» (ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1467. Ч. 1. Л. 98–99). В записке 1831 г., используя близкую

императору военную аналогию, Бенкендорф настаивал на усилении надзора:

Губернаторы составляют основу; они — как полковники в армии; именно на них все завязано. Безусловно, необходимо как можно тщательнее подбирать губернаторов и пытаться поднять их образ в глазах публики (ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1467. Ч. 2. Л. 67).

В потоке жандармских записок встречаются эпизоды из частной жизни начальников губерний, которые могли привлечь внимание высшей полиции и императора и в результате привести к отставке или переводу чиновника.

Гражданским губернатором в Симбирске с 1831 г. служил А. М. Загряжский, чье поведение сразу оказалось в поле зрения местного жандарма:

...легковерные суждения, рассказы о своих похождениях, нескромное и вольное обращение с женщинами; совершенно явное без малейшей скрытности волокитство за дочерью одного из частных приставов и одной молодой иностранкой, дружеское обращение с некоторыми из секретарей, было причиною, что в общем мнении потерял к себе уважение (ГАРФ. Ф. 109. Оп. за. Д. 1318. Л. 48об.-49).

В начале 1835 г. Загряжский попал в неприятную историю. Губернский жандарм Э. И. Стогов доложил в III отделение, что старшая дочь предводителя дворянства князя М. П. Баратаева:

...по признанию самого мне Загряжского, была соблазнена им и ходила несколько раз ночевать к нему в кабинет. Загряжский по болтливости своей не скрыл сего и по обыкновению своему расхвастал о сем многим по секрету (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 9. Д. 338. Л. 31 об.).

В числе последних оказался грузинский князь Дадриан, сватавшийся к Баратаевой. Он публично обещал отомстить губернатору, так что последний, по словам Стогова, «исхудал, почернел и такой имеет расстроенный вид, что совершенно похож на сумасшедшего, идеи его так перепутаны, разговор так не отчетлив, что при продолжении подобного положения я опасаясь настоящего сумасшествия». Стогов упоминал, что:

...Загряжский в минуты откровенности (прежде) и хвастовства неоднократно говорил мне, что успеть в интриге с девицей или женщиной и не рассказать о сем, — все равно что иметь орден Андрея Первозванного — но носить его спрятанным в кармане! (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 9. Д. 338. Л. 32).

Донесение Стогова было доложено Николаю I и решило судьбу губернатора. 27 февраля Бенкендорф уведомил министра внутренних дел:

«Его Величество [...] изволил найти, что г. Загряжский не может оставаться в настоящей своей должности по неблагонадежности, особенно при нынешних обстоятельствах обращения казенных крестьян означенной губернии в удельное ведомство» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 9. Д. 338. Л. 35)⁵.

Позже Николай I признавался, что предпочел бы не вмешиваться в личные дела губернатора, если бы они не стали достоянием публики:

Я им был, впрочем, доволен, но он занемог — политически, разумеется!.. У него вышли какие-то дрязги с губернским предводителем... Личности, о которых я и знать бы не хотел. Мы бы сквозь пальцы посмотрели на это, но, к несчастью, к моему неудовольствию вмешалось тут дворянство! [...] Загряжский не умел поддерживать звания своего, как следует (Жиркевич, 2009: 298–299).

В 1841 г. в III отделение был передан анонимный донос на ярославского вице-губернатора П. А. Ковалевского, временно исполнявшего обязанности начальника губернии. Чиновник изобличался в том, что на месте прежней службы в Харькове «бросил супругу и детей, а в Ярославле отбил жену у бедного мещанина [...] не стыдится скрывать пред другими порочную с нею связь. Такой наглости никогда не было в нашем Ярославле» (РГИА. Ф. 1284. Оп. 26. Д. 43. Л. 106.). Жандармский полковник Кованько подтвердил справедливость этих слухов, полагая, что чиновнику «оставаться [...] в Ярославле в звании вице-губернатора ни в коем случае невозможно». 22 сентября 1841 г. последовал всеподданнейший доклад шефа жандармов «Об увольнении от службы ярославского вице-губернатора Ковалевского» (РГИА. Ф. 1284. Оп. 26. Д. 43. Л. 11), утвержденный Николаем I.

Через год от того же Кованько поступил отзыв о новом вице-губернаторе В. П. Ханькове, управлявшем губернией. По свидетельству жандарма, «при весьма ограниченных умственных способностях, слабости здоровья и дряхлости, г. Ханьков имеет от роду около 70 лет, и сверх того одержим такую неблагопристойной болезнью, что с трудом может надеть мундир», к тому же «содержит игорный дом и живет деньгами,

⁵Отметим, что определение «неблагонадежный» в 1820–1830-е гг. не имело позднейшей выраженной политической окраски и преимущественно употреблялось в отношении чиновников, которые дискредитируют власть своим поведением на службе и в частной жизни.

выручаемыми за карты». Последовало служебное разбирательство, но до его завершения ярославский военный губернатор уведомил III отделение, что чиновник подал прошение об отставке (РГИА. Ф. 1284. Оп. 28. Д. 4. Л. 8).

В 1841 г. III отделение получило анонимный донос о злоупотреблениях оренбургского гражданского губернатора И. Д. Талызина. Проверка «под рукой» была поручена местному штаб-офицеру А. Г. Краевскому, который представил подробный список служебных махинаций и вывел в своих донесениях образ невоздержанного и самовластного начальника:

Обхождение г. Талызина с чиновниками простирается до невероятной наглости [...] ругательства сопровождаются собственноручными «толчками и пинками», губернатор «дозволяет себе дерзкие и предосудительные выражения». После пьяных карточных застолий Талызин был замечен «в крайне безнравственных поступках с простыми и позорными женщинами [...] не стыдился плясать с ними в виду многочисленного собрания дам, чиновников и простого народа» (РГИА. Ф. 1284. Оп. 27. Д. 6. Л. 80об.).

По всеподданнейшему докладу шефа жандармов Николай I распорядился направить сенаторскую ревизию, которая вылилась в подробную проверку присутственных мест Оренбургской губернии (Гвоздиков, 2007). В своем отчете сенатор А. Н. Пешуров опроверг слухи о пьянстве и непотребном поведении губернатора, опрошенные свидетели не подтвердили жандармских показаний (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 12. Д. 8. Л. 114–116). Инициатором интриги был выставлен Краевский как человек, участвовавший в мелких махинациях и «слишком неразборчивый в изобретении средств к удовлетворению личной мести»:

Черня с такою дерзостью людей, служащих долгое время безукоризненно, какое ругательство может представить Краевский в подкрепление своих голословных изветов. Какие заслуги или личные достоинства дают ему право предполагать, что безымянные доносы и пасквили одним только им засвидетельствованные, должны быть предпочтены формальному изысканию и свидетельству людей, ни по службе, ни в частной жизни ничем не запятнанных (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 12. Д. 8. Л. 110–129об., 159об.).

Талызин сохранил губернаторское кресло, а Краевский в марте 1843 г. был отчислен из Корпуса жандармов. Впрочем, один из свидетелей событий, служивший в начале 1840-х гг. в Уфимском казачьем полку, указал в воспоминаниях на пристрастность сенаторской проверки и почти дословно повторил жандармские показания о Талызине:

Чтобы дать понятие об этом человеке, достаточно сказать, что он, бывши губернатором, на деревенском пикнике, где было все городское общество и множество дам, напился до такой степени, что был уведен и уложен в постель; но из которой выскочил и, прибежав в одном белье, плясал в хороводе. Случай этот не остался без последствий. По Высочайшему повелению назначен был сенатор Пещуров произвести формальное следствие. Но таково было старое доброе время, что все было скрыто, и Талызин не только оставался по-прежнему губернатором, но получил еще орден св. Анны 1-й степени. Однако все это так сильно на него подействовало, что он заболел и скоро умер (Выписки из записок уфимского старожила..., 2014: 100–101).

Служебная проверка III отделения также обнаружила противоречия сенаторского отчета, но инициировать новое разбирательство шеф-жандармов не решился⁶.

Частное и публичное, служебная деятельность и семейная жизнь сплелись в особо причудливой комбинации в деле пермского гражданского губернатора К. Я. Тюфяева. Хорошая сохранность архивных документов позволяет восстановить его ход в нюансах.

Кирилл Яковлевич Тюфяев (1777–1845) выделялся в ряду гражданских губернаторов своего времени. Записанный в детстве в кантонисты Тобольской губернии (Немчанинова, 2015: 101), он в юном возрасте гастролировал в составе бродячего цирка. В 1795 г. по окончании народного училища Тюфяев начал службу копиистом в Тобольском городском магистрате, где, очевидно, обратил на себя внимание столичного чиновника и был переведен в Петербург. С 1802 г. он служил уже в губернском правлении Гродненской губернии, а в 1812 г. был командирован к генерал-интенданту 2-й Западной армии Д. С. Ланскому. С 1814 г. Кирилл Яковлевич перешел на службу к А. А. Аракчееву, по протекции которого был назначен в 1817 г. вице-губернатором Кавказской губернии, еще через два года — переведен с той же должностью в Пензу, где был внесен в местную родословную книгу (там же). 28 марта 1824 г. уже в чине действительного статского советника он был назначен пермским гражданским губернатором (Пермские губернаторы..., 1997: 59–61).

В 1835 г. А. И. Герцен был сослан в Вятку и определен на службу в канцелярию к служившему там губернатором Тюфяеву. Позже Александр Иванович изобразил отталкивающий портрет начальника края, по которому он известен в литературе:

⁶О «деле Талызина» подробнее см. Бибилов, 2017.

Небольшого роста плечистый старик, с головой, посаженной на плечи, как у бульдога, большие челюсти продолжали сходство с собакой, к тому же они как-то плотоядно улыбались; старое и с тем вместе приапическое выражение лица, небольшие, быстрые, серенькие глазки и редкие прямые волосы делали невероятно гадкое впечатление (Герцен, 1969: 204)⁷.

В изображении Герцена это был губернатор-аракчеевец «старого покроя»:

«восточный сатрап, но только деятельный, беспокойный, во все мешавшийся, вечно занятый, Тюфяев был бы свирепым комиссаром Конвента в 94 году, — каким-нибудь Карье... Развратный по жизни, грубый по натуре, не терпящий никакого возражения, его влияние было чрезвычайно вредно. Он не брал взяток, хотя состояние себе-таки составил, как оказалось после смерти» (там же: 206)⁸.

В числе прочего, Александр Иванович упоминал анекдотичный в своей неправдоподобности эпизод, переданный со слов вятского врача:

Тюфяев был в открытой связи с сестрой одного бедного чиновника. Над братом смеялись, брат хотел разорвать эту связь, грозился доносом, хотел писать в Петербург, словом шумел и беспокоился до того, что его однажды полиция схватила и представила как сумасшедшего для освидетельствования в губернское правление.

Губернское правление, председатели палат и инспектор врачебной управы, старик немец, пользовавшийся большой любовью народа и которого я лично знал, все нашли, что Петровский — сумасшедший.

[...] Петровский умер в сумасшедшем доме, не дождавшись дня, назначенного для вторичного свидетельства, и несмотря на то что он был молодой, здоровый малый.

⁷Сам Тюфяев в своем отношении в Министерство внутренних дел от 16 июня 1836 г. характеризовал Герцена более лестно: «Для ближайшего наблюдения за ним, поведением его и в особенности образом мыслей с самого прибытия я употребил его на занятия по канцелярии моей и в продолжение года службы его заметил в нем: похвальное поведение, особенное усердие, способности и образование отличное, образ мыслей — свойственный верноподданному» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 9. Д. 239. Ч. 10. Л. 8–8об.). По просьбе И. А. Яковлева, отца Герцена, Тюфяев хлопотал о его переводе в Москву (Переписка И. А. Яковлева с А. И. Михайловским-Данилевским, 1997: 497–537).

⁸Другой современник судил о губернаторе менее строго: «Тюфяев, при малом росте, был головою выше всех современных ему деловых людей Перми, обладал замечательную способностью привлекать к себе каждого, до кого имел надобность; стремясь по служебной стезе, он явно пренебрегал выгодами от казнокрадства и взяточничества, которыми нередко пачкали свою репутацию провинциальные воеводы. Когда же Тюфяеву приходила охота строить что-нибудь, в таком случае закон устранялся, как досадная помеха; вопль частных лиц ставился ни во что» (Пермские губернаторы..., 1997: 62).

Дело дошло до Петербурга. Петровскую арестовали (почему не Тюфяева?), началось секретное следствие. Ответы диктовал Тюфяев, он превзошел себя в этом деле. Чтоб разом остановить его и отклонить от себя опасность вторичного непровольного путешествия в Сибирь, Тюфяев научил Петровскую сказать, что брат ее с тех пор с нею в ссоре, как она, увлеченная молодостью и неопытностью, лишилась невинности при проезде императора Александра в Пермь (Герцен, 1969: 209).

«И вот этот-то почтенный ученик Аракчеева и достойный товарищ Клейнмихеля, — заключал Герцен, — акробат, бродяга, писарь, секретарь, губернатор, нежное сердце, бескорыстный человек, запирающий здоровых в сумасшедший дом и уничтожающий их там, человек, оклеветавший императора Александра для того, чтоб отвести глаза императора Николая, брался теперь приучать меня к службе» (там же: 210).

Автор «Былого и дум» убеждал читателя, что описанный эпизод «имел случай после поверить по документам в канцелярии министра внутренних дел». В архивном фонде Департамента полиции исполнительной указанного ведомства хранится объемный том «По отношению генерал-адъютанта графа Бенкендорфа с объявлением высочайшего повеления о вытребовании в Санкт-Петербург из Перми сына бывшего межевого прокурора коллежского советника Петровского и сестру его девицу Клеопатру и о разных злоупотреблениях по Пермской губернии». Рассказ Герцена верно передает канву событий, но неточен в деталях и умалчивает о ведущей роли III отделения и императора в этом деле.

В 1829 г. в ведомство высшей полиции поступили два доноса из Перми за вымышленными подписями «Фералонта Любоверитова» и «Феопемта Правдина». Доноситель указал на злоупотребления чиновников губернского правления, казенной палаты и прокурора. Губернатор Тюфяев был выведен их главным покровителем, доносчик сообщал о нем:

Будучи низкого происхождения и не имея никакого образования, чрезвычайно горд, тщеславен и своевластен. Один благородный молодой человек, желая защитить честь сестры своей от лобострастных преследований губернатора, был взят под стражу и едва ли не содержится до сих пор за караулом под предлогом сумасшествия (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 221. Д. 22. Л. 33–33об.).

Донос привлек внимание Бенкендорфа, тем более, что ранее жандармский подполковник И. С. Новокшенов уже отзывался о Тюфяеве вполне негативно: «Человек не слишком деликатный в своей нравственной политике, высокомерный, дерзкий, коварный, так подчиненные его

о нем отзываются. Пользуясь властью губернатора, действует деспотически» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 4. Д. 336. Л. 80б.). В феврале 1830 г. анонимный донос был доложен Николаю I, который повелел III отделению «стараться узнать истину». Поручение было передано исправлявшему должность начальника пятого (сибирского) округа Корпуса жандармов полковнику А. П. Маслову.

Маслов поступил в Корпус жандармов в 1827 г. губернским штаб-офицером и выделялся деятельной активностью⁹. В июне 1830 г. по возвращении из Перми он представил в III отделение обстоятельный доклад по всем эпизодам доноса. Жандарм подтвердил, что близкие к губернатору чиновники содержат винокуренные заводы и указал на ряд злоупотреблений при постройке казенных строений, организации подрядов, сборе пожертвований по губернии и др.

Столь же дотошно Маслов собирал подробности личной жизни начальника губернии — «не как частного человека — но как лица, облеченного властью, коего характер, действуя на подчиненных, может иметь влияние и на дела службы и нередко обнаруживается в самих распоряжениях» (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 425. Л. 250б.–26.). По сведениям жандарма, Тюфяев завел любовницу, дочь кунгурского межевого прокурора Клеопатру Степановну Петровскую. Дама «находится на содержании у губернатора, прижила уже трех детей», Тюфяев «часто ее посещает и весьма явно», «сия связь [...] известна всем в губернском городе и губернии» (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 425. Л. 50б.). Через месяц Маслов сообщил в III отделение показания бывших дворовых Клеопатры Петровской — «Тюфяев бывал в доме Петровской почти ежедневно», «одна служанка показала, что слыхала, как Тюфяев барышне ее говорил иногда ты; девки, занятые работою в спальне, тотчас по приезде Тюфяева высылались в девичью», а «старшая сестра Петровских, умершая потом, имела иногда с Тюфяевым крупный разговор» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 221. Д. 23. Л. 820б.–83).

В донесении подчеркивалась изворотливость и лицемерие губернатора, который:

...успел самой связи своей с Петровской придать вид попечения — о девице безродной, по просьбе будто бы ее отца. Странно только то, что сей нежной его заботливости о сироте не разделяет супруга его, которая как слышно ненавидит ее и никогда к себе не принимает. Странно также и то, что сия

⁹Об определении Маслова в Корпус жандармов см. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 33.

всеми, кроме г. губернатора оставленная сирота, не едет к родному семейному брату своему, живущему в Симбирске (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 425. Л. 25).

Маслов подчеркивал, что семейные дразги отражаются на ходе служебных дел, Петровская «имеет большое влияние на начальника губернии, и всякий чиновник, желающий получить место, обращается прежде с просьбою к ней и потом уже определяется». Губернатор допустил даже противоправные действия. В 1827 г. отставной губернский секретарь Александр Петровской, брат фаворитки, застал Тюфяева у себя дома и «спросил его о причине частых его посещений и получил в ответ, что губернатор приезжает не к нему, а к его сестре». Тюфяев приказал городничему:

...посадить Петровского как сумасшедшего в больницу. Городничий нашел комнату Петровского запертою и вместе с лекарем Ардашевым силою вломился в оную. Петровский защищался саблею, ранил городничего в руку и заставил его удалиться. За сим губернатор послал к Петровскому частного пристава Аронова, который обманом выманил Петровского из комнаты, связал ему руки и отправил в больницу, в которой он содержится уже третий год (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 425. Л. 4-4об.).

Жандарм наведаясь в дом умалишенных, где нашел «довольно видного собою мужчину, бледного, изнуренного и пришедшего в расслабленное положение», который отказывался принимать пищу, опасаясь отравления. «Не взирая на чрезвычайное расслабление душевных его способностей от долговременного дурного содержания и изнурения», Маслов «не мог однако же приметить в нем признаков помешательства ума». Того же мнения придерживались, по словам жандарма, инспектор врачебной управы и главный начальник Уральских горных заводов генерал-лейтенант А. А. Богуславский. Маслов полагал, что с подачи Тюфяева врачи внушали Петровскому, «будто Австрийский Император прислал посланников для рассмотрения его дела» (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 425. Л. 4об.).

Ко всему вышеизложенному Маслов добавлял городские сплетни вокруг пермского воспитательного дома Приказа общественного призрения, где «девушки [...] содержатся с некоторою роскошью, в особенности на счет одежды [...]. Общие слухи подтверждают невыгодное мнение об особенном попечении г. губернатора о сих воспитанницах» (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 425. Л. 53-54). Те же сплетни приписывали губернатору «тесную связь с женою советника [казенной палаты] Розинга. Один известный чиновник между разговорами сказывал: что, служа

в Пермской губернии, должно исполнять волю *пяти Губернаторш*» (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 425. Л. 3–6). Маслов представил в III отделение полученный им в Перми пасквиль на губернатора:

...Погибелью ты ближних жил,
Ты вдов печальных притеснил,
Ты пролил горьких слез их токи,
Ты раны им нанес глубоки,
Приюта не дал сироте...
(ГАРФ. Ф. 109. Оп. 4. Д. 336. Л. 70б.)¹⁰

В Симбирске Маслов продолжал заниматься делом Тюфяева и сообщил в Петербург, что в проезд губернатора через Екатеринбург, «разнеслись по городу слухи, что граждане, которые имели молодых дочерей или родственниц, не охотно соглашались принимать к себе в дом сего дорогого и... (многоточие в документе мое. — Г. Б.) опасного для девиц гостя». В поездке Тюфяев «одевался в священническую ризу, приготовленную для церкви в тюремном замке, а потом, снявши с себя, надевал на других» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 4. Д. 336. Л. 58–58об.).

Получив рапорт Маслова, Бенкендорф 8 июля 1830 г. прямо изложил его содержание Николаю I. Император распорядился:

...передать М[инистру] Внутр[енних] Дел с тем чтобы Петровского и сестру его вытребовать сюда, для чего придать жандармского офицера и предвартить п[олковника] Маслова. По прибытии же их сюда отобрать подробное показание (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 425. Л. 3).

В ответ на предписание из Петербурга Тюфяев представил пространный рапорт императору и министру внутренних дел со своей версией событий трехлетней давности. Губернатор настаивал, что Петровский давно вышел из ума, «никого, даже родных сестер своих не впускал к себе, пищу его составляли сыр, колбасы, конфекты и белый хлеб, покупаемые у разносчиков, горячей пищи не употреблял, воду для питья сам растаивал из льда или снега [...] и наконец пришел в умоисступление», в связи с чем «по просьбам сестер надлежало принять меры к спасению их и его самого» (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 425. Л. 74об.–75). Тюфяев заверял, что в больнице «фуриозное сумасшествие» Петровского:

...миновалось; но осталась одна постоянная идея, что он ближайший родственник австрийского императора и что с правительства российского следует ему

¹⁰Тюфяев был героем и других сатир, и эпиграмм. Учитель словесности пермской гимназии В. Т. Феонов, видимо, посвятил ему стихотворение «К лицемеру», опубликованное в «Вестнике Европы» (Пермские губернаторы..., 1997: 59).

200 миллионов рублей золотом и серебром, доставшихся ему по наследству от его прадеда Людвиг-Петрика (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 425. Л. 75–75об.).

В подтверждение губернатор представил отчет о медицинском освидетельствовании Петровского от 19 мая 1830 г., проведенного инспектором врачебной управы доктором Ф. К. Гралем в присутствии высших губернских чиновников, копию журнала больничных наблюдений, «Краткое изложение происхождения Петровского, им самим объявленное» и другие бумаги (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 425. Л. 78–119). Тюфяев всеподданнейше рапортовал:

Всю силу власти, всемиловейше званию моему присвоенную, устремляю я к пользе и благоденствию народа, благоденствуют все призываемые, в числе их и Петровский, помещенный в городскую больницу, о котором прилагается особенное попечение, ибо он находится в помешательстве ума (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 4. Д. 336. Л. 59об.).

О Клеопатре Степановне в рапорте губернатора не упоминалось. Николай I передал бумагу на усмотрение Бенкендорфа.

Петровские были доставлены в Петербург в середине сентября, допрос был поручен директору Департамента полиции исполнительной Министерства внутренних дел Г. С. Покровскому. На «вопрос и в рассуждении дурных слухов, дошедших сюда о поведении его сестры», Петровский сообщил, что «поведение сестры ему неизвестно, ибо он с нею не жил, а был три года в больнице, и что сестра во все это время была у него не более трех раз». Петровский жаловался, что «был посажен в дом сумасшедших, не чувствуя себя сумасшедшим», просил «дать ему свободу и не держать в больнице». «Из всех его слов была заметна в нем постоянная идея та, якобы его хотят отправить ядом», но «за всем тем однако ж не видно в нем большого помешательства ума» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 4. Д. 336. Л. 106–109об.).

Клеопатра Петровская на допросе объявила, что прибегала к покровительству губернатора по тяжбыным делам, но «связей противных чести и законам [...] с ним никогда не имела [...] и все сие выдуманно одной коварной злобой!», «следовательно и детей от него не имела». «Смею надеяться, — заявила Петровская, — что эта злодейская клевета, возводимая на меня и пермского губернатора лихоимцами и раскольниками, не останется без должного возмездия» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 4. Д. 336. Л. 110–111).

Результаты допроса не удовлетворили Бенкендорфа, в III отделении были составлены новые опросные пункты по сведениям из донесений

Маслова: «Кто тот ребенок, который под именем ее ребенка воспитывается у кунгурского городничего Полянского?» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 4. Д. 336. Л. 130). Петровская продолжала открещиваться, но отдельные зацепки были налицо. Во всеподданнейшем докладе от 25 октября 1830 г. Бенкендорф обратил внимание Николая I, что Тюфяев «жалобу Петровского принял [...] прямо на свое лицо [...]. Сии выражения вынуждают замечание: что он или предупрежден был о причине вытребования сюда Петровского, или что он имеет причину страшиться его» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 221. Д. 23. Л. 71–84об.).

За докладом последовало личное объяснение, Николай I поручил Бенкендорфу допросить Петровских. «Петровский оказался действительно помешанным в уме, — доложил шеф жандармов 15 ноября, — и я поручил главному доктору Кайзеру освидетельствовать его. Г. Кайзер уведомил меня письменно, что Петровский не только болен телесно, но что он также помешан на разных предметах, из коих главнейший состоит в том, что он полагает состоять в родстве с императором австрийским [...] По сей причине нельзя было узнать ничего обстоятельного от Петровского». Бенкендорф предлагал определить его «в здешнем доме сумасшедших, под особенным надзором доктора Кайзера, который полагает исцеление его возможным». Николай I согласился (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 221. Д. 23. Л. 97–98). В декабре 1831 г. лейб-медик И. Ф. Рюль¹¹ по повелению императора повторно освидетельствовал Петровского. На основании его отзыва по всеподданнейшему докладу шефа жандармов Петровскому был выдан вид на жительство в Петербурге с разрешением поступить на службу в Орловскую губернию (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 425. Л. 222).

Клеопатра Петровская была допрошена с большим пристрастием, Бенкендорф докладывал:

Сестра его, женщина смелая, чуждая всяких нежных качеств, ее полу свойственных, запиралась во всех своих ответах, с жаром защищая губернатора как своего покровителя и благодетеля, говоря, что против него ябеда точит свои стрелы и что лихоимцы и раскольники его неприятели за то, что он честен и беспристрастен. (Почти слово в слово то, что сам губернатор пишет в рапорте своем по сему предмету).

Даже все, что только мог я сказать ей о детях, прижитых ею, не произвело в ней желанного действия: на глазах у ней навернулись слезы, но она осталась

¹¹С 1828 г. — инспектор по Медицинской части в богоугодных заведениях, подведомственных IV отделению Собственной его императорского величества канцелярии.

в принятой ею роли и опровергала все как гнусную клевету (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 221. Д. 23. Л. 98об.–99).

Бенкендорф полагал за лучшее дозволить Петровской «отправиться куда пожелает, выдав ей нужные для путевых издержек деньги» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 221. Д. 23. Л. 100). Николай I, однако, повелел продолжить расследование и допросить Петровскую «при священническом увещевании» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 221. Д. 23. Л. 97).

Вскоре III отделение получило более вескую улику — «написанное в почтительных выражениях» письмо Тюфяева к Петровской¹². Губернатор выражал надежду на скорое окончание дела: «Злодеи мои, избравшие вас орудием к преследованию меня конечно будут отмщены справедливою волею», а «Государь вознаградит Ваше терпение». Все неприятности Тюфяев приписал Маслову, которого подозревал в стремлении занять губернаторское место в Перми (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 4. Д. 336. Л. 186–187). Из бумаги следовало, что Петровская сама писала Тюфяеву 8 октября.

Письмо Тюфяева было передано протоиерею Казанского собора Петру Мысловскому, определенному для церковного увещевания Петровской. По словам Бенкендорфа, Мысловский ранее «неоднократно и с особенным успехом употребляем был в подобных делах»¹³. В беседе со священником «девица Петровская страшные и неоднократные изрекала клятвы в неповинности своей к лицу губернатора Тюфяева, отнюдь однако же не отвергая, чтоб он не делал ей, как при жизни сестры ея, так и после оной, весьма частых посещений». В туманных выражениях Петровская намекала, что ее связывал с губернатором общий секрет вокруг посещения Перми Александром I в 1824 г.:

Тот, кто уже не существует более на свете, сказал ей якобы клятвою: никому не открывать *тайны* великой и виновной, что при жизни *Его*, начиная с самого губернатора все в Перми, как бы проникая в тайну, не иначе обращались с нею, как с глубокою почтительностью, и что десятилетняя награда, плод преступления, доставлена была к ней нынешним графом И. И. Дибичем; наконец, что дитя ее было воспитываемо гораздо выше частного состояния (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 4. Д. 336. Л. 150–150об.).

¹²Материалы архивного дела не содержат сведений, при каких обстоятельствах письмо попало в III отделение. Ранее Маслов докладывал, что по сведениям его доверителя Тюфяев и Петровская обмениваются письмами, «она его уведомляет всякую неделю о всех делаемых ей вопросах» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 4. Д. 336. Л. 155).

¹³В январе 1826 г. протоиерей Мысловский был приставлен духовником к заключенным в Петропавловскую крепость декабристам (Бокова, 2003: 95–97).

По обоснованному предположению Герцена, эта версия была плодом фантазии Тютфяева. Мысловский заключал:

Осмелюсь, обратиться к ужасным клятвам Петровской, думать, что она или действительно невинна в порочных связях с Тютфяевым, или — если виновата, то это будет не человек, а воплощенный Дьявол, заматеревшая в преступлениях грешница, у которой потеряна последняя капля совести (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 4. Д. 336. Л. 150об.).

Бенкендорф же полагал, что «не нужно даже соображать известных обстоятельств, но стоит только взглянуть на Петровскую, чтобы увериться в ложности сего дерзкого ее показания» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 221. Д. 23. Л. 117об.). 13 декабря 1830 г. шеф жандармов представил очередной доклад по делу, включив в него полный текст показаний Петровской. Николай I повелел определить Петровскую в монастырь.

16 декабря обер-прокурор Святейшего синода князь П. С. Мещерский уведомил шефа жандармов, что:

...во исполнение высочайше воли [...] полагал бы удобнейшим заключить ее в Нижегородский Крестовоздвиженский женский монастырь и заготовил по сему предписание к игуменье того монастыря Дорофее о принятии и содержании в оном помянутой Петровской с тем, чтобы за поведением ее было надлежащее наблюдение с приличным наставлением о нравственном ее исправлении (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 4. Д. 336. Л. 162).

В апреле 1832 г. нижегородский военный губернатор генерал-майор М. П. Бутурлин довел до сведения шефа жандармов, что находящийся в губернии провиантский комиссионер имеет с Петровской:

...отношения, хотя не мог я удостовериться какого именно рода [...] но не менее того в тот же день игуменья сообщила мне, что сей комиссионер приходил к ней, просил согласия на брак его с означенною Петровскою (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 425. Л. 292).

Опасаясь, что «великое стечение в церковь народа и ночная служба могла дать способ дойти как-нибудь до сей девицы или увести ее и потом где-нибудь обвенчаться», Бутурлин выслал комиссионера в Саратов и предложил перевести Петровскую в другой монастырь (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 425. Л. 292об.). В августе 1832 г. после ходатайства Бенкендорфа определением Синода Петровская была «переведена Вятской епархии в Слободской Христорожественский монастырь и [...] сдана тамошнего монастыря игуменье Афанасии» (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 425. Л. 300).

В 1832 г. Тюфяев через Министерство внутренних дел переслал Петровской заемные письма и документы на владение дворовыми людьми (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 425. Л. 293–293об.). С 1834 году он служил в Вятской губернии, где тогда содержалась Петровская, но о дальнейшем доступные архивные документы умалчивают¹⁴.

В начале 1831 г. Министерство внутренних дел завершило расследование о злоупотреблениях пермских чиновников. Оно опиралось преимущественно на ответы губернатора, который последовательно отводил все обвинения. В министерской справке значилось, что «замечания по всем вышеприведенным предметам полковника Маслова не имеют никакого основания; а возражения его [...] самопроизвольны и неприличны» (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 425. Л. 155–155об.). Слухи о неуместном покровительстве воспитанницам воспитательного дома были оставлены без внимания: «А чтобы обучение девушек пению устроено было с какою-либо неблаговидною целью или употребление их для клироса, сего в виду нет, да и приписать сие губернатору слишком неприлично» (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 425. Л. 198).

Маслов, однако, продолжал собирать улики, жандармским чином удалось получить письмо советника губернского правления М. Г. Сведомского, свидетельствовавшее о его причастности к махинациям по винному откупу. В начале ноября 1830 г. Бенкендорф доложил эти обстоятельства Николаю I, который передал министру внутренних дел А. А. Закревскому недвусмысленный вопрос: «Не найдете ли вы такого человека вредным для службы?» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 4. Д. 336. Л. 131). Хотя доказательства виновности Сведомского были весьма шаткими, министр не стал возражать: «Судя по описываемым поступкам, советник Сведомский не токмо не может быть терпим в службе, но должен непременно подвергнуться суду». Чиновник был судим в Архангельской уголовной палате (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 4. Д. 336. Л. 149)¹⁵.

¹⁴По данным краеведов, в начале 1835 г. по инициативе Бенкендорфа и обер-прокурора Синода С. Д. Нечаева Петровская была переведена в девичий Покровский монастырь Воронежской епархии (Касанов, 2012).

¹⁵В литературе Михаил Гаврилович Сведомский фигурирует как крупный фабрикант, помещик и меценат, который «основал Ланкастерскую школу; в отдаленном краю губернии, где особенно процветал раскол, на свой счет выстроил православную церковь, принимал участие в устройстве тюремного замка, госпиталей и вообще богоугодных заведений», а также «состоя членом Русского Географического Общества [...] оказал обществу немаловажную услугу доставлением точных сведений о Пермском крае и снабжением всем необходимым Уральской экспедиции» (Русский биографический словарь,

В октябре 1830 г., когда допросы Петровских были в самом разгаре, Маслов передал в III отделение новые сведения «до какой степени допущен в Пермской губернии разврат между чиновниками». Жандарм утверждал теперь, что дворянский заседатель в Оханском уезде «оставив жену, третий год проживает в Сосновской волости имея трех наложниц, из оных две родные сестры», другой чиновник насильно держит в своем доме девицу 17 лет (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 4. Д. 336. Л. 122–124). Все это было оставлено без последствий.

16 марта 1831 г. Тюфяев решением Николая I был переведен губернатором в Минск, а через месяц — в Тверь¹⁶. В обход действовавших правил он даже добился ассигнования 5 тыс. рублей на путевые издержки, заверив Закревского:

Бога и людей призываю в свидетели, что в продолжение 37-летней службы моей не только руки мои, но и мысли мои не осквернены постыдными и преступными приобретениями [...] Я столько беден, что не имею никакой возможности отправить семейство и самому тронуться с места (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5.1831. Д. 298. Л. 140б.–150б.)¹⁷.

В справке министерства значилось, что Тюфяев «во время управления Пермскою губернию оказывал [...] постоянное усердие и попечение о благоустройстве ея» (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5.1831. Д. 298. Л. 270б.).

Расследование завершилось для Тюфяева благополучно: по-видимому, Николаю I не нужен был публичный скандал вокруг губернатора. В последующие годы Тюфяев оставался в поле зрения III отделения. Тверской штаб-офицер подтверждал, что губернатор живет весьма скромно:

...но некоторые уверяют, что это для того, чтоб отвлечь всякое подозрение, и что он имеет денежный капитал, в чем удостовериться не только мудрено, но и невозможно, ибо он сей истины вероятно и духовнику не исповедует [...] в семейной жизни по общему гласу дурной муж (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 8. Д. 397е. Ч. 1. Л. 140–140об.).

1904: 229–230). После его смерти имение с заводами перешло к племяннику, сыновья которого — Александр и Павел — стали известными художниками (Гладышев, 2010).

¹⁶Перевод из Перми был вызван недовольством Николая I (Венчание с Россией, 1999: 133).

¹⁷Такая выплата полагалась при первом назначении губернатором, но не в случае перевода в другую губернию.

В апреле 1834 г. Тюфяев был переведен в Вятку, и вскоре жандармский офицер уже рапортовал в Петербург, что губернатор:

...как в обществе сделалось уже совершенно гласным, имеет семейственную жизнь самую предосудительную; он, завладев женой своего дворецкого, содержит явным образом как свою наложницу, а супругу свою совсем оставил, которая потому и осталась жить в доме второго своего сына (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 9. Д. 43е. Л. 7).

Все эти сведения, как и ряд записок о служебных злоупотреблениях губернатора, были переданы на усмотрение министра внутренних дел.

Служебная карьера Тюфяева оборвалась в мае 1837 г. Великий князь Александр Николаевич во время известного путешествия по стране передал отцу впечатления от посещения Вятки:

Что всего прискорбнее, это то, что до меня дошли слухи, что меры, взятые как здешним губернатором Тюфяевым, так и подчиненными его по случаю моего приезда, весьма круты и сделали много недовольных, что тем более прискорбно, что проезд мой, который должен бы быть радостью для всех, делается всем в тягость. По сему случаю поступило несколько просьб (Венчание с Россией, 1999: 42).

Состоявший при наследнике генерал-адъютант А. А. Кавелин сообщил эти просьбы Николаю I, подтвердив, что городничий в г. Орлове:

...принуждал жителей делать деревянные тротуары, а тем, которые не в состоянии были выполнить его требований, ставил экзекуцию; так как он сознался, что делал это из усердия к службе, исполняя волю начальства, то я объявил губернатору, что Его Высочеству весьма неприятно, что проезд его обращается в отягощение жителей (РГИА. Ф. 1284. Оп. 22. Д. 55. Л. 3).

В письме от 25 мая 1837 г. Николай I кратко поведал наследнику служебный путь губернатора:

Тюфяев слыл прежде исправным и часто за это был награждаем; я не был им доволен, перевел его из Перми в Тверь, где он так же надурчил; его перевели в Вятку, ибо там менее должно было случаться поводов ему ссориться с другими властями. Зато он пустился в другие неслыханные глупости, о которых мне официально донес и [получил], но поздно, заслуженного *дурака*. Придется его сменить (там же: 133)¹⁸.

¹⁸Задолго до этого эпизода жандармы передавали в Петербург жалобы обывателей на самоуправство Тюфяева при строительстве новых тротуаров. В июне 1830 г. Маслов писал, что в Перми «при устройстве тротуаров не было оказываемо никакой пощады беднейшим из жителей, у коих для сего выламывали даже полы из домов их» (РГИА. Ф. 1286.

Высочайшим указом 29 мая 1837 г. Тюфяев был уволен. Жандармский офицер представил тогда в III отделение записку «Об общей радости при получении известия об увольнении вятского гражданского губернатора Тюфяева» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 9. Д. 43д. Л. 53; см. также Герцен, 1969: 251–253). В отставке Тюфяев проживал в селе Александровка Казанской губернии, где и был похоронен. В 1898 г. профессор Казанского университета Е. Ф. Будде общался в Александровке со старыми крестьянами, которые вспоминали барина «с великой благодарностью, т. к. он сразу по приезде освободил их от барщины», но припоминали, что бывший губернатор «жил „неладно“ в семейной жизни» (Будде, 1898: 9).

В целом, в правящей элите Российской империи, очевидно, не было единства взглядов относительно путей и допустимых пределов вмешательства власти в частную жизнь чиновников. С учреждением III отделения эта сфера стала объектом надзора тайной полиции, преимущественное внимание отводилось наблюдению за губернскими чиновниками посредством жандармских штаб-офицеров. Негласный надзор замыкался на фигуре императора, который подчас детально вникал в обстоятельства дела. Николай I стремился избегать лишней гласности, но вмешивался в ситуацию, когда обстоятельства частной жизни служащих становились предметом публичного обсуждения и порицания. В таком случае домашняя жизнь переставала быть частным делом чиновника и могла стоять ему служебной карьеры. Выступая представителем верховной власти, чиновник не должен был дискредитировать ее своими поступками.

СОКРАЩЕНИЯ

- ГАРФ. Ф. 110 Государственный архив Российской Федерации. Ф. 110: штаб Отдельного Корпуса жандармов.
- ГАРФ. Ф. 109 Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109: Третье отделение Собственной его императорского величества канцелярии.

Оп. 5. Д. 425. Л. 19). В ноябре 1834 г. подполковник Бек доносил из Вятки, что Тюфяев «предложил переделать во всем городе тротуары [...] а потому он приказал перенести их ближе к домам, сделать вдвое шире и выкопать новые под ними канавы. [...] Бедные жители, которых большая часть в Вятке и которые едва в состоянии себя пропитывать, будучи понуждаемы полициею с угрозами: если они не построят тротуаров, то дома их будут взяты в распоряжение оной и будут отдаваться в наем» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 9. Д. 43д. Л. 1–10б.).

- ГАРФ. Ф. 728 Государственный архив Российской Федерации. Ф. 728: коллекция Зимнего дворца.
- РГИА. Ф. 1284 Российский государственный исторический архив. Ф. 1284: Департамент общих дел Министерства внутренних дел.
- РГИА. Ф. 1286 Российский государственный исторический архив. Ф. 1286: Департамент полиции исполнительной Министерства внутренних дел.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Венчание с Россией : переписка Великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 год / сост. Л. Г. Захаровой, Л. И. Тютюнник. — М. : Московский университет, 1999.
- Видок Фиглярин : письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение / под ред. А. И. Рейтблата. — М. : Новое литературное обозрение, 1998.
- Выписки из записок уфимского старожила генерал-майора Михаила Михайловича Ребелинского // Река времени / под ред. Я. С. Свице. — Уфа : Книжная палата Республики Башкортостан, 2014. — С. 92–102.
- Герцен А. И.* Былое и думы / под ред. А. Козловского. — М. : Художественная литература, 1969.
- Жиркевич И. С.* Записки Ивана Степановича Жиркевича. 1789–1848. — М. : Кучково поле, 2009.
- Переписка И. А. Яковлева с А. И. Михайловским-Данилевским // Герцен и Огарев в кругу родных и друзей. Кн. 1 / под ред. А. Г. Тартаковского. — М. : Наука, 1997. — С. 497–537. — (Литературное наследство ; 99).
- Петербургское общество при восшествии на престол императора Николая по донесениям М. М. Фока — А. Х. Бенкендорфу // Русская Старина. — 1881. — № 11. — С. 519–560.
- Россия под надзором : отчеты III отделения 1827–1869. Сборник документов / сост. М. В. Сидоровой, Е. И. Щербаковой. — М. : Российский фонд культуры, Российский Архив, 2006.
- Стогов Э. И.* Записки жандармского штаб-офицера эпохи Николая I / под ред. Е. Н. Мухиной. — М. : Индик, 2003.

ЛИТЕРАТУРА

- Абакумов О. Ю.* «Око земного бога» (Корпус жандармов на рубеже 50–60-х гг.: традиции и новации) // Освободительное движение в России / под ред. Н. А. Троицкого. — Саратов : Саратовский университет, 2000. — С. 61–78. — Вып. 18.
- Абакумов О. Ю.* Жандармы в борьбе со взяточниками // Противодействие коррупции : государственная политика и гражданское общество / под ред.

- В. Л. Чепляева, О. Н. Фомина. — Саратов : Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина, 2015. — С. 174–179.
- Абакумов О. Ю.* Третье отделение на страже нравственности и благочиния. Жандармы в борьбе со взятками и пороком. 1826–1866 гг. — М. : Центрполиграф, 2017.
- Андерсон П.* Родословная абсолютистского государства / пер. с англ. И. Куриллы. — М. : Территория будущего, 2010.
- Бибиков Г. Н.* III Отделение и надзор за губернской администрацией : случай губернатора И. Д. Талызина // Вестник Томского государственного университета. Серия История. — 2017. — Т. 50, № 6. — С. 12–23.
- Бикташева А. Н.* Антропология власти : казанские губернаторы первой половины XIX века. — М. : Новый хронограф, 2012.
- Бикташева А. Н.* Кадровый контроль политической полиции над региональным чиновничеством : практики Казанской губернии 1826–1861 гг. // Известия Саратовского университета. Серия История. Международные отношения. — 2014. — Т. 14, № 4. — С. 110–116.
- Бокова В. М.* Вступительная статья : из переписки отца Петра Мысловского // Российский Архив : история Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Т. XII / под ред. А. Д. Зайцева. — М. : Студия ТРИТЭ, Российский архив, 2003. — С. 95–97.
- Будде Е. Ф.* Из истории Казанского края. — Казань : Казанский университет, 1898.
- Гвоздиков И. М.* Миссия сенатора А. Н. Пещурова. Сенаторская ревизия в Оренбургской губернии. 1842–1843 гг. // Бельские просторы. — 2007. — № 6. — С. 141–162.
- Гладышев В. Ф.* Сведомские начинаются в Перми // Мы — земляки: журнал о Пермском крае и его жителях. — 2010. — Т. 15, № 5. — С. 22–25.
- Деревнина Т. Г.* III отделение и его место в системе государственного строя абсолютной монархии в России : дис. ... канд. ист. наук / Деревнина Т. Г. — М. : Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 1973.
- История Правительствующего сената за двести лет. 1711–1911 гг. В 5 т. Т. 1911 / сост. И. А. Блинова. — 1911.
- Касанов А.* Соблазненная губернатора. — 2012. — URL: http://www.adsl.kirov.ru/projects/articles/2012/11/10/soblaznivshaya_gubernatora (дата обр. 2 апр. 2019).
- Лавренова А. М.* Синий мундир в зеркале Венеры : взаимовлияние личной жизни и служебной карьеры чинов Отдельного корпуса жандармов // Новый исторический вестник. — 2015. — Т. 44, № 2. — С. 31–53.
- Лемке М. К.* Николаевские жандармы и литература 1826–1855 годов. — СПб. : С. В. Бунин, 1908.

- Мустонен П.* Собственная Его Императорского Величества Канцелярия в механизме властвования института самодержца. 1812–1858 : к типологии основ имперского управления. — Хельсинки : Kikimoga publications, 1998.
- Немчианинова Е. Н.* Кадровое обеспечение губернаторского корпуса Российской империи XIX – начала XX вв. (на материалах Вятской губернии) : дис. ... канд. ист. наук / Немчианинова Е. Н. — Ижевск : Удмуртский государственный университет, 2015.
- Оржеховский И. В.* Самодержавие против революционной России. 1826–1880. — М. : Мысль, 1982.
- Пермские губернаторы : традиции и современность / под ред. И. К. Кирьянова, В. В. Мухина. — Пермь : Пермский университет, 1997.
- Ремнев А. В.* Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX века. — Омск : Омский государственный университет, 1995.
- Ремнев А. В.* Самодержавное правительство : Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX – начало XX в.) — М. : Российская политическая энциклопедия, 2010.
- Романов В. В.* Надзор за состоянием и деятельностью института губернаторов — функция политической полиции Российской империи в 1826–1860 гг. // Правовая политика и правовая жизнь. — 2012. — № 2. — С. 17–21.
- Русский биографический словарь. В 25 т. Т. 18. Сабанеев — Смыслов / под ред. А. А. Половцова. — СПб. : В. Демаков, 1904.
- Середонин С. М.* Исторический обзор деятельности Комитета министров : в 7 т. Т. II. I. — СПб. : Канцелярия Комитета министров, 1902.
- Чукарев А. Г.* Тайная полиция Николая I: 1826–1855. — М., Жуковский : Кучково поле, 2005.
- Шильдер Н. К.* Император Николай I : его жизнь и царствование. В 2 т. Т. 1. — СПб. : Издательство А. С. Суворина, 1997.
- Эдельман О. В.* Грозный царь-отец // Родина. — 2013. — № 3. — С. 97–101.
- Экштут С. А.* Надин, или Роман великосветской дамы глазами тайной политической полиции. — М. : Согласие, 2001.
- Экштут С. А.* Ох, Анна Львовна! // Родина. — 2013. — № 3. — С. 81–89.
- Burbank J., Cooper F.* Empires in World History. — Princeton : Princeton University Press, 2010.
- Lincoln W.* The Ministers of Nicholas I : A Brief Inquiry into Their Backgrounds and Service Careers // Russian Review. — 1975. — No. 3. — P. 308–323.
- Raeff M.* The Well-Ordered Police State : Social and Institutional Change through Law in the Germanies and Russia, 1600–1800. — Yale : Yale University Press, 1983.
- Yaney G.* The Systematization of Russian Government : Social Evolution in the Domestic Administration of Imperial Russia, 1711–1905. — Chicago : University of Illinois Press, 1973.

Bibikov, G. N. 2019. "Nadzor III otdeleniya za chastnoy zhizn'yu gubernskikh chinovnikov (1820–1830-ye gg.) [The Third Section's Oversight of the Private Life of Provincial Officials (1820–1830s)]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* III (2), 79–108.

GRIGORY BIBIKOV

PHD IN HISTORY; SENIOR RESEARCHER AT THE INSTITUTE OF RUSSIAN HISTORY, RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES, MOSCOW

THE THIRD SECTION'S OVERSIGHT OF THE PRIVATE LIFE OF PROVINCIAL OFFICIALS (1820–1830S)

Abstract: The article is devoted to the oversight of the Third Section of His Majesty's Own Chancellery of the private life of provincial officials in the 1820s and 1830s. The research is primarily based on documents from the archives of the Third Section, the Corps of Gendarmes and the Ministry of Internal Affairs. The recent research revealed that the secret police under Nicholas I not only looked after political opposition but also supervised service activities of provincial officials, as well as the private life and behaviour of subjects. In practice, these activities were closely intertwined. The article deals with the examples of the intervention of the Third Section in the private life of provincial officials with the main accent on the civil governors. The central theme is the case of Perm governor Kirill Tyufyaev (1777–1845). The research revealed that there was no common approach to the limits of government intervention in the private life of officials. Under Nicholas I this area became the object of supervision of the secret police primarily through gendarme staff officers in provinces. Gendarmes paid particular attention to family discord and indecent behaviour. Nicholas I often personally delved into the details of such cases. The sovereign tried to avoid unnecessary publicity but intervened when the circumstances of the private life of employees became the subject of public discussion. In this case, the home life ceased to be a private matter and could end their career. As a representative of the supreme power, the governor had no right to discredit it with his behaviour.

Keywords: Third Section, Nicholas I, Secret Police, Public Sphere, Private Life, Governor, State Official, Kirill Tyufyaev.

DOI: 10.17323/2587-8719-2019-3-2-79-108.

REFERENCES

- Abakumov, O. Yu. 2000. "Okо zemnogo boga' (Korpus zhandarmov na rubezhe 50–60-kh gg.: traditsii i novatsii) [‘The Eye of the Earth God’ (Gendarme Corps at the turn of the 1850s–1860s: traditions and innovations)]" [in Russian]. In *Osvoboditel'noye dvizheniye v Rossii [Liberation Movement in Russia]*, ed. by N. A. Troitskiy, 61–78. Vyp. 18. Saratov: Saratovskiy universitet.
- . 2015. "Zhandarmy v bor'be so vzyatochnikami [Gendarmes against Bribe Takers]" [in Russian]. In *Protivodeystviye korrupsii [Anti-Corruption] : gosudarstvennaya politika i grazhdanskoye obshchestvo [State Policy and Civil Society]*, ed. by V. L. Cheplyayev and Fomin O. N., 174–179. Saratov: Povolzhskiy institut upravleniya imeni P. A. Stolypina.
- . 2017. *Tret'ye otdeleniye na strazhe nraustvennosti i blagochiniya. Zhandarmy v bor'be so vzyatkami i porokom. 1826–1866 gg. [The Third Section on Guard of*

- Morality and Decency. Gendarmes against Bribes and Vice, 1826–1866* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Tsentrpoligraf.
- Anderson, P. 2010. *Rodoslavnaya absolyutist-skogo gosudarstva* [*Lineages of the Absolutist State*] [in Russian]. Trans. from the English by I. Kurilla. Moskva [Moscow]: Territoriya budushchego.
- Bibikov, G. N. 2017. “III Otdeleniye i nadzor za gubernskoy administratsiyey [Third Section of His Imperial Majesty’s Own Chancellery and the Control over Provincial Administration]: sluchay gubernatora I. D. Talyzina [The Case of Governor I. D. Talysin]” [in Russian]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya* 50 (6): 12–23.
- Biktaševa, A. N. 2012. *Antropologiya vlasti* [*The Anthropology of Power*]: kazanskiye gubernatory pervoy poloviny XIX veka [*Kazan Governors of the First Half of the 19th Century*] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Novyy khronograf.
- . 2014. “Kadrovyy kontrol’ politicheskoy politzii nad regional’nym chinovnichestvom [Secret Police Control over Regional Bureaucracy]: praktiki Kazanskoy gubernii 1826–1861 gg. [The Practices of Kazan Province, 1826–1861]” [in Russian]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya* 14 (4): 110–116.
- Blinov, I. A., comp. 1911. [in Russian]. Vol. 1911 of *Istoriya Pravitel’stvuyushchego senata za dvesti let. 1711–1911 gg.* [*The History of the Governing Senate for Two Hundred Years, 1711–1911*]. 5 vols.
- Bokova, V. M. 2003. “Vstupitel’naya stat’ya [Introductory Article]: iz perepiski ottsa Petra Myslovskogo [From the Correspondence of Archpriest Piotr Myslovsky]” [in Russian]. In *Rossiyskiy Arkhiv* [*The Russian Archive*]: istoriya Otechestva v svidetel’stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv. [*History of Motherland in Certificates and Documents of 18–20th Centuries*], ed. by A. D. Zaytsev, XII:95–97. Moskva [Moscow]: Studiya TRIT’E / Rossiyskiy arkhiv.
- Budde, Ye. F. 1898. *Iz istorii Kazanskogo kraja* [*From the History of Kazan Region*] [in Russian]. Kazan’: Kazanskiy universitet.
- Burbank, J., and F. Cooper. 2010. *Empires in World History*. Princeton: Princeton University Press.
- Chukarev, A. G. 2005. *Taynaya politziya Nikolaya I: 1826–1855* [*Secret Police of Nicholas I: 1826–1855*] [in Russian]. Moskva [Moscow] and Zhukovskiy: Kuchkovo pole.
- Derevnina, T. G. 1973. “III otdeleniye i yego mesto v sisteme gosudarstvennogo stroya absolyutnoy monarkhii v Rossii [The Third Section and Its Role in the System of the Absolute Monarchy in Russia]” [in Russian]. PhD diss., Moskovskiy gosudarstvennyy universitet im. M. V. Lomonosova.
- Edel’man, O. V. 2013. “Groznyy tsar’-otets [Fearsome Father-Tsar]” [in Russian]. *Rodina*, no. 3: 97–101.
- Ekshut, S. A. 2001. *Nadin, ili Roman velikosvet-skoy damy glazami taynoy politicheskoy politzii* [*Nadine, or a Romance of a Beau Monde Lady in the Eyes of the Secret Political Police*] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Soglasieye.
- . 2013. “Okh, Anna L’vovna! [Oh, Anna L’vovna!]” [in Russian]. *Rodina*, no. 3: 81–89.
- Gertsen, A. I. 1969. *Byloye i dumy* [*My Past and Thoughts*] [in Russian]. Ed. by A. Kozlovskiy. Moskva [Moscow]: Khudozhestvennaya literatura.
- Gladyshev, V. F. 2010. “Svedomskiy nachinayut-sya v Permi [Svedoms Begin in Perm]” [in Russian]. *My — zemlyaki: zhurnal o Permskom kraje i yego zhitelyakh* 15 (5): 22–25.
- Gvozdikova, I. M. 2007. “Missiya senatora A. N. Peshchurova. Senatorskaya reviziya v Orenburgskoy gubernii. 1842–1843 gg. [Mission of Senator A. N. Peshchurov. Senatorial Audit of the Orenburg Province. 1842–1843]” [in Russian]. *Bel’skiye prostory*, no. 6: 141–162.

- Kasanov, A. 2012. "Soblaznivshaya gubernatora" [in Russian]. Accessed Apr. 2, 2019. http://www.adsl.kirov.ru/projects/articles/2012/11/10/soblaznivshaya_gubernatora.
- Kir'yanov, I. K., and V. V. Mukhin, eds. 1997. *Permskiye gubernatory [Perm Governors]: traditsii i sovremennost' [Traditions and Modernity]* [in Russian]. Perm': Permskiy universitet.
- Lavrenova, A. M. 2015. "Siniy mundir v zerkale Venery [The Blue Uniform in the Mirror of Venus]: vzaimovliyaniye lichnoy zhizni i sluzhebnoy kar'yery chinov Otdel'nogo korpusa zhandarmov [Interactions Between Personal Life and Professional Career of the Separate Gendarme Corps Officials]" [in Russian]. *Novyye istoricheskiy vestnik* 44 (2): 31–53.
- Lemke, M. K. 1908. *Nikolayevskiy zhandarmy i literatura 1826–1855 godov [Gendarmes of Nicholas I and Literature in 1826–1855]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: S. V. Bunin.
- Lincoln, W. 1975. "The Ministers of Nicholas I: A Brief Inquiry into Their Backgrounds and Service Careers." *Russian Review*, no. 3: 308–323.
- Mustonen, P. 1998. *Sobstvennaya Yego Imperatorskogo Velichestva Kantselyariya v mekhanizme vlastovaniya instituta samoderzhitsa. 1812–1858 [His Imperial Majesty's Own Chancery in the Mechanism of the Autocrat's Ruling Institution in 1812–1858]: k tipologii osnov imperskogo upravleniya [On the Typology of Imperial Rule Foundations]* [in Russian]. Khel'sinki: Kikimora publications.
- Nemchaninova, Ye. N. 2015. "Kadrovoye obespecheniye gubernatorskogo korpusa Rossiyskoy imperii XIX – nachala XX vv. (na materialakh Vyat'skoy gubernii) [The Governor Corps of the Russian Empire of the 19th–Early 20th Centuries (on the Materials of the Vyatka Province)]" [in Russian]. PhD diss., Udmurt'skiy gosudarstvennyy universitet.
- Orzhekhovskiy, I. V. 1982. *Samoderzhaviye protiv revolyutsionnoy Rossii. 1826–1880 [Autocracy Against Revolutionary Russia, 1826–1880]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- "Peterburgskoye obshchestvo pri voshestvii na prestol imperatora Nikolaya po doneseniyam M. M. Foka — A. Kh. Benkendorfu [Petersburg Society at the Accession to the Throne of Emperor Nicholas According to the Reports of M. M. Fock to A. Ch. Benckendorff]." 1881 [in Russian]. *Russkaya Starina*, no. 11: 519–560.
- Polovtsov, A. A., ed. 1904. *Sabaneyev — Smyslov [Sabaneyev — Smyslov]* [in Russian]. Vol. 18 of *Russkiy biograficheskiy slovar' [Russian Biographical Dictionary]*. 25 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: V. Demakov.
- Raeff, M. 1983. *The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change through Law in the Germanies and Russia, 1600–1800*. Yale: Yale University Press.
- Reytblat, A. I., ed. 1998. *Vidok Figlyarin [Vidocq Figlyarin]: pis'ma i agenturnyye zapiski F. V. Bulgarina v III otdeleniye [Letters and Agent Notes by F. V. Bulgarin for the 3rd Section]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Remnev, A. V. 1995. *Samoderzhaviye i Sibir'. Administrativnaya politika v pervoy polovine XIX veka [Autocracy and Siberia. Administrative Policy in the First Half of the 19th century]* [in Russian]. Omsk: Omskiy gosudarstvennyy universitet.
- . 2010. *Samoderzhavnoye pravitel'stvo [Autocratic Government]: Komitet ministrov v sisteme vysshego upravleniya Rossiyskoy imperii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [The Committee of Ministers in the Russian Empire's System of Higher Administration in the Second Half of the 19th and the Early 20th Centuries]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.
- Romanov, V. V. 2012. "Nadzor za sostoyaniyem i deyatelnost'yu instituta gubernatorov — funktsiya politicheskoy politzii Rossiyskoy imperii v 1826–1860 gg. [Supervision over the State and Activities of the Institution of Governors as a Function of the Political Police of

- the Russian Empire in 1826–1860” [in Russian]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*, no. 2: 17–21.
- Seredonin, S. M. 1902. *Istoricheskiy obzor deyatelnosti Komiteta ministrov [Historical Review of the Committee of Ministers' Activity]* [in Russian]. Vol. II, 1. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Kantselyariya Komiteta ministrov.
- Shil'der, N. K. 1997. [in Russian]. Vol. 1 of *Imperator Nikolay I [Emperor Nicholas I]: yego zhizn' i tsarstvovaniye [His Life and Reign]*. 2 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Izdatel'stvo A. S. Suvorina.
- Sidorova, M. V., and Ye. I. Shcherbakova, comps. 2006. *Rossiya pod nadzorom [“Russia Under Supervision”]: otchety III otdeleniya 1827–1869. Sbornik dokumentov [Reports of the Third Section, 1827–1869]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Rossiyskiy fond kul'tury / Rossiyskiy Arkhiv.
- Stogov, E. I. 2003. *Zapiski zhandarmskogo shtab-ofitsera epokhi Nikolaya I [Memoirs of Gendarme Staff Officer Under Nicholas I]* [in Russian]. Ed. by Ye. N. Mukhina. Moskva [Moscow]: Indrik.
- Svitse, Ya. S., ed. 2014. “Vypiski iz zapisok ufimskogo starozhila general-mayora Mikhaila Mikhaylovicha Rebelinskogo [Extracts from Memoirs of Ufa Old-Time Major-General Mikhail Mikhailovich Rebelinsky]” [in Russian]. In *Reka vremeni [River of Time]*, 92–102. Ufa: Knizhnaya palata Respubliki Bashkortostan.
- Tartakovskiy, A. G., ed. 1997. “Perepiska I. A. Yakovleva s A. I. Mikhaylovskim-Danilevskim [Correspondence of I. A. Yakovlev with A. I. Mikhailovsky-Danilevsky]” [in Russian]. In *Gertsen i Ogarev v krugu rodykh i druzey [Gertsen and Ogarev in the Circle of Relatives and Friends]*, Kn. 1, 497–537. Literaturnoye nasledstvo 99. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Yaney, G. 1973. *The Systematization of Russian Government: Social Evolution in the Domestic Administration of Imperial Russia, 1711–1905*. Chicago: University of Illinois Press.
- Zakharova, L. G., and Tyutyunnik L. I., comps. 1999. *Venchaniye s Rossiiyey [Wedding with Russia]: perepiska Velikogo knyazya Aleksandra Nikolayevicha s imperatorom Nikolayem I. 1837 god [Correspondence of Grand Duke Alexander Nikolaevich with Emperor Nicholas I. 1837]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Moskovskiy universitet.
- Zhirkevich, I. S. 2009. *Zapiski Ivana Stepanovicha Zhirkevicha. 1789–1848 [The Memoirs of Ivan Stepanovich Zhirkevich. 1789–1848]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Kuchkovo pole.

СВЕТЛАНА ВОЛОШИНА*

ДОНОСЫ И АГЕНТСКИЕ ДОНЕСЕНИЯ КАК МЕХАНИЗМ «ИНТИМНОГО» ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ВЛАСТЬЮ**

Аннотация: В статье рассматривается своеобразие функций и жанрово-стилистических особенностей доносов во время правления императора Николая I. Для этого периода характерно отсутствие представительных органов, любых институциональных практик коммуникации с властью и возможности более или менее открыто выражать мнение в прессе с одной стороны, и стремление императора к прямому вмешательству во все сферы жизни подданных с другой. В создавшихся условиях большую роль приобрели доносы и донесения как прямое, интимное общение подданных с властью через посредничество III отделения Его Императорского Величества собственной канцелярии. III отделение выступало непосредственным медиатором от «маленького человека» к самодержцу Российскому, что позволяло первому миновать официальные бюрократические промежуточные этапы, устанавливая тем самым близкие, личные отношения с властными структурами. Для доносов и донесений этого периода характерны специфические жанрово-стилистические особенности: исповеди, интимного, «сыновнего» послания, призванного подчеркнуть неофициальный, внебюрократический, патриархально-личный характер отношений подданного и власти. Кроме того, доносы и донесения нередко использовались как способ косвенного влияния на властные структуры.

Ключевые слова: доносы, донесения, III отделение, власть, Николай I, А. Х. Бенкендорф, Л. В. Дубельт.

DOI: 10.17323/2587-8719-2019-3-2-109-127.

При отсутствии в государстве налаженных правовых механизмов одним из очевидных способов решения частных проблем становится прямое обращение граждан к высшим эшелонам власти в обход не работающих промежуточных, законных, институциональных структур. Один из старейших подобных прямых способов взаимодействия с высшими структурами власти — доносы.

По воцарении Николая I, предпочитавшего «ручное управление» государством, количество доносов и доносчиков, как штатных, так и действовавших по велению сердца, резко возросло¹. Увеличение количества

*Волошина Светлана Михайловна, к. филол. н., преподаватель, Российский государственный гуманитарный университет (Москва), s.m.voloshina@gmail.com.

**© Волошина, С. М. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

¹Подробнее об этом см., например, Рейтблат, 2016: 158–159.

доносов связано с появлением III отделения (1826 г.)²: тайная полиция стала промежуточным звеном между обывателем и высшими государственными силами, представителем императора в решении общих и частных невзгод «маленького человека». При недоверии к полиции и отсутствии налаженного и сколько-нибудь скорого делопроизводства в судах такое прямое, личное обращение непосредственно к власти обещало оперативную помощь. Этот модус прямого, «интимного» взаимодействия с властной структурой неизбежно формировал и особый язык обращений: доносов и донесений.

Здесь представляется нелишним сделать уточнение терминологического характера, касающееся синонимичности и различий понятий «донос» и «донесение». Письменные источники, упоминаемые в статье: записки (в т. ч. агентурные), послания, письма, сообщения, полученные в то или иное время администрацией III отделения Е. И. В. Канцелярии, зачастую не имеют точного терминологического разграничения в описываемый в статье период. Согласно словарю Даля, «донесение — рапорт начальству»; «донос, довод на кого-либо, не жалоба за себя, а объявление о каких-либо незаконных поступках другого» (Даль, 1903: 1164). В этом отношении, например, цитирующиеся ниже записки подчиненного Дубельта, подполковника штаба корпуса жандармов Александра Дмитриевича Васильева, можно назвать и донесениями (учитывая «место работы» последнего), и доносами, т. к. сводить их к «рапорту» совершенно безосновательно. В то же время, считать «донос» и «донесение» полноценными синонимами было бы неверно. Более детальный анализ (как исторический, так и терминологический) этих двух понятий потребовал бы самостоятельного обширного исследования, заставившего бы слишком отклониться от непосредственной темы статьи, не будучи при этом продуктивным ни для ее содержания, ни выводов.

В отличие от жесткой регламентации и установленных лексических норм письменного канцелярского бюрократического языка, использовавшегося в коммуникации между чиновниками, в котором обращения к вышестоящим по чину не просто регламентировались лексически, но имели заданные формулировки, эпистолярные обращения-доносы часто не просто отступали от этих иерархических формул, но и вовсе приобрели черты личных посланий, полуисповедей. Авторы доносов, жалоб и агентурных донесений не только описывали внешние обстоятельства «дела», но делали акцент на личные впечатления, «моральный урон»

²См., например, Дмитриев, 1998: 259.

от совершающихся неправомочных действий. Представитель власти (чаще всего — чиновник III отделения) делался непосредственным поверенным в делах, внимательным слушателем, личным заступником перед произволом.

Стоит отметить, что доносчики и агенты обращались не просто «в структуру», а адресовались к конкретному лицу. Власть еще не превратилась в отвлеченный высший орган, безликую силу, а имела вполне конкретные лица, и предполагалось, что имеет те же чувства и понятия, что и доносчик; таким образом, апелляция к чувствам, по мнению адресанта, была кратчайшим путем к достижению цели.

Функциональность и прагматика доносов определяла и их специфическую «поэтику» — так, в доносах закономерно отражаются центральные для эпохи литературные каноны и направления, правда, нередко с некоторым запаздыванием:

Доносы первой трети XIX века имеют свою поэтику и порой срастаются с «настоящими», каноническими для эпохи литературными жанрами — публицистическими, беллетристическими и поэтическими. Даже донесения Фаддея Булгарина в III Отделение, выполняющие отчетливые прагматические функции, питаются романтической парадигматикой, широко используют романтические коллизии, строят образы врагов отечества по моделям романых персонажей. Между тем на основании болгаринских доносов создавались годовые отчеты III Отделения, предлагавшие параметры для внешней и внутренней государственной политики (Проскурин, 2000: 15–16).

В 1830–50-х гг. в доносах и донесениях, помимо упомянутого романтического направления, отчетливо различимы черты сентиментализма, и иногда — архаического «высокого штиля» середины–конца XVIII в. И если черты «романтической» литературной традиции усиливали драматический пафос доноса (донесения), то сентименталистская парадигматика подчеркивала личные переживания «несчастливого и обиженного», призывала к сочувствию. Кроме того, сентиментализм как стиль доноса был очевидным ответом на навязанную III отделением ролевою модель: согласно широко цитируемому анекдоту, Николай I якобы выдал шефу жандармов Бенкендорфу белый платок, чтоб тот утирал «слезы несчастным и обиженным» (Ломачевский, 1880: 155). Таким образом, «обиженный» ожидаемо демонстрировал не праведный гнев и возмущение, и не холодный анализ проблемы, а слезы. Что касается почти ломоносовского одического «высокого штиля» в доносах, то он прежде всего использовался авторами в освещении вопросов государственных

и патриотических — злоупотреблений по службе официальных лиц или в описании настроений в обществе при сложных политических событиях. Таким образом подчеркивалась важность вопроса, осознание автором высокой степени опасности, и заодно манифестировалась собственная политическая благонадежность.

Как уже упоминалось, количество доносов с созданием III отделения сильно увеличилось и к концу правления Николая I было значительным. Поэтому в качестве большинства источников для статьи кажется целесообразным выбрать не доносы «от населения» (тематика, стиль, и язык которых весьма разнообразны и во многом зависят от уровня образования, принадлежности к сословию и среде доносчика), а донесения постоянных агентов и других служащих III отделения. Количество их хоть и велико, но вполне обозримо, а так как к подбору кадров в тайной полиции подходили ответственно, то особенности языка донесений агентов следует скорее соотносить не с, например, недостаточным уровнем образования, а со следованием магистральным «трендам» — прежде всего, с упомянутыми литературными направлениями, а также с сознательным «навязыванием» определенного модуса и риторики со стороны верхушки ведомства. Помимо этих донесений используются и доносы Ф. В. Булгарина (здесь терминологическая сложность достигает пика: Булгарин, не будучи штатным агентом III отделения, был, тем не менее, с ним тесно связан, и понятия доноса и донесения здесь почти смыкаются).

Ограниченный объем статьи предполагает и неизбежное сужение хронологических рамок: наибольшее число рассматриваемых ниже донесений относится к 1840-м гг., прежде всего к периоду «мрачного семилетия» 1848-1855 гг. Донесения, сделанные непосредственно после известий о революциях во Франции и других европейских странах, вполне объяснимо обладают большим эмоциональным градусом, и, что более важно, представляют собой яркий отклик на модели гражданской ответственности, языка и риторики, сформулированные и навязываемые властью.

Упомянутое увеличение числа доносов, конечно же, не было лишь спонтанной реакцией на появление учреждения как посредника между императором и рядовыми подданными. С самого начала образ жандарма и вообще сотрудника тайной полиции тщательно продумывался и выстраивался начальством. Тайная полиция мыслилась как доверенное лицо обывателей, самой силой вещей вхожее в их личные, интимные

дела. Соответственно выстраивалась и определенная поэтика этих взаимоотношений. То же самое справедливо и для агентских донесений.

Сознательное построение образа жандарма (и «работников» III отделения в целом) имплицировалось еще в секретной инструкции для штаб-офицеров корпуса жандармов, составленной Бенкендорфом в сентябре 1826 г. (Оржеховский, 1982: 58). Среди прочего Бенкендорф определял цель работы своих подчиненных как «предупреждение и отстранение всякого зла» (Шильдер, 1903: 468). Таким образом, жандармы мыслились чем-то вроде «ангелов-хранителей», добрых опекунов обывателей, причем даже эта туманная формулировка явно предполагала, что для отстранения «всякого зла» «ангелы» должны быть в курсе всех сторон жизни своих подопечных. Тот факт, что копии «секретной» инструкции направлялись для ознакомления всем гражданским, военным и генерал-губернаторам, и что содержание довольно быстро стало известно образованному обществу с явного одобрения Бенкендорфа (Бибииков, 2009: 157), подтверждает намерение власти «внедрить» и популяризировать как новый образ сотрудников тайной полиции, так и модель прямого взаимодействия обывателей с властью.

Этот подспудный *message* был совершенно верно считан современниками. Показательна в этом отношении реакция Ф. В. Булгарина (не замедлившего встроиться в новую иерархическую систему как минимум в роли осведомителя), докладывавшего Бенкендорфу о сравнении инструкции с «уставом Союза Благоденствия» и своей радости по этому поводу (Видок Фиглярин..., 1998: 140). Для многих других подспудный смысл инструкции был также очевидным, однако реакция — куда более сдержанной:

Я достал, с большим трудом, инструкцию, которая давалась Бенкендорфом его тайным агентам. Это что-то похожее, как будто писано калифом Гарун Альрашидом к визирю Жиафару. Учреждение имело целию тайно изыскивать виноватых и правых, порочных и добродетельных, дабы первых наказывать, а вторых награждать, особенно же преследовать взяточников. С этой целию дозволено им было путаться во все дела: и судебные, и семейные. А основано было это право жандармов, как сказано в инструкции, на их собственной добродетели и на чистоте их сердца, в том, вероятно, предположении, что всякой, надевающий голубой мундир небесного цвета, тотчас делается ангелом во плоти! (Дмитриев, 1998: 257–258),

— печально иронизировал М. А. Дмитриев.

Смысл и цель инструкции Бенкендорфа коррелирует и с уже упомянутой «легендой о платке», так что появление этой ролевой модели

восходит к Николаю I, а развитие и популяризация принадлежит «верхам» тайной полиции. Именно Бенкендорф «внес в мир» как модель прямого, «любовного» взаимодействия власти (в ипостаси III отделения) и народа, так и соответствующую риторику. Один из штаб-офицеров вспоминал устные наставления шефа: «Ваша обязанность — утирать слезу несчастных и отвращать злоупотребления власти, а обществу содействовать быть в согласии. Если будут *любить* вас, то вы легко всего достигнете (курсив здесь и далее мой — С. В.)» (Стогов, 2003: 108).

Жандармский штаб-офицер... обязан *частным образом* стараться направить на путь справедливости принявшее неправильный ход дело... а вместе с тем стараться приобрести общее уважение и следующую за оным безусловную доверенность... из сего явствует, что *уметь заставить любить себя* в губернии есть одна из первых обязанностей жандармского штаб-офицера... (Бибииков, 2009: 163),

— продолжал наставления Бенкендорф.

Позже Л. В. Дубельт (начальник штаба Корпуса жандармов с 1835 по 1856 г. и управляющий III отделением с 1839 по тот же 1856 г.) не только подхватил выстроенную начальником модель и риторику, но и упорядочил ее, развил и сделал органической частью бюрократической системы. На поприще этой системы внутри ведомства Дубельт вообще сделал немало: в частности, урегулировал форму ежегодных отчетов. «Следует отметить, что именно при Л. В. Дубельте была отрегулирована сложная система делопроизводства лазоревского ведомства. Отчеты стали точными, объемными, получили разделения на параграфы» (Россия под надзором, 2002: 10), — отмечают М. В. Сидорова и Е. И. Щербакова. Дубельт «достроил» эту вертикаль между «царем-батюшкой» и подданными, включив в нее промежуточное звено — тайную полицию и себя в ее средоточии. При Дубельте III отделение стало полноправным заместителем царя — в его ипостаси защитника слабых и отца народа. Из построения этих квазиродственных, почти семейных, интимных отношений и выходит тот специфический стиль и лексика, что отличали агентские донесения, адресованные Дубельту.

В качестве примера стоит рассмотреть несколько донесений о состоянии умов и настроений в Москве в 1848 г., после известия о февральской французской революции (полностью донесения находятся в деле О наблюдении в России по случаю политических переворотов в Европе..., 1848, некоторые — самые яркие — были напечатаны в журнале Былое,

1906). Эти донесения — яркая иллюстрация упомянутой ролевой структуры, где отношения с властью лексически и риторически представлены как семейные и любовные. Первое послание, помеченное «секретно», от 6 марта 1848 г.:

Здесь, думаю, как и всюду, все разговоры превратились в толки о Франции; но здесь в Благоговейной Царелюбивой Москве, дай Бог чтоб и всюду так было, говорят с презрением о Парижских происшествиях. *Как сладостно верному доложить о верных русских чувствах, слышать один сердечный голос... с радостью даже побожусь, что мне не случалось ни самому, ни чрез других, ничего иного слышать.* [...] Добрая Москва, твердо основание ее Святой Вере к Богу, в детской приверженности к Помазаннику, Царю Великому Законному, любовь к Коему, слита в душах с Законом Православной Веры. Кто не согласится, что и в Москве люди, а в людях и грехи и страсти, но основание твердо. Посмотрите теперь во время поста, как умилительно видеть толпы, но куда идущие? В Церковь, на молитву, на исповедь, к Святому Божественному причащению. Молотся, исповедая чистую Веру: а кто верит, тот верен (Былое, 1906: 73–74).

Интересно, что в донесении агента фактов почти нет, и из жанра сугубо информационного оно превращается в лирический. Автор донесения сообщает по сути лишь одно: причин для беспокойства у властей нет. Адресуясь к Дубельту, он выдерживает ролевой речевой канон, прямо упоминая о подданных как о детях: москвичи выражают простодушную инфантильную радость и преданность монарху. Сентименталистская сосредоточенность не на информации, а на чувствах (в том числе и самого агента) соседствует с официальной уваровской программой: православие — гарант приверженности «толп» монархическому способу правления (впрочем, о самом С. С. Уварове в том же «наблюдении» говорится вовсе не комплиментарно (О наблюдении в России по случаю политических переворотов в Европе..., 1848: Л. 22).

Помимо всего, акцентируя в «эпистоле» искренность, душевность и личную преданность, агент тем самым выносит ее из жанра доноса и превращает в дружеское, семейное послание. Себя же он представляет не сотрудником «на зарплате», но человеком, столь переполненным патриотическими чувствами, что не может не поделиться ими.

Второе донесение более обширно:

«Впечатление, произведенное Манифестом, возвестившим о смутах на западе Европы, были *слезы восторженных русских чувств.* Я приехал в Дворянский клуб в ту минуту, когда шел вопрос, каждого тут бывшего, к приезжающего знакомому: „Читали ли?“ [...] Да чтож вы поопоздали, вот один из членов

прекрасно придумал как столпились в газетной, что прочитал вслух». Слыша это, *сильно билось во мне приверженное сердце, я слезлив в радости, а совладал с моими глазами, чтоб с осторожною зоркостью видеть глаза других и у многих видел их влажными. Свидетельствуюсь Богом всемогущим, что лесть никогда не управляла ни языком, ни пером моим; покойный отец мой удалил от души моей это зло*; продолжаю писать как истинно видел, как слышал; и слышал весьма заметно было что голос дребезжал в отзывах о Франции, Австрии и Пруссии, но когда речь возвращалась к Манифесту, речи становились тверды; твердость как бы почерпалась из самого Манифеста, он так всем был по сердцу, как будто каждый участвовал в написании его (Былое, 1906: 74).

В этом донесении соединились и лирика, и одический восторг, и интимная составляющая (так, агент сообщает обстоятельства семейной жизни: воспитание, полученное от отца). Описательная часть письма составлена как жанровая сценка, что роднит его с частным посланием, а отказ от сухого официального тона и разговорная лексика призваны подчеркнуть безыскусность автора, его искренность и близкие, доверительные отношения с адресатом. Впрочем, из того же послания становится ясно, что просьба о предельной откровенности исходила от самого Дубельта: «Не могу притом скрыть переливая в сердце мое каждое слово Вашего драгоценного доверия и „*чтоб я писал со всюю откровенностью*“ чтоб не доложить что после послышался при вопросах кто бы писал? одного какого-то отзыв „чай Киселев писал“» (там же).

Власть (в лице Дубельта и III отделения вообще) выступает одновременно и близким другом, перед которым нет секретов и душевных тайн, и духовным наставником, исповедником, перед которым автор, как на духу, обнажает душу и помыслы — как чужие, так и свои. Отсюда и параллелизм с отцом, который якобы отучил автора от лести еще сызмальства. Некоторые выдержки из донесения напрямую соотносятся с первой «секретной» инструкцией Бенкендорфа, риторика которой наверняка продуцировалась и позже: «Я считаю что лутчие агенты для чиновника — это добрые дела, коих он был исполнителем от Благодарного Начальства, — благодарность редка, но неподкупна, когда сам исполнитель неподкупен...» (там же: 75).

Третье донесение (от 30 марта 1848 г.), обращенное к Дубельту, — наиболее интимное и сентиментальное:

При приказании Вашем от 23-го Марта дозволив мне писать неофициальным письмом, Вы как будто *милостиво угадали*: что у меня около глаза сильный ревматизм, такой, что сегодня мне поставили шпанскую мушку к затылку

и что я должен даже докладывать Вам, диктуя моему писарю, в верности и глубокой скромности коего не имею причин сомневаться [...]. И пишу к Вам с неограниченною искренностию как к отцу родному, прося Вас нисколько не думать о моей простуде и неостанавливаться удостаивать меня Вашими приказаниями. И с больным глазом, Господь не лишает меня света душевного, и в ревматизме, я пламенно усерден в верноподданнической службе и убеждаю Вас при поставленной мне шпанской мушке на затылке, ни как небрять мне затылка от Вашего драгоценного мне доверия (Былое, 1906: 75–76).

Этот агент без обиняков выписывает нужную иерархию, называя Дубельта «отцом» (так же, как и Ф. В. Булгарин, часто именовавший Дубельта в своих письмах «отцом и командиром»). Нет никаких импликаций, все предельно прямо: Дубельт — «отец», к которому обращена нежная сыновняя исповедь. Более того: агент выражает уверенность, что его физическое недомогание непременно встретит сочувствие шефа жандармов (как действительно близкого человека), и поэтому, как попечительный сын, успокаивает его на этот счет.

Донесение сочетает физиологические подробности (агент сообщает даже о месте, к которому ему по нездоровью поставили шпанскую мушку) и «высокий штиль» (обилие архаизмов, инверсий), с помощью которого подчеркивается важность, возвышенность темы:

Дай Бог чтоб я и впредь Вам мог докладывать таковые сведения о русском духе. Ей Богу теперь все тихо, у русских в душе Бог и Царь что этого тверже и верте что это здесь всему основание. Простите мне мою неограниченную искренность Батюшка Леонтий Васильевич, все единогласно отдают цену Москве, что при безтолковости Щербатова и неспособности Лужина быть обер-полицеймейстром, все держится внутреннею привязанностию к Царю и личною привязанностию к ВЕЛИКОМУ Духу ГОСУДАРЯ (там же: 77).

Примечательно, что и здесь агент подчеркивает прямую, интимную связь подданных (в этом случае — москвичей), царя и бога, минуя местное руководство.

Впрочем, нельзя не отметить, что это донесение содержит орфографические и пунктуационные ошибки, что свидетельствует об относительно невысоком уровне образования агента и, возможно, его социальной среде, что не могло не отразиться и на своеобразии стиля его послания. Вероятно, в своих донесениях и записках агенты III отделения ориентировались на речевое поведение своего начальника: абсолютное большинство подобных донесений адресовано именно ему. Образцом текста и риторики может служить часто цитируемое письмо Дубельта к жене:

Ежели я, вступя в корпус жандармов... буду опорой бедных, защитой несчастных; ежели я, действуя открыто, буду заставлять отдавать справедливость угнетенным, буду наблюдать, чтобы в местах судебных давали тяжбы делам прямое и справедливое направление, — тогда чем назовешь ты меня? [...] и я, согласясь вступить в корпус жандармов, просил Львова, чтобы он предупредил Бенкендорфа не делать обо мне представление, ежели обязанности благородные будут лежать на мне... (Русская старина, 1888: 501).

Еще одним косвенным свидетельством может служить любопытный документ — личные заметки Дубельта, написанные им в 1830–1862 гг. Несмотря на то что обычно заметки — текст личного характера, создается впечатление, что глава тайной полиции писал их, явно имея в виду стороннего читателя, причем читателя близкого к императору, в любой момент могущего передать ему их содержание и тон. В массе своей записки представляют собой обширный панегирик самодержцу, а обилие восторженной сентиментальной лексики и трескучей риторики в официальном духе и вовсе иногда навевают мысли о иронии автора:

Все великое и прекрасное так свойственно нашему Государю, что уж и не удивляет! Отеческое его попечение о голодных губерниях доказывает не только доброту, но какую-то рыцарскую добродетель. Про Александра Павловича говорили, что он был на троне — человек; про Николая надо сказать, что это на троне ангел — сущий ангел. Сохрани только, Господи, его подольше, для благоденствия России (Российский Архив, 1995: 116),

— писал Л. В. Дубельт в 1840 г.

В 1848–49 г г. «личные» записки по своей риторике становятся схожи с цитируемыми агентскими донесениями:

«Я думаю, как Государю должно быть весело, что в такой сумятице и общей европейской сумасбродной бестолковщине русский народ ведет себя так прекрасно! Сердце радуется и растет от гордости, как сравнишь русских с негодными иностранцами [...]. Они свободны, а мы в неволе; однако же, кому из нас лучше? Мне кажется, этот величественный вид спокойствия России должен очень утешать Государя и бесить Европу и наших передовых людей» (там же: 129–130).

Сложно (точнее, невозможно) определить степень искренности Дубельта (кажется, такое слово в принципе неприменимо к человеку, управлявшему III отделением). Скорее, с его стороны это было продуманной дипломатической стратегией.

Косвенным свидетельством этой стратегии является и созданный Дубельтом устойчивый образ всемогущего (благодаря близости к императору) начальника тайной полиции — умного, всезнающего, беспощадного к «супостатам», но ласкового к обиженным и милостивого к непредумышленно согрешившим. Обилие мемуарных характеристик такого «Дубельта» — доказательство его удачной работы над «имиджем» как собственным, так и всего ведомства. Дубельт якобы мог дать пощечину доносчику с ложным обвинением (правда, позже это оспаривал его сын), а один из современников вспоминал следующее:

Однажды, Булгарин какой-то статьей навлек на себя неудовольствие государя. Николай Павлович приказал Дубельту сделать Булгарину *«родительское увещание»* (снова тот же дискурс отца и неразумного дитяти! — С. В.) Призвали редактора «Северной Пчелы» к Леонтию Васильевичу.

- Становись в угол! Скомандовал он Фаддею.
- Как, ваше превосходительство?
- Как школьники становятся: носом к стене (Исторический вестник, 1887: 168).

Схоже описан и эпизод о вызове А. И. Герцена в III отделение:

Герцен, где-то в гостях, упомянув в будочнике-грабителе, заметил, что полиция обивает хлеб у мошенников... На другой день его пригласили в III Отделение.

- Ну, напроказили? — встретил его Дубельт. — Извольте ехать обратно в Вятку.
- Что же я напроказил?.. (там же: 173).

Сложно представить, что Л. В. обращался к Булгарину на «ты», а по отношению к Герцену употреблял слово «напроказил», больше подходящее к обращению строгого учителя к младшему школьнику. Эти анекдоты, имеющие весьма косвенное отношение к реальности, важны как иллюстрация выстроенного к концу 1840-х г. г. Дубельтом образа. III отделение и его функционер выглядят строгим, но справедливым родителем, строгость которого свидетельствует об отеческой, личной любви к своим отпрыскам.

Важный казус, полноценно (и уже двусторонне) демонстрирующий такую риторику (и отношения) — доносы (точнее, донесения) непосредственного подчиненного Дубельта — подполковника штаба корпуса жандармов Александра Дмитриевича Васильева на своего начальника. Курьез состоял и в том, что адресатом этих донесений на Дубельта

был сам Дубельт. Автор письма демонстрирует высшую степень личного доверия к шефу, причем обращается к нему не столько как лицу официальному, нарушающему профессиональную этику и злоупотребляющему своим служебным положением, но напротив, как к личному недоброжелателю, обманувшего его в лучших чувствах, или как к жестокому отцу, ранившего чувства сына. Васильев также широко использует сентименталистски и романтически окрашенную лексику:

Милостивый Государь Леонтий Васильевич!

Решаюсь писать к Вам вполне прямо, *необходимо однажды высказать все. Вы не любите меня и хотя обнимаете подчас, говоря о дружбе, расположении старика Д<убельта>, но я знаю очень основательно как должен быть осторожен от этой ласки; много раз Вы собирали удар, чтобы сгубить меня*, и право, я должен верить в какое-то предопределение, что до сих пор Вам не удалось *истребить меня*, а мне при шести просьбах об увольнении и переводе не удалось избежать Вас [...]. *Вы невзлюбили меня за то, что я вошел в корпус не Вашим творением, а собственным поступком и волею Государя, за то что со всем чистодушием, вполне чуждый и понятия об интригах, став подле моего шефа, я действовал неуклонно честно и часто противно Вашей воле* (Российский Архив, 2005: 127–128).

Жалобщик упрекал Дубельта в корыстолюбии и денежных аферах, нетрудовых доходах с использованием служебного положения, страсти к карточной игре, любовных связях с актрисами и слишком больших тратах, не согласующихся с его официальным жалованием, а также в разложении морального духа подчиненных.

Важно, что донесению был дан официальный ход: оно было отправлено «наверх», прочитано Николаем I и отдано на рассмотрение того же Л. В. Дубельта. Тот внимательно перечел донесение и педантично ответил на каждый упрек Васильева, нимало не смутившись ни содержанием жалобы, ни ее формой, что неудивительно: во многом парадигму, в которой подобные отношения были нормой, Дубельт создал сам. Васильев был не только не уволен, но и не понес никакого наказания: в созданной Дубельтом системе искренний и откровенный «сыновний» порыв подчиненного скорее достоин был одобрения.

Полная реализация «ролевой игры» и ее речевых характеристик может быть найдена в доносах (или донесениях) Ф. В. Булгарина. Несомненный журналистский талант и чутье Булгарина делают его донесения рельефным отражением созданной Л. В. Дубельтом системы отношений. В доносах Булгарина примерно до конца 1830-х гг. лексически фамильярного и личного почти ничего нет — в 1820-х гг. это были

записки хорошего профессионала-журналиста, написанные живым, образным языком. Дальше стиль романтизируется, события — драматизируются, а метафоры становятся все более яркими. Так, к 1840-му году объекты доносов (в основном — журнальные конкуренты, в том числе М. П. Погодин и А. А. Краевский) превращаются в романтических злодеев, существование которых способно подорвать устои государства и привести к революции.

Обращения же к Бенкендорфу и к Дубельту, почти совпадающие по времени написания (в 1839 г. Булгарин адресовался к обоим) резко отличаются друг от друга. Стиль писем к Бенкендорфу неизменно остается в рамках официального (хоть и несколько подбострастного, но все же не нарушающего норм современного ему канцелярита). Несмотря на отдельные чрезмерно цветистые фразы, общий тон остается холодно-деловым. Таково, например, письмо Бенкендорфу от 10 марта 1839 г. — ответ на выговор «за личности» в статье «Северной пчелы»:

Подвергаясь безропотно Высочайшей воле, потщусь я впредь, как и доньше, свято исполнять оную, но для этого необходимо нужно, чтоб я знал, положительно, чего от меня требуется, подвергая меня личной ответственности [...] мне нельзя действовать по одним догадкам и домыслам... (Видок Фиглярин..., 1998: 436).

Совершенно иными в отношении стиля и лексики, но не прагматики, предстают последующие письма, адресованные Дубельту. Письмо от 18 апреля 1839 г., хоть и написано всего чуть более чем через месяц после процитированного, в корне отличается и посылом, и степенью драматизации, и интимности тона — здесь упоминаются и дети, и честь, и преданность, и сантименты:

Письмо Вашего Превосходительства тронуло меня до глубины души! Клянусь Вам детьми, Богом и честью, что отныне нет у Вас человека приверженнее меня! Жажду доказать Вам мою искреннюю и беспредельную преданность! [...] я [...] хотел только обнаружить пред Вами мою душу. [...] Между прочим я не умолчал и о том, что Вы на меня гневались, но об Вас говорил с таким чувством, что один из старых остряков назвал меня в шутку Фаддеем Дубельтовичем (там же: 444–445).

Здесь Булгарин подчеркивает все ту же метафору семейных отношений, обиняками навязывая отцовско-сыновние отношения между Дубельтом и собой — скорее всего, выдумав «Фаддея Дубельтовича» для дополнительной демонстрации преданности «отцу».

Еще в одном письме (от 17 декабря 1839 г.) Булгарин пишет, что желает говорить с Дубельтом «не как с начальником III отделения, а как с добрым, благородным человеком, которого я истинно люблю и душевно уважаю и готов доказать это всеми зависящими от меня средствами» (Видок Фиглярин..., 1998: 455–456). В послании от 30 апреля 1844 г. он ретроспективно выстраивает модель «отца и сына» в отношении Бенкендорфа, хотя во время своего прямого общения с тем никаких подобных «семейственных» названий он себе не позволял: «...граф Александр Христофорович [...] как нежный отец утешал меня в моих горестях и возбуждал мужество и охоту к трудам, которые он признавал полезными» (там же: 461).

В дальнейших посланиях Дубельту «интимная» составляющая все более становится заметна. В письме от 21 ноября 1844 г. Булгарин укоряет: «Мне весьма хорошо известно, что Вы никогда меня не любили... Но это тем более делает вам чести и возлагает на меня тем большую благодарность, ибо, не любя меня, Вы мне делали добро...» (там же: 467).

Весьма характерен и ответ Дубельта (от 23 ноября 1844 г.) на это страстное послание: вполне отдавая себе отчет в характере Булгарина, его целях, методах и средствах их достижения, Дубельт, оставаясь в рамках той же «семейственной» и интимной риторики, демонстрирует на редкость едкую, почти ледяную иронию:

Обидели вы меня, мой любезный Фаддей Венедиктович! — Ну да Бог с вами, — я уверен, что Вы это сделали без умысла, а просто от того, что левою ногою встали с постели, или заяц перебежал вам дорогу, или черная кошка махнула перед вами хвостом [...] я слишком горд, чтоб называть любезными моему сердцу тех, кого не люблю. — Но любя вас, скажу откровенно, что лучшее средство заставить не любить себя состоит в том, чтоб сомневаться в приятелях и упрекать их. Возвращаю вам ваше письмо с надписью графа А. Ф. Орлова. Возвращаю, как документ, что я люблю вас — и будьте уверены, что многого, очень многого надо, чтоб я вас разлюбил. Впрочем, воля ваша, верьте или не верьте, как вам угодно; я, как пономарь, отблаговестил, да и долой с колокольни (там же: 468).

Позже Булгарин переходит с официального обращения «милостивый государь» на игриво-личное «отец и командир», уже обращением подчеркивая «семейную» иерархию.

Подчас Булгарин настолько сильно эксплуатирует «любовно-семейную» риторику в письмах, что они напоминают послания несчастного любовника, нежно упрекающего партнера в холодности:

Отец и командир!

Я не знаю, как Вас называть! Милостивый государь и Ваше Превосходительство — все это так далеко от сердца, все это так изношено, что любимому душою человеку — эти условные знаки вовсе не идут! — А я люблю и уважаю вас точно душевно — Ваша доброта, Ваше снисхождение, Ваша деликатность со мною — совершенно поработили меня — и нет той жертвы, на которую бы я не решился, чтоб только доказать Вам мою привязанность! [...] Мне бы следовало немедленно явиться к Вам — и вот я на коленях умоляю Вас извинить меня и позволить не являться, по крайней мере некоторое время — пока грусть моя несколько утихнет и нервы успокоятся (письмо от 23 апреля 1845 г., Видок Фиглярин..., 1998: 476).

Однако же, любовная риторика не отменяет прагматику: объявленная в письме любовь оказывается небескорыстной, и процитированные излияния предваряли просьбу дать взаймы денег.

Иногда Булгарин доходит до того, что называет III отделение «маменькой»:

Добрейший и благороднейший отец командир Леонтий Васильевич!

Когда надобно сделать кому зло — каждый говорит, что это по его части, а когда надобно делать добро — все говорят: не по моей части! Только одно III-е отделение — общая маменька — если не в силах сделать добро — то утешит! И то благодеяние! (письмо от 24 февраля 1846 г., там же: 482).

Талантливый журналист и знаток человеческих слабостей хитрец Булгарин быстро освоил предлагаемые роли и лингвистические отношения, и использовал их из собственных соображений и выгод. Так, выстраивание диалога «отец» — «чадо» перемещало донос из добровольного действия в необходимое — доносчик был как бы движим чувством долга рассказать, исповедоваться отцу в знании о нехороших делах, творящихся вокруг. Тем самым моральная ответственность за социально неодобряемое поведение — донос — автоматически снималась с автора. Интимность тона и лексики призвана была перевести донос из регистра практической выгоды, холодного расчета в жанр доверительной приятельской или сыновней беседы.

В период с 1830-х до 1856 гг. поэтика доносов и донесений агентов формировалась на пересечении двух векторов: с одной стороны, под влиянием мейнстримных и популярных в массе читателей литературных направлений (прежде всего — сентиментального и романтического), с другой — подчиняясь иерархической и коммуникативной структуре, навязанной руководителями III отделения. Конечно, среди донесений

Источники

Былое. — 1906. — Т. 11.

Видок Фиглярин : письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение / под ред. А. И. Рейтблата. — М. : Новое литературное обозрение, 1998.

Исторический вестник. — 1887. — Т. 10.

Ломачевский А. И. Из воспоминаний жандарма 30-х и 40-х годов. I. — СПб. : Типография В. Грациановского, 1880.

Российский Архив : история Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Т. VI / под ред. А. Л. Налепина. — М. : Студия ТРИТЭ, Российский архив, 1995.

Российский Архив : история Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. / под ред. А. Л. Налепина. — М., 2005. — Т. XIV.

Россия под надзором : отчеты III отделения (1827–1869) / сост. М. В. Сидоровой, Е. И. Щербаковой. — М. : Российский Фонд культуры и др., 2002.

Русская старина. — 1888. — Т. 11.

Стогов Э. И. Записки жандармского штаб-офицера эпохи Николая I / под ред. Е. Н. Мухиной. — М. : Индрик, 2003.

Толстой А. К. Собрание сочинений в четырех томах. В 4 т. Т. 1 / под ред. И. Ямпольского. — М. : Издательство художественной литературы, 1963.

Шильдер Н. К. Император Николай I : его жизнь и царствование. В 2 т. Т. 1. — СПб. : Издательство А. С. Суворина, 1903.

ЛИТЕРАТУРА

Бибиков Г. Н. А. Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. — М. : Три квадрата, 2009.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. В 4 т. Т. 1. — СПб., М. : Товарищество М. О. Вольф, 1903.

Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни. — М. : НЛЮ, 1998.

Оржесховский И. В. Самодержавие против революционной России. 1826–1880. — М. : Мысль, 1982.

Проскурин О. А. Литературные скандалы пушкинской эпохи. — М. : ОГИ, 2000.

Рейтблат А. И. Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции : статьи и материалы. — М. : НЛЮ, 2016.

Voloshina, S. M. 2019. "Donosy i agent-skiye doneseniya kak mekhanizm 'intimnogo' vzaimodeystviya s vlast'yu [Denunciations as Means of 'Intimate' Interaction with the State Authority]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics] III (2), 109–127.

SVETLANA VOLOSHINA

PHD IN PHILOLOGY, LECTURER, RUSSIAN STATE UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES (MOSCOW)

DENUNCIATIONS AS MEANS OF "INTIMATE" INTERACTION WITH THE STATE AUTHORITY

Abstract: The present article reviews the phenomenon of denunciation during the reign of Nicholas I. Due to the ultimate authoritarian regime, representative bodies and any form of the political opposition were virtually non-existent. So was the possibility to publicly express an opinion different from the official one. Hence various covert forms of communicating with the state authorities, denunciation in the first place, were flourishing, especially after the notorious Third Section was founded in 1826. Being a means of direct, one-to-one contact with the power, detouring official bureaucratic routes, denunciation notes developed into a certain form of private, almost intimate messages. They acquired, on the one hand, a resemblance to an appeal to a deity and a confession, and on the other hand, definite features of love letters, imposing traditional patriarchic relations of the almighty masculine power figure and a "womanly" humble but admiring petitioner. Denunciation as a form of a soft power was one of the few possible ways to make an influence on the decision-making of the state authorities. After the death of Nicholas I this intimate and amorous communication with the power ceased although to the genre of denunciation stayed.

Keywords: Denunciation, Reports, Third Section, Power, Nicholas I, Benkendorf, Dubelt.

DOI: 10.17323/2587-8719-2019-3-2-109-127.

REFERENCES

- Bibikov, G. N. 2009. *A. Kh. Benkendorf i politika imperatora Nikolaya I* [Benkendorf and Policy of Emperor Nicholas I] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Tri kvadrata.
- Byloye* [The Bygone]. 1906 [in Russian]. 11.
- Dal', V. I. 1903. [in Russian]. Vol. 1 of *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka Vladimira Dalya*. 4 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg] and Moskva [Moscow]: To-varishchestvo M. O. Vol'f.
- Dmitriyev, M. A. 1998. *Glavy iz vospominaniy moyey zhizni* [Chapters from Memories of my Life] [in Russian]. Moskva [Moscow]: NLO.
- Istoricheskiy vestnik* [Historical Bulletin]. 1887 [in Russian]. 10.
- Lomachevskiy, A. I. 1880. *Iz vospominaniy zhandarma 30-kh i 40-kh godov* [From a Gen-darme's Memoirs of the 30s and 40s] [in Russian]. 1. SPb: Tipografiya V. Gratsianovskogo.
- Nalepin, A. L., ed. 1995. *Rossiyskiy Arkhiv* [The Russian Archive]: *istoriya Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv.* [History of Motherland in Certificates and Documents of 18–20th Centuries] [in Russian]. Vol. VI. Moskva [Moscow]: Studiya TRIT.E / Rossiyskiy arkhiv.

- , ed. 2005 [in Russian]. *Rossiyskiy Arkhiv [The Russian Archive]: istoriya Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv. [History of Motherland in Certificates and Documents of 18–20 centuries]* (Moskva [Moscow]) XIV.
- “O nablyudenii v Rossii po sluchayu politicheskikh perevorotov v Yevrope [On the Supervision in Russia on account of Political Coups in Europe]” [in Russian]. 1848. In *GARF [State Archive of the Russian Federation]*. 109/1/51/2/1–45.
- Orzhekhovskiy, I. V. 1982. *Samoderzhaviye protiv revolyutsionnoy Rossii. 1826–1880 [Autocracy Against Revolutionary Russia, 1826–1880]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- Proskurin, O. A. 2000. *Literaturnyye skandaly pushkinskoy epokhi [Literary Scandals of Pushkin's Time]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: OGI.
- Reytblat, A. I., ed. 1998. *Vidok Figlyarin [Vidocq Figlyarin]: pis'ma i agenturnyye zapiski F. V. Bulgarina v III otdeleniye [Letters and Agent Notes by F. V. Bulgarin for the 3rd Section]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- . 2016. *Faddey Venediktovich Bulgarin: ideolog, zhurnalyst, konsul'tant sekretnoy politzii [Thaddeus V. Bulgarin: Ideologist, Journalist, Consultant of the Secret Police]: ctat'i i materialy [Articles and Materials]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: NLO.
- Russkaya starina [Russian Antiquity]*. 1888 [in Russian]. 11.
- Shil'der, N. K. 1903. [in Russian]. Vol. 1 of *Imperator Nikolay I [Emperor Nicholas I] : yego zhizn' i tsarstvovaniye [His Life and Reign]*. 2 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Izdatel'stvo A. S. Suvorina.
- Sidorova, M. V., and Ye. I. Shcherbakova, comps. 2002. *Rossiya pod nadzorom [Russia under Supervision]: otchety III otdeleniya (1827–1869) [Reports of Third Section (1827–1869)]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Rossiyskiy Fond kul'tury.
- Stogov, E. I. 2003. *Zapiski zhandarm'skogo shtab-ofitsera epokhi Nikolaya I [Memoirs of Gendarme Staff Officer Under Nicholas I]* [in Russian]. Ed. by Ye. N. Mukhina. Moskva [Moscow]: Indrik.
- Tolstoy, A. K. 1963. [in Russian]. Vol. 1 of *Sobraniye sochineniy v chetyrekh tomakh [Collected Works in Four Volumes]*, ed. by I. Yampol'skiy. 4 vols. Moskva [Moscow]: Izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.

ДМИТРИЙ БАДАЛЯН*

«МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФ», «ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА» И III ОТДЕЛЕНИЕ**

СКРЫТАЯ МЕХАНИКА ПОКРОВИТЕЛЬСТВА И НАКАЗАНИЯ

Аннотация: В статье в новой трактовке рассмотрены обстоятельства цензуры и закрытия двух полемизировавших изданий: «Литературной газеты» А. А. Дельвига и журнала Н. А. Полевого «Московский телеграф». Практика покровительства и наказания, реализуемая в отношении их III отделением, и их цензурная история в целом представлены как прелюдия к борьбе «немецкой» и «русской» партий, распространявшейся в 1830-е гг. отчасти и на правительственные круги. Пример этому — скрытая конкуренция III отделения, отстаивавшего интересы «немецкой партии», и Министерства народного просвещения во главе с С. С. Уваровым, выдвинувшим лозунг «Православие. Самодержавие. Народность». III отделение и министерство Уварова использовали в своих интересах частные периодические издания и органы цензуры, которыми оба ведомства обладали по закону. Поэтому более явно их соперничество ощутимо в той борьбе, которая развернулась между журналами и газетами во второй половине 1830-х – 1840-е гг. На рубеже 1820 – 1830-е гг. идеологема «Православие. Самодержавие. Народность» еще не была сформулирована, и Уваров не мог консолидировать вокруг себя какие-либо издания, но уже действовала пресса, поддерживаемая «немецкой» партией. Исходя из ее интересов, начальник III отделения Бенкендорф сумел лишить Дельвига прав на редактирование «Литературной газеты» и привлечь на свою сторону Полевого (прежде рассчитывавшего на поддержку А. С. Шишкова). Бенкендорф покровительствовал «Московскому телеграфу», поддерживая его антидворянский и прозападнический курс, и со снисхождением относился к проводимой в нем завуалированной пропаганде революции. Однако Уваров в 1834 г. добился закрытия журнала.

Ключевые слова: «Литературная газета», журнал «Московский телеграф», А. А. Дельвиг, Н. А. Полевой, III отделение, А. Х. Бенкендорф, цензура, «немецкая партия».

DOI: 10.17323/2587-8719-2019-3-2-128-157.

Два известных периодических издания пушкинской эпохи: издаваемый Н. А. Полевым в 1825–1834 гг. журнал «Московский телеграф» и выходявшая под редакцией барона А. А. Дельвига в 1830–1831 гг. «Литературная газета», как и прочая российская пресса, находились под контролем III отделения. Ведь с момента своего возникновения

*Бадалян Дмитрий Александрович, к. и. н.; старший научный сотрудник отдела редких книг Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург), dmit.bad@gmail.com.

**© Бадалян, Д. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

в 1826 г., это учреждение получило функции цензуры. При этом теми же функциями обладало прежде и продолжало обладать Министерство народного просвещения. Иначе говоря, оба ведомства имели обширный инструментарий влияния на печать: набор средств ее поощрения и наказания, которым они пользовались так, как им представлялось нужным, хотя цензура Министерства народного просвещения все же должна была считаться с волей тайной полиции.

I

В ноябре 1830 г. начальник III отделения А. Х. Бенкендорф вызвал к себе А. А. Дельвига и «самым грубым образом» отчитал его за публикацию в 61-м номере «Литературной газеты» (от 28 октября) французского четверостишия Казимира Делавиня, предназначенного для памятника жертвам Июльской революции во Франции¹. На попытки редактора оправдаться и показать, что «ничего недозволенного для печати» он в своей газете не помещал², начальник III отделения в присутствии жандармов, обращаясь к барону на «ты», заявил, что «Литературной газеты» не читает, но знает: «Дельвиг собирает у себя молодых людей, причем происходят разговоры, которые восстанавливают их против правительства». Когда же Дельвиг попытался возразить и на эти обвинения, Бенкендорф выгнал его с криком: «Вон, вон, я упрячу тебя с твоими друзьями в Сибирь» (Дельвиг, 2015: 98–99; Замков, 1916: 265–266). А. В. Никитенко, рассказывая об этом, добавил, что Бенкендорф «назвал Дельвига в глаза почти якобинцем» (Никитенко, 1955: 99).

Вскоре, по указанию Николая I, Дельвигу было запрещено издавать «Литературную газету», о чем 15 ноября ему сообщил письмом председатель Санкт-Петербургского цензурного комитета К. М. Бороздин. И, хотя вслед за тем Бенкендорф прислал к Дельвигу чиновника III отделения с извинениями за допущенную горячность и сообщением, что

¹France, dis-moi leurs noms. Je n'en vois paraître / Sur ce funèbre monument; / Ils ont vaincu si promptement / Que tu fus libre avant de les connaître. Перевод: «Франция, назови мне их имена. Я не вижу их на этом скорбном памятнике: они победили так быстро, что ты стала свободной прежде, чем узнала их» (Сперанская, 2013: 152).

²Цензор В. Н. Семенов, пропустивший четверостишие в печать, 31 октября писал в свое оправдание председателю Санкт-Петербургского цензурного комитета К. М. Бороздину: «...по чистой совести не нашел я ничего противного законам отечественным и правилам цензурным, и сие тем более, что смерть людей, на памятник коих предположено сделать сию надпись, сопряжена с новым правительством Франции, которое, сколько известно по официальным статьям ведомостей, признано Россиею и прочими державами Европы» (Замков, 1916: 263).

«Литературная газета» может продолжить издание под руководством О. М. Сомова³ (являвшегося помощником редактора), Дельвиг впал в апатию, спустя несколько недель заболел и 14 января скончался. Многие из современников считали его скорую кончину итогом потрясения, пережитого в результате выволочки, устроенной ему Бенкендорфом (Никитенко, 1955: 99; Анненков, 1881: 233).

В один день со злосчастной публикацией в «Литературной газете» в выходящей в Петербурге на французском языке газете «Le Furet» были упомянуты Делавинь и его стихотворение «Неделя в Париже» («Une Semaine de Paris»), которое воспевало недавнюю французскую революцию (хотя в газете о том, конечно, не говорилось ни слова). И, когда Бенкендорф обратился к министру народного просвещения светл. кн. К. А. Ливену с отношением о газете Дельвига, он вслед за тем сделал упрек за «совершенно неуместные» статьи в «Le Furet» (Замков, 1916: 260). К этому отношению был приложен 86-й номер французской газеты, тот самый, где упоминался Делавинь и его стихотворение. Однако, как подчеркивает Н. М. Сперанская, начальник III отделения не обратил на это совершенно никакого внимания, а указал министру на статью «Наследный принц Франции в харчевне» («La Prince de France à l'auberge») (Сперанская, 2013: 146–147). Очевидно, публикация четверостишия Делавиня для III отделения была лишь поводом, чтобы приструнить Дельвига и лишить его газеты.

Спустя несколько месяцев Полевой на страницах журнала «Московский телеграф» заявил:

Каждое великое событие, каждый великий переворот в мире, необходимо сопровождаются насильственными, тяжелыми для современников следствиями. Весьма часто, и почти всегда, благо остается для потомства, зло терпят современники. Таковы неисповедимые судьбы Бога [...]. Человек содрогается, видя гибель тысячи жертв в политическом перевороте — но землетрясения, поглощающие целые области, но огонь молнии, сжигающий целые города, но свирепость водной стихии, даже смерть, поражающая доброе, милое, цветущее создание и забывающая дряхлого злодея? Не такие ли это задачи, пред которыми также содрогается человек? (Н. А. Полевой, 1831: 519).

³Вероятно, это произошло не позднее 19 ноября, когда официальным письмом Дельвиг передал Сомову дела по изданию «Литературной газеты», и было результатом заступничества Д. Н. Блудова, товарища министра народного просвещения и временно управлявшего Министерством юстиции (Замков, 1916: 270).

Отреагировало ли на такую слегка завуалированную апологию революции III отделение? Да, но только спустя четыре месяца⁴. 8 февраля 1832 г. Бенкендорф обратился к редактору «Московского телеграфа» с личным письмом, из которого, чтобы оценить его стиль, приведем несколько фрагментов:

Милостивый государь Николай Алексеевич! Я не решился бы писать к вам и делать мои замечания на ваши сочинения, если бы неоднократные опыты вашего ко мне доброго расположения не давали мне права полагать, что рассуждения мои вы примете доказательством моего к вам уважения и доброжелательства (Бенкендорф, 1866: 1753).

Далее, в самых деликатных выражениях указав на опубликованные Полевым мысли о революции и насильственных переворотах, Бенкендорф подчеркивал, что «это не литература, а совершенное рассуждение о высшей политике», т. е. то, что в силу закона было запрещено для периодических и иных частных изданий. Начальник III отделения продолжал:

...как человек, желающий вам добра, советую не печатать подобных статей в вашем журнале, которые сколько вредны, столько же и нелепы. Вникните, милостивый государь, какие мысли вы внушаете людям неопытным! (там же: 1754–1755).

И уже почти в конце пространного письма Бенкендорф говорил:

Я надеюсь, что вы с благоразумием примете мое предостережение, и что впредь не поставите меня в неприятную обязанность делать невыгодные замечания насчет сочинений ваших и говорить вам столь горькую истину (там же: 1755–1756).

Как объяснить такое разительное отличие в отношении к двум одновременно выходившим и соперничавшим изданиям? Если рассматривать его в русле традиционных подходов, усвоенных XIX столетием от историков, подобных А. Н. Пыпину, А. М. Скабичевскому или М. К. Лемке, т. е. в парадигме перманентного противостояния общества и власти, такой контраст кажется парадоксальным, не поддающимся объяснению.

Между тем, борьба велась (как правило, скрытно) и внутри правительственной сферы, в том числе — между отдельными ведомствами.

⁴Цензурное разрешение на 16-й номер «Московского телеграфа» было выдано 25 сентября 1831 г., а вышел в свет он, вероятно, в октябре.

Иногда эта борьба достигала такого масштаба, что захватывала и общество: ведомства находили себе сторонников и противников среди соперничавших общественных групп.

Если же говорить конкретно о двух описанных коллизиях, ключ к их пониманию был предложен почти два десятилетия назад О. А. Проскуриным, который взглянул на историю «Московского телеграфа» и «Литературной газеты» в связи с деятельностью придворной «немецкой партии». Проскурин первым отметил: «III отделение выражало интересы по преимуществу привилегированной этнической группы внутри правящей элиты — „русских немцев“» (Проскурин, 2000: 317). При этом ведомство Бенкендорфа умело запугивало Николая I угрозой, исходящей трону от «русской партии», ведь в заговоре 14 декабря участвовали выходцы из лучших дворянских фамилий! Одним из неформальных лидеров «немецкой партии» Проскурин называет светл. кн. Ш. К. Ливен, мать министра народного просвещения светл. кн. К. А. Ливена, и дипломата, генерал-адъютанта Х. А. Ливена, женатого на сестре Бенкендорфа (там же: 318).

Что такое «немецкая партия»? Зачастую о таковой говорят, подразумевая влиятельную придворную группировку. На ее деятельность в 1820–1830-е гг. указывали, к примеру, М. М. Сафонов⁵, Л. В. Выскочков (Выскочков, 2006: 85, 426) и Р. Г. Скрынников (Скрынников, 2004: 283, 340, 349). Нередко о «немецкой партии» («немецкой фракции») рассуждают в связи с группировками, действовавшими внутри одного учреждения, общества или корпорации, например, среди профессоров Московского университета (Петров, 1997: 9, 12, 172) или офицеров флота (Копелев, 2010: 28, 59–60 и др.). Иногда такие группировки лишь мирно дистанцировались друг от друга, как в 1811 г. у офицеров квартирмейстерской части Главного штаба (Муравьев, 1986: 72). Иногда их отношения выливались в конкуренцию и интриги⁶. Иногда

⁵Так этот автор определяет окружение вдовствующей императрицы Марии Федоровны (урожденной принцессы Софии-Доротеи Вюртембергской), которое составляли, в частности, герцог А. Вюртембергский, граф Е. Ф. Канкрин, а также П. В. Лопухин и князь А. Б. Куракин. Их союзниками Сафонов называет М. А. Милорадовича и графа Н. С. Мордвинова (Сафонов, 1996: 536–539; Сафонов, 2011: 324). В работах, где указывается на существование придворной «немецкой партии» в 1840–1880-е гг., под ней, как правило, имеют в виду «проостзейскую партию».

⁶Например, высокопоставленные врачи-иностранцы из «Немецкого врачебного общества Санкт-Петербурга» в 1832–1833 гг. препятствовали утверждению устава «Общества русских врачей в Санкт-Петербурге». Преодолеть их сопротивление помогла поддержка генерал-штаб-доктора С. Ф. Гаевского и директора канцелярии Мини-

их противостояние отражало борьбу принципиально разных научных концепций, как в Русском географическом обществе во второй половине 1840-х гг. (Найт, 2005: 157–166). Широкую панораму противостояния с «немецкой партией» на протяжении XVIII–начала XX столетий представил С. М. Сергеев, который описывает ее как своеобразный этнокласс (Сергеев, 2010: 57).

Проскурин, принимая вместе с большинством исследователей в этой ситуации термин «партия», определяет ее как «немецкую властную группировку» (Проскурин, 2000: 318). Продолжая его мысль, можно сказать, что в светских, общественных и даже литературных кругах имели место отношения, подобные тем, что описаны, к примеру, Копелевым у немцев в российском военном флоте (Копелев, 2010: 288–289), с той же системой патроната и связей: горизонтальных и вертикальных, доходящих до ближайшего окружения императора. Однако добавим: состав и клиента «партии» не ограничивались одной-единственной национальностью. Да, ее верхушку и костяк составляли немцы-остзейцы, но их помощниками и союзниками выступали порой выходцы из других стран, поляки и даже русские дворяне. Примером этому служат Ф. В. Булгарин, О. И. Сенковский, светл. кн. А. А. Суворов (воспитанник иезуитского пансиона и Геттингенского университета), а во второй половине столетия — П. А. Валуев, А. Е. Тимашев, гр. П. А. Шувалов и т. д.

Что их объединяло? Часто — общие интересы: социальные, политические или просто материальные (высокопоставленным русским чиновникам предлагали дипломы и привилегии остзейских рыцарей). Еще чаще — общие воззрения. В эпоху начала процесса *nation-building*, т. е. формирования в русском обществе представлений о нации, национальной культуре, национальных интересах и всего того, что позднее обобщенно назовут национальным сознанием, «немецкая партия» продолжала мыслить категориями европейского космополитизма. Представления о родине и нации для остзейцев (как и для большинства приезжих иностранцев) заменяла идея подданства: они служили не стране, а империи. Точнее сказать, служили императору так же, как их предки — своему сюзерену. Платой за преданную службу они считали особые привилегии, дарованные немецким баронам в прибалтийском

стерства внутренних дел П. П. Никифорова. Однако давление президента Медико-хирургической академии, лейб-хирурга Я. В. Виллие «заставило многих военных врачей, уже давших согласие на вступление в общество, взять свои заявления обратно» (Будко, Быков, Селиванов, 2006: 480).

крае, и особое положение остзейцев при дворе, в правительстве и сфере управления.

Объясняя мотивы этой «партии», Проскурин пишет:

На Россию немецкая партия смотрела примерно так же, как европейские немецкие дворы смотрели на подчиненное им славянское население, — как на опасную и враждебную «варварскую» стихию, движение которой надо постоянно сдерживать самыми жестокими мерами. Отсюда — повышенная подозрительность по отношению ко всяким проявлениям русского национализма, какую бы социальную и политическую окраску он не принимал (Проскурин, 2000: 318).

Поэтому и Уварову, выдвинувшему лозунг «Православие. Самодержавие. Народность», неминуемо пришлось вступить в противоречия с «немецкой партией»⁷. Пусть и неясная, борьба с «народностью» шла в сфере образования, в литературе и журналистике.

«Немецкая партия» упорно сопротивлялась развитию самобытной национальной культуры. Помимо культурного и идеологического аспектов, этот конфликт имел и политическую составляющую. Развитие национального сознания грозило «русским иностранцам» (таким, как гр. П. А. Клейнмихель или гр. К. В. Нессельроде) не только потерей ключевых позиций во главе ряда министерств и ведомств, но и ударом по заметной части бюрократического слоя и по безраздельной власти немецких баронов в Прибалтийских губерниях.

С. М. Сергеев считает, что «литературный процесс в императорской России (за исключением административных мер сверху) не стал полем для русско-немецких „разборок“» (Сергеев, 2010: 63). Напротив, Проскурин, а вслед за ним Березкина указали на жесткую, упорную борьбу, которую «немецкая партия» вела на страницах русских литературных журналов 1830-х гг. (Проскурин, 2000: 315–329; Березкина, 2009). Также описана борьба в русской журналистике 1830–1840-х гг. двух лагерей, за которыми стояли фигуры Уварова и Бенкендорфа (Бадалян, 2018b). В этом же ракурсе мы полагаем взглянуть на события рубежа 1820–1830-х, которые, как мы увидим, послужили прелюдией к этой борьбе.

⁷Н. И. Казаковым и рядом других исследователей убедительно показано: известная уваровская триада не только не была публично представлена ее создателем, министром народного просвещения Уваровым, как целостная развернутая концепция (Пышин, в 1872 г. назвав ее «теорией официальной народности», не процитировал ни одного ее тезиса), но и стала предметом скрытой борьбы между государственными ведомствами (Казаков, 1989). Обзор литературы по этой проблеме см. Шевченко, 2014. См. также Бадалян, 2018a.

II

Когда в середине 1824 г. Полевой обратился к министру народного просвещения А. С. Шишкову с прошением об издании журнала «Московский телеграф», он в первом же абзаце программы задуманного им издания вставил цитату о просвещении и связи его с «полезными знаниями и науками» из выступления Шишкова в «Беседе любителей русского слова». Далее же будущий издатель заявил целью журнала «упражнения умственные», утверждающие «веру в Бога, любовь к отечеству, верность к избранному Богом монарху нашему». Все это вместе с «просвещением народным», о котором несколькими строками выше рассуждал Полевой, выглядит сегодня как черновой эскиз будущей знаменитой триады «Православие. Самодержавие. Народность» (Сухомлинов, 1889: 372), а в описании задуманного журнала будущий издатель не скупился на упоминания России и русских в разных сочетаниях: «сердцу русскому», «русских памятников», «ученых обществ русских» и т. д. (там же: 372, 374, 376).

Идея «Московского телеграфа» была поддержана перед Шишковым гр. Н. С. Мордвиновым, уверявшим его, что Полевой — выходец из народа, коренной русский человек (там же: 381).

Спустя полтора года после начала выхода журнала, в июле 1827 года, Полевой обратился в цензуру с прошением об издании, помимо «Московского телеграфа», политической и литературной газеты «Компас» и ученого журнала «Энциклопедическая летопись отечественной и иностранной литературы». Шишков дал согласие на новые издания, не позволив лишь помещать в них суждения о театральных постановках и игре актеров⁸. Однако вскоре под давлением Бенкендорфа министр должен был отменить уже принятое решение (там же: 386). Начальник III отделения выступил противником новых изданий, вероятно, в значительной мере под влиянием нескольких записок, поступивших к нему в августе 1827 г. (Видок Фиглярин..., 1998: 192–196). И, хотя до нас дошли лишь их копии, выполненные рукой управляющего III отделением М. Я. фон Фока, подлинным их автором исследователи считают Булгарина (Вацуро, Гиллельсон, 1986: 142; Видок Фиглярин..., 1998: 196).

⁸Запрет на это существовал с 1815 г. В 1826 г. Шишков, обратившись к Николаю I, пытался добиться его отмены, но неудачно. Однако в январе 1828 г. император сделал исключение для газеты Булгарина, попросившего о том через III отделение. Запрет на публикацию театральных рецензий потерял силу в апреле 1828 г. с вступлением в действие нового цензурного устава (Рейтблат, 2008: 66–68).

Действительно, автор записок использовал традиционные для Булгарина приемы: в борьбе со своими конкурентами он, как правило, обвинял их в политической неблагонадежности и «якобинизме», а если для того был хоть малейший повод — в приверженности «русским патриотам». Так было и в этом случае. В датированной 21 августа записке указывалось на «самый явный карбонаризм» «Московского телеграфа», в записке от 23 августа утверждалось: «*Полевого* покровительствуют все так называемые патриоты и даже Мордвинов»⁹, а в более поздней записке, со ссылкой на жену Шишкова, сообщалось, что «Н. С. Мордвинов сильно нападал на ее мужа, зачем он не *отстоял* Полевого, ибо он купец и патриот, а *нам* надо поддерживать русские дарования» (Видок Фиглярин..., 1998: 194, 196).

Для Полевого произошедшее стало важным уроком: он увидел, что над сферой печатного слова и журналистики властвует сила, с которой не может не считаться даже министр народного просвещения.

1829 г. во многом стал переломным для «Московского телеграфа». Именно в этот год от участия в нем окончательно отказался кн. П. А. Вяземский и его друзья, т. е. Полевой, пережив к этому времени заметную эволюцию, полностью избавился от их влияния (что продемонстрировала его критика «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина в 12-м номере «Московского телеграфа» за 1829 г.). Сформировавшиеся у него новые взгляды спустя десятилетие назовут западническими. И хотя Вяземского также нельзя считать славянофилом, но «западничество» Полевого вскоре проявило особые радикальные свойства. И главное — издатель «Московского телеграфа» выбрал себе более могущественного и идейно близкого покровителя, чем не столько был, сколько мог бы для него стать вышедший в 1828 г. в отставку Шишков¹⁰.

⁹В подготовленном фон Фоком «Кратком обзоре общественного мнения в 1827 году» главой «русской партии» был представлен именно председатель департамента Государственного совета Мордвинов: «Партия *русских патриотов* очень сильна числом своих приверженцев. Центр их находится в Москве. [...] Там они критикуют все шаги правительства, выбор всех лиц, там раздается ропот на немцев, там с пафосом принимаются предложения Мордвинова, его речи и слова их кумира — Ермолова. Это самая опасная часть общества, за которой надлежит иметь постоянное и, возможно, более тщательное наблюдение. [...] Партия Мордвинова опасна тем, что ее царь — *спасение России*» («Россия под надзором», 2006: 19–20).

¹⁰К этому времени Полевой ясно понимал, что на поддержку нового министра народного просвещения светл. кн. К. А. Ливена рассчитывать ему не стоит. Так, после помещения в 10-м номере «Московского телеграфа» первой лекции из «Курса истории философии», почитаемого Полевым В. Кузена, 17 июля 1829 г. министр поставил на вид

В сентябре 1829 г. Николай I приказал начальнику II (Московского) жандармского округа генерал-лейтенанту А. А. Волкову сделать цензору «Московского телеграфа» С. Н. Глинке строгий выговор за «Приказные анекдоты» в 14-м номере журнала, которые рассказывали о нечистом на руку чиновнике, сумевшем обмануть нового начальника-губернатора. Вместе с тем, Волков должен был объявить издателю журнала и цензору, что «при первом случае, когда появится вновь такого рода статья, то поступлено будет с ними по закону» (Дубровин, 1903: 263). Вслед за этим, 26 сентября Полевой обратился к Волкову с просьбой: «...прежде обыкновенной цензуры подвергать статьи сего рода, кроме мелочных и ничтожных по содержанию своему статей, цензуре особенной, доставляя их для рассмотрения к вашему превосходительству» (там же: 264). Однако генерал не мог самостоятельно принять решение на этот счет и обратился к Бенкендорфу. Тот 14 октября ответил Волкову: император распорядился, чтобы «критические статьи, помещаемые в „Московском телеграфе“, прежде представления их в цензуре, были представляемы на рассмотрение генерала Волкова» (там же: 266). Лемке, поясняя, что пройденная у Волкова цензура служила страховкой от последующей придирчивости обычных цензоров из Московского цензурного комитета, добавлял: «У Полевого с Волковым были очень хорошие личные отношения» (Лемке, 2014: 49). Такие личные отношения быстро переросли в хорошие отношения с III отделением.

Впрочем, вероятнее всего, первые неформальные контакты издателя «Телеграфа» с III отделением осуществились еще ранее. Предположить это позволяет такой факт: 28 февраля 1831 г. начальник I отделения V округа корпуса жандармов подполковник Новокщенов обратился из Казани к Бенкендорфу с довольно сумбурным донесением, в котором избличал проявления вольнодумства, в том числе, «буйство издателя „Московского телеграфа“ и его сподвижников». Бенкендорф не придал этому сообщению никакого значения, а лишь одернул подполковника, 16 марта заявив в ответ: «Вы теряете время на рассуждения, которые вовсе до Вас не касаются». В. Э. Вацуру и М. И. Гиллельсон единственную причину такой реакции шефа жандармов увидели в том, что его подчиненный нарушил субординацию (Вацуру, Гиллельсон, 1986: 149). Получается, только поэтому Бенкендорф закрыл глаза на резкие заявления «Московского телеграфа»? Вероятнее, что к этому времени уже

Московскому цензурному комитету эту публикацию как содержащую «вредное учение о вере и философии» (Из цензурной старины (1829–1851), 1903: 301–302).

начали складываться неофициальные отношения издателя журнала с III отделением, и его начальник покрывал Полевого, как нового (или будущего?) своего подопечного.

Добавим, что Бенкендорф не мог не заметить у автора донесения антипатию к немецкому влиянию, а причиной тому посчитал воздействие противников «немецкой партии». Ведь среди других предпосылок вольнодумства подполковник Новокшенов клеймил «пристрастие к германизму», «иступление философизма из северной Германии к нам отражающегося», а из трех, названных им конкретных примеров бунтовщиков, двое — Кюхельбекер и Пестель — были немецкого происхождения. Потому Бенкендорф и решил, что подполковник связался с «людьми, разделяющими дух Магницкого», т. е., по его представлению, предшественниками тех самых «патриотов», против которых III отделение настойчиво предостерегало императора.

Характерно, что с 1829 г. в ведомство Бенкендорфа не поступало на Полевого доносов, подобных тем, что разрушили его планы в 1827 г., и более того, издатель «Телеграфа» постепенно наладил союзнические, если не дружеские, отношения с прежним своим противником Булгариным¹¹. Вскоре же, с 1830 г., Полевой начинает последовательную борьбу «с дворянством, не только как сословием, но и как носителем культуры» (Березина, 1954: 92).

С рубежа 1820–1830-х гг. читатели журналов стали замечать привилегированное положение издателя «Московского телеграфа». Они удивлялись, а подчас и возмущались этим. К примеру, С. А. Хомяков, отец поэта А. С. Хомякова, в письме к М. П. Погодину 12 марта 1831 г., ссылаясь на известие от сына, рассказывал, что на Полевого «очень много вооружаются в Петербурге, и его там называют московским О'Коннелем»¹². Вслед за этим С. А. Хомяков добавлял: «...и поистине он слишком либерально завирается; и не знаю как ему сходит с рук,

¹¹Новое обострение отношений с ним и возобновление полемики «Телеграфа» с «Северной пчелой» возникли в 1831 г. В. Г. Березина объясняла это тем, что с прекращением в июне 1831 года издания «Литературной газеты» — главного противника «Телеграфа» — у Полевого отпала необходимость в «тактическом соглашении» с Булгариным (Березина, 1988: 165). Однако сближение Полевого и Булгарина началось до появления «Литературной газеты», а новые споры между ними возникли до ее закрытия (Орлов, 1934: 442–444).

¹²Даниел О'Коннелл (Daniel O'Connell, Dónall Ó Conaill, 1775–1845) — политический деятель, борец за права ирландцев-католиков, был избран в английский парламент в 1828 г., но отказался приносить присягу королю как главе Англиканской церкви; в 1829 г. вновь избран в парламент, где возглавил ирландскую фракцию.

такая статья, как „Летопись современной истории об Италии“¹³, и сему подобные»¹⁴ (Хомяков, 1831. Л. 30б.). Спустя год С. А. Хомяков уже понимал, почему «сходят с рук» подобные статьи. В письме к тому же Погодину 13 марта 1832 г., рассуждая о цензуре и неуместных в печати «либеральных выражениях», он отметил: «...которые предоставить надобно застрахованному „Телеграфу“» (Хомяков, 1832. Л. 10б.). Иными словами, в обществе уже зрело убеждение, которое, спустя два года, Пушкин выразил следующим образом: «...мудрено с большей наглостью проповедовать якобинизм перед носом правительства, но Полевой был баловень полиции. Он умел уверить ее, что его либерализм пустая только маска» (Пушкин, 1937: 324).

Примечательно то, что недовольство деятельностью «застрахованного „Телеграфа“» проявил и председатель Московского цензурного комитета кн. С. М. Голицын, испытывавший раздражение от действий III отделения¹⁵ уже в то время, т. е. до более явного противостояния с «немецкой партией», возникшего во второй половине 1830-х гг. при Уварове. Осенью 1830 г. Полевой подал через Московский цензурный комитет прошение о новых изданиях, предполагаемых им в 1832 г. (он рассчитывал преобразовать «Московский телеграф» в выходящий четыре раза в год сборник и еженедельно выпускать к нему «Прибавление», а два раза в неделю печатать «Journal des modes» на французском языке). Однако Голицын, представляя бумаги Полевого в Главное управление цензуры, добавил от себя, что тот «не пользуется совершенною доверенностью правительства» и высказался за то, чтобы «„Московский телеграф“, на предбудущее время, ограничивался одною только литературою». После этого, император 7 ноября наложил на прошении резолюцию «Не дозволять, ибо и ныне ничуть не благонадежнее прежнего» (Стасов, 1903а: 312; Сухомлинов, 1889: 398).

¹³Речь идет о подписанной «(С франц. Н. П.)» статье Полевого «Нынешняя Италия» в отделе «Летопись современной истории» (Н. А. Полевой, 1830а,б,с).

¹⁴Слова С. А. Хомякова Н. П. Барсуков привел в своей книге так, словно Хомяков-старший писал это не о Полевом, а о своем сыне (Барсуков, 1890: 369). К сожалению, некорректное цитирование послужило причиной неверной атрибуции нами статьи А. С. Хомякову (Бадалян, 2002: 340–345). После знакомства с автографом письма, стало ясно, что автором статьи является Полевой.

¹⁵Об этом говорит его представление от 20 февраля 1832 г. В нем, в ответ на внушение о строгом контроле за местными журналами, переданное ему Бенкендорфом через министра Ливена, Голицын не без едкости предложил устроить так, чтобы периодические издания «являлись в свет под надзором и бдительностию полиции жандармов» (Стасов, 1903а: 313).

Очевидно, когда в феврале 1832 г. Бенкендорф, в приведенном чрезвычайно вежливом письме, советовал издателю «Телеграфа» не печатать статей с апологией революции, Полевой уже был для него свой человек, входящий в его клиентелу. Однако, чтобы подстраховаться от возможных упреков в попустительстве опасному «вольнодумству», Бенкендорф еще за день до своего письма к Полевому подготовил отношение к министру народного просвещения¹⁶, в котором, ссылаясь на расположение издателей московских журналов к «идеям самого вредного либерализма», особенно отметил Н. И. Надеждина и Полевого (но не назвал ни одной конкретной их публикации, нарушающей закон), и — подчеркнем — предложил не издателей наказывать, а дать указание московской цензуре «о внимательном и неослабном наблюдении ее за выходящими в Москве журналами»¹⁷ (По отношению генерал-адъютанта Бенкендорфа о журналах «Телескоп» и «Телеграф», 1832. Л. 1).

4 мая 1832 г. только что ставший товарищем министра народного просвещения С. С. Уваров на заседании Главного управления цензуры заговорил о необходимости внимательного надзора за прессой и особо — за «Московским телеграфом». Уваров предложил на одном из следующих заседаний рассмотреть «извлечения», подготовленные им из статей этого журнала. Однако министр Ливен такого заседания не назначил, а «ограничился только тем, что пригласил и других членов Главного управления доставить с своей стороны замечания на „Московский телеграф“» (Стасов, 1903а: 311). Иначе говоря, Ливен спустил это дело на тормозах.

После этого, летом 1832 г., Уваров, побывав в Москве, сделал внушение местным цензорам и поставил им на вид статьи «Телескопа» и «Московского телеграфа», а затем встретился с их издателями, о чем он позднее доложил императору, добавив: «Полевой скорее других

¹⁶В публикациях это отношение датируют 9 февраля 1832 г. (Стасов, 1903а: 312; Дубровин, 1903: 267–268). Однако в сохранившемся отпуске оно имеет дату 7 февраля, а 9 февраля — это поставленная позднее исходящая дата.

¹⁷Характерно, что в уже упомянутом представлении Голицына от 20 февраля, содержалась просьба к Ливену и Бенкендорфу указать на неблагонамеренные статьи «для назидания и руководства цензорам на будущее время», но, как можно предположить из материалов дела, ответа он не получил (Стасов, 1903а: 313; По отношению генерал-адъютанта Бенкендорфа о журналах «Телескоп» и «Телеграф», 1832. Л. 30б.–4). Отметим также прием, не раз используемый III отделением: когда оно было вынуждено одернуть «своего» издателя, в официальном документе в один ряд с ним ставился его конкурент, а в одновременно отосланном неофициальном послании (или в личном общении) «своему» делалось вежливое увещание.

повиновался моему наставлению» и указав на произошедшие в его журнале перемены как следствие их встречи (Барсуков, 1891: 99). Товарищ министра не знал, что вскоре и III отделение будет отчитываться о работе, проделанной его московским сотрудником Н. А. Кашинцовым. Результатом ее стало «прекращение неуместных статей» в «Московском телеграфе» и «Телескопе», а также «обращение к благонамеренности замечат[ельного] таланта Полевого» (добавим: тот же Кашинцов позднее изобличал неблагонадежность Надеждина, М. П. Погодина, С. П. Шевырева и других близких к Уварову журналистов) (Бобрик, 1992: 520).

Вероятно, при встрече с издателями, Уваров не только был озабочен профилактикой потенциальных нарушений в московской периодической печати, но и пытался наладить неофициальные отношения с прессой, способной в будущем обеспечить поддержку ему и его начинаниям. И, вполне возможно, Полевой обнадежил его в этом. Однако, как показали последовавшие события, настоящим сторонником Уварова стал Надеждин, а Полевой предпочел сохранить верность своему прежнему и более могущественному патрону — Бенкендорфу.

В марте 1833 г. Уваров стал министром и после этого усилил цензурный надзор за детищем строптивного московского издателя. В конце этого года брат издателя К. А. Полевой жаловался в письме В. И. Карлгофу:

Особенно с тех пор, как Министр просвещения — С. С. Уваров, цензоры с ума сошли. [...] таскают каждую книжку недели по три, по месяцу, потому что каждую строчку обсуживают полным присутствием цензуры, и проч. [...] (Из писем братьев Полевых к В. И. Карлгофу, 1912: 421–422).

Еще прежде этого Уваров попытался добиться закрытия «Московского телеграфа». 24 сентября 1833 г. он представил императору доклад об опубликованной в журнале Полевого статье «Жизнь Наполеона Бонапарте, императора французов. Соч. В. Скотта / Пер. с англ. С. де Шаплет». В этой статье (анонимным автором которой являлся К. А. Полевой) Уваров отметил «самые неосновательные и для чести русских и нашего правительства оскорбительные толки и злонамеренные иронические намеки» (Стасов, 1903b: 577; Сухомлинов, 1889: 402). Рассматривая подробности публикации, министр, в частности, подчеркивал, что Вальтер Скотт «представляет нас истинными варварами, беспрестанно честит именем скифов» и «не сказал почти ничего о состоянии духа народного в России 1812 года» (там же: 398–399). Министр на основании изложенного в докладе предлагал запретить журнал, однако Николай I наложил резолюцию: «Я нахожу статью сию более глупую

своими противоречиями, чем неблагонамеренною. Виновен цензор, что пропустил, автор же — в том, что писал без настоящего смысла, вероятно, себя не разумея». В итоге журнал продолжил издание, а пострадал уже отставленный от должности цензор — подчиненный Уварова — которому Николай I распорядился «строжайше заметить» (Сухомлинов, 1889: 403).

Спустя полгода министр предпринял новую попытку прекратить издание журнала. Для этого он распорядился подобрать выписки из предосудительных публикаций «Московского телеграфа» за предыдущие пять лет, а также из «Истории русского народа» Полевого. Конкретным же поводом для того, чтобы снова поднять вопрос о журнале, стала публикация рецензии Полевого, высмеивавшей патриотическую драму Н. В. Кукольника «Рука Всевышнего Отечество спасла». Подготовив ее к печати, автор в феврале 1834 г. отправился в Петербург. Там, при встрече, Бенкендорф дружески предостерег его от критики драмы, отмеченной вниманием императора. Полевой написал в Москву брату, чтобы тот исключил из отпечатанного номера страницы с рецензией, но опоздал (К. А. Полевой, 1934: 319; Орлов, 1934: 479; Березина, 1983: 134).

21 марта Уваров представил императору доклад, утверждавший:

Революционное направление мыслей, которое справедливо можно назвать нравственною заразою, очевидно обнаруживается в сем журнале, которого тысячи экземпляров расходятся по России, и по неслыханной дерзости, с какой пишутся статьи в оном помещаемые, читаются с жадным любопытством (Орлов, 1934: 481).

В подтверждение этому министр представил выписки из журнала. В тот же день Бенкендорф должен был распорядиться доставить Полевого в сопровождении жандармского унтер-офицера из Москвы в столицу (Дубровин, 1903: 268; Орлов, 1934: 481). По прибытии он был отправлен не в Петропавловскую крепость (как в 1848 г. Ю. Ф. Самарин после распространения в рукописи «Писем из Риги», рассказывавших о злоупотреблениях остзейских баронов), а на квартиру Л. В. Дубельта, встретившего его «с изъявлением самого дружеского расположения» и предоставившего Полевому не только комнату, но и возможность пользоваться его библиотекой (К. А. Полевой, 1934: 321). Оттуда он дважды отправлялся пешком, без провожатых, в дом к приветливо встретившему его Бенкендорфу. Там в течение двух вечеров в домашней обстановке проходили встречи с хозяином дома и министром Уваровым. Последний стремился вести дело с Полевым так, как при допросе,

но начальник III отделения всячески старался разрядить обстановку. Позднее К. А. Полевой рассказывал:

...брат мой ясно увидел, что обвинителем его был Уваров, а граф Бенкендорф старался придать всему форму обыкновенного разговора, и предупредительностью своею останавливал резкие выходки и обвинения министра народного просвещения. Ясно было также, что «Рука всевышнего» служила поводом к каким-то другим обвинениям (К. А. Полевой, 1934: 323).

Причем, К. А. Полевой в своих «Записках» неоднократно повторял это на разные лады (там же: 324–327, 330).

Дело о журнале доложили императору, и уже после того, как Полевой был отпущен домой, в Москву, 3 апреля Николай I вынес окончательное решение о прекращении издания «Московского телеграфа». В тот же самый день Бенкендорф запросил начальника II жандармского округа генерал-майора С. И. Лесовского о суждениях в Москве насчет Полевого. Генерал в ответ докладывал 13 апреля 1834 г. именно так, как ожидал его начальник:

...заключают, что запрещение издавать «Телеграф» обнаруживает слабость правительства и огорчает публику, и что лучше бы не запрещать оный, но заставить сочинителя писать в духе правительства. Причем вняты не сочинителя, а поверяющую его цензуру (Дубровин, 1903: 269–270).

Однако и после этого начальник III отделения не лишил своей опеки Полевого. В августе 1836 г. Бенкендорф передал Николаю I его статью «Памятник Петра Великого», напечатанную в «Живописном обозрении», за которую монарх распорядился передать автору свое благоволение и готовность поддерживать его «во всех полезных трудах» (К. А. Полевой, 1934: 335). Вслед за тем, Полевому было поручено подготовить для «Московских ведомостей» (1836. № 67) публикацию о посещении Николаем I Москвы (Орлов, 1934: 487). К. А. Полевой подчеркивал: «Во всех последующих *сношениях своих* с Николаем Алексеевичем граф Бенкендорф действовал с неизменным доброжелательством к нему» (К. А. Полевой, 1934: 336). К примеру, в ноябре 1838 г. после того, как Николай I посетил спектакль по пьесе Полевого «Дедушка русского флота», он именно через Бенкендорфа передал автору бриллиантовый перстень и слова о том, что никогда не сомневался в его «необыкновенных дарованиях» (Орлов, 1934: 503).

III

История издания «Литературной газеты», а, соответственно, и ее цензурная история, оказалась куда короче, чем у журнала Полевого.

Из ряда обычных цензурных перипетий приведем только один эпизод, имеющий отношение к «Московскому телеграфу». В феврале 1830 г. в цензуре была задержана и в конечном итоге не допущена к печати вторая часть анонимной статьи Вяземского «О московских журналах». Именно эта часть содержала язвительные выпады против Полевого и его издания. После ее рассмотрения в Санкт-Петербургском цензурном комитете 18 февраля текст направили в Главное управление цензуры. И, хотя статью рассмотрели там уже на следующий день, 26 февраля, окончательное решение по ней министр Ливен сообщил председателю цензурного комитета только 5 марта. Министр заявил, что «некоторые места» статьи «надлежит исключить из оной», но «по неудобству произвести таковое исключение», Главное управление признало за лучшее «не давать дозволения на напечатание» (Замков, 1916: 253–254). Как пояснял Н. К. Замков, в запрещенной статье «карандаш цензора отметил прежде всего почти все места, заключающие в себе выпады против Полевого, как историка». Также «отметил цензор и характеристики „Московского телеграфа“ и его издателя» (там же: 254, 256).

В этой истории вызывает удивление слишком большой период времени, понадобившийся для объявления, казалось бы, уже принятого решения. Возможно, оно потребовалось на его согласование с более влиятельным ведомством, каким являлось III отделение.

Помимо частых объяснений с обычной цензурой, издателю газеты как минимум дважды приходилось встречаться с начальником тайной полиции. Впервые это произошло в августе 1830 г.

9 августа в 45-м номере «Литературной газеты» увидела свет анонимная заметка «Новые выходки противу так называемой литературной нашей аристократии». Принадлежащая перу А. С. Пушкина, она являлась реакцией на болгаринское «Второе письмо из Карлова на Каменный остров» (Северная пчела, 1830). Однако Полевой посчитал ее адресованной именно ему и подготовил на выступление «Литературной газеты» резкий ответ (Московский телеграф, 1830: 240–244).

22 августа в дело вмешался Бенкендорф. Указав в отношении к министру Ливену на «неприличность» заметки «Литературной газеты», он стал выяснять, на каком основании она была пропущена в печать, и кто ее автор?

Цензор Н. П. Щеглов, объясняя 23 августа свое разрешение на публикацию заметки, вместо того, чтобы назвать ее по заглавию, обозначил таким образом:

«...написанная в ответ на иронические выходки „Московского телеграфа“ против так называемой литературной аристократии». Замков посчитал, что цензор сделал это «конечно, сознательно», ведь «в таком случае на заметку, вероятно, посмотрели бы иначе» (Замков, 1918: 57).

То есть спор с изданием Булгарина должен был выглядеть в глазах III отделения куда более серьезным проступком, чем с журналом Полевого.

Специально или нет, Щеглов заговорил здесь о «Московском телеграфе», но он не сомневался в необходимости возражений этому журналу. В свое оправдание он, в частности, указывал:

...высказывающееся в некоторых статьях «Московского телеграфа» стремление выставить с дурной стороны российское дворянство, чрез осмеивание одного почти в каждой книжке разными критическими пьесами, и насмешки над дворянским состоянием некоторых наших писателей — я находил противными духу нашего правительства и считал их вредными для государственного устройства России, следовательно, заслуживающими сильное опровержение (там же: 58).

Конечно, связь Булгарина с ведомством Бенкендорфа для многих тогда не была секретом, а о контактах Полевого с III отделением (пусть и не таких прочных, как у издателя «Северной пчелы») в то время еще не знали. Однако сейчас можно сказать, что принятая Щегловым версия оказалась почти столь же не безопасна, как публичная критика Булгарина. Тем более, что в самой статье Пушкин упоминал и того, и другого, и вкуче с ними Н. И. Греча.

Днем позже Щеглов предоставил свои объяснения, и Дельвиг заявил, что заметка была прислана ему по почте, и он не знает ее автора.

В конце августа Бенкендорф вызывал к себе редактора «Литературной газеты», чтобы сделать ему строгий выговор за заметку. При этом начальник III отделения упорно хотел узнать, откуда тому известна процитированная в заметке песня революционной черни «Les aristocrates à la lanterne» («Аристократов к фонарю»). Подробности этой встречи дошли до нас в пересказе А. И. Кошелева, который писал со слов Дельвига:

Призывает его начальник III отделения собственной его величества канцелярии гр. Бенкендорф и сильно, даже грубо выговаривает ему за помещение

в газете одной либеральной статьи: бар. Дельвиг с свойственной ему невозмутимостью спокойно замечает ему, что *на основании закона* издатель не отвечает, когда статья пропущена цензурой, и упреки его сиятельства должны быть обращены не к нему, издателю, а к цензору. Тогда начальник 3-го отделения приходит в ярость и говорит Дельвигу: «Законы пишутся для подчиненных, а не для начальства, и вы не имеете права, в объяснениях со мною, на них ссылаться и ими оправдываться» (Кошелев, 2002: 27).

30 октября Бенкендорф направил министру Ливену запрос об уже упомянутом четверостишии Деловиня (Замков, 1916: 260).

В последнем ноябрьском скандале министр стремился приуменьшить вину своего подчиненного — цензора, проявившего, по его словам, «необдуманную поспешность» (там же: 268), а вот издатель газеты никакой защиты у него найти не мог. После того, как объяснения Дельвига по поводу публикации стихов Деловиня были переданы Бенкендорфу, тот вызвал его к себе. И, после описанной нами в самом начале сцены, 8 ноября начальник III отделения обратился к министру. В своем отношении он заявил, что объяснение Дельвига признает «не только недостаточным, но даже непростительным», и спрашивал мнения министра, чтобы «согласно с оным» донести о деле с газетой императору (там же: 266).

Ливен, как видно, понимал, к чему стремится Бенкендорф, и не стал ему мешать. Согласившись с его доводами, министр первым заключил: «...за нарушение вышеозначенного правила надлежит воспретить г. издателю продолжать издание „Литературной газеты“» (там же: 268).

Уже в период издания «Литературной газеты» Сомовым, цензор Щеглов несколько раз, не решаясь пропустить публикации, подготовленные для нее, выносил их на рассмотрение Санкт-Петербургского цензурного комитета. Так он поступил и со статьей Тихонова «Замечания на статью, помещенную в „Московском телеграфе“ сего года в январе месяце, под названием „Обозрение XVIII века“». В заседании комитета 24 марта 1831 г. она была признана «благонамеренною и позволительною для напечатания», но председатель комитета предпочел перестраховаться и запросил мнения о ней Главного управления цензуры. Там статью рассмотрели и 6 апреля запретили печатать, «потому что в оной рассуждается о предметах высоких с такою неясностью, что она может быть поводом к превратным толкованиям» (там же: 278–279), или, как сказано в архивном деле, «...из опасения истолкования ее в невыгодном для правительства смысле» (О запрещении для «Литературной газеты»..., 1831).

То, что «Литературная газета» была задумана для борьбы с «торговым направлением», а также с примыкавшим к нему журналом Полевого, в ту пору понимали многие искушенные читатели. Не являлось это тайной и для руководства цензуры. Однако в глазах Министра народного просвещения и его ближайшего окружения это обстоятельство вскоре стало восприниматься как отягчающее. Вероятно, не только в силу влияния III отделения, но и из-за солидарности с ним Ливена.

О какой именно солидарности идет речь, и что явилось основной виной «Литературной газеты» в глазах III отделения, в свое время объяснил А. И. Дельвиг (ведь, как и в истории с «Московским телеграфом», конкретные публикации, ставившиеся изданию в вину, служили лишь поводом, а не причиной закрытия издания). Двоюродный брат редактора «Литературной газеты», живший во время описанных событий у него в доме, А. И. Дельвиг, позднее, рассказывая о Бенкендорфе в своих воспоминаниях, подчеркивал, что тот:

...как немецкий уроженец наших остзейских губерний, наверное, считал ненужным образовать русский народ, созданный по понятиям немцев для того, чтобы быть управляемым ими. Вдруг оказывается кружок литераторов, в котором говорят преимущественно по-русски, который полагает возможною к достижению целью поставить русских на один уровень с другими европейскими народами, даже с немцами (Дельвиг, 2015: 101).

Такой кружок, продолжал Дельвиг чуть далее:

...не мог, по понятиям Бенкендорфа, не быть вредным до того, что необходимо было искоренить его в самом начале ссылкой, как он выразился, в Сибирь Пушкина, Вяземского и Дельвига; последний в особенности должен был быть неприятен Бенкендорфу, так как ему было известно, что Дельвиг служил звеном, связывавшим весь этот кружок, и тем более, что, будучи немецкого происхождения, не должен был до такой степени обрусеть, чтобы заботиться только о русском обществе и народе, изменив чрез это своей великой национальности (там же: 102).

В чем же обвинял другого издателя его противник Уваров? Помимо обширных выписок из «Московского телеграфа» (где, вместе с туманными, требующими расшифровки намеками, указаны случаи пропаганды революции), этот министр оставил нам и вполне внятное «резюме» своих претензий к Полевому. 9 апреля 1834 г. Никитенко записал услышанный от него монолог об издателе «Московского телеграфа»:

Это проводник революции, — говорил Уваров, — он уже несколько лет систематически распространяет разрушительные правила. Он не любит России.

[...] Впрочем, — продолжал он, — известно, что у нас есть партия, жаждущая революции. Декабристы не истреблены: Полевой хотел быть органом их. [...] С Гречем или Сенковским я поступил бы иначе; они трусы; им стоит погрозить гауптвахтою, и они смирятся. Но Полевой — я знаю его: это фанатик. Он готов претерпеть все за идею. Для него нужны решительные меры (Никитенко, 1955: 141).

За исключением слов о готовности Полевого претерпеть за идею, многое из сказанного Уваровым позже нашло подтверждение. Конечно, издателя «Московского телеграфа» нельзя назвать революционером, но не случайно же его так ценили русские социалисты XIX в. С апологией революции у Полевого тесно переплеталось восхищение «третьим сословием». Проскурин находит в нем отражение интересов «немецкой партии». Ведь превознесение «третьего сословия» вполне согласовывалось с идеей «государственного протекционизма», энергичным проводником которого служил Канкрин, поддерживаемый III отделением и Булгаринным (Проскурин, 2000: 330). Однако это не отменяет и иного подхода. Полевой и многие его современники не могли не помнить: Великая Французская революция устами одного из основателей Якобинского клуба аббата Э.-Ж. Сийеса провозгласила, что именно «третье сословие» является источником власти. В свете этого иначе воспринимается кампания, предпринятая Уваровым против «Московского телеграфа».

На руку «немецкой партии» Полевой действовал и в своих научных статьях. Примером тому краткий, но резкий отзыв о работе основателя отечественного славяноведения Ю. И. Венелина, которую он назвал ученым невежеством и заявил: «...нельзя читать книги г-на Венелина не смеясь, и смеяться не досадуя» (Московский телеграф, 1829: 486). В этом издатель «Московского телеграфа» намного опередил нападки на славянофилов и «поход» против славян, инспирированные «немецкой партией» во второй половине 1840-х гг.

Хотя формально власти не выносили решения о закрытии «Литературной газета», она прекратила выход спустя полгода после смерти Дельвига. Это издание стало первым, судьбу которого решили в стенах III отделения (годом позже еще быстрее оно добилось прекращения журнала «Европеец», редактора которого, И. В. Киреевского, обвинили в том, что выражение «деятельность разума» тот использовал для обозначения революции, а под «искусно отысканной серединой» понимал конституцию). Инкриминирование революционных взглядов стало служить подчиненным Бенкендорфа надежным инструментом

в борьбе с теми, кого «немецкая партия» считала своими противниками. Булгарин же при жизни Уварова ухитрился в чуть завуалированной форме заявить, что деятельность того способствовала распространению революционных воззрений (Булгарин, 2001: 754–755).

Быстрый крах «Литературной газеты» был во многом предопределен тем, что, вступая в борьбу, это издание не приобрело влиятельных покровителей в правительственной или придворной сфере. Да таковые в то время, вероятно, и не нашлись бы. В последующие годы, когда заметно упрочилось положение Уварова, его поддержка обеспечивала хотя бы относительную безопасность, примером чему многолетнее существование журнала «Москвитянин».

Полевой же с первых шагов на издательском поприще искал и находил самых могущественных покровителей. III отделение не преминуло воспользоваться издателем «Московского телеграфа», видя в нем отчасти идейного союзника, отчасти — расчетливого предпринимателя (позднее оно стало также использовать еще более прагматичного А. А. Краевского). Поддерживать с Полевым многолетнее сотрудничество ведомству Бенкендорфа удавалось благодаря использованию обширного инструментария поощрений, причем не только материальных: дороже денег ценилась предоставленная «Московскому телеграфу» возможность писать о том, о чем возбранялось его конкурентам и противником. И позднее, лишившись журнала, Полевой не утратил «высочайшего благоволения», время от времени иницилируемого протекцией Александра Христофоровича.

СОКРАЩЕНИЯ

- РГИА Российский государственный исторический архив.
ОР РГБ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

Источники

Рукописные источники

О запрещении для «Литературной газеты» рецензии «Замечания на статью, помещенную в „Московском телеграфе“ сего года в январе месяце, под названием „Обзорение XVIII века, сочинения Тихонова“», из опасения истолкования ее в невыгодном для правительства смысле // РГИА. — 1831. — Ф. 772. — Оп. 1. — Д. 324.

По отношению генерал-адъютанта Бенкендорфа о журналах «Телескоп» и «Телеграф» // РГИА. — 1832. — Ф. 772. — Оп. 1. — Д. 205.

Хомяков С. А. Письма к Погодину М. П. 1831 г. // ОР РГБ. — 1831. — Ф. 231. — Разд. II. — Кор. 49. — Ед. хр. 91.

Хомяков С. А. Письма к Погодину М. П. 1832 г. // ОР РГБ. — 1832. — Ф. 231. — Разд. II. — Кор. 50. — Ед. хр. 77.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Бенкендорф А. Х. Письмо (графа) Александра Христофоровича Бенкендорфа к Николаю Алексеевичу Полевому, редактору «Московского телеграфа», в 1832 году // Русский архив. — 1866. — Т. 12. — С. 1753–1756.
- Булгарин Ф. В. Воспоминания / под ред. М. Д. Ольхина. — М. : Захаров, 2001.
- Видок Фиглярин : письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение / под ред. А. И. Рейтблата. — М. : Новое литературное обозрение, 1998.
- Дельвиг А. И. Полвека русской жизни / под ред. Ю. Цурихиной. — М. : Терра, Книжный клуб Книговек, 2015.
- Из писем братьев Полевых к В. И. Карлгофу // Русский архив. — 1912. — № 3. — С. 420–422.
- Из цензурной старины (1829–1851) // Шукинский сборник. В 10 т. Т. 2 / под ред. П. И. Шукина. — М. : А. И. Мамонтов, 1903. — С. 302–360.
- Кошелев А. И. Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883) / под ред. Т. Ф. Пирожковой. — М. : Наука, 2002.
- Московский телеграф. — 1829. — № 16.
- Московский телеграф. — 1830. — № 14.
- Муравьев А. Н. Сочинения и письма / под ред. Ю. И. Герасимовой, С. В. Думина ; предисл. О. С. Тальской. — Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1986.
- Никитенко А. В. Дневник. В 3 т. Т. 1. 1826–1857 / под ред. И. Я. Айзенштока. — М., Л. : Гослитиздат, 1955.
- Полевой К. А. Записки о жизни и сочинениях Николая Алексеевича Полевого // Николай Полевой : Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов / под ред. В. Н. Орлова. — Л. : Издательство писателей в Ленинграде, 1934. — С. 93–351.
- Полевой Н. А. Нынешняя Италия // Московский телеграф. — 1830а. — № 18. — С. 275–305.
- Полевой Н. А. Нынешняя Италия // Московский телеграф. — 1830б. — № 19. — С. 447–464.
- Полевой Н. А. Нынешняя Италия // Московский телеграф. — 1830с. — № 20. — С. 570–575.
- Полевой Н. А. Горе от ума, производящего всеобщий революционный дух // Московский телеграф. — 1831. — Т. XL (40), № 16. — С. 519–521.
- Россия под надзором : отчеты III отделения 1827–1869. Сборник документов / сост. М. В. Сидоровой, Е. И. Щербаковой. — М. : Российский фонд культуры, Российский Архив, 2006.
- Северная пчела. — 1830. — № 94.

ЛИТЕРАТУРА

- Анненков П. В.* Общественные идеалы А. С. Пушкина. Из последних лет жизни поэта // Воспоминания и критические очерки. В 3 т. Т. 3. — СПб. : М. Стасюлевич, 1881. — С. 225–267.
- Бадалян Д. А.* Два неизвестных произведения ранней публицистики А. С. Хомякова // Материалы международной научной конференции «Мир романтизма» (X Гулевских чтений) : Тверь, 12–15 сентября 2002 г. Т. 30 / под ред. И. В. Каргашова. — Тверь : Тверской государственный университет, 2002. — С. 340–348. — (Мир романтизма ; 6).
- Бадалян Д. А.* «Официальная народность» или народность? С. С. Уваров и А. С. Хомяков // Тетради по консерватизму. — 2018а. — № 1. — С. 51–66.
- Бадалян Д. А.* С. С. Уваров и журнальная борьба 1830–1840-х годов // Тетради по консерватизму. — 2018б. — № 1. — С. 203–218.
- Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. В 22 т. Т. 3. — СПб. : М. Стасюлевич, 1890.
- Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. В 22 т. Т. 4. — СПб. : М. Стасюлевич, 1891.
- Березина В. Г.* Н. А. Полевой в «Московском телеграфе» // Ученые записки Ленинградского университета. — 1954. — Т. 173. — С. 86–142.
- Березина В. Г.* Дополнение к статье «Из цензурной истории журнала „Московский телеграф“» // Русская литература. — 1983. — № 4. — С. 133–136.
- Березина В. Г.* К журнальной борьбе начала 1830-х годов (цензурная история второго номера «Московского телеграфа» за 1831 год) // Русская литература. — 1988. — № 4. — С. 164–175.
- Березкина С. В.* «Немцы» против «Европейца» // Москва. — 2009. — № 3. — С. 201–213.
- Бобрин М. А.* Кашинцов, Кашинцев Николай Андреевич // Русские писатели. 1800–1917 : биографический словарь. В 5 т. Т. 2 / под ред. М. Николаева. — М. : Большая Российская энциклопедия, 1992. — С. 520.
- Будко А. А., Быков И. Ю., Селиванов Е. Ф.* История военной медицины России. В 4 т. Т. 3. XIX–начало XX вв. / под ред. Т. Чижая. — СПб. : Военно-медицинская академия, 2006.
- Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И.* «Рука всевышнего Отечество спасла» // Сквозь «умственные плотины» : очерки о книгах и прессе пушкинской поры. — М. : Книга, 1986. — С. 140–164.
- Высочков Л. В.* Николай I. — М. : Молодая гвардия, 2006.
- Дубровин Н. Ф.* Николай Алексеевич Полевой, его сторонники и противники по «Московскому телеграфу» // Русская старина. — 1903. — № 2. — С. 259–270.
- Замков Н. К.* К истории «Литературной газеты» барона А. А. Дельвига // Русская старина. — 1916. — № 5. — С. 245–281.

- Замков Н. К.* К цензурной истории произведений Пушкина // Пушкин и его современники : материалы и исследования. В 39 т. Т. 29/30 / под ред. Б. Л. Модзалевского. — Петроград : Императорская Академия наук, 1918. — С. 49–62.
- Казаков Н. И.* Об одной идеологической формуле николаевской эпохи // Контекст-1989 : Литературно-теоретические исследования / под ред. А. В. Михайлова. — М. : Наука, 1989. — С. 5–41.
- Копелев Д. Н.* На службе Империи : немцы и Российский флот в первой половине XIX века. — СПб. : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2010.
- Лемке М. К.* Николаевские жандармы и литература 1826–1855 годов : по подлинным делам Третьего Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. — М. : ЛЕНАНД, 2014.
- Найт Н.* Наука, империя и народность : этнография в Русском Географическом обществе, 1845–1885 // Российская империя в зарубежной историографии : работы последних лет / под ред. П. Верта, П. С. Кабытова, А. И. Миллера. — М. : Новое издательство, 2005. — С. 155–198.
- Орлов В. Н.* Комментарий // Николай Полевой : Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов / под ред. В. Н. Орлова. — Л. : Издательство писателей в Ленинграде, 1934. — С. 355–503.
- Петров Ф. А.* Немецкие профессора в Московском университете. — М. : Христианское издательство, 1997.
- Проскурин О. А.* Литературные скандалы пушкинской эпохи. — М. : ОГИ, 2000.
- Пушкин А. С.* Дневник 1833–1835 гг. // Полное собрание сочинений. В 17 т. Т. 12. Критика, Автобиография / под ред. В. В. Гишпиуса. — М. : АН СССР, 1937. — С. 314–337. — репр. М.: Воскресенье, 1996.
- Рейтблат А. И.* Цензурирование театральных рецензий в николаевскую эпоху // Цензура в России : история и современность / под ред. М. А. Бениной, М. Б. Конашева. — СПб., 2008. — С. 64–80. — вып. 4.
- Сафонов М. М.* Константиновский рубль и «немецкая партия» // Средневековая и новая Россия. Сборник научных статей : к 60-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова / под ред. В. М. Воробьева, А. Ю. Дворниченко. — СПб., 1996. — С. 529–541.
- Сафонов М. М.* Междуцарствие // Николай I: pro et contra : личность и деятельность Николая I в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология / под ред. Л. В. Высокочкова, Д. К. Бурлака. — СПб., 2011. — С. 313–340.
- Сергеев С. М.* «Хозяева» против «наемников» : русско-немецкое противостояние в императорской России // Вопросы национализма: Журнал научной и общественно-политической мысли. — 2010. — № 3. — С. 38–78.
- Скрынников Р. Г.* Пушкин. Тайна гибели. — СПб. : Нева, 2004.
- Сперанская Н. М.* Июльская революция 1830 года в российских газетах // Россия и Франция: XVIII–XX вв. : Лотмановские чтения / под ред. Д. Александра. — М. : Российский государственный гуманитарный университет, 2013. — С. 135–152.

- Стасов В. В. Цензура в царствование императора Николая I // Русская старина. — 1903а. — № 2. — С. 305–328.
- Стасов В. В. Цензура в царствование императора Николая I // Русская старина. — 1903б. — № 3. — С. 571–591.
- Сухомлинов Н. А. Полевой и его журнал «Московский телеграф» // Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. В 2 т. Т. 2 / М. И. Сухомлинов. — СПб. : Издание А. С. Суворина, 1889. — С. 367–431.
- Шевченко М. М. «Официальной народности» теория // Большая Российская энциклопедия. В 35 т. Т. 24 / под ред. Ю. С. Осипова. — М. : Большая Российская энциклопедия, 2014. — С. 713–714.

Badalyan, D. A. 2019. “‘Moskovskiy telegraf’, ‘Literaturnaya gazeta’ i III otdeleniye [‘Moscow Telegraph’, ‘Literary Gazette’ and the Third Section]: skrytaya mekhanika pokrovitel’sтва i nakazaniya [Covert Mechanism of Patronage and Punishment]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* III (2), 128–157.

DMITRIY BADALYAN

PHD IN HISTORY; SENIOR RESEARCHER

AT THE SECTOR

OF BIBLIOGRAPHY OF THE NATIONAL LIBRARY OF RUSSIA (ST. PETERSBURG)

“MOSCOW TELEGRAPH”, “LITERARY GAZETTE”
AND THE THIRD SECTION

COVERT MECHANISM OF PATRONAGE AND PUNISHMENT

Abstract: The article deals with the circumstances of censorship and closure of two arguing periodicals, A. A. Delvig’s *Literary Gazette* and N. A. Polevoy’s magazine *Moscow Telegraph* in a new light. The practice of patronage and punishment carried out in respect of these periodicals by the Third Section and their censorship history are presented in general as a prelude to the struggle of the “German” and “Russian parties”, which spread over the government circles in the 1830s. The covert competition between the Third Section, which advocated the interests of the “German party”, and the Ministry of National Education headed by S. S. Uvarov who put forward the slogan “Orthodoxy. Autocracy. Nationality”, is an example of this struggle. The Third Section and Uvarov’s Ministry used in their interests periodicals and censorship bodies of both of them. Their rivalry is mostly explicit in the struggle unfolded between magazines and newspapers in the second half of the 1830s and in the 1840s. By the late 1920s and the early 1930s, the narrative of “Orthodoxy. Autocracy. Nationality” had not been yet formulated and Uvarov could not consolidate any periodicals, while the press supported by the “German party” was already active. The chief of the Third Department Benckendorff worked for its interest, managed to deprive Delvig of the rights to edit *Literary Gazette*, and brought to his side Polevoy (who previously counted on A. S. Shishkov’s support). Benckendorff patronised *Moscow Telegraph*, supporting its anti-nobiliary and pro-western policy,

and indulging its veiled propaganda of revolution. However, Uvarov managed to have the magazine closed in 1834.

Keywords: *Literary Gazette*, magazine *Moscow Telegraph*, A. A. Delvig, N. A. Polevoy, Third Section, A. H. Benckendorff, Censorship, “German Party”.

DOI: 10.17323/2587-8719-2019-3-2-128-157.

REFERENCES

- Annenkov, P. V. “Obshchestvennyye idealy A. S. Pushkina. Iz poslednikh let zhizni poeta [Social Ideals of A. S. Pushkin. From the Last Years of the Poet's Life]” [in Russian]. In vol. 3 of *Vospominaniya i kriticheskiye ocherki [Memories and Critical Essays]*, 225–267. 3 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: M. Stasyulevich.
- Badalyan, D. A. 2002. “Dva neizvestnykh proizvedeniya ranney publitsistiki A. S. Khomyakova [Two Unknown Works of Early Journalism by A. S. Khomyakov]” [in Russian]. In *Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii “Mir romantizma” (KH Gulyayevskikh chteniy) [Proceedings of the International Academic Conference “World of Romanticism” (x Gulyaev Readings)]* : Tver', 12–15 sentyabrya 2002 g. [Tver, September 12–15, 2002], ed. by I. V. Kartashova, 30:340–348. Mir romantizma 6. Tver': Tverskoy gosudarstvennyy universitet.
- . 2018a. ““Ofitsial'naya narodnost” ili narodnost'? S. S. Uvarov i A. S. Khomyakov [‘Official Nationality’ or Nationality? S. S. Uvarov and A. S. Khomyakov]” [in Russian]. *Tetrady po konservativizmu*, no. 1: 51–66.
- . 2018b. “S. S. Uvarov i zhurnal'naya bor'ba 1830–1840-kh godov [S. S. Uvarov and Media Struggle in 1830–1840]” [in Russian]. *Tetrady po konservativizmu*, no. 1: 203–218.
- Barsukov, N. P. 1890. [in Russian]. Vol. 3 of *Zhizn' i trudy M. P. Pogodina [The Life and Works of M. P. Pogodin]*. 22 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: M. Stasyulevich.
- . 1891. [in Russian]. Vol. 4 of *Zhizn' i trudy M. P. Pogodina [The Life and Works of M. P. Pogodin]*. 22 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: M. Stasyulevich.
- Benckendorf, A. Kh. 1866. “Pis'mo (grafa) Aleksandra Khristoforovicha Benckendorfa k Nikolayu Alekseyevichu Polevomu, redaktoru ‘Moskovskogo telegrafa’, v 1832 godu [A Letter of Alexander Khristoforovich Benckendorf (Count) to Nikolay Alexeevich Polebov, Editor of the ‘Moscow Telegraph’]” [in Russian]. *Russkiy arkhiv* 12:1753–1756.
- Berezina, V. G. 1954. “N. A. Polevoy v ‘Moskovskom telegrafe’ [N. A. Polevoy in the ‘Moscow Telegraph’]” [in Russian]. *Uchenyye zapiski Leningradskogo universiteta* 173:86–142.
- . 1983. “Dopolneniye k stat'ye ‘Iz tsenzurnoy istorii zhurnala “Moskovskiy telegraf” [Addition to the Article ‘From the Censorship History of the Magazine “Moskovsky Telegraph”]’ [in Russian]. *Russkaya literatura*, no. 4: 133–136.
- . 1988. “K zhurnal'noy bor'be nachala 1830-kh godov (tsenzurnaya istoriya vtorogo nomera ‘Moskovskogo telegrafa’ za 1831 god) [To the Media Struggle of the Early 1830s (Censorship History of the Second Issue of ‘Moscow Telegraph’ for 1831)]” [in Russian]. *Russkaya literatura*, no. 4: 164–175.
- Berezkina, S. V. 2009. “‘Nemtsy’ protiv ‘Yevropeytsa’ [‘Germans’ Against ‘Europeans’]” [in Russian]. *Moskva*, no. 3: 201–213.
- Bobrik, M. A. 1992. “Kashintsov, Kashintsev Nikolay Andreyevich [Kashintsov, Kashintsev Nikolay Andreevich]” [in Russian]. In vol. 2 of *Russkiye pisateli. 1800–1917 [Russian Writers. 1800–1917]* : *biograficheskii slovar' [Biographical Dictionary]*, ed. by M. Nikolayev, 520. 5 vols. Moskva [Moscow]: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya.
- Budko, A. A., I. Yu. Bykov, and Ye. F. Selivanov. 2006. *xix-nachalo XX vv.* [in Russian]. Vol. 3 of *Istoriya voyennoy meditsiny Rossii [History of Military Medicine in Rus-*

- sia], ed. by T. Chizh. 4 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Voyenno-meditsinskaya akademiya.
- Bulgarin, F. V. 2001. *Vospominaniya [Memoirs]* [in Russian]. Ed. by M. D. Ol'khin. Moskva [Moscow]: Zakharov.
- Del'vig, A. I. 2015. *Polveka russkoy zhizni [Half a Century of a Russian Life]* [in Russian]. Ed. by Yu. Tsurikhina. Moskva [Moscow]: Terra / Knizhnyy klub Knigovek.
- Dubrovin, N. F. 1903. "Nikolay Alekseyevich Polevoy, yego storonniki i protivniki po 'Moskovskomu telegrafu' [Nikolai Alekseevich Polevoy, His Supporters and Opponents by 'Moscow Telegraph']" [in Russian]. *Russkaya starina*, no. 2: 259–270.
- "Iz pisev brat'yev Polevykh k V. I. Karlhofu [From the Letters of the Polevyh Brothers to V. I. Karlhof]." 1912 [in Russian]. *Russkiy arkhiv*, no. 3: 420–422.
- Kazakov, N. I. 1989. "Ob odnoy ideologicheskoy formule nikolayevskoy epokhi [About One Ideological Formula of the Nicholas Era]" [in Russian]. In *Kontekst-1989 [Context-1989] : Literaturno-teoreticheskiye issledovaniya [Literary-Theoretical Researches]*, ed. by A. V. Mikhaylov, 5–41. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Khomyakov, S. A. 1831. "Pis'ma k Pogodinu M. P. 1831 g. [Letters to M. P. Pogodin]" [in Russian]. In *OR RGB [Manuscript Section of the Russian State Library]*. 231.II.49–91.
- . 1832. "Pis'ma k Pogodinu M. P. 1832 g. [Letters to M. P. Pogodin]" [in Russian]. In *OR RGB [Manuscript Section of the Russian State Library]*. 231.II.50–77.
- Kopelev, D. N. 2010. *Na sluzhbe Imperii [In the Service of the Empire]: nemtsy i Rossiyskiy flot v pervoy polovine XIX veka [Germans and Russian Navy in the First Half of 19th Century]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Yevropeyskiy universitet v Sankt-Peterburge.
- Koshelev, A. I. 2002. *Zapiski Aleksandra Ivanovicha Kosheleva (1812–1883) [Notes by Alexander Ivanovich Koshelev (1812–1883)]* [in Russian]. Ed. by T. F. Pirozhkova. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Lemke, M. K. 2014. *Nikolayevskiy zhandarmy i literatura 1826–1855 godov [Gendarmes of Nicholas I and literature in 1826–1855]: po podlinnym delam Tret'yego Otdeleniya Sobstvennoy Yego Imperatorskogo Velichestva kantsel'yarii [Based on Authentic Acts of Third Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: LENAND.
- Moskovskiy telegraf [Moscow Telegraph]*. 1830 [in Russian]. (14).
- Moskovskiy telegraf [Moscow Telegraph]*. 1829 [in Russian]. (16).
- Murav'yev, A. N. 1986. *Sochineniya i pis'ma [Works and Letters]* [in Russian]. Ed. by Yu. I. Gerasimova and S. V. Dumin. With a forew. by O. S. Tal'skaya. Irkut-sk: Vostochno-Sibirskoye knizhnoye izdatel'stvo.
- Nayt, N. 2005. "Nauka, imperiya i narodnost' [Science, Empire, and Narodnost'] : etnografiya v Russkom Geograficheskom obshchestve, 1845–1885 [Ethnography in Russian Geographical Society]" [in Russian]. In *Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii [Russian Empire in Foreign Historiography] : raboty poslednikh let [Last Years' Works]*, ed. by P. Vert, P. S. Kabytov, and A. I. Miller, 155–198. Moskva [Moscow]: Novoye izdatel'stvo.
- Nikitenko, A. V. 1826–1857 [1826–1857] [in Russian]. Vol. 1 of *Dnevnik [Diary]*, ed. by I. Ya. Ayzenshtok. 3 vols. Moskva [Moscow] and Leningrad: Goslitizdat.
- "O zapreshchenii dlya 'Literaturnoy gazety' retsenzii 'Zamechaniya na stat'yu, pomeshchennuyu v 'Moskovskom telegrafe' sego goda v yanvare mesyatse, pod nazvaniyem 'Obozreniye XVIII veka, sochineniya Tikhonova'" , iz opaseniya istolkovaniya yeye v nevygodnom dlya pravitel'stva smysle [On the Ban for the 'Literary Gazette' of the Review 'Comments on the Article Placed in the "Moscow Telegraph" of This Year in January, Entitled "Review of the 18th Century, Tikhonov's Works"', for Fear of Interpreting it in the Unfavorable Sense

- for the Government]" [in Russian]. 1831. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 772. 1/324.
- Orlov, V. N. 1934. "Kommentariy [Commentary]" [in Russian]. In *Nikolay Polevoy [Nikolai Polevoy] : Materialy po istorii russkoy literatury i zhurnalistiki tridtsatykh godov [Sources on the History of Russian Literature and Journalism of the 1930s]*, ed. by V. N. Orlov, 355–503. Leningrad: Izdatel'stvo pisateley v Leningrade.
- Petrov, F. A. 1997. *Nemetskiye professora v Moskovskom universitete [German Professors at the Moscow University]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Khristianskoye izdatel'stvo.
- "Po otnosheniyu general-ad'yutanta Benkendorfa o zhurnalakh 'Teleskop' i 'Telegraf' [Concerning the Relation by Adjutant General Benkendorf about the Magazines 'Telescope' and 'Telegraph']" [in Russian]. 1832. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 772. 1/205.
- Polevoy, K. A. 1934. "Zapiski o zhizni i sochineniyakh Nikolaya Alekseyevicha Polevogo [Notes on the Life and Writings of Nikolay Alekseyevich Polevoy]" [in Russian]. In Orlov 1934, 93–351.
- Polevoy, N. A. 1830a. "Nyneshnyaya Italiya [Nowaday Italy]" [in Russian]. *Moskovskiy telegraf*, no. 18: 275–305.
- . 1830b. "Nyneshnyaya Italiya [Nowaday Italy]" [in Russian]. *Moskovskiy telegraf*, no. 19: 447–464.
- . 1830c. "Nyneshnyaya Italiya [Nowaday Italy]" [in Russian]. *Moskovskiy telegraf*, no. 20: 570–575.
- . 1831. "Gore ot uma, proizvodnyashchego vseobshchiy revolyutsionnyy dukh" [in Russian]. *Moskovskiy telegraf* XL (40) (16): 519–521.
- Proskurin, O. A. 2000. *Literaturnyye skandaly pushkinskoy epokhi [Literary Scandals of Pushkin's Time]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: OGI.
- Pushkin, A. S. *Dnevnik 1833–1835 gg. [Diary of 1833–1835]* [in Russian]. In *Kritika, Avtobiografiya [Critique, Autobiography]*, vol. 12 of *Polnoye sobraniye sochineniy [Complete Works]*, ed. by V. V. Gippius, 314–337. 17 vols. Repr. M.: Voskresen'ye, 1996. Moskva [Moscow]: AN SSSR.
- Reytblat, A. I., ed. 1998. *Vidok Figlyarin [Vidocq Figlyarin]: pis'ma i agenturnyye zapiski F. V. Bulgarina v III otdeleniye [Letters and Agent Notes by F. V. Bulgarin for the 3rd Section]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- . 2008. "Tsenzurovaniye teatral'nykh retsenziy v nikolayevskuyu epokhu [Theater Reviews Censoring in Nicholas Time]" [in Russian]. In *Tsenzura v Rossii [Censorship in Russia] : istoriya i sovremennost' [History and Present]*, ed. by M. A. Benina and M. B. Konashev, 64–80. Vyp. 4. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg].
- Safonov, M. M. 1996. "Konstantinovskiy rubl' i 'nemetskaya partiya' [Constantinian Rouble and 'German Party']" [in Russian]. In *Srednevekovaya i novaya Rossiya. Sbornik nauchnykh statey : k 60-letiyu professora Igorya Yakovlevicha Froyanova*, ed. by V. M. Vorob'yev and A. Yu. Dvornichenko, 529–541. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg].
- . 2011. "Mezhdutsarstviye [Interregnum]" [in Russian]. In *Nikolay I: pro et contra [Nicholas I] : lichnost' i deyatelnost' Nikolaya I v otsenke russkikh mysliteley i sledovatelye. Antologiya [Personality and Activity of Nicholas I as Assessed by Russian Intellectuals and Researchers]*, ed. by L. V. Vyskochkov and D. K. Burlak, 313–340. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg].
- Sergeyev, S. M. 2010. "'Khozyayeva' protiv 'nayemnikov': russko-nemetskoye protivostoyaniye v imperatorskoy Rossii" [in Russian]. *Voprosy natsionalizma: Zhurnal nauchnoy i obshchestvenno-politicheskoy mysl'i*, no. 3: 38–78.
- Severnaya pchela [Northern Bee]*. 1830 [in Russian]. (94).

- Shchukin, P. I., ed. 1903. "Iz tsenzurnoy stariny (1829–1851) [From the Censorship Antiquity (1829–1851)]" [in Russian]. In vol. 2 of *Shchukinskiy sbornik* [*Schukinsky Collection*], 302–360. 10 vols. Moskva [Moscow]: A. I. Mamontov.
- Shevchenko, M. M. 2014. "'Ofitsial'noy narodnosti' teoriya ['Official Nationality' Theory]" [in Russian]. In vol. 24 of *Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya* [*Great Russian Encyclopedia*], ed. by Yu. S. Osipov, 713–714. 35 vols. Moskva [Moscow]: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya.
- Sidorova, M. V., and Ye. I. Shcherbakova, comps. 2006. *Rossiya pod nadzorom* [*Russia Under Supervision*]: otchety III otdeleniya 1827–1869. *Sbornik dokumentov* [Reports of the Third Section, 1827–1869] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Rossiyskiy fond kul'tury / Rossiyskiy Arkhiv.
- Skrynnikov, R. G. 2004. *Pushkin. Tayna gibeli* [*Pushkin. Mystery of Death*] [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Neva.
- Speranskaya, N. M. 2013. "Iyul'skaya revolyutsiya 1830 goda v rossiyskikh gazetakh [The July 1830 Revolution in Russ. Magazines]" [in Russian]. In *Rossiya i Frantsiya: XVIII–XX vv.* [*Russia and France: 18–20th cc.*]: Lotmanovskiye chteniya [Lotman Readings], ed. by D. Aleksandr, 135–152. Moskva [Moscow]: RGGU.
- Stasov, V. V. 1903a. "Tsenzura v tsarstvovaniye imperatora Nikolaya I [Censorship in the Reign of Nicholas I]" [in Russian]. *Russkaya starina*, no. 2: 305–328.
- . 1903b. "Tsenzura v tsarstvovaniye imperatora Nikolaya I [Censorship in the Reign of Nicholas I]" [in Russian]. *Russkaya starina*, no. 3: 571–591.
- Sukhomlinov, N. A. 1889. "Polevoy i yego zhurnal 'Moskovskiy telegraf' [Polevoy and His Magazine 'Moscow Telegraph']" [in Russian]. In vol. 2 of *Issledovaniya i stat'i po russkoy literature i prosveshcheniyu* [*Studies and Articles on Russian Literature and Education*], by M. I. Sukhomlinov, 367–431. 2 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Izdaniye A. S. Suvorina.
- Vatsuro, V. E., and M. I. Gillel'son. 1986. "'Ruka vsevyshnego Otechestvo spasla' ['The Hand of the Most High Saved the Fatherland']" [in Russian]. In *Skvoz' "umstvennyye plotiny"* [*Through "Mental Dams"*]: ocherki o knigakh i presse pushkinskoy pory [*Essays on Books and the Press of the Time of Pushkin*], 140–164. Moskva [Moscow]: Kniga.
- Vyskochkov, L. V. 2006. *Nikolay I* [*Nicholas I*] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Molodaya gvardiya.
- Zamkov, N. K. 1916. "K istorii 'Literaturnoy gazety' barona A. A. Del'viga [On the History of 'Literary Gazette' by Baron A. A. Delvig]" [in Russian]. *Russkaya starina*, no. 5: 245–281.
- . 1918. "K tsenzurnoy istorii proizvedeniy Pushkina [To the Censorship History of the Works of Pushkin]" [in Russian]. In vol. 29–30 of *Pushkin i yego sovremenniki* [*Pushkin and His Contemporaries*]: materialy i issledovaniya [*Sources and Researches*], ed. by B. L. Modzalevskiy, 49–62. 39 vols. Petrograd: Imperatorskaya Akademiya nauk.

Юлия САФРОНОВА*

МИЛОСТЬ «ВНЕ УСТАНОВЛЕННОГО ПОРЯДКА»**

СТРАТЕГИИ ПРОСИТЕЛЕЙ И ОТВЕТ ЧИНОВНИКА (НА ПРИМЕРЕ
МИНИСТЕРСТВА ИМПЕРАТОРСКОГО ДВОРА. 1856–1861 ГГ.)

Аннотация: Статья посвящена стратегиям решения различных проблем социального характера российскими подданными, так или иначе нарушающим установленные бюрократические процедуры. Формальная процедура подачи прошения в исследуемых случаях подкрепляется или полностью заменяется притязанием на личное покровительство высокопоставленного чиновника. Случай министра императорского двора уникален своим двуединством: просители от него ожидали помощи как от сановника в кругу других высокопоставленных лиц и одновременно как от «самого главного придворного», имеющего непосредственный и постоянный доступ к «щедротам» монарха. Статья основана на прошениях на имя министра двора, поданных в первые пять лет правления Александра II. Обращение к ним позволяет увидеть особый язык поиска покровительства, а также обычно скрытые от исследователей стратегии получения должностей, наград, пенсий и т. д. Аргументы, содержащиеся в прошениях, в особенности обоснования права обращаться со своими проблемами именно к министру двора, позволяют говорить о неформальных связях внутри общества, сложной сети отношений, которой был пронизан сам бюрократический аппарат, а также причинах, побуждавших власть предержащих оказывать покровительство. Автор приходит к выводу, что распространенность и успешность практик подачи прошений «вне установленного порядка» не являются признаками принципиальной «архаики» Российской империи. Скорее они свидетельствуют об эффективности клиентеллизма как института, способного компенсировать неудачи современной бюрократии.

Ключевые слова: патронат, клиентеллизм, бюрократия, прошения, Министерство императорского двора, Александр II.

DOI: 10.17323/2587-8719-2019-3-2-158-188.

КЛИЕНТЕЛЛИЗМ И МОДЕРНОЕ ГОСУДАРСТВО

Российская империя накануне эпохи Великих реформ являет исследователям картину глобальной социальной незащищенности подданных, где мир николаевских бедных чиновников Н. В. Гоголя постепенно трансформируется в страну «униженных и оскорбленных» Ф. М. Достоевского. Вдовы, сироты, отставные чиновники «в пожилых годах», увечные

*Сафронова Юлия Александровна, к. и. н., доцент, факультет истории, Европейский университет в Санкт-Петербурге, jsafronova@eu.spb.ru.

**© Сафронова, Ю. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

воины Крымской, Кавказской и прочих войн, конечно, имели право на пенсии, места в богадельнях, учебных заведениях и пр., а оставшиеся без места военные и штатские чины — на открытие вакансий. Однако «искание» их было связано с «хлопотами», превращавшимися иногда в хождения по кругам бюрократического ада. Бюрократический аппарат не обеспечивал просителям понятного механизма получения заветных мест и пенсий: эта сфера была дискретна, распределена между разными министерствами и ведомствами, с одним из которых необходимо было себя каким-то образом идентифицировать, чтобы получить право хотя бы подать прошение. Результат «исканий» был во многом обусловлен знанием негласных канцелярских правил и личным произволом лиц, принимавших решение.

Й. Баберовски описывает подобную ситуацию с помощью термина «недоверие» — как к институциональным механизмам, так и к обществу, в котором люди конкурируют за ограниченные ресурсы. В его интерпретации «недоверие» приводит к возвращению к практикам до-модерного присутственного общества, поддерживаемым с помощью патрон-клиентских отношений (Баберовски, Каплуновский, 2008: 72). В 2000 г. А. Рибер констатировал удивительное отсутствие внимания к проблеме клиентеллизма в современной русской администрации: существование патрон-клиентских отношений признавалось как факт, но конкретные механизмы оставались вне сферы интереса исследователей¹. Эта лакуна за прошедшие два десятилетия постепенно заполняется. Следует отметить стремление к «нормализации» и одновременной архаизации патрон-клиентских отношений², описываемых как результат «слабости» государства и чужеродности бюрократического управления реалиям российской жизни. Й. Баберовски показывает клиентеллизм поздней Российской империи как дилемму царских элит: репрезентация власти как «функции современного, абстрактного правового порядка» сочеталась в это время с властными практиками, основанными на персональной лояльности и патронаже (там же: 79). Водоразделом исследований, как это часто бывает, выступает эпоха Великих реформ, воспринимаемая как момент, когда профессиональная компетенция чиновников становится важнее личных связей, а борьба «партий», основанных на идейно-политической общности, заменяет борьбу высших бюрократов друг с другом (Рибер, 1992: 44).

¹См. Rieber, 2000.

²См. Шаттенберг, 2005.

Размышления о природе российского клиентеллизма всегда приводят к обсуждению культуры персонализированной власти в самодержавной империи. Все вертикальные патронажные сети, начинавшиеся в провинции, в конце концов замыкались на фигуре монарха. Успех и возможности патрона выполнять обязательства по отношению к клиентам зависели от расположения или неприязни государя³.

Характерно, что для борьбы со взяточничеством и «неправдой» в судах, т. е. с теми проявлениями клиентеллизма, которые стали криминализироваться и стигматизироваться модерным государством, уже при Петре I была создана контора генерал-рекетмейстера Сената, принимавшая жалобы на имя царя на «все места средние и подчиненные» (Ремнев, 1999: 17). Постепенное расширение полномочий ее наследников привело к тому, что созданная в 1810 г. Комиссия прошений, на Высочайшее имя приносимых, по сути компенсировала те функции клиентских сетей, с которыми государство боролось⁴. Кроме жалоб на неправильные действия судебных мест и начальствующих лиц, в Комиссию можно было подавать прошения о «каких-либо наградах или милостях» (Полное собрание..., 1835: 49). В результате во время правления Николая I из общего количества ходатайств (примерно 10 тысяч в год), жалобы составляли только 10%, остальное составляли прошения о «милостях», в первую очередь о финансовой помощи (Писарев, 1909: 81).

Оформление механизма, способного компенсировать провалы бюрократического аппарата с помощью все той же бюрократической процедуры подачи прошения в специальное ведомство, порождало вполне предсказуемые проблемы. Комиссия была медлительна и внушала недоверие: невозможно было предсказать, чем будет руководствоваться ее статс-секретарь, принимая прошение, будет ли доведена просьба до государя, можно ли получить монаршую милость из рук чиновника. Как вообще возможна беспримерная царская милость, ограниченная канцелярией и ее негласными законами? Безуспешный проситель у официальных порогов («подавал прошение Его Императорскому Величеству, переязб и заболел, опять долгов наделал»), горько сетовал: «...все слова. Как

³Это удачно показывает А. Рибер в статье о клиентской сети С. Ю. Витте (Rieber, 2000: 297).

⁴Подача прошений на Высочайшее имя практиковалась и в других монархических государствах. Историки, обращающиеся к ним, видят в них в первую очередь источник для изучения просопографии, карьерных стратегий, языка самоописания, патронажа как культурного феномена и т. д., напр., Хаванова, 2008: 230–250.

бы меня словами удовлетворить, а не заберут справки в Министерстве Военном и Министерстве Юстиции и не доводят до окончания» (Прошение Рыдзевского, 1860. Л. 186).

ПОСРЕДНИК «ВЫСОЧАЙШЕЙ МИЛОСТИ»

Поскольку решение жизненных проблем «установленным порядком» оказывалось проблематичным и зачастую безрезультатным, на пути к милостям трона оказывалась фигура «естественного» посредника между безграничной царской милостью и холодным миром несправедливости и чиновничьего бездушия. В таком качестве выступал министр императорского двора. Довольно наивно причины нарушения правил подачи прошений определил надворный советник Герцо-Виноградский. Прибегая к посредничеству министра двора, проситель высказал убеждение, что успех любого дела зависит не собственно от содержания прошения, а «от благосклонного доклада»:

...если только прошение это удостоится милостивого воззрения Вашего Сиятельства, то судя по тому, как Вы всегда готовы изливать щедроты Царские на Его верноподданных, особенно там, где высказываются заслуги Отечеству, то и успех несомнителен (Прошение Герцо-Виноградского, 1859. Л. 414).

В случае с графом Владимиром Федоровичем Адлербергом удачно совпали личные качества и особенность занимаемой им должности. Друг детства Николая I, один из наиболее близких к нему людей, В. Ф. Адлерберг после воцарения Александра II не только сохранил свое положение, но и пользовался исключительно уважительным отношением императора. По мнению С.И. Григорьева, В. Ф. Адлерберг разделял концепцию Николая I о личном управлении, обязывающую лично контролировать весь объем находящихся в его ведении дел (Григорьев, 2007: 273).

Министр читал все подаваемые ему прошения, за исключением написанных на неизвестных ему языках или слишком мелким почерком. В таких случаях служащие канцелярии готовили для него записки с пересказом сути прошения. На каждую поданную просьбу граф реагировал, даже если реакция заключалась в решении «принять к сведению» или «оставить без последствий». На большинстве прошений есть собственноручные пометы министра или отметки служащих о его распоряжениях, сделанных устно.

Вознося хвалу министру двора как «неоцененному другу страждущего человечества», «достопочтимуому благотворителю несчастных» и т. п.,

просители в то же время предполагали, что сама должность обязывает его быть таковым:

На первых ступенях царского Трона Вы ближе всех избранных, и это высокое положение налагает на Вас обязанность перед отечеством говорить правду Царю и останавливать несправедливость (Прошение Дубниковой, 1860. Л. 170),

— писала министру могилевская мещанка. Обязанность разделять с царем долг безграничной монаршей милости налагалась и фактом выбора императором министра себе в помощники:

Всякий знает, что Великий Милостивый и Справедливый Государь старается окружить Себя людьми, подобными Ему, мыслящими о благоденствии его подданных (Прошение Макаровой, 1860. Л. 59).

Наиболее образно посредническую миссию министра двора описывает предложенная В. Герцо-Виноградской метафора:

Провидению было угодно поставить Ваше Сиятельство светлой звездой около нашего русского Солнца на то, чтобы изливать его благодетельную теплоту на нас, верноподданных (Прошение Герцо-Виноградской, 1860. Л. 209).

Конечно, более точным с точки зрения физики небесных тел был бы образ луны, светящей отраженным светом, но то ли недостаток знаний, то ли действительное намерение автора привносят в эту метафору дополнительный смысл: как бы ни казалась звезда мала по сравнению с солнцем, она способна светить и сама по себе, одаривая просителей своим собственным теплом.

В этом обращении интересен и еще один мотив избрания посредника не собственно императором, но Провидением. Благотворительная миссия богоизбранного самодержавного монарха поддерживается другим избранником, которого Провидение сделало «собеседником и другом царей» (Прошение Чихачева, 1856. Л. 262). Самостоятельная благотворительная миссия В. Ф. Адлерберга описана и в другом прошении: «Господь Бог осиял Вас благостью своею, послал в мир сей в виде ангела-утешителя для облегчения тяжести креста, наложенного Им на смертных» (Прошение Булычева, 1860. Л. 506).

Риторика просьб к министру двора порой дословно копировала верноподданные прошения на Высочайшее имя. Дочь мелкого чиновника в январе 1859 г. даже писала министру «я приемлю смелость пасть к священным стопам Вашего Сиятельства» (Прошение Шарاپовой,

1859. Л. 64). Сакраментальный оборот «припадая к священным стопам», используемый подданными при обращениях к монарху, в этом случае является наиболее отчетливым знаком восприятия министра двора как «заместителя» императора, более доступного для просьб. Остаток того же оборота виден в письме другого просителя, пожелавшего «пасть как перед особой, близкой Его Величеству» (Прошение Шадрина, 1860. Л. 134).

Исполнение многочисленных просьб подавалось просителями как благотворительная деятельность министра-христианина, за которую его ждет награда от Всевышнего, который, по молитвам просителей, дарует ему «здравие и благоденствие» (Прошение Шарاپовой, 1859. Л. 64). В то же время исполнение просьбы, от которого зависела чья-то судьба, порой рисовалось как действие, не стоящее всемогущему министру никаких усилий: «Вашему сиятельству легко бросить несколько горстей бумажек, за которые награда от Бога в тысячу раз больше будет» (Прошение Панаевой, 1859. Л. 538). Эта риторика благотворительности демонстрирует неразвитость социальной сферы: подданные российского императора искали себе мест и пенсий не как выслуженных, законных благ, а как милостыни от власть предержащих.

Благотворительностью в чистом виде министр императорского двора никогда не занимался. На все просьбы такого рода, поступавшие к православным праздникам, а также после смерти представителей императорской фамилии, завещавших какие-то суммы для раздачи бедным «на помин души», следовал ответ «до министра не относится», иногда сопровождаемый советом обратиться к «подлежащему начальству». Наиболее развернутый ответ министра гласил:

Уведомить, что в распоряжении министерства императорского двора нет сумм, предназначенных для раздачи нуждающимся, только тем лицам, отцы и мужья которых служили по ведомству сего министерства, обратиться в комиссию прошений (Прошение Толквист, 1859. Л. 115).

Риторикой благотворительности просители маскировали весьма трезвое понимание того, как именно работает бюрократическая машина. Министр двора рассматривался ими как человек, обладающий прежде всего связями и возможностями, способными привести ее в движение. Прибегая к помощи В. Ф. Адлерберга, просители не раз обращали внимание на силу «рекомендации», без которой тщетны все легальные пути решения проблем и бессмысленны подаваемые в казенные учреждения

прошения. Потеря «знакомств», как это произошло с Любовью Сычуровой, муж которой погиб 14 декабря 1825 г., защищая престол, сразу уменьшала шансы на удачное устройство в жизни: «просить Высочайшей милости не через кого, потому что тех лиц [...] нет» (Прошение Сычуровой, 1859. Л. 101об.).

СОДЕРЖАНИЕ ПРОШЕНИЙ МИНИСТРУ ИМПЕРАТОРСКОГО ДВОРА

Одной из главных проблем бедствующих российских подданных было отсутствие «места», усугублявшееся тем, что, порой действительно годая, просители готовы были нести отнюдь не любую службу, а только «приличную их званию». Некий Гриневич, получивший вместо желанной должности «помощника начальника» должность фактора («надо ходить за три версты четыре раза в день, казенная квартира, хотя полагается, но еще не построена, разъездные деньги не выдаются») закончил поток жалоб возмущенным вопросом «почему десятник, простой мужик, получает 40 руб. и плотит (так. — *Ю. С.*) кухарке 4 руб. серебром»? (Прошение Гриневича, 1859. Л. 321).

К середине XIX в. империя явно переживала кризис «перепроизводства» кадров. Претендентов на казенную службу было больше, чем штатных и даже заштатных должностей, а сфера частного найма была чрезвычайно мала. Полученное образование не являлось гарантией устройства в жизни. Даже выпускники Александровского лицея, задуманного как «питомник» государственных мужей, были не слишком востребованы: обязанных отслужить на государственной службе четыре года лицеистов с трудом пристраивали на несуществующие должности и платили жалование из государственного казначейства, вновь и вновь плодя «архивных юношей» (Отношение директора Александровского лицея, 1866. Л. 6). Потеря места в такой ситуации была катастрофичной. Поиски новой должности, которые могли занять несколько лет, отягощались вполне законным вопросом: «указа об отставке не приложил, не за какие либо незаконные действия был он уволен без прошения?» (Прошение Радовича, 1859. Л. 231).

В такой ситуации без «словечка» важного лица никакое устройство было невозможно. Вдова майора, оставшаяся с четырьмя детьми без средств, поскольку ее умерший от тифа в 1855 г. муж за 21 год службы пенсии не выслужил, откровенно писала: «...все прошения, подаваемые мною, остаются безуспешными. Я искала казенного места, но и тут нужна рекомендация, а я, не зная никого, и в этом случае беспомощна» (Прошение Гусковской, 1859. Л. 4–4об.). Другой проситель,

отставной штабс-капитан, «не имея особенных знакомств, поэтому без протекций», просил министра о рекомендательном письме для определения в штат столичной полиции или о вспомоществовании, чтобы вернуться в место расположения своего полка и вновь поступить в него на службу. Забегая вперед, приведу собственноручный ответ министра: «...рекомендовать его не могу, ибо не знаю, а 50 руб. выдать» (Прошение Цептковского, 1860. Л. 308). Решение об оказании материальной помощи В. Ф. Адлербергу принять было куда проще.

Формально как министр двора В. Ф. Адлерберг мог распоряжаться только штатами двора и своего министерства, однако прошений с просьбой о зачислении на место лакея, певчего, служителя императорского театра и т. п. было немного. Попасть в собственно придворный штат «с улицы» было невозможно, поскольку такого рода должности, как правило, были наследственными. Детей придворных служителей за заслуги родителей распределяли по императорским резиденциям, руководствуясь их «наружностью» и поведением. Редко кто из просителей претендовал на должности в самом министерстве двора или «под началом» министра. Хорошо зная ситуацию, просители писали либо о службе, схожей с их прежним местом, либо о любом месте вообще. Характерно, что никто из просителей не сомневался в способности министра двора устраивать на должности в «чужих» ведомствах. Жена надворного советника Кухтина, напоминая об «обещании», данном ей министром на приеме, даже требовала, чтобы он «лично исходатайствовал» у министра государственных имуществ повышения по службе ее мужу (Прошение Кухтиной, 1857. Л. 65).

Кроме устройства на какое-нибудь место, просители искали у министра двора «благодетельного содействия» при прохождении их дел через инстанции или у официальных лиц. Вмешательство министра просили не только для того, чтобы гарантировать успешный исход дела (Прошение Шаганова, 1859. Л. 37), но и просто чтобы ускорить медлительный ход бюрократической машины — «слишком долго просить у непосредственного начальства» (Прошение Чесновского, 1859. Л. 443). Заручившись письмом от В. Ф. Адлерберга, просители пытались достучаться до тех чиновников, от кого непосредственно зависело их дело. «Никакими путями нельзя дойти до графа Д.Н. Шереметева», «министр наш Муравьев (М. Н. Муравьев, министр государственных имуществ — Ю. С.) человек холодный, без просьбы Вашей лишит нас и этого места», — жаловались просители (Прошение Величка, 1857. Л. 52).

Особую когорту составляли просители, получившие отказ из Комиссии принятия прошений и решившие подойти к делу с другого конца. Вдова Х. Щеглова, муж которой, профессор Петербургского университета Н. П. Щеглов, преподавал физику Александру II, когда тот был наследником престола, просила денежного пособия на уплату долгов. Статс-секретарь Комиссии прошений отказал просительнице на формальных основаниях: у просительницы был ежегодный пенсион в 1000 руб. и ранее она получала 4000 руб. на похороны мужа. Х. Щеглова, убежденная, что ее немаленькая пенсия «далеко не вознаграждает полезных заслуг мужа моего и составляет только кусок хлеба» (Прошение Щегловой, 1857. Л. 28), попыталась подать прошение императору через министра двора. В этом случае В. Ф. Адлерберг признал справедливость решения Комиссии и просительнице отказал. Интереснее случай поставщика нот для женских учебных заведений Гольца, которому, несмотря на покровительство фрейлины П. А. Бартеневой, было отказано в поданной через Комиссию просьбе об организации лотереи. В письме В. Ф. Адлербергу он объяснил отказ тем, что статс-секретарь Комиссии князь А. Ф. Голицын является родственником главноуправляющего Ведомства императрицы Марии А. Л. Гофмана, враждебного ему (Прошение Гольца, 1856. Л. 11). Видя в отказе интригу против себя, он попытался привлечь на свою сторону влиятельного союзника, ссылаясь при этом на желание вдовствующей императрицы Александры Федоровны.

СТРАТЕГИИ ПРОСИТЕЛЕЙ: АПЕЛЛЯЦИЯ К ЗНАКОМСТВУ

Большая часть просителей министра двора осознавали, что они «уклоняются от установленного для производства дел порядка», а потому сиятельный сановник имеет полное право не рассматривать их просьбы. Хотя регулярно находились просители, смевшие «утруждать» В. Ф. Адлерберга «без родства и связи» (Прошение Грабовской, 1857. Л. 205), все же большинство умели найти ту или иную причину, делавшую их претензии на внимание вельможного адресанта хоть отчасти обоснованными. Таким обоснованием могло служить личное знакомство с министром самого просителя, а также его ближайших родственников. Некоторые знакомства, вполне вероятно, были очень непродолжительны, но о них вспоминали в нужде.

По поданным прошениям легко восстановить в подробностях карьеру В. Ф. Адлерберга, начиная с первых шагов. Вдова коллежского асессора

Елизавета Одинцова, взывая к участию Владимира Федоровича, напоминала, что покойный супруг воспитывался вместе с ним в Пажеском корпусе (Прошение Одинцовой, 1857. Л. 11). В основном с просьбой о помощи обращались бывшие подчиненные, напоминая даже короткие эпизоды многолетней давности: «40 лет как я вступил на поприще службы под начальство ваше в корпус полевых инженеров», — начинал свое письмо пристав из Тулы (Прошение Хлопова, 1860. Л. 414).

Больше всего просьб поступало от служащих, бывших и настоящих, почтового департамента, который граф Адлерберг возглавлял почти 15 лет. Формально такие просьбы уже не имели к министру двора отношения и должны были подаваться по месту службы. Просители, однако, апеллировали к оказанной ранее помощи: «...испытав благодетельную помощь Вашего Сиятельства в бытность главным почтовым начальником» (Прошение Францен, 1857. Л. 240). Единожды вмешавшись в чью-то судьбу, В. Ф. Адлерберг должен был понимать, что к его покровительству будут прибегать вновь и вновь, поскольку он таким образом подтверждал право просителя на помощь и свою готовность ее оказывать. Этот «долг» переносился с него и на других членов семьи. Так, во время отпуска министра летом 1860 г. бывший изюмский почтмейстер писал к генерал-адъютанту А. В. Адлербергу как к «сыну и наместнику», апеллируя к уже оказанным его семейству благодеяниям и подчеркивая, что в крайности ему ничего другого не остается, кроме как утруждать «бывшего моего непосредственного начальника, ваш дом, все ваше родство» (Прошение Радовича, 1859. Л. 148).

Делал Владимир Федорович «долги» другого свойства, крестя детей подчиненных. Опираясь на это в буквальном смысле кумовство, родители крестников, благодетельствованные однажды самим фактом снисхождения высокого начальника до крестин, просили о дальнейшей протекции. Упомянутый уже Гриневиц, хлопоча о месте, умолял министра о личном приеме, чтобы представить тому «родительницу вашей крестной дочери Марии, а свою супругу» (Прошение Гриневица, 1859. Л. 321). Более запутанные духовные отношения связали графа с семейством майора Ланге, чей сын был воспринят от купели именем императора Александра II, которого во время обряда заменял министр двора (Справка по делу майора Ланге, 1859. Л. 209).

Искали расположения В. Ф. Адлерберга, пользуясь знакомством с министром уже покойных родственников, причем не только бывших сослуживцев или подчиненных, но и удачливых просителей. В последнем

случае порой претендовали не столько на внимание и милость министра, сколько на получавшиеся покойными пенсии и негласные пособия. В одном случае, если верить просителю, возможность обратиться с просьбами к В. Ф. Адлербергу была «завещана» вместе с движимым и недвижимым имуществом. Наследник братьев Ганаропуло, один из которых служил под начальством В. Ф. Адлерберга в Турецкую кампанию, и которым граф в свое время помог с имущественной тяжбой, писал буквально следующее: «Покойные, переходя в жизнь вечную, разрешили мне в крайних случаях прибегать под мощный покров Ваш как благодетеля» (Прошение Детортье, 1857. Л. 55).

Также к помощи В. Ф. Адлерберга прибегали, вооружившись рекомендательными письмами влиятельных персон. К сожалению, собственно рекомендация сопровождает только одно прошение коллежского регистратора И. Рупасова, искавшего места по почтовому ведомству. Протекции для него просил генерал-адъютант сенатор Петр Николаевич Дьяков, «подле деревни» которого служил проситель. Свидетельствуя «хорошее поведение» своего протеже, покровитель все же апеллировал не к личным качествам соискателя, а к «давнему знакомству» и «расположению» министра (Прошение Дьякова, 1857. Л. 21). О письме своего родственника А. Д. Оболенского, при помощи которого она попала на прием к министру, писала в прошении уже упоминавшаяся надворная советница Кухтина. Наконец, некий дворянин Мордвинов, взявший на воспитание двух девочек-сирот, подал прошение министру двора, вооружившись свидетельством о своем «хорошем поведении» и «благонадежности», подписанным бывшим начальником Штаба корпуса жандармов Л. В. Дубельтом, на тот момент уже четыре года как вышедшим в отставку, но, вероятно, влияния не утратившим. На свидетельстве также стояли подписи адмирала Замецкого, генерал-лейтенанта Борисова, генерал-майора Ермакова и двух действительных статских советников Каралова и Гейденберга (Свидетельство..., 1860. Л. 325). Поскольку в кассе министерства денег на пособие не было, В. Ф. Адлерберг посоветовал обратиться через комиссию прошений сразу на Высочайшее имя. Одновременно он написал письмо директору училищ для приходящих девиц с просьбой поместить в одно из заведений девочку и прислал годовую плату за обучение (60 рублей) лично от себя (Отношение министра императорского двора директору, 1860. Л. 326).

Прибегали просители и к «виртуальной» рекомендации, упоминая имена тех, кому известны их несчастья или к кому можно обратиться за справкой. При этом назывались как громкие имена («что я безвинно

страдаю, известно есть и Его сиятельству генерал-адъютанту графу Красинскому, который лично меня знает» (Прошение Залесского, 1856. Л. 2)), так и близкие к министерству двора люди («...если Вы, Ваше сиятельство, желаете получить верное сведение об моем муже, то позвольте Вам сказать, что Владимир Павлович Каменев, который имеет честь у Вас служить, его уже знает 15 лет» (Прошение Вараввы, 1859. Л. 416)).

Время от времени просители пытались дойти до министра непосредственно через чиновников министерства. Самой влиятельной фигурой после В. Ф. Адлерберга был директор канцелярии В. И. Панаев, которому адресовали письма с просьбой довести их до сведения графа Адлерберга⁵. Косвенным подтверждением влияния чиновников министерства на решения по просьбам может служить дело вдовы капитана Андреева. Неизвестно, что именно привлекло внимание графа в письме очередной бедствующей женщины, однако он распорядился выяснить, правдивы ли изложенные в нем факты. Вместо официального запроса губернатору о «поведении» просительницы, кем-то из служащих был подготовлен ответ «по частным справкам», свидетельствующий об очень хорошей осведомленности: «должна за наем квартиры 150 руб., [...] в мелочной лавке забирает один лишь хлеб, вещи почти все заложены, так что кроме носимого платья и трех стульев нет у нее имущества» (Справка по делу вдовы капитана Андреева, 1860. Л. 350).

СТРАТЕГИИ ПРОСИТЕЛЕЙ: АПЕЛЛЯЦИЯ К РОДСТВУ

Еще одна дорога к помощи В. Ф. Адлерберга лежала через посредничество его родственников и, в большей степени, родственниц. Чиновник 9 класса Василий Толбинов просил о пособии у супруги министра Марии Васильевны Адлерберг, урожденной Нелидовой. Письмо начинается с указания, что покойная супруга просителя была дочерью генерал-майора Мерлина и троюродной сестрой А. И. Киреевского (Письмо Толбинова, 1859. Л. 41). Загадка обращения решается очень просто: А. И. Киреевский был женат на Екатерине Васильевне Нелидовой. Интересна реакция В. Ф. Адлерберга на просьбу «родственника». Министр отправил запрос санкт-петербургскому военному губернатору, «приказать справиться, в каком положении находится проситель и заслуживает ли он пособия», поскольку он не знает просителя лично (Отношение

⁵Напр., С. Матвеева — В. И. Панаеву, 1859; М. Н. Мусин-Пушкин — В. И. Панаеву, 1859.

министра императорского двора Санкт-Петербургскому военному губернатору, 1857. Л. 87). Это единственный за пять лет случай, когда В. Ф. Адлерберг запросил информацию о положении дел отставного чиновника и, более того, получив подтверждение о «хорошем поведении и крайней бедности», распорядился выдать тому 100 рублей, т. е. почти годовой пенсион просителя, получавшего в месяц 11 руб. 78 коп. Очевидно, проситель выбрал верную стратегию при обращении к министру: без упоминания имен родственников покойной жены у него не было ни одного шанса привлечь к себе внимание. Равным образом, отправленное непосредственно министру двора прошение могло затеряться среди других, в то время как графиня Адлерберг безусловно опознала Толбинове «родственника».

Осаждали министра двора просьбами выпускницы Смольного института. Смolyанки вообще были на особом положении, поскольку во время учебы пользовались особым покровительством членов императорской фамилии, были представлены царствующему императору и членам его семьи, танцевали с великими князьями, катались с горки с великими княжнами и т. д. и т. п. Кроме того, для бедных выпускниц существовало некоторое количество пенсий, но число их было невелико, и менее удачливые вынуждены были ожидать пособий годами, поскольку те становились доступны лишь со смертью предыдущих получательниц. Как министр двора В. Ф. Адлерберг должен был обращать внимание на просьбы смolyанок, ссылавшихся на свой статус императорских воспитанниц. Трудность его положения заключалась в том, что в частной жизни он был связан со Смольным чрезвычайно тесно. Его мать, Юлия Федоровна Адлерберг, с 1802 г. до самой смерти в 1839 г. была начальницей Смольного института. За 37 лет «Бабушка», как звали ее смolyанки, выпустила не одну сотню девиц, готовых воспользоваться ее именем в качестве пароля на приеме у министра. Так, некая Анна Глинка в апреле 1859 г. обращалась к Владимиру Федоровичу «во имя Неба, которое хранило мое детство, и во имя Бабушки» (Прошение Глинки, 1859. Л. 294). Писали к нему и служащие Смольного, бывшие и настоящие, а также их дети. В том же году вдова Каролина фон Шлет, урожденная баронесса фон Францих, обращалась к министру с просьбой, ссылаясь на заслуги своей матери, служившей «в Смольном монастыре под начальством родительницы Вашей» (Прошение Шлет, 1859. Л. 230).

В Смольном воспитывались жена министра графиня Мария Васильевна, его дочери и племянницы, также выступавшие ходатаями за своих

товарок. Жена сенатского регистратора Елена Башенкова в 1857 г. прямо сослалась на совет дочери министра Анны Владимировны, с которой она вместе воспитывалась, разумеется, «облагодетельствованная милостивым вниманием родительницы» Владимира Федоровича (Прошение Башенковой, 1857. Л. 109). Упомянутая выше Каролина фон Шлет в прошении указывала, что прежде чем она сама обратилась к министру, его племянница генеральша М. Т. Пашкова ходатайствовала за нее перед графиней Марией Васильевной⁶.

Еще одна дама, чье имя использовали просительницы министра двора, была его родная сестра графиня Юлия Федоровна Баранова. Некая смолянка Лундышева ссылалась на то, что была выпущена из Смольного в 1806 г. с «ее сиятельством Юлией Федоровной Барановой» (Прошение Лундышевой, 1857. Л. 92). Эта ссылка была несколько сомнительной, поскольку Юлия Федоровна не училась в Смольном, хотя часто посещала его. К тому же в качестве воспитательницы Александра II и его сестер, великих княжон Марии и Ольги, гофмейстерина графиня Баранова имела возможность самостоятельно покровительствовать просительницам-смолянкам, тем более что вдовствующая императрица Александра Федоровна, при которой она состояла, продолжала оставаться высочайшей покровительницей Смольного. Об успешных самостоятельных ходатайствах графини Барановой косвенно известно из некоторых прошений на Высочайшее имя. Видимо, поэтому В. Ф. Адлерберг приказал Лундышевой обращаться официально через Комиссию прошений. Тем не менее, в канцелярии МИДв хранятся и письма Юлии Федоровны к брату. В 1860 г. она хлопотала о помощи тяжело больному отставному генерал-лейтенанту А. Г. Вилламову (Письмо Барановой, 1860. Л. 49).

Наконец, на какую-то родственницу министра сослался помощник келецкого уездного начальника Карл Залесский. По этому письму видно, на какие случайные основания могли опираться просьбы лично к министру. Карл Залесский искал управы на коменданта Варшавской цитадели, ссылаясь на «генеральшу Адлерберг», проживающую в Варшаве в одной гостинице с семейством просителя. Он писал: «Сия достопочтеннейшая госпожа, тронутая моим бедствием, изволила сама напомнить о великодушии Вашего сиятельства и дабы я обратился к врожденным чувствам человеколюбия Вашего сиятельства» (Прошение Залесского, 1856. Л. 1). Эта ссылка на родственницу просителю не помогла, министр счел дело до себя не относящимся. Без ответа осталось

⁶См. Прошение Шлет, 1859. Л. 230.

и письмо некоего Александра Адусова, начавшего послание с вопроса о судьбе Густава Яковлевича Адлерберга («в живых ли он или точно убит под Севастополем?»), а закончившего просьбой места в каком-либо казенном заведении (Прошение Адусова, 1856. Л. 145). В память о погибшем племяннике Владимир Федорович ничего предпринимать для неизвестного ему просителя не пожелал.

ОТВЕТ ЧИНОВНИКА: БЮРОКРАТИЧЕСКАЯ ИГРА

От стратегий просителей перейдем к решениям В. Ф. Адлерберга по поданным ему прошениям. Нас будут интересовать только те случаи, когда министр выходил за пределы своих должностных обязанностей и предпринимал какие-либо усилия для того, чтобы оказать искомую помощь.

В качестве чиновника в кругу других высших бюрократов министр императорского двора был ограничен в своей компетенции, как любой другой. Он должен был оказывать поддержку служащим, отставным и нынешним, своего ведомства. На целом ряде прошений стоят пометы В. Ф. Адлерберга от безличных «до министра не относится» до «не могу принимать подобные просьбы» (Прошение Смирновой, 1857. Л. 37). С другой стороны, отправители прошений были не так уж неправы, предполагая у министра двора почти безграничные возможности. В. Ф. Адлерберг мог воспользоваться обходными путями, чтобы удовлетворить просьбу лица, по какой-либо причине привлекающую его внимание. Действовать по формальным правилам или вопреки бюрократическим процедурам — было исключительно его собственным выбором.

Лично хлопотать по какому-либо делу граф брался, как правило, для знакомых ему людей. Так, он дважды пытался устроить отставного коллежского секретаря Иванова в министерство финансов. Когда проситель сам нашел вакансию смотрителя в псковской городской больнице, назначение на которую зависло от Н. А. Милютина, министр двора был готов просить за лично ему известного «честного и трудолюбивого» чиновника (Прошение Иванова, 1857. Л. 147). Поскольку в этом случае речь просто шла о рекомендации на должность, В. Ф. Адлерберг своим словом гарантировал, что предлагает Н. А. Милютину хорошего сотрудника. Если бы не описанный ранее дефицит мест, это могло бы быть обоюдной услугой.

Желая поддержать того или иного просителя, министр двора также мог переслать прошение своему коллеге, от которого зависело решение

по делу. Очевидно, в этом случае просителю гарантированно уделялось внимание. Некоторые просьбы, исполнить которые было возможно через Комиссию прошений, В. Ф. Адлерберг передавал туда. Так, «соломенной вдове» Траскиной, в которой он принимал участие и ранее выхлопотал пособие у Николая I, министр личным письмом сообщил, что сам статс-секретарь А. Ф. Голицын обещал исходатайствовать ей пособие (Письмо Адлерберга В. Ф. — Траскиной, 1857. Л. 200) — вполне вероятно, не без просьбы министра двора. Дошедшую через посредничество жены просьбу смолянки графини Кисендорф министр также не оставил без внимания. Пожилая дама просила поместить ее в Дом призрения бедных девиц благородного звания (Письмо Кисендорф, 1856. Л. 9). Просьба эта, совершенно законная для бывшей смолянки, относилась к Главному управляющему Ведомства учреждений императрицы Марии статс-секретарю А. Л. Гофману. Она, собственно, и была подана в 1853 г., но осталась без ответа. Граф Адлерберг сам обратился к А. Л. Гофману, прося об «оказании содействия», и в качестве альтернативы Дому призрения предложил больницу Св. Ольги. В этом случае его личная просьба дела не решила: через месяц из IV Отделения С. Е. И. В. К. пришел ответ, что графиня Кисендорф состоит четвертой кандидаткой в Дом призрения и может поступить только по достижении очереди. И все же ходатайство министра было не совсем безрезультатным. А. Л. Гофман обещал поместить просительницу в больницу Св. Ольги, если будет вакансия, а пока оставить ее кандидаткой на это место (Отношение IV Отделения, 1856. Л. 10). Таким образом, вмешательство могущественного покровителя вдвое увеличило шансы бывшей смолянки попасть на казенное место и, кроме того, гарантировало, что при открытии вакансии о ней не «забудут».

Забота о делах просителей, за решение которых он брался, отнюдь не была равноценной. В сопроводительных письмах министр легко давал понять, в какой мере лично он заинтересован в том или ином человеке. Так, прошение вдовы майора Софии Аничковой, хлопотавшей о должности начальницы школы в Саратове, он распорядился переслать министру внутренних дел С. С. Ланскому с нейтральным пожеланием «предоставить должность, если возможно» (Отношение министра императорского двора министру внутренних дел, 1859. Л. 104). Напротив, в письме военному министру Н. О. Сухозанету, подкреплявшем просьбу Батеньковой о продлении небольшого пенсионера в 189 руб. 86 коп., министр двора сообщал о своем «живейшем участии» и просил «Принять

просительницу под Ваше милостивое покровительство» (Отношение министра императорского двора военному министру, 1860. Л. 239).

Наиболее интересным является письмо В. Ф. Адлерберга министру финансов П. Ф. Броку. Хлопоча о судьбе несостоятельного должника генерала Молостаева, В. Ф. Адлерберг откровенно писал о своем «живейшем участии» в судьбе бывшего сослуживца. Обозначив статус своего протезе, министр двора просил министра финансов вопреки существующим правилам кредитных установлений «отыскать способ» вывести генерала из стесненного положения. Аргументом в этом случае очевидного нарушения закона служили не боевые заслуги Молостаева и даже не его большое семейство. Напротив, дело было представлено именно как услуга лично В. Ф. Адлербергу — «...чем много бы меня одолжить изволили» (Отношение министра императорского двора министру финансов, 1856. Л. 114–114об.). Речь шла не о небольшой сумме, как в случае с Батеньковой, а о сложении недоимки по заложенному имению в 1900 рублей.

Все рассмотренные выше случаи касаются содействия просителям В. Ф. Адлерберга в качестве представителя высшей бюрократии, имеющего возможность обращаться к другим бюрократам, усиливая тем самым позиции того или иного искателя места, пенсионера, вспомоществования. В этом смысле он имел примерно одинаковые возможности с другими министрами действовать по правилам, существующим внутри бюрократического аппарата, хотя его положение, безусловно, усиливалось личным благоволением монарха к другу своего отца. Просители пытались заручиться его поддержкой именно потому, что имели некоторые основания рассчитывать на успех, были знакомы лично с министром, его родственниками или ближайшим окружением.

ОТВЕТ ЧИНОВНИКА: МИЛОСЕРДИЕ МОНАРХА КАК РЕСУРС ВЛАСТИ

Уникальное положение В. Ф. Адлерберга как министра двора, «посредника» между просителями и «государевыми щедротами», делало его объектом просьб, весь смысл которых заключался в передаче их на Высочайшее имя, минуя положенные инстанции. Просители порой наивно полагали, что министр двора в любой момент, чуть ли не за чашкой чая, может передать монарху прошение, которое в противном случае будет годами пылиться в недрах канцелярии. Такое представление было во многом наивно: чтобы дать делу ход, нужна была бумага (просителей, попавших к нему на прием, министр просил еще раз изложить свое

дело письменно), а там, где появлялась бумага, возникал «надлежащий порядок» движения дел, ограничивавший министра двора.

Вопросы, с которыми министр двора мог «входить с докладом» к императору, были ограничены кругом его должностных обязанностей. Когда вдова генерал-майора Кузьмина просила через В. Ф. Адлерберга «хоть единовременное пособие у Государя Императора за 38-летнюю беспорочную службу мужа», он в личном письме объяснил ей свой отказ: «...не могу входить с докладом, т. к. супруг Ваш по ведомству Министерства императорского двора не состоял» (Письмо Адлерберга В.Ф.— Кузьминой, 1857. Л. 111). Между тем министр имел возможность довести до сведения государя ту или иную просьбу, просто переслав ее соответствующему министру «для доклада Государю», как он это сделал с идентичным первому прошением вдовы генерал-майора Врангеля (Прошение Врангель, 1859. Л. 184). Сохранившиеся документы не позволяют сказать, почему вдова одного генерал-майора удостоилась таких хлопот, а второй был отправлен ответ, лишь вежливыми формами отличающийся от однотипной торопливой пометы на прошениях бедных чиновниц «где муж служил».

Несмотря на регулярные отказы просителям, желавшим дойти до государя через В. Ф. Адлерберга, министр двора в некоторых случаях все-таки делал доклады, на которые формально не имел права. Официально на его посредничество могли претендовать бывшие и нынешние придворные и члены их семей, крестники, воспитанники и пенсионеры императора. Не лишним будет подчеркнуть и тот факт, что министр двора распоряжался разными «кошельками» императора. Целый ряд лиц, ранее получивших вспомоществование и рассчитывавших на помощь «по примеру прошлых лет», обращались к министру по традиции. В таких случаях, если В. Ф. Адлерберг не мог вспомнить просителя сам, неизбежно следовал запрос в канцелярию министерства на каких основаниях, когда и сколько получал проситель, ссылавшийся на прецедент. Также Императору подавались все прошения по заложенным в казну и в опекунские советы дворянским имениям, которые затем передавались министру финансов или министру государственных имуществ для нового доклада государю «со своими соображениями» (Прошение Симонич, 1856. Л. 94).

По отметкам о распоряжениях императора можно выявить те прошения, которые были представлены В. Ф. Адлербергом вне установленного порядка. Вероятно, в таких случаях граф ориентировался скорее на расположение и интерес самого Александра II. В мае 1860 г. он передал

просьбу о пособии отставного подпоручика Александровского, лишившегося в 1857 г. на Кавказе обеих ног и отправленного лечиться в столицу А. И. Бяратинским. По высочайшему распоряжению прошение было передано военному министру для повторного доклада надлежащим министром (Прошение Александровского, 1860. Л. 376). Впрочем, в этом случае В. Ф. Адлерберг, возможно, не так уж нарушил процедуру: до 1861 г. он занимал должность командующего Императорской главной квартирой, т.е. фактически был помощником военного министра. На прошении В. М. Шаганова, который хлопотал о пенсии Комитета раненых, воспользовавшись именем своего покойного брата, «имевшего счастье быть известным» министру, В. Ф. Адлерберг написал «доложу лично» (Прошение Шаганова, 1859. Л. 36). Отказывая просителям в качестве министра двора, В. Ф. Адлерберг мог воспользоваться правами, данными ему другой должностью. Чуть более сомнительны его полномочия при передаче прошения греков-участников Крымской войны из легиона Николая I, по которому было сделано высочайшее распоряжение «подать министру внутренних дел для доклада Государю Императору» (Прошение Булгарис, 1857. Л. 183).

Случай доклада по делу, которое, безусловно, не имело ничего общего с полномочиями министра двора, относится к августу 1857 г. Некий господин Мясницкий, не приведший ни одного аргумента, почему он может рассчитывать на помощь В. Ф. Адлерберга, изложил в письме почти шекспировскую любовную историю. Взаимная любовь связала его с «девицею знаменитого рода» Ксенией Самариной, но «нашлись враги счастья» в лице обер-полицмейстера Бергна, который сам возжелал жениться на девушке. Мясницкий закончил письмо просьбой: «[...]прочтите Государю». Удивительно, но В. Ф. Адлерберг посчитал казус достойным внимания Александра II, а тот, в свою очередь, распорядился передать дело московскому военному генерал-губернатору (Прошение Мясницкого. Л. 398).

Личный доклад сделал министр и по делу завещания братьев Гаранопуло, тех самых, которые передали наследнику вместе с имуществом право обращаться к В. Ф. Адлербергу. Из бумаг по этому делу известно, что министр не только передал прошение Александру II «в виде изъятия», но и попытался повлиять на решение: «...я со своей стороны сообщил, что прилежное согласие братьев меж собой было мне известно» (Прошение Детортье, 1857. Л. 55). Как во всех остальных случаях, император распорядился передать прошение министру юстиции для доклада.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Комплекс прошений, поданных министру императорского двора, чрезвычайно сложен для анализа из-за многообразия описанных жизненных ситуаций, пестрого состава просителей и хаотичности их мотивов и представлений. Пожалуй, единственное, что их объединяет — понимание, что они действуют вне установленного порядка производства дел. При этом оно в большей степени характерно для чиновников самого министерства, подшивавших прошения в соответствующие папки, в то время как некоторые просители, очевидно, беспокоили В. Ф. Адлерберга по незнанию формальных процедур, предполагая, что просьбы на Высочайшее имя надо подавать через «самого главного придворного». Тем не менее, собранные вместе, прошения В. Ф. Адлербергу позволяют говорить о механизмах функционирования бюрократического аппарата, основанных на личных связях, с одной стороны, и влиянии, помноженном на расположение императора, — с другой.

Положение В. Ф. Адлерберга в этой системе уникально своим двуединством: как опытного бюрократа, занимающего одну из министерских позиций, и как посредника «царских щедрот», «звезды при русском Солнце». Такое разделение отчасти условно, сами просители едва ли анализировали, как именно В. Ф. Адлерберг будет действовать — по неформальным кабинетным каналам или через самого монарха. Скорее, они просто считали, что министр способен решить ту или иную проблему, не особо задумываясь о подробностях, а просто веря в его могущество. В то же время, получая сообщение В. Ф. Адлерберга о его личной заинтересованности в чем-то деле, чиновники, от которых зависело положительное решение, вряд ли абстрагировались от степени близости министра двора к монарху или его потенциальных возможностей.

Ежедневно работая с прошениями, В. Ф. Адлерберг каждый раз принимал решение, действовать ли ему согласно букве закона или руководствоваться какими-то другими мотивами. Формально большинство поданных прошений «до министра не относилось» и должно было подаваться «подлежащему начальству» или Комиссии прошений. Решение о вмешательстве граф принимал сам, руководствуясь, как правило, личным знакомством с человеком, осведомленностью о его жизненных обстоятельствах или рекомендациями влиятельных покровителей. Немалую роль при этом играли родственные связи, служебные отношения, кумовство и т. д. Тем не менее, фактор личного знакомства или протекции не был абсолютным: иногда В. Ф. Адлерберга действительно

трогали перипетии чьей-то непростой судьбы. В то же время воспользоваться своим авторитетом, тем более лоббировать чьи-то интересы министр двора был готов отнюдь не во всех случаях: демонстрация степени заинтересованности министра в исходе дела была очень важным фактором. Этим ресурсом граф пользовался только в делах своих близких знакомых.

Обращаясь к министру двора как к посреднику на пути к государю, просители зачастую ставили В. Ф. Адлерберга в сложное положение. Именно доверие и расположение императора были самыми сильными, и в то же время уязвимыми ресурсами, из которых складывалось влияние графа. Очевидно, что помимо официального круга дел, с которыми министр двора мог входить к государю, существовали такие вопросы, о которых министр мог сообщать государю по обычаю. К ним, несомненно, относятся, дела разоряющихся дворян-землевладельцев и пожилых отставных военных в высоких чинах. Мог министр двора доложить императору и какое-нибудь совсем экзотическое дело, вроде любовной истории Мясницкого, если был уверен, что оно заинтересует Александра II. При этом воспользоваться своей близостью к государю, чтобы решить личные трудности своих протеже В. Ф. Адлерберг мог, но пользовался этой привилегией редко, сберегая доброе отношение монарха. За пределами круга своих непосредственных должностных обязанностей он чаще светил своим собственным светом, чем отражал милости «русского Солнца».

Оказание милости, на первый взгляд, не приносило какой-то очевидной выгоды самому покровителю. Разумеется, что во взаимоотношениях между просителями и императором о получении «выгоды» монархом, для которого счастье подданных было долгом, предписанным ему Провидением, вообще не могло идти речи. В некоторых случаях министр двора действовал как посредник, призванный компенсировать неудачи бюрократического механизма подачи прошений на Высочайшее имя. Его помощь нуждающимся представлялась как жест благотворительности, воздаяние за которую последует на небесах благодаря молитвам всех благодетельствованных. Этот мотив идентичен содержанию прошений самому императору: ответом на благодеяния трона могут быть только молитвы за государя.

В то же время риторика благотворительности маскировала действительные механизмы властных практик, основанных на личной лояльности. Сложность и одновременно неясность бюрократических процедур заставляли просителей изыскивать обходные пути, самым очевидным

из которых было использование «знакомства» с одним из влиятельных сановников. Такой способ решения вопросов не выходил за рамки юридической нормы, хотя и существовал на ее периферии. О знакомствах и связях откровенно пишут как сами просители, так и представители бюрократии, обменивающиеся вполне официальными бумагами друг с другом. Очевидно, что между высшими бюрократами существовала негласная система взаимозачетов, предполагавшая за помощь, оказанную кому-то по просьбе другого сановника, ответную услугу в будущем. Таким образом, удовлетворение прошений могло иметь какой-то дополнительный смысл на уровне горизонтальных связей высшей бюрократии, но не вертикальных.

Получение взаимной выгоды патронами и их клиентами, безусловно, имело место, однако оно, по понятным причинам, не нашло отражения в делах канцелярий. Прошения «вне установленного порядка» позволяют судить лишь об одной стороне вопроса: как личные связи работали на благо просителей в ситуациях, где формальные процедуры были неясны и неэффективны. Они дают нам только оптику просителей, в то время как вторая сторона этих отношений остается в тени, заставляя верить в В. Ф. Адлерберга как в «благодетеля человечества».

Рассмотрение этого кейса, однако, позволяет вернуться к проблеме клиентеллизма в современном государстве. Попытка замещения патрон-клиентских связей бюрократической процедурой, призванной компенсировать ситуацию «недоверия», порождает новую цепочку покровительства и личной лояльности, которая должна компенсировать провалы бюрократических механизмов. Ее природа маскировалась под риторику благотворительности и милосердия как на уровне официальной бюрократической процедуры, так и в случае дублирующих ее отношений министра двора и его просителей. С началом Великих реформ Комиссия по принятию прошений стала восприниматься как архаическое учреждение. Дискуссия о ее ликвидации началась в 1861 г. и возобновилась после судебной реформы, сделавшей бессмысленной прямые жалобы императору на судебные места. Окончательная ликвидация Комиссии произошла только в 1883 г., но затем, при Николае II под другим названием личное монаршее милосердие возвратилось в жизнь подданных, поскольку ни социальные проблемы жителей империи, ни неофициальные способы поиска покровительства никуда не исчезли⁷. Как и в случае с другими попытками эпохи Великих реформ

⁷См. Писарев, 1909.

ликвидировать патрон-клиентские сети в провинции за счет изоляции назначаемых из столицы чиновников и профессионализации бюрократического аппарата, попытка реформы натолкнулась на неспособность бюрократической машины справиться с возложенными на нее функциями «установленным путем». Это возвращение свидетельствует не о какой-то принципиальной «архаике» поздней Российской империи, а скорее об эффективности клиентеллизма как института, способного компенсировать неудачи современной бюрократии.

СОКРАЩЕНИЯ

МИДв	Министерство императорского двора.
РГИА	Российский государственный исторический архив.
С.Е.И.В.К.	Собственная Его Императорского Величества канцелярия.

Источники

Рукописные источники

- Матвеева С. С.* Матвеева — В. И. Панаеву, 10 января 1859 // РГИА. — 1859. — Ф. 472. — Оп. 35 (147/984). — Д. 2а. Л. 19.
- Мусин-Пушкин М. Н.* М. Н. Мусин-Пушкин — В. И. Панаеву, 16 ноября 1856 // РГИА. — 1859. — Ф. 472. — Оп. 35 (147/984). — Д. 2а. Л. 19.
- Отношение IV Отделения С. Е. И. В. К. в канцелярию МИДв, 21 сентября 1856 // РГИА. — 1856. — Ф. 472. — Оп. 35 (145/982). — Д. 1а.
- Отношение директора Александровского лицея министру народного просвещения, 31 октября 1866 // РГИА. — 1866. — Ф. 733. — Оп. 120. — Д. 390.
- Отношение министра императорского двора военному министру, март 1860 // РГИА. — 1860. — Ф. 472. — Оп. 35 (145/982). — Д. 4а.
- Отношение министра императорского двора директору училищ для приходящих девиц, 1860 (отпуск) // РГИА. — 1859. — Ф. 472. — Оп. 35 (147/984). — Д. 2б.
- Отношение министра императорского двора директору училищ для приходящих девиц, 1860 (отпуск) // РГИА. — 1860. — Ф. 472. — Оп. 35 (145/985). — Д. 4а.
- Отношение министра императорского двора министру финансов, сентябрь 1856 // РГИА. — 1856. — Ф. 472. — Оп. 35 (145/982). — Д. 1а.
- Отношение министра императорского двора министру финансов, сентябрь 1856 // РГИА. — 1857. — Ф. 472. — Оп. 35 (145/982). — Д. 1б. — Л. 87.
- Письмо Адлерберга В. Ф. — Траскиной, 26 декабря 1857 (отпуск) // РГИА. — 1857. — Ф. 472. — Оп. 35 (145/982). — Д. 1б.
- Письмо Адлерберга В. Ф. — Кузьминой, март 1857 // РГИА. — 1857. — Ф. 472. — Оп. 35 (145/982). — Д. 1а.
- Письмо Барановой Ю. Ф. — Адлербергу В. Ф., 22 января 1860 // РГИА. — 1860. — Ф. 472. — Оп. 35 (148/985). — Д. 4а.

- Письмо Кисендорф — Адлерберг М. В., 7 августа 1856 // РГИА. — 1856. — Ф. 472. — Оп. 35 (144/981). — Д. 3б.
- Письмо Толбинова В. — Адлерберг М. В., 24 января 1859 // РГИА. — 1859. — Ф. 472. — Оп. 35 (147/984). — Д. 2а.
- Прошение Адусова, 4 октября 1856 // РГИА. — 1856. — Ф. 472. — Оп. 35 (145/982). — Д. 1а.
- Прошение Александровского, май 1860 // РГИА. — 1860. — Ф. 472. — Оп. 35 (148/985). — Д. 4а.
- Прошение Башенковой, март 1857 // РГИА. — 1857. — Ф. 472. — Оп. 35 (145/982). — Д. 1а.
- Прошение Булгарис, 13 мая 1857 // РГИА. — 1857. — Ф. 472. — Оп. 35 (145/982). — Д. 1а.
- Прошение Бульчева, декабрь 1860 // РГИА. — 1860. — Ф. 472. — Оп. 35 (148/985). — Д. 4б.
- Прошение Вараввы, ноябрь 1859 // РГИА. — 1859. — Ф. 472. — Оп. 35 (147/984). — Д. 4б.
- Прошение Величка, 15 ноября 1857 // РГИА. — 1857. — Ф. 472. — Оп. 35 (145/982). — Д. 1б.
- Прошение Врангель, март 1859 // РГИА. — 1859. — Ф. 472. — Оп. 35 (147/984). — Д. 2а.
- Прошение Герцо-Виноградского, 10 октября 1859 // РГИА. — 1859. — Ф. 472. — Оп. 35 (147/984). — Д. 2б.
- Прошение Герцо-Виноградской, 12 марта 1860 // РГИА. — 1860. — Ф. 472. — Оп. 35 (148/985). — Д. 4а.
- Прошение Глинки, принято 18 апреля 1859 // РГИА. — 1859. — Ф. 472. — Оп. 35 (147/984). — Д. 2а.
- Прошение Гольца, 9 апреля 1856 // РГИА. — 1856. — Ф. 472. — Оп. 35 (144/981). — Д. 3б.
- Прошение Грабовской, 27 мая 1857 // РГИА. — 1857. — Ф. 472. — Оп. 35 (145/982). — Д. 1а.
- Прошение Гриневича, апрель 1859 // РГИА. — 1859. — Ф. 472. — Оп. 35 (147/984). — Д. 2а.
- Прошение Гусковской, 9 января 1859 // РГИА. — 1859. — Ф. 472. — Оп. 35 (147/984). — Д. 2а.
- Прошение Детортье, 20 февраля 1857 // РГИА. — 1857. — Ф. 472. — Оп. 35 (145/982). — Д. 1а.
- Прошение Дубниковой, сентябрь 1860 // РГИА. — 1860. — Ф. 472. — Оп. 35 (148/985). — Д. 4б.
- Прошение Дьякова, 14 октября 1857 // РГИА. — 1857. — Ф. 472. — Оп. 35 (145/982). — Д. 1б.
- Прошение Залесского, 24 декабря 1856 // РГИА. — 1856. — Ф. 472. — Оп. 35 (145/982). — Д. 1а.

- Прощение Иванова, май 1857 // РГИА. — 1857. — Ф. 472. — Оп. 35 (145/982). — Д. 1а.
- Прощение Кухтиной, 30 октября 1857 // РГИА. — 1857. — Ф. 472. — Оп. 35 (145/982). — Д. 1а.
- Прощение Лундышевой, 8 марта 1857 // РГИА. — 1857. — Ф. 472. — Оп. 35 (145/982). — Д. 1а.
- Прощение Макаровой, 19 января 1860 // РГИА. — 1860. — Ф. 472. — Оп. 35 (148/985). — Д. 4а.
- Прощение Одинцовой, сентябрь 1857 // РГИА. — 1857. — Ф. 472. — Оп. 35 (145/982). — Д. 1б.
- Прощение Панаевой, 14 декабря 1859 // РГИА. — 1859. — Ф. 472. — Оп. 35 (147/984). — Д. 2б.
- Прощение Радовича, август 1859 // РГИА. — 1859. — Ф. 472. — Оп. 35 (147/984). — Д. 2б.
- Прощение Рыдзевского, март 1860 // РГИА. — 1860. — Ф. 472. — Оп. 35 (148/985). — Д. 4а.
- Прощение Симонич, сентябрь 1856 // РГИА. — 1856. — Ф. 472. — Оп. 35 (144/981). — Д. 3б.
- Прощение Смирновой, 14 февраля 1857 // РГИА. — 1857. — Ф. 472. — Оп. 35 (145/982). — Д. 1а.
- Прощение Сычуровой, 8 января 1859 // РГИА. — 1859. — Ф. 472. — Оп. 35 (147/984). — Д. 2а.
- Прощение Толквист, июль 1859 // РГИА. — 1859. — Ф. 472. — Оп. 35 (147/984). — Д. 2б.
- Прощение Францен, 1857 // РГИА. — 1857. — Ф. 472. — Оп. 35 (145/982). — Д. 1а.
- Прощение Хлопова, май 1860 // РГИА. — 1860. — Ф. 472. — Оп. 35 (148/985). — Д. 4а.
- Прощение Цептковского, 19 ноября 1860 // РГИА. — 1860. — Ф. 472. — Оп. 35 (148/985). — Д. 4б.
- Прощение Чесновского, ноябрь 1859 // РГИА. — 1859. — Ф. 472. — Оп. 35 (147/984). — Д. 2б.
- Прощение Чихачева, декабрь 1856 // РГИА. — 1856. — Ф. 472. — Оп. 35 (144/981). — Д. 3б.
- Прощение Шаганова, январь 1859 // РГИА. — 1859. — Ф. 472. — Оп. 35 (147/984). — Д. 2а.
- Прощение Шадрина, 2 августа 1860 // РГИА. — 1860. — Ф. 472. — Оп. 35 (148/985). — Д. 4б.
- Прощение Шараловой, январь 1859 // РГИА. — 1859. — Ф. 472. — Оп. 35 (147/984). — Д. 2а.
- Прощение Шлет фон, август 1859 // РГИА. — 1859. — Ф. 472. — Оп. 35 (147/984). — Д. 2б.

- Прошение Щегловой, 19 октября 1857 // РГИА. — 1857. — Ф. 472. — Оп. 35 (145/982). — Д. 1б.
- Свидетельство о поведении дворянина Мордвинова, 30 августа 1860 // РГИА. — 1860. — Ф. 472. — Оп. 35 (148/985). — Д. 4б.
- Справка по делу вдовы капитана Андреева, 1860 // РГИА. — 1860. — Ф. 472. — Оп. 35 (148/985). — Д. 4а.
- Справка по делу майора Ланге, 1859 // РГИА. — 1859. — Ф. 472. — Оп. 35 (147/984). — Д. 2б.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Писарев С. Н.* Учреждение по принятию и направлению прошений и жалоб, на Высочайшее имя приносимых : 1810–1910 гг. Исторический очерк. — СПб. : Р. Голике, А. Вильборг, 1909.
- СПб. : — II Отделение Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1835.

ЛИТЕРАТУРА

- Баберовски Й.* Доверие через присутствие. Домодерные практики власти в поздней Российской империи / пер. с нем. А. Каплуновского // *Ab Imperio*. — 2008. — № 3. — С. 71–95.
- Григорьев С. И.* Придворная цензура и образ Верховной власти (1831–1917). — СПб. : Алетейя, 2007.
- Ремнев А. В.* Канцелярия прошений в самодержавной системе правления конца XIX столетия // Исторический ежегодник. — 1999. — Т. 4. — С. 17–35.
- Рибер А.* Групповые интересы в борьбе вокруг Великих реформ // Великие реформы в России. 1856–1874 / под ред. Л. Г. Захаровой, Б. Эклофа, Д. Бушнелла. — М. : Московский университет, 1992. — С. 44–72.
- Хаванова О. В.* Карьерные стратегии в монархии Габсбургов второй половины XVIII в. в зеркале обращений на Высочайшее имя // *Одиссей: Человек в истории*. — 2008. — № 1. — С. 230–250.
- Шаттенберг С.* Культура коррупции, или К истории российских чиновников / пер. с нем. М. Г., С. Шаттенберг // *Неприкосновенный запас*. — 2005. — Т. 42, № 4. — С. 29–35.
- Rieber A.* Patronage and Professionalism : The Witte System // Проблемы всемирной истории : Сборник статей в честь А. А. Фурсенко / ed. by Б. В. Ананьича. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2000. — Р. 286–298.

Safronova, J. A. 2019. "Milost' 'vne ustanovlennogo poryadka' [Mercy Beyond the Established Procedure]: strategii prositeley i otvet chinovnika (na primere Ministerstva imperatorskogo dvora. 1856–1861 gg.) [Strategies of Petitioners and Responses of Official (Using the Example of the Ministry of the Imperial Court. 1856–1861)]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* III (2), 158–188.

JULIA SAFRONOVA

PHD; ASSOCIATE PROFESSOR; DEPARTMENT OF HISTORY, EUROPEAN UNIVERSITY AT ST. PETERSBURG

MERCY BEYOND THE ESTABLISHED PROCEDURE

STRATEGIES OF PETITIONERS AND RESPONSES OF OFFICIAL (USING THE EXAMPLE OF THE MINISTRY OF THE IMPERIAL COURT. 1856–1861)

Abstract: This article deals with strategies for solving social problems beyond the established bureaucratic procedure in the Russian Empire. In these cases, official petitions were supported or even replaced by seeking for a patronage of high-ranking officials. The Minister of the Court had the ambivalent position. He was perceived both as one of the highest *dignitaries* and as "the all-important courtier" having direct and permanent access to the Emperor's generosity. The article analyses the petitions addressed to the Minister of the Court in the first five years of the reign of Alexander II. The author focuses on linguistic and stylistic characteristics which were typical for patronage seeking, as well as hidden strategies of getting appointments, rewards, pensions, etc. The arguments used in the petitions, especially those explaining the reasons why the petitioners addressed the Minister, allow us to make a conclusion that the Russian society was riddled with informal connections. The second part of the article considers the complicated system of interactions and communications within Russian bureaucracy and reviews the reasons for patronizing. The author concludes that extensive and successful use of informal practices does not reflect the "archaic" nature of the Russian Empire. Rather they might be indicative of the efficiency of clientelism compensated for the weaknesses of the modern bureaucracy.

Keywords: Patronage, Clientelism, Bureaucracy, Petitions, the Ministry of the Imperial Court, Alexander II.

DOI: 10.17323/2587-8719-2019-3-2-158-188.

REFERENCES

- Baberovski, Y. 2008. "Doveriye cherez prisut-stviye. Domodernyye praktiki vlasti v pozdney Rossiyskoy imperii [Trust Through Presence. Premodern Practices of Authority in Late Imperial Russia]" [in Russian], trans. from the German by A. Kaplunovskiy. *Ab Imperio*, no. 3: 71–95.
- Grigor'yev, S. I. 2007. *Pridvornaya tsenzura i obraz Verkhovnoy vlasti (1831–1917) [Court Censorship and the Image of the Supreme Power (1831–1917)]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Aleteyya.
- Khavanova, O. V. 2008. "Kar'yernyye strategii v monarkhii Gabsburgov vtoroy poloviny XVIII v. v zerkale obrashcheniy na Vysochaysheye imya [Career Strategies in the Habsburg Monarchy in the Second Half Of The 18th Century in the Mirror of Petitions to the Highest Name]" [in Russian]. *Odyssey: Chelovek v istorii*, no. 1: 230–250.

- Matveyeva, S. 1859. "С. Matveyeva — V. I. Panayevu, 10 yanvaryu 1859 [S. Matveeva to V. I. Panaev, 10 January 1859]" [in Russian]. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (147/984)/2a. 19.
- Musin-Pushkin, M. N. 1859. "M. N. Musin-Pushkin — V. I. Panayevu, 16 noyabrya 1856 [M. N. Musin-Pushkin to V. I. Panaev, 16 November 1856]" [in Russian]. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (147/984)/2a. 19.
- "Otnosheniye direktora Aleksandrovskogo litseya ministru narodnogo prosveshcheniya, 31 oktyabrya 1866 [Relation from the Director of the Imperial Lyceum to the Minister of Public Education, 31 October 1866]" [in Russian]. 1866. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 723. 120/390.
- "Otnosheniye IV Otdeleniya S. Ye. I. V. K. v kantselyariyu MIDv, 21 sentyabrya 1856 [Relation from the IV Bureau of H. I. M. O. Chancery to the Ministry of the Imperial Court Chancery, 21 September 1856]" [in Russian]. 1856. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (145/982)/1a.
- "Otnosheniye ministra imperatorskogo dvora direktoru uchilishch dlya prikhodyashchikh devits, 1860 (otpusk) [Relation from the Minister of the Imperial Court to the Director of the College for Non-Resident Damsels, 1860 (release)]" [in Russian]. 1860. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (145/985)/4a.
- "Otnosheniye ministra imperatorskogo dvora direktoru uchilishch dlya prikhodyashchikh devits, 1860 (otpusk) [Relation from the Minister of the Imperial Court to the Minister of the Interior, July 1859 (release)]" [in Russian]. 1859. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (147/984)/2b.
- "Otnosheniye ministra imperatorskogo dvora ministru finansov, sentyabr' 1856 [Relation from the Minister of the Imperial Court to Saint-Petersburg Military Governor, October 1857]" [in Russian]. 1857. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (145/982)/1a/87.
- "Otnosheniye ministra imperatorskogo dvora ministru finansov, sentyabr' 1856 [Relation from the Minister of the Imperial Court to the Minister of Finance, September 1859]" [in Russian]. 1856. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (145/982)/1a.
- "Otnosheniye ministra imperatorskogo dvora voyennomu ministru, mart 1860 [Relation from the Minister of the Imperial Court to the Minister of War, March 1860]" [in Russian]. 1860. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (145/985)/4a.
- "Pis'mo Adlerberga V. F. — Traskinoy, 26 dekabrya 1857 (otpusk) [Letter V. Ph. Adlerberg — Traskina, 26 December 1857 (release)]" [in Russian]. 1857. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (145/982)/1b.
- "Pis'mo Adlerberga V. F. — Kuz'minoy, mart 1857 [Letter V. Ph. Adlerberg — Kuzmina, March 1857]" [in Russian]. 1857. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (145/982)/1a.
- "Pis'mo Baranovoy Yu. F. — Adlerbergu V. F., 22 yanvaryu 1860 [Letter J. Ph. Baranova — Adlerberg, 22 January 1860]" [in Russian]. 1860. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (148/985)/4a.
- "Pis'mo Kisendorf — Adlerberg M. V., 7 avgusta 1856 [Letter Kisendorf. — M. V. Adlerberg, 7 August 1856]" [in Russian]. 1856. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (144/981)/3b.
- "Pis'mo Tolbinova V. — Adlerberg M. V., 24 yanvaryu 1859 [Letter V. Tolbinov — M. V. Adlerberg, 24 January 1859]" [in Russian]. 1859. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (147/984)/2a.
- Pisarev, S. N. 1909. *Uchrezhdeniye po prinyatiyu i napravleniyu prosheniy i zhalob, na Vysochaysheye imya prinosimykh [The Institution for Receiving and Sending Petitions and Complaints to the Highest Name]: 1810–1910 gg. Istoricheskiy ocherk [1810–1910 Historical Essay]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: R. Golike / A. Vil'borg.

- Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii [The Digest of Laws of the Russian Empire]* [in Russian]. 1835. Vol. x of *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii [The Digest of Laws of the Russian Empire]* : *Sobraniye vtoroye*. 55 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: II Otdeleniye Sobstvennoy Ye. I. V. Kantselyarii.
- "Prosheniye Adusova, 4 oktyabrya 1856 [Petition by Adusov, 4 October 1856]" [in Russian]. 1856. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (145/982)/1a.
- "Prosheniye Aleksandrovskogo, may 1860 [Petition by Alexandrovsky, May 1860]" [in Russian]. 1860. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (148/985)/4a.
- "Prosheniye Bashenkovoy, mart 1857 [Petition by Bashenkova, March 1857]" [in Russian]. 1857. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (145/982)/1a.
- "Prosheniye Bulgaris, 13 maya 1857 [Petition by Bulgaris, 13 May 1857]" [in Russian]. 1857. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (145/982)/1a.
- "Prosheniye Bulycheva, dekabr' 1860 [Petition by Bulychev, December 1860]" [in Russian]. 1860. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (148/985)/4b.
- "Prosheniye Chesnovskogo, noyabr' 1859 [Petition by Chesnovsky, November 1859]" [in Russian]. 1859. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (147/984)/2b.
- "Prosheniye Chikhacheva, dekabr' 1856 [Petition by Chikhachev, December 1856]" [in Russian]. 1856. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (144/981)/3b.
- "Prosheniye D'yakova, 14 oktyabrya 1857 [Petition by Djakov, 14 October 1857]" [in Russian]. 1857. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (145/982)/1b.
- "Prosheniye Detort'ye, 20 fevralya 1857 [Petition by Detortje, 20 February 1857]" [in Russian]. 1857. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (145/982)/1a.
- "Prosheniye Dubnikovoy, sentyabr' 1860 [Petition by Dubnikova, September 1860]" [in Russian]. 1860. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (148/985)/4b.
- "Prosheniye Frantsen, 1857 [Petition by Frantsen, 1857]" [in Russian]. 1857. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (145/982)/1a.
- "Prosheniye Gertso-Vinogradskogo, 10 oktyabrya 1859 [Petition by Gerzo-Vinogradsky, 10 October 1859]" [in Russian]. 1859. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (147/984)/2b.
- "Prosheniye Gertso-Vinogradskoy, 12 marta 1860 [Petition by Gerzo-Vinogradskaya, 12 March 1860]" [in Russian]. 1860. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (148/985)/4a.
- "Prosheniye Glinki, prinyato 18 aprelya 1859 [Petition by Glinka, accepted 18 April 1859]" [in Russian]. 1859. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (147/984)/2a.
- "Prosheniye Gol'tsa, 9 aprelya 1856 [Petition by Golz, 9 April 1856]" [in Russian]. 1856. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (144/981)/3b.
- "Prosheniye Grabovskoy, 27 maya 1857 [Petition by Grabovskaya, 27 May 1857]" [in Russian]. 1857. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (145/982)/1a.
- "Prosheniye Grinevicha, aprel' 1859 [Petition by Grinevich, April 1859]" [in Russian]. 1859. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (147/984)/2a.
- "Prosheniye Guskovskoy, 9 yanvarya 1859 [Petition by Guskovskaya, 9 January 1859]" [in Russian]. 1859. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (147/984)/2a.
- "Prosheniye Ivanova, may 1857 [Petition by Ivanov, May 1857]" [in Russian]. 1857. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (145/982)/1a.
- "Prosheniye Khlopova, may 1860 [Petition by Hlopov, May 1860]" [in Russian]. 1860. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (148/985)/4a.
- "Prosheniye Kukhtinoy, 30 oktyabrya 1857 [Petition by Kuchtina, 30 October 1857]" [in Russian]. 1857. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (145/982)/1a.
- "Prosheniye Lundyshovoy, 8 marta 1857 [Petition by Lundyshova, 8 March 1857]" [in Russian]. 1857. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (145/982)/1a.

- "Prosheniye Makarovoy, 19 yanvarya 1860 [Petition by Makarova, 19 January 1860]" [in Russian]. 1860. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (148/985)/4a.
- "Prosheniye Odintsovoy, sentyabr' 1857 [Petition by Odintsova, September 1857]" [in Russian]. 1857. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (145/982)/1b.
- "Prosheniye Panayevoy, 14 dekabrya 1859 [Petition by Panajeva, 14 December 1857]" [in Russian]. 1859. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (147/984)/2b.
- "Prosheniye Radovicha, avgust 1859 [Petition by Radovich, August 1859]" [in Russian]. 1859. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (147/984)/2b.
- "Prosheniye Rydzevskogo, mart 1860 [Petition by Rydzevskiy, March 1860]" [in Russian]. 1860. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (148/985)/4a.
- "Prosheniye Shadrina, 2 avgusta 1860 [Petition by Shadrin, 2 August 1860]" [in Russian]. 1860. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (148/985)/4b.
- "Prosheniye Shaganova, yanvar' 1859 [Petition by Shaganov, January 1859]" [in Russian]. 1859. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (147/984)/2a.
- "Prosheniye Sharapovoy, yanvar' 1859 [Petition by Sharapova, January 1859]" [in Russian]. 1859. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (147/984)/2a.
- "Prosheniye Shcheglovoy, 19 oktyabrya 1857 [Petition by Scheglova, 19 October 1857]" [in Russian]. 1857. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (145/982)/1b.
- "Prosheniye Shlet fon, avgust 1859 [Petition by Shlet fon, August 1859]" [in Russian]. 1859. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (147/984)/2b.
- "Prosheniye Simonich, sentyabr' 1856 [Petition by Simonich, September 1856]" [in Russian]. 1856. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (144/981)/3b.
- "Prosheniye Smirnovoy, 14 fevralya 1857 [Petition by Smirnova, 14 February 1857]" [in Russian]. 1857. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (145/982)/1a.
- "Prosheniye Sychurovoy, 8 yanvarya 1859 [Petition by Sychurova, 8 January 1859]" [in Russian]. 1859. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (147/984)/2a.
- "Prosheniye Tolkvist, iyul' 1859 [Petition by Tolkvist, July 1859]" [in Russian]. 1859. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (147/984)/2b.
- "Prosheniye Tseptkovskogo, 19 noyabrya 1860 [Petition by Tseptkovskiy, 19 November 1860]" [in Russian]. 1860. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (148/985)/4b.
- "Prosheniye Varavvy, noyabr' 1859 [Petition by Varrava, November 1859]" [in Russian]. 1859. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (148/985)/2b.
- "Prosheniye Velichka, 15 noyabrya 1857 [Petition by Vjelichka, 15 November 1857]" [in Russian]. 1857. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (145/982)/1b.
- "Prosheniye Vrangel', mart 1859 [Petition by Vrangel, March 1859]" [in Russian]. 1859. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (147/984)/2a.
- "Prosheniye Zalesskogo, 24 dekabrya 1856 [Petition by Zalesskiy, 24 December 1856]" [in Russian]. 1856. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (145/982)/1a.
- Remnev, A. V. 1999. "Kantselyariya prosheniyy v samoderzhavnoy sisteme pravleniya kotsa XIX stoletiya [Shancellery of Petitions in the Autocratic's Government System in the End of the 19th Century]" [in Russian]. *Istoricheskiy yezhegodnik* 4:17–35.
- Riber, A. 1992. "Grupповые интересы в бор'бе вокруг Velikikh reform [Group Interests in the Struggle Around the Great Reforms]" [in Russian]. In *Velikiye reformy v Rossii. 1856–1874 [The Great Reforms in Russia. 1856–1874]*, ed. by L. G. Zakharova, B. Eklof, and Dzh. Bushnell, 44–72. Moskva [Moscow]: Moskovskiy universitet.
- Rieber, A. 2000. "Patronage and Professionalism: The Witte System." In *Problemy vsemirnoy istorii [Problems of World History] : Sbornik statey v chest' A. A. Fursenko [Collection of Articles in Honor of A. A. Fursenko]*, ed. by B. V. Anan'ich, 286–298. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Dmitriy Bulanin.

- Shattenberg, S. 2005. "Kul'tura korruptsii, ili K istorii rossiyskikh chinovnikov [Culture of Corruption, or the History of Russian Officials]" [in Russian], trans. from the German by M. G. and S. Shattenberg. *Neprikosnovennuyu zapas* 42 (4): 29–35.
- "Spravka po delu mayora Lange, 1859 [Note on Major Langue's Case, 1859]" [in Russian]. 1859. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (147/984)/2b.
- "Spravka po delu vdovy kapitana Andreyeva, 1860 [Note on the Case of Captain Andreev's Widow, 1859]" [in Russian]. 1860. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (148/985)/4a.
- "Svidetel'stvo o povedenii dvoryanina Mordvinova, 30 avgusta 1860 [Testimony on the Conduct of Mordvinov, Nobleman, 30 August 1857]" [in Russian]. 1860. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (148/985)/4b.

АРХИВ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

ПЕРЕВОДЫ И ПУБЛИКАЦИИ

TRANSLATIONS

ЕВГЕНИЙ ВЛИНОВ*

РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ БЕНЖАМЕНА КОНСТАНА МЕЖДУ РЕАКЦИЕЙ И ТЕРРОРОМ**

Аннотация: В статье предлагается обобщенный анализ эволюции политических взглядов Бенжамена Констана, а также краткий обзор основных этапов ее рецепции в последние десятилетия, которые привели к существенной переоценке значения его политической философии для европейской мысли. Для европейских и особенно российских читателей Констан длительное время оставался «забытым классиком», историческое значение которого признавалось, однако его влияние на политическую традицию либерализма в значительной степени недооценивалось. На примере важнейшей из его ранних политических работ — «О политических реакциях» (1797), впервые выходящей в русском переводе, показан генезис французского либерализма как возможного «третьего пути» между якобинским террором и идеологией реставрации Старого порядка. Основной акцент сделан на предпринятой Констаном попытке понять соотношение между трансформацией политических учреждений и тем, что автор называет «господствующими идеями», то есть установить, каким образом общественное мнение может стать господствующей силой демократического общества.

Ключевые слова: Французская революция, политические учреждения, Б. Констан, политическая реакция, французский либерализм, якобинский террор, реставрация.

DOI: 10.17323/2587-8719-2019-3-2-191-204.

ПРИЧИНЫ ПУБЛИКАЦИИ

Публикация перевода работы Бенжамена Констана «О политических реакциях» (*Des réactions politiques, 1797*) на русский язык кажется нам своевременной сразу по нескольким причинам. Во-первых, этот ранний текст является ценным источником генезиса как либеральной мысли в целом, так и его французской разновидности, внимание к которым привлекли работы Мишеля Фуко¹ и Пьера Розанваллона², крайне

*Влинов Евгений Николаевич, д. филос. н., научный сотрудник, Институт философии Российской академии наук (Москва), moderator1979@hotmail.com.

**© Влинов, Е. Н. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

¹Речь идет главным образом о курсах в Коллеж де Франс, прочитанных во второй половине семидесятых годов. См. Фуко, Самарская, 2005; Фуко, Дьяков, 2010; Фуко, Суслов и др., 2011.

²Причем самому Констану Розанваллон, с нашей точки зрения, уделяет незаслуженно мало внимания: Rosanvallon, 1985; Rosanvallon, 2004.

важные для понимания политической доктрины «новых левых» в восьмидесятых и девяностых годах XX века. Во-вторых, общая переоценка значения Бенжамена Констан, который долгие годы оставался «забытым классиком» современной политической философии³. В-третьих, его влияние на русскую политическую мысль первой половины девятнадцатого века от лидеров декабристов до Пушкина и Вяземского⁴. Наконец, *last but not least*, именно в этом тексте в качестве примера *reductio ad absurdum* было приведено утверждение «одного немецкого философа» о том, что принцип говорить правду верен при любых обстоятельствах. Этим «немецким философом» был Иммануил Кант, написавший в качестве ответа на него свой знаменитый трактат «О мнимом праве лгать из человеколюбия» (Кант, Вальденберг, 1994: 256–262)⁵, который неоднократно рассматривался в отечественной философской литературе⁶.

КОСМОПОЛИТ НА СЛУЖБЕ РЕСПУБЛИКИ:

РАННЯЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ БЕНЖАМЕНА КОНСТАНА

В отличие от Канта, космополита по убеждениям, в течение жизни практически не покидавшего родного Кенигсберга, Констан, который в «Политических реакциях» предстает горячим патриотом Французской республики, был, если можно так выразиться, космополитом по праву рождения. В предисловии к «Политическим реакциям» он указывает, что его семья «была вынуждена покинуть Францию по религиозным причинам», однако сам он «вернулся на Родину, как только смог», получив вместе с французским гражданством сопутствующие ему политические права. Анри-Бенжамен Констан де Ребек (1767–1830) родился в Лозанне, в семье франкоязычных протестантов, покинувших Французское королевство во время религиозных гонений, его отец — Луи-Арнольд-Жюст

³О переоценке роли Констан, начиная с девяностых годов двадцатого века см. Gauchet, 1997: 11; Todorov, 1997: 9–13; Vincent, 2011: 1–5.

⁴См., например, классическую работу Тынянова: «В показаниях большинства декабристов имя Констан фигурирует как имя одного из идейных учителей» (Тынянов, 1969: 316; см. также: Парсамов, 2001). Ср. знаменитую фразу Пушкина о том, что перевод «Адольфа» Вяземского послужит основой русского «метафизического языка» (Пушкин, 1949: 87). О Пушкине и Констане см. также седьмую главу в биографии Вольперт, 1998.

⁵Хотя точно установлено, что речь идет именно о Канте, непосредственный источник аллюзии остается неизвестным: вторая часть «Метафизики нравов» (1797), с которой ее связывает традиция, была опубликована позднее «Политических реакций». См. прим. к Constant, 1998: 493. См. также: Benton, 1982; Voituzat, 1993.

⁶См., например, специальный номер журнала Логос, 2008, посвященный этому вопросу.

де Констан (1726–1812) был военным на голландской службе⁷. Мать Бенжамена умерла при родах, в детстве один за другим сменялись родственники-опекуны и наставники. Когда Констан-младший подрос, он стал путешествовать по Европе вместе с отцом: короткое время обучался в Университете Эрлангена (1783) и несколько более продолжительное — в Университете Эдинбурга (1783–1785) — учебных заведениях с высочайшей для своего времени репутацией. Учителя отмечали блестящие способности юноши, которые сочетались с эмоциональной неустойчивостью и неспособностью довести начатые проекты до конца. Одним из первых подобных проектов был ответ на знаменитый трактат Эдмунда Берка, направленный против Французской революции, к которому он периодически возвращался в девяностые годы⁸. Как отмечают биографы, политические взгляды молодого Констана были далеки от умеренности: судя по его переписке, он поддерживал революционное правительство и его радикальную политику вплоть до падения Робеспьера в июле 1794-го (Hofmann, 1980: 79–85; Vincent, 2011: 32–36).

Первые годы Революции Констан провел между родной Швейцарией и Брауншвейгским двором, где он, начиная с 1788 года, состоял в чине дипломатического советника. Республиканские симпатии сильно выделяли его на фоне провинциального немецкого дворянства: молодой философ грезит о политической карьере в бурлящей Франции, что становится возможным после падения якобинцев с их доктриной нулевой толерантности по отношению к иностранцам (он получит французское гражданство 21 марта 1797 года, за девять дней до выхода из печати «Политических реакций»). В сентябре 1794 года Констан знакомится с Жерменой де Сталь, дочерью влиятельного швейцарского банкира Жака Неккера и хозяйкой салона, который сыграет немалую роль во французской политике во второй половине девяностых годов. Они становятся любовниками, политическими соратниками и соавторами: именно с подачи знаменитой «мадам де Сталь» Констан опубликует свои первые политические статьи в журнале «Национальные и международные политические новости» в июне 1795 года (Constant, 1998: 269–288). В этот критический для молодой республики момент Жермена де Сталь и Констан оказываются близки к кругам «умеренных» (Сийес и Баррас), поэтому неудивительно, что первое политическое сочинение

⁷О ранних годах Констана см. Hofmann, 1980: 30–48; Vincent, 2011: 17–38.

⁸О проекте см. Constant, 1998: 239. Как показывает Бьянка-Мария Фонтана, в зрелые годы Констан был куда менее критичен по отношению к Берку (Fontana, 1989: 35).

Констана направлено в поддержку действующего правительства Директории и носит характерный заголовок «О силе текущего правительства и о необходимости его поддержки» (*De la force du gouvernement actuel de la France et de la nécessité de s'y rallier*, 1796) (Constant, 1998: 319–380). Политические противники⁹ немедленно обвинили его в «макиавеллизме», и, стоит признать, его дальнейшая политическая карьера дает основания для подобной оценки¹⁰. Несмотря на гневное обличение «произвола» в его следующей работе, которой и станет публикуемый нами в сокращенном виде трактат «О политических реакциях», Констан последовательно поддержит перевороты 18 фруктидора и 18 брюмера. Вынужденный покинуть Францию по приказу Наполеона, Констан обрушивается на его «тиранию» в своей работе «О духе завоеваний и об узурпации в их соотношении с европейской цивилизацией» (*De l'esprit de conquête et de l'usurpation dans leur rapports avec la civilisation européenne*, 1814)¹¹ для того, чтобы во время Ста дней вернуться в Париж и по его просьбе приступить к редактированию конституции. После поражения Наполеона Констан в составе делегации переговорщиков, заслужив прощение новых властей, становится лидером либеральной оппозиции. Несмотря на высочайший авторитет у современников, мнение ближайших потомков о его политических метаморфозах было куда менее снисходительным, хотя, как замечает Марсель Гоше, его политический «арривизм» и частая смена лагерей в итоге были не слишком дальновидной стратегией (Gauchet, 1997: 13).

Нам кажется, что объяснение подобного оппортунизма, который все же не стоит путать со столь часто приписываемым ему макиавеллизмом, можно найти именно в «Политических реакциях», где он в самом прямом смысле слова возведен в принцип. Хотя текст «Политических реакций» был широко известен в XIX в., сегодня он не входит в состав констановской вульгаты и редко печатается в стандартных сборниках его политических работ¹². Мы намерены исправить эту несправедливость, представив частичный перевод этой работы русскому читателю.

⁹В их числе был Жозеф де Местр, чья знаменитая работа «Рассуждения о Франции» (1796) была направлена именно против трактата Констан. См. Местр, Абрамова, 1997.

¹⁰Ответом критикам стало продолжение «Политических реакций» — «Об эффектах террора», опубликованное уже в апреле 1797 года (Constant, 1998: 507–530).

¹¹См. особенно вторую часть этой работы (Constant, 1997: 181–302).

¹²Он отсутствует как в упомянутом собрании под редакцией Гоше, так и в английском переводе в престижной серии Cambridge Texts in the History of Political Thought (Constant, Fontana, 1988).

ДИНАМИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ:
КОНСТАН И ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Основную идею своего трактата Констан формулирует в нарочито парадоксальной форме: «...никогда не было никаких революций в прямом смысле слова». Динамика политической жизни общества зависит от соответствия «учреждений» (institutions) «господствующим идеям» (idées regnantes), и революция как насильственный акт является лишь естественным восстановлением этого равновесия. В тех случаях, когда революция выходит за пределы того, что Констан называет «господствующими идеями», она естественным образом вызывает «реакцию», которая выполняет аналогичную функцию восстановления равновесия, возвращая революцию в рамки, отведенные ей этими идеями. Как революция, так и реакция служат восстановлению своеобразного *adequatio rei et intellectus*. В том случае, если революция восстанавливает это соответствие (в качестве примера Констан приводит революции в Голландии или США), то они не вызывают реакций. Однако, английская и французская революции, которые справедливо, с точки зрения современного им общества, требовали отмены «напизма» в первом случае и «привилегий» — во втором, вышли за пределы господствующих идей, как только посягнули на королевскую власть в Англии (диктатура Кромвеля) и частную собственность во Франции («заговор равных» Бабефа).

Между учреждениями и идеями не существует никакой «предустановленной гармонии», однако реакция также не является идеальным регулятором этого соответствия: она, в свою очередь, стремится «выйти за пределы» господствующих идей в обратном направлении, восстановив учреждения Старого режима. Основную причину этой чрезмерной реакции Констан вслед за Жерменой де Сталь¹³ видит в человеческих страстях. Месть за преступления революционных «террористов», вышедших за пределы идей и рамки закона, заставляет реакционеров прибегнуть к «произволу» (arbitraire) и обрушить свою ярость не просто на людей, а на справедливые идеи, которыми они злоупотребляли. В этом случае реакция вместо того, чтобы регулировать соответствие между идеями и учреждениями, запускает порочный круг мести. Именно поэтому, предупреждает Констан, постреволюционное правительство, желающее добиться легитимности, должно руководствоваться двумя принципами: воздерживаться от реакций против идей

¹³См. опубликованную в 1796 году работу «О влиянии страстей на счастье людей и народов» (Сталь, Гречаная, 1980).

и отказаться от произвола. Глава «О произволе» — одно из первых в европейской литературе рассуждений об опасности революционного волюнтаризма. При этом, уточняет автор «Политических реакций», произвол необходимо отличать от жесткости правительства в том случае, если оно четко следует установленным правовым нормам (если революция их не устанавливает, то в этом случае она не соответствует «господствующим идеям» и, следовательно, нелегитимна). Оригинальность «умеренной» позиции Констан состоит в том, что, в отличие от консерваторов, он, во-первых, не считает, что произвол непосредственно связан с революционными идеями, а во-вторых, убедительно показывает, что революционный произвол оказывается заразительным, и реакционеры прибегают к нему для восстановления учреждений, соответствующих «старым предрассудкам». Поэтому потребуются «самые тщательные меры предосторожности и исключительная бдительность, чтобы воспрепятствовать возрождению привилегий».

Кто или что в таком случае определяет эти границы «господствующих идей», в рамках которых должны оставаться революция и реакция? Констан полагает, что это «друзья свободы», которые при помощи Просвещения разъясняют гражданам и, что особенно важно, правительству принципы, которым должны соответствовать политические учреждения. В этом смысле Констан разделяет позиции просвещенческого прогрессизма, что подтверждает аллюзия на программную работу Кондорсе «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» 1795 года (Кондорсе, Шапиро, 2011) в ключевом месте «Политических реакций». Констан трезво оценивает политическую ситуацию начала 1797 года и прекрасно понимает, что «господствующими идеями» текущего момента может быть желание вернуть стабильность политической системы путем восстановления учреждений, существовавших при монархии (в психологическом анализе ностальгии по прошлому уже угадывается почерк будущего автора «Адольфа»). Но сильное правительство не должно стремиться к выполнению воли «ускользающего большинства»: если страх перед революционным террором и жажда мести могут сделать господствующим настроением в обществе ностальгию по прошлому, они не смогут принципиально изменить естественное стремление человечества к совершенствованию, чеканную формулу которого он выведет тридцать лет спустя: «Способность человеческого рода к совершенствованию есть не что иное, как стремление к равенству» (Constant, 1997: 714). Настанет момент, пророчески замечает Констан,

когда восстановленные учреждения снова перестанут соответствовать «идеям», и будет запущен порочный круг революций и реакций.

При этом, уточняет автор «Политических реакций», «друзья свободы» не имеют номинальных полномочий, действуя в рамках «договора между разумом и властью». Подобный договор предполагает взаимные обязательства: власть предоставляет «просветителям» защиту от произвола, а те, в свою очередь, защищают разумные учреждения «силой мнения». Правительство вообще не должно реагировать на мнения граждан, пока они не становятся «конкретным действием», так как в область мысли «никогда не должен вторгаться закон». Именно в этой «экстерриториальности» мысли для закона, а не в пресловутом конституционализме Констана, который в более-менее продуманном виде будет сформулирован только в первые годы Империи¹⁴, мы видим основной либеральный тезис «Политических реакций». Предотвратив «реакции против идей», друзья свободы помогут правительству избежать восстановления прежних учреждений, которые, несмотря на все усилия, не смогут обрести стабильность, поскольку «прогресс человеческого разума» не может быть обращен вспять.

Вопрос конституционного устройства, который будет подробно рассмотрен в зрелых политических работах Констана и принесет ему мировую славу, в «Политических реакциях» трактуется крайне упрощенно. Достаточно, считает их автор, закрепить в конституции несколько базовых политических принципов, которые будут гарантировать основные свободы граждан. В этом отношении Констан, Жермена де Сталь и будущие деятели Директории из ее окружения ориентировались на американскую конституцию, резко критикуя объемные документы, утвержденные в 1791, 1793 и 1795 годах под именем французской конституции. В «Политических реакциях» Констана значительно больше внимания уделяется злоупотреблениям этими справедливыми базовыми принципами, в чем он видит корень всех зол.

Глава «О принципах» может считаться основной теоретической частью трактата. Трактовка принципов в «Политических реакциях» весьма оригинальна: она связана с желанием Констана найти тот самый срединный путь между террором и реакцией и вполне объяснимо привлечет на него обвинения в макиавеллизме как со стороны радикальных республиканцев, так и со стороны монархистов. Хотя справедливость изначальных политических принципов (например, принципа равенства)

¹⁴См. вторую часть уже упоминавшейся работы Этьена Офманна (Hofmann, 1980).

подтверждается прогрессом человеческого разума, их конкретное применение требует практического или «опосредующего» принципа. Как только принцип равенства «брошен в гущу» того или иного политического сообщества, его разрушительный эффект может быть намного сильнее, чем в случае сохранения учреждений, основанных на старых предрассудках. Предрассудки, замечает Констан, имеют то преимущество, что со временем они тем или иным образом приспособливаются к самым различным частным интересам, создавая более или менее устойчивое равновесие, тогда как новый принцип задевает «интересы всех и каждого», а способы его применения не ясны. Но проблема «злоупотреблений» и «дискредитации» — именно в отсутствии необходимого «опосредующего принципа»: для его поиска и согласования с учреждениями требуется определенное время и, в худшем случае, один или несколько циклов революционного и реакционного произвола. В каком-то смысле Констан за десять лет до Гегеля отводит негативности роль потенциального двигателя прогресса, хотя в его анализе истории она проявляется скорее контингентным образом¹⁵.

В качестве примера уместного опосредующего принципа Констан уже в «Политических реакциях» называет возможность участвовать в «составлении законов» не прямым способом, а через своих представителей. Сам изначальный принцип, согласно которому подчинение законам предполагает участие в их составлении «верен всегда и при всех обстоятельствах», но опосредующий принцип непосредственного участия в собрании на агоре был верен только для малочисленных политических сообществ древности. Классическую формулировку этот принцип получит в его знаменитой речи «О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей» 1818 года (Констан, Федорова, 1993), но уже за двадцать лет до этого Констан выступает с критикой «прямой демократии» по Руссо, которая во времена Директории устойчиво ассоциировалась с якобинским террором и обвинительными речами Робеспьера и Сен-Жюста в адрес «врагов народа», узурпирующих общую волю¹⁶.

Схожая картина наблюдается и в области нравственности, где принцип «говорить правду» оказывается верным только в том случае, если он сочетается с подходящим опосредующим принципом («право на

¹⁵О возможных параллелях между Констаном и философией истории Гегеля см. работу Доменико Лосурдо, особенно пятую и шестую главы (Losurdo, 2004).

¹⁶О критике «прямой демократии» по Руссо см. Manin, 2007; Блинов, 2013.

правду есть только у того, кто не использует ее во вред другому»). Подобная трактовка принципов, на наш взгляд, делает изначально бессмысленной любую дискуссию Констан и Канта, так как, во-первых, сложно найти определение принципов, более далекое от кантовского: «...любые сочетания различных сущностей или же событий приводят к определенному результату: если результат всякий раз один и тот же, значит имели место те же самые сочетания. Именно этот результат называется принципом». А во-вторых, согласно Канту, именно политика должна быть «подогнана» (*angepasst werden*) под право (Kant, 1923: 429), тогда как по Констану никакое право невозможно без учреждений, которые являются продуктом «господствующих идей», т. е. сочетанием универсальных и опосредующих принципов.

Этому срединному пути, соответствующему программе «умеренных», остается найти политическое определение и Констан, как считают современные исследователи (Vincent, 2011: 76), первым во Франции произносит слово «либерализм». Хотя сам термин не фигурирует в «Политических реакциях», в текстах Констан он встречается начиная с 1795 года¹⁷, и мы склонны согласиться с теми, кто рассматривает этот ранний трактат как первый набросок будущих «либеральных симфоний» его зрелых лет¹⁸. Либерализм Констан, особенно в его ранней редакции, существенно отличался от того, что понимали под либерализмом в современной ему Британии: в литературе встречаются такие определения как «конституционный либерализм» (Jaume, 1998), «либеральный республиканизм» (Jainchill, 2008), «неореспубликанский либерализм» (Dijn, 2008). В недавней политической биографии Констан Стивен Винсент вполне в духе своего героя склоняется к более «пассионарной» терминологии, используя выражение Джудит Шкляр «либерализм страха» (Vincent, 2011: 15). Учитывая обстоятельства его появления на свет, которые столь убедительно описывает его ранняя работа, можно сказать, перефразируя Гоббса, что французский либерализм родился близнецом якобинского террора. Констан, подобно многим современникам, пытался ответить на вопрос о том, как «завершить» революцию, не возвраща-

¹⁷В статье, опубликованной во Французском Республиканце 24 июля 1795 г., термин употребляется в смысле «благоприятствующий свободе» (*liberté*) (Constant, 1998: 297).

¹⁸По определению Офманна, который относит их формулировку к первой версии «Принципов политики» 1806 года, тогда как ранее исследователи считали временем их формирования десятилетия (Hofmann, 1980: 127).

ясь к прошлому. Ведь именно реакция, как пронизательно замечает Констан, обычно делает ее перманентной.

ТЕКСТ РАБОТЫ

Для перевода использован текст работы, опубликованный в первом томе полного собрания сочинений (*Constant B. Œuvres complètes. T. 1. Écrits de Jeunesse (1774–1799) / sous la dir. de K. Kloocke, P. Delbouille. — Tübingen : M. Niemeyer, 1998.*). Первое издание : *Constant B. Des réactions politiques. — [S. L.] : [s. n.], v (1797).*

Настоящий перевод не включает пятой, шестой и седьмой глав работы, которые на наш взгляд, носят публицистический характер и не представляют существенного теоретического интереса. Мы также не всегда следовали оригинальному разделению на абзацы, так как в нем часто выделены отдельные фразы, что сильно затрудняет чтение.

Источники

- Кант И.* О мнимом праве лгать из человеколюбия / пер. с нем. Н. Вальденберг // Собрание сочинений. В 8 т. Т. 8 / под ред. А. В. Гулыги. — М. : Чоро, 1994. — С. 256–262.
- Кондорсе Ж.* Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума / пер. с фр. И. А. Шапиро. — М. : Либроком, 2011.
- Констан Б.* О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей / пер. с фр. М. Федоровой // Полис. — 1993. — № 2.
- Местр Ж. де.* Рассуждение о Франции / пер. с фр. Г. Абрамовой. — М. : РОССПЭН, 1997.
- Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений. В 17 т. Т. 11. Критика и публицистика / под ред. В. В. Гишпиуса. — М. : АН СССР, 1949.
- Сталь А. де.* О влиянии страстей на счастье людей и народов / пер. с фр. Е. П. Гречаной // Литературные манифесты западноевропейских романтиков / под ред. А. Дмитриевой. — Московский университет, 1980. — С. 363–374.
- Constant B.* Political Writings / trans. from the French by V. Fontana. — Cambridge : Cambridge University Press, 1988.
- Constant B.* Écrits politiques / sous la dir. de M. Gauchet. — Paris : Gallimard, 1997.
- Constant B.* Œuvres complètes. T. 1. Écrits de Jeunesse (1774–1799) / sous la dir. de K. Kloocke, P. Delbouille. — Tübingen : M. Niemeyer, 1998.
- Gauchet M.* Préface // Écrits politiques / B. Constant ; sous la dir. de M. Gauchet. — Paris : Gallimard, 1997. — P. 11–110.
- Kant I.* Gesammelte Schriften. In 29 Bde. Bd. 8. — Berlin : Königlich Preußische Akademie der Wissenschaften, 1923.

ЛИТЕРАТУРА

- Блинов Е.* Речь как первое установление общества : Руссо и революционная политика языка // Логос. — 2013. — Т. 96, № 6. — С. 67–96.
- Вольперт Л.* Пушкин в роли Пушкина. — М. : Языки русской культуры, 1998. Логос. — 2008. — Т. 68, № 5.
- Парсамов В. С.* Декабристы и французский либерализм. — М. : Полимед, 2001.
- Тынянов Ю. Н.* Пушкин и его современники. — М. : Наука, 1969.
- Фуко М.* Нужно защищать общество : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году / пер. с фр. Е. А. Самарской. — СПб. : Наука, 2005.
- Фуко М.* Рождение биополитики : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / пер. с фр. А. Дьякова. — СПб. : Наука, 2010.
- Фуко М.* Безопасность, территория, население : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном г. / пер. с фр. Н. В. Сулова, А. В. Шестакова, В. Ю. Быстрова. — СПб. : Наука, 2011.
- Benton R.* Political Expediency and Lying : Kant vs. Benjamin Constant // Journal of the History of Ideas. — 1982. — Vol. 43, no. 1. — P. 135–144.
- Boituzat F.* Un droit de mentir? Constant ou Kant. — Paris : P.U.F., 1993.
- Constant B.* Des réactions politiques. — [S.L.] : [s.n.], v (1797).
- Dijn A.* French Political Thought from Montesquieu to Tocqueville : Liberty in a Levelled Society. — Cambridge : Cambridge University Press, 2008.
- Fontana B.* Benjamin Constant and the Post-Revolutionary Mind. — New Heaven : Yale University Press, 1989.
- Hofmann E.* Les «Principes de politique» de Benjamin Constant. En 2 t. La genèse d'une œuvre et l'évolution de la pensée de leur auteur, 1789–1806 / sous la dir. d'E. Hoffman. — Genève : Droz, 1980.
- Jainchill A.* Reimagining Politics after the Terror : The Republican Origins of French Liberalism. — Ithaca : Cornell University Press, 2008.
- Jaume L.* L'Individu effacé : ou le paradoxe du libéralisme français. — Paris : Fayard, 1998.
- Losurdo D.* Hegel and the Freedom of Moderns. — Durham : Duke University Press, 2004.
- Manin B.* Rousseau // Dictionnaire critique de la Révolution Française: Idées / sous la dir. de M. Ozouf, F. Furet. — Paris : Flammarion, 2007. — P. 458–482.
- Rosanvallon P.* Le Moment Guizot. — Paris : Gallimard, 1985.
- Rosanvallon P.* Le Modèle politique français : la société civile contre le jacobinisme de 1789 à nos jours. — Paris, 2004.
- Todorov T.* Benjamin Constant : la passion démocratique. — Paris : Hachette littératures, 1997.
- Vincent S. K.* Benjamin Constant and the Birth of French Liberalism. — London : Palgrave Macmillan, 2011.

Blinov, E. N. 2019. "Respublikanskiy liberalizm Benzhamena Konstana mezhdru reaktsiyey i terrorom [Benjamin Constant's Republican Liberalism Between Reaction and Terror]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* III (2), 191–204.

EVGENY BLINOV

DOCTOR OF LETTERS IN PHILISOPHY; RESEARCH FELLOW AT THE INSTITUTE OF PHILOSOPHY, RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES, MOSCOW

BENJAMIN CONSTANT'S REPUBLICAN LIBERALISM BETWEEN REACTION AND TERROR

Abstract: The article focuses on the general analysis of the evolution of Benjamin Constant's political views and contains an overview of its reception in the last decades. This reexamination resulted in the reevaluation of the impact of his political philosophy on European thought. For European and especially for Russian readers Constant had remained a "forgotten classic", whose historical importance was recognized, although its influence on the political tradition of liberalism had been underestimated. On the example of his important early work "On political reactions" (1797) translated into Russian for the first time, the article analyzes the genesis of the French political liberalism as a possible "third way" between Jacobin terror and the ideology of restoration of the Old Regime. It also scrutinizes Constant's attempt to understand the relation between the political institutions and the "dominant ideas" in a given society in order to establish the firm status of the "public opinion" that is supposed to become the leading force in the democratic societies.

Keywords: French Revolution, Political Institutions, Benjamin Constant, Political Reaction, French Liberalism, Jacobin Terror, Restoration.

DOI: 10.17323/2587-8719-2019-3-2-191-204.

REFERENCES

- Benton, R. 1982. "Political Expediency and Lying: Kant vs. Benjamin Constant." *Journal of the History of Ideas* 43 (1): 135–144.
- Blinov, Ye. [Blinov, E.] 2013. "Rech' kak pervoye ustanovleniye obshchestva [Speech as the First Institution of Society]: Russo i revolyutsionnaya politika yazyka [Rousseau and Revolutionary Politics of Language]" [in Russian]. *Logos* 96 (6): 67–96.
- Boituzat, F. 1993. *Un droit de mentir? Constant ou Kant* [in French]. Paris: P.U.F.
- Constant, B. 1988. *Political Writings*. Trans. from the French by B. Fontana. Cambridge: Cambridge University Press.
- . 1997. *Écrits politiques* [in French]. Ed. by M. Gauchet. Paris: Gallimard.
- . 1998. *Écrits de Jeunesse (1774–1799)* [in French]. Vol. 1 of *Œuvres complètes*, ed. by K. Kloocke and P. Delbouille. Tübingen: M. Niemeyer.
- Dijn, A. 2008. *French Political Thought from Montesquieu to Tocqueville: Liberty in a Levelled Society*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Fontana, B. 1989. *Benjamin Constant and the Post-Revolutionary Mind*. New Heaven: Yale University Press.
- Fuko, M. 2010. *Rozhdeniye biopolitiki [La Naissance de la biopolitique]: kurs lektsiy, pro-chitannykh v Kollezh de Frans v 1978–1979 uchebnom godu [cours au College de*

- France (1978–1979)*] [in Russian]. Trans. from the French by A. D'yakov. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- Fuko, M. [Foucault, M.] 2005. *Nuzhno zashchishchat' obshchestvo [Il faut défendre la société]: kurs lektsiy, pročitannykh v Kollezh de Frans v 1975–1976 uchebnom godu [Cours au Collège de France, 1975–1976]* [in Russian]. Trans. from the French by Ye. A. Samarskaya. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- . 2011. *Bezopasnost', territoriya, naseleniye [Sécurité, territoire et population]: kurs lektsiy, pročitannykh v Kollezh de Frans v 1977–1978 uchebnom g. [(1977–1978)]* [in Russian]. Trans. from the French by N. V. Suslov, A. V. Shestakov, and V. Yu. Bystrov. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- Gauchet, M. 1997. "Préface" [in French]. In Constant 1997, 11–110.
- Hofmann, E. *La genèse d'une œuvre et l'évolution de la pensée de leur auteur, 1789–1806* [in French]. In *Les "Principes de politique" de Benjamin Constant*, ed. by E. Hoffman. 2 vols. Genève: Droz.
- Jainchill, A. 2008. *Reimagining Politics after the Terror: The Republican Origins of French Liberalism*. Ithaca: Cornell University Press.
- Jaume, L. 1998. *L'Individu effacé: ou le paradoxe du libéralisme français* [in French]. Paris: Fayard.
- Kant, I. 1923. [in German]. Vol. 8 of *Gesammelte Schriften*. 29 vols. Berlin: Königlich Preussische Akademie der Wissenschaften.
- Kant, I. 1994. "O mnimom prave l'gat' iz chelovekolyubiya [Über ein vermeintes Recht aus Menschenliebe zu lügen]" [in Russian]. In vol. 8 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, ed. by A. V. Gulyga, trans. from the German by N. Val'denberg, 256–262. 8 vols. Moskva [Moscow]: Choro.
- Kondorse, Zh. 2011. *Eskiz istoricheskoy kartiny progressa chelovecheskogo razuma [Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain]* [in Russian]. Trans. from the French by I. A. Shapiro. Moskva [Moscow]: Librokom.
- Konstan, B. 1993. "O svobode u drevnikh v yeye sravnenii so svobodoy u sovremennykh lyudey [The Liberty of Ancients Compared with that of Moderns]" [in Russian], trans. from the French by M. Fedorova. *Polis*, no. 2.
- Logos [Logos]*. 2008 [in Russian]. 68 (5).
- Losurdo, D. 2004. *Hegel and the Freedom of Moderns*. Durham: Duke University Press.
- Manin, B. 2007. "Rousseau" [in French]. In *Dictionnaire critique de la Révolution Française: Idées*, ed. by M. Ozouf and F. Furet, 458–482. Paris: Flammarion.
- Mestr, Zh. de. 1997. *Rassuzhdeniye o Frantsii* [in Russian]. Trans. from the French by G. Abramova. Moskva [Moscow]: ROSSP-EN.
- Parsamov, V. C. 2001. *Dekabristy i frantsuzskiy liberalizm [Decembrists and French Liberalism]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Polimed.
- Pushkin, A. S. 1949. *Kritika i publitsistika [Criticism and Publicism]* [in Russian]. Vol. 11 of *Polnoye sobraniye sochineniy [Complete Works]*, ed. by V. V. Gippius. 17 vols. Moskva [Moscow]: AN SSSR.
- Rosanvallon, P. 1985. *Le Moment Guizot* [in French]. Paris: Gallimard.
- . 2004. *Le Modèle politique français: la société civile contre le jacobinisme de 1789 à nos jours* [in French]. Paris.
- Stal', A. de. 1980. "O vliyaniy strastey na schast'ye lyudey i narodov [De l'influence des passions sur le bonheur des individus et des nations]" [in Russian]. In *Literaturnyye manifesty zapadnoyevropeyskikh romantikov [Literary Manifests of Western-European Romantics]*, ed. by A. Dmitriyeva, trans. from the French by Ye. P. Grechanaya, 363–374. Moskovskiy universitet.

- Todorov, T. 1997. *Benjamin Constant: la passion démocratique* [in French]. Paris: Hachette littératures.
- Туньянов, Ю. Н. 1969. *Pushkin i yego sovremenniki* [*Pushkin and His Contemporaries*] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Vincent, S. K. 2011. *Benjamin Constant and the Birth of French Liberalism*. London: Palgrave Macmillan.
- Vol'pert, L. 1998. *Pushkin v roli Pushkina* [*Pushkin Acts Pushkin*] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Yazyki russkoy kul'tury.

БЕНЖАМЕН КОНСТАН

О ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАКЦИЯХ*

DOI : 10.17323/2587-8719-2019-3-2-205-231.

Я взял себе за правило никогда не отвечать критикам; те, что попадались мне до сих пор, лишь облегчали задачу ему следовать. Однако среди адресованных мне упреков был один, относительно которого стоит внести ясность не в качестве ответа на обвинения, а ради фактов. Было сказано, что иностранец не может высказывать свое мнение о Французской революции. Я не пытаюсь здесь выяснить, можно ли требовать от друзей свободы, связанных с Францией, чего-то вроде пассивного нейтралитета в деле, в котором в конечном счете решается их судьба. Я ограничусь тем, что затрагивает меня лично. Я ни в коем случае не являюсь иностранцем, происходя из Франции, семья, к которой я принадлежу, вынуждена была ее покинуть по религиозным причинам, я вернулся на Родину, как только смог. Я вернул свое состояние. Позитивный закон побудил меня сделать это, вернув мне все мои политические и гражданские права. Этот закон в окончательном виде утвердил решения предыдущих ассамблей, определенным образом подтверждая натурализацию, объявленную ими. По этой причине я пользовался в первых ассамблеях моих коммун всеми правами гражданина, и вряд ли возможно по рождению ли, по исповедуемым принципам, по своим качествам или интересам, наконец, в соответствии со своими позитивными и законными правами быть большим Французом, чем я.

Эриво, 10 жерминаля V года Республики
[30 марта 1797 года]

ГЛАВА I. О РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ РЕАКЦИЙ

Чтобы созданные тем или иным народом учреждения (institutions) были устойчивыми, они должны быть на уровне его идей. Поэтому никогда не было никаких революций в прямом смысле слова. Возможны

*© Философия. Журнал Высшей школы экономики. Перевод: © Е. Н. Блинов. Оригинал: *Constant B. Œuvres complètes*. Т. 1. *Écrits de Jeunesse (1774–1799)* / sous la dir. de K. Kloocke, P. Delbouille. — Tübingen : M. Niemeyer, 1998. — P. 447–606.

потрясения, отдельные беспорядки, свержение власти одних людей другими, вытеснение одних партий другими партиями; но до тех пор, пока идеи находятся на одном уровне с учреждениями, они продолжают существовать.

Как только соответствие между учреждениями и идеями нарушено, революции неизбежны. Они направлены на то, чтобы восстановить это соответствие. Не обязательно цель революционеров состоит именно в этом, но такова неизменно общая направленность всех революций.

Если революция достигает этой цели с первого раза и на этом останавливается, не заходя дальше, она не вызывает никакой реакции, поскольку это всего лишь переходный период, и момент ее наступления становится тем моментом, когда она приходит в состояние покоя. Поэтому за революциями в Швейцарии, Голландии и Америке не последовало никаких реакций.

Но как только революция выходит за эти рамки, то есть основывает учреждения, которые идут дальше господствующих идей, или уничтожает те, которые им соответствуют, она неизбежно вызывает различные реакции, потому что они не находятся на одном уровне, а учреждения поддерживаются исключительно за счет крайнего напряжения сил, поэтому момент, когда спадает напряжение, становится моментом освобождения.

Революция в Англии, направленная против папизма, вышла за эти рамки, упразднив королевскую власть, поэтому имела место жестокая реакция, и спустя двадцать восемь лет потребовалась новая революция, чтобы помешать восстановлению папизма. Революция во Франции, направленная против привилегий, точно так же вышла за эти рамки, выступив против собственности и вызвав страшную реакцию¹. Я надеюсь, нам не потребуется новой революции, однако необходимы самые тщательные меры предосторожности и исключительная бдительность, чтобы воспрепятствовать возрождению привилегий.

Как только революция, выходящая таким образом за рамки, останавливается, ее прежде всего возвращают в эти самые рамки. Но обычно этим водворением не довольствуются. Ее оборачивают вспять тем сильнее, чем дальше положенного она продвинулась перед этим. Умеренность заканчивается, начинаются различные реакции. Есть два типа

¹ Речь идет о «заговоре равных» под предводительством Гракха Бабефа, участники которого были арестованы 26 мая 1796 г.

реакций: те, что направлены на людей, и те, чьим объектом являются идеи.

Я не называю реакцией ни справедливое наказание виновных, ни возвращение к здоровым идеям. Эти вещи имеют отношение, соответственно, к закону и разуму. Реакция же, напротив, отличается тем, что место закона занимает произвол, а место разума — страсти: вместо того, чтобы судить людей, их объявляют вне закона; вместо того, чтобы изучать идеи, их просто отбрасывают.

Реакции против людей продолжают революции до бесконечности, так как они без конца продлевают угнетение, которое является их причиной. Реакции против идей делают революции бесплодными, потому что напоминают об их злоупотреблениях. Первые обескураживают поколение, лелеющее эти идеи, вторые тяжким грузом довлеют над всеми поколениями. Первые наносят смертельный удар по отдельным личностям, вторые приводят в оцепенение весь род человеческий.

Чтобы положить конец череде этих бед, одни необходимо пресекать на корню, действие же других требуется ослабить, чтобы по возможности устранить их последствия, раз уж предвидеть их не было возможности. Реакции против людей как следствия предшествующих им действий (actions) являются причинами реакций в будущем. Партия, которая подвергалась угнетению, начинает угнетать сама; тот, кто считает себя ни в чем не повинной жертвой гнева, который он испытал на себе, пытается захватить власть, и, как только ему сопутствует успех, у него появляется не одна, а две причины, чтобы творить бесчинства: его естественная предрасположенность, которая заставила его совершить преступления в начале, и его затаенная злоба (ressentiment) по отношению к преступлениям, которые последовали за его собственными в качестве наказания за них.

Так накапливаются причины бед, исчезают все ограничения, партии становятся одинаково виновными, все выходит за рамки; наказанием за злодеяние становится другое злодеяние; то ощущение невинности, которое делает прошлое залогом будущего, не существует более, и все поколение, развращенное произволом, оказывается отброшено далеко от законов по самым разным причинам: из страха или мести, из гнева или раскаяния.

Месть на удивление слепа. Она прощает даже тех, чьими злодеяниями была порождена, лишь бы они направили ее против орудий их собственных преступлений. Подобные люди встают во главе реакций, которые были вызваны их собственными деяниями, что делает их еще

более отталкивающими. Людям чувствительным неведома свирепость. Сожаление смягчает гнев; в памяти о том, что мы любили, всегда есть что-то от меланхолии, которая постепенно охватывает прочие чувства.

Но люди жестокие и трусливые, жаждущие кровью искупить кровь, пролитую ими ранее, не знают в своих злоупотреблениях никакой меры. Их побудительным мотивом является не скорбь, а страх; в их варварстве проявляется не чрезмерная увлеченность, а расчет; они устраивают бойню не потому, что страдают, а потому, что трясутся от страха, а так как ужас их бесконечен, не будет конца и их преступлениям.

Если эта возбужденная толпа, которая во Франции содействовала реакции, могла бы на секунду остановиться и хорошенько рассмотреть своих вождей, то содрогнулась бы. Она бы увидела, что, протестуя против омерзительных методов [борьбы], она следует за теми, кто омерзителен вдвойне. Они возбуждают ее жажду крови, рядясь в мантию правосудия. В надежде, что все забудут об их соучастии, они подстрекают к убийству своих старых сообщников. С их помощью мстительность, охватившая нацию, становится незаконной и свирепой, они же бегут впереди, чтобы от нее уклониться. Такого рода примеры должны возбудить глубокое отвращение к любым реакциям подобного рода. Они карают отдельных преступников, но увековечивают власть преступления; они гарантируют безнаказанность самым развращенным из виновных, тем, кто всегда готов предаться любому разврату.

Реакции против идей менее кровавы, но не менее пагубны. Благодаря им проступки отдельных лиц остаются без последствий, а самые страшные бедствия — без возмещения ущерба. После того, как череда великих бед уничтожила многие предрассудки, реакции их восстанавливают, не исцеляя бед, они восстанавливают злоупотребления и несправедливость, не воздвигая ничего нового из-под руин; они возвращают человеку его цепи, но теперь эти цепи обогрены кровью.

Подобные реакции делают самые разрушительные революции еще и бесполезными: они рождаются из той склонности человеческого духа, которая заставляет его распространять свою скорбь на все, с чем соприкасался предмет его сожалений. Так в наших воспоминаниях о детстве или каком-то счастливом и безвозвратно ушедшем времени безразличные предметы смешиваются с тем, что нам было дороже всего: обольстительность прошлого связана с самыми ничтожными деталями. Поэтому человек, узревший в великом катаклизме гибель того, на чем зиждилось его личное счастье, верит, что восстановить его можно только отстроив заново все, что было увлечено этим падением; даже

неудобства и злоупотребления обретают для него ценность, ведь издалека ему видится, что они тесно связаны с теми благами, потерю которых он оплакивает.

Эта предрасположенность препятствует не только улучшению новой системы, но и совершенствованию предыдущей. Проверяют на прочность суеверное поклонение целому, составные части которого не отваживаются исследовать в страхе разрушить связь между ними. Забывая, что судить о том, чего больше нет, нужно так, словно его никогда не было. Если доходит до того, чтобы от него избавиться, то избавляться следует лишь от того, что является губительным, а если для того, чтобы восстановить что бы то ни было, то восстанавливать следует лишь приносящее пользу; когда же вновь возвращаются к предрассудкам, закабаление станет полным, а подчинение — безраздельным, как если бы их вообще никогда не искореняли.

Поэтому недостаточно завоевать свободу и способствовать победе Просвещения, заплатив за эти бесценные блага великие жертвы, недостаточно ценой великих усилий положить предел этим жертвам; необходимо воспрепятствовать тому, чтобы движение вспять, которое неизменно следует за ничем не сдержанным порывом, не вышло за свои необходимые рамки и не подготовило восстановление предрассудков, а единственным напоминанием о насущных переменах не стали развалины, слезы, кровь и бесчестие.

ГЛАВА II. ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ ПРАВИТЕЛЬСТВА, В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ РЕАКЦИЙ ПРОТИВ ЛЮДЕЙ

Обязанности правительства сильно отличаются в отношении двух различных типов реакции. Против реакций, направленных на людей, имеется только одно средство — правосудие. Оно должно удержаться от реакций, чтобы они не направляли его действия. Черета злодеяний может тянуться бесконечно, если не предпринять неотложных мер для их пресечения.

Но, исполняя эти обязанности, правительство должно остерегаться опаснейшего подводного камня: презрения к установленному законом порядку и клича, который бросают угнетенные против своих угнетателей. Оно всегда должно следовать этому порядку, в то время как оно воздаст за них отмщение. Слабое правительство поступает равным образом наоборот: оно боится наказывать строго и страдает от того, что кто-то устраивает бойню. Из-за этой удручающей робости, желая

погибели злодеев, оно боится, как бы эта строгость не обернулась против него самого. В ослеплении, которое является спутником страха, нарочитая беспомощность кажется ему залогом спасения. Оно говорит тем, кто вызывает к справедливому возмездию: «Мы не можем карать злодеяния, которые презираем». Что значит: мстите за себя сами. Оно говорит тем, кто восстает против жестокости и беззакония: «Мы не можем защитить вас от гнева, который приводит нас в трепет». Что значит: защищайте себя сами. Что значит развязывать гражданскую войну, подталкивать невинных к преступлению, преступников — к сопротивлению, всех граждан — к убийствам; провозгласить власть насилия и взвалить на себя ответственность за все правонарушения, которые будут совершены. Горе правительству, которое, удерживая нейтралитет по отношению к старым и новым посягательствам, использует свою власть только для того, чтобы пребывать в этой постыдной беспристрастности, тогда как оно должно было бы реагировать, мечтая лишь о том, как поддержать свое существование!

Но оно обманывается даже в этой малодушной надежде. Напрасно пытается оно сыграть свою партию, даруя безнаказанность тем, кому отказывает в правосудии. Эти люди направят свою злобу на тех, кто принуждает их совершать преступления во имя того, что ранее принадлежало им по закону. Заставляя страдать от бесправия и терпя произвол, не добиться благодарности даже от тех, кто извлекает выгоды из этой слабости.

Так правительство обращает все негодование на себя: как виновного, которого оно обрекает на незаконные кары, так и невинного, которого оно делает преступником. Оно теряет достоинство, связанное со строгостью, не избегая связанной с ней ненависти. Как только место правосудия занимает движение народа, во главе его встают самые неумеренные, самые свирепые и бессовестные. Люди кровожадные пользуются всеобщим возмущением, которое поднимается против их кровожадных противников, а после того, как они, презрев закон, свершили свои действия против отдельных личностей, они обращают свое оружие против самих законов.

Невозмутимое, но сильное правительство должно все делать своими силами, не взывая о помощи к иноземной силе, не приближая к себе ни ту сторону, которую она защищает, ни ту, которую она карает, и строго наказывать как того, кто хочет избежать законного наказания и мстить в обход закона, так и того, кто этого заслужил.

Но для этого оно должно отвернуться от столь упоительной лести. Невозмутимость не вызывает энтузиазма. Его действия не будут приветствовать, как если бы оно вообще не исполняло свои обязанности. Разнужданная страсть не будет осыпать его знаками горячей благодарности. Ведь все кричали «слава Конвенту!», когда он, подавшись в ту сторону, куда увлекала его реакция, позволил, чтобы на смену причиненных им самим бедствиям пришли другие, которые он вполне мог бы предвидеть. Никто не закричит «слава Директории!», если она, карая за прошлые преступления, избежит впадения в противоположную крайность.

Правительство впало в заблуждение, причина которому революция, что у него должна быть собственная партия. Различные фракции стремятся его поддерживать. Каждая стремится стать центром и подает знаки правительству, чтобы оно оказало ей благосклонность. Это притязание заставляет их выдвигать самые нелепые доводы. Они прекрасно понимали, что большинство, принадлежностью к которому они бахвалились, всегда останется ветренным и непостоянным, поэтому предусмотрительно отличали это сиюминутное большинство от большинства более устойчивого. Чтобы удовлетворить его требования, правительство должно постоянно быть на чеку, чтобы его обнаружить, и быть в постоянном движении, чтобы угнаться за этим ускользающим большинством. «Правительство должно остановиться, — говорили они, — не раньше, чем достигнет сосредоточения своих подлинных интересов: если оно его еще не достигло, то должно к нему стремиться и только там оно придет в равновесие, так как только в этой точке сходятся все лучи окружности»².

Нет ничего «лучше» этой фигуративной метафизики, сочетающей неопределенность абстракции и расплывчатость метафоры, чтобы спутать все идеи и заменить точные понятия смутными образами. Кто теперь усомнится в том, что, в соответствии с этими принципами, сосредоточение интересов правительства есть настолько осязаемая и очевидная цель его пути? И разве, едва она будет достигнута, не поднимется единодушный гул одобрения и не наступит всеобщее согласие? И кто не в состоянии понять, что именно на исходе в революции, когда были задеты интересы всех и каждого, причем старые интересы по-прежнему сохраняются, а новые представлены во всей силе своей молодости, все непременно захотят, чтобы правительство сосредоточилось именно на

² Данный пассаж является парафразом определения Адриана Лезэ де Марнезия (Lezay de Marnésia, IV (1795): 52).

его интересах. Оно же, разрываясь между все новыми взаимоисключающими интересами, никогда не добьется ни стабильности, ни силы, ни достоинства, ни доверия.

Оставаясь равноудаленным, оно должно поколебать и заставить пасть перед ним ниц все частные и классовые интересы, которые вследствие этой удаленности борются за его благосклонность, придя к наиболее приемлемому для каждого соглашению, и содействовать этим, иногда вопреки им самим, восстановлению спокойствия и заключению нового общественного договора. Если мы хотим собрать под единый штандарт рассеянную армию, разве будем мы расхаживать с ним там и сям, тыкать им в каждого дезертира и, едва вбив его в землю возле одного отряда, тотчас вырывать, чтобы он развеялся где попало? Разве мы скорее не разместим его на какой-нибудь возвышенности, к которой все тотчас устремят свои взгляды и направят свои шаги, чтобы толпа, увидев наконец твердую опору, так сказать, непроизвольно объединялась вокруг нее?

Необходимо, чтобы все пристрастное, личное и преходящее было связано и подчинилось тому, что является абстрактным, невозмутимым и незыблемым. Правительство должно гнать от себя всякое воспоминание о революции, подталкивающее его искать поддержку в чем-то, помимо закона. Похвалой ему должна служить неизменная конституция, в которой прописаны его обязанности, а не те судорожные рукоплескания, что зависят от изменчивых мнений.

ГЛАВА III. ОБ ОБЯЗАННОСТИ ПРАВИТЕЛЬСТВА В РЕАКЦИЯХ ПРОТИВ ИДЕЙ

Если в том, что касается реакций, направленных на людей, правительству требуется прежде всего строгость, то в реакциях против идей ему в первую очередь требуется сдержанность. В первом случае оно должно действовать, во втором — работать на сохранение. В отношении первых оно обязано выполнить все то, к чему его обязывает закон, в отношении вторых оно не должно делать ничего сверх того, что закон требует в обязательном порядке.

Реакции против идей направлены против учреждений или против мнений. Тогда как учреждениям не требуется ничего, кроме времени, то мнениям — ничего, кроме свободы. В отношениях одних частных лиц с другими правительство должно играть роль репрессивной силы, в отношениях частных лиц и учреждений — роль силы сохраняющей, а между частными лицами и мнениями — вообще никакой роли.

Если вы уже создали учреждение, не сердитесь, если оно подвергается критике. Не пытайтесь помешать тому, кто выступает против него, не требуйте никакого иного подчинения, кроме как в установленном порядке и по закону; поддерживайте это учреждение при помощи закона, установленного порядка и дайте ему достаточное время, тогда оно укрепится.

Если у вас есть определенное мнение, — я не имею в виду, что вы определяете мнения других — упаси вас Бог это делать, — но вы свергаете власть мнения, ставшего догмой, не бойтесь, что о нем станут жалеть, не запрещайте другим выражать свои сожаления, не оказывайте ему честь, прославив нетерпимым, сделайте вид, что вам до него нет никакого дела. Противопоставьте его серьезности свое легкомыслие, оставьте труд спорить с ним тому, кто этого пожелает, а когда речь идет о спорщиках, то будьте уверены, что нелюбовь к власти больше не будет играть им на руку. Не пытайтесь усмирять то, что не является конкретным действием, и в скором времени это мнение, изученное, оцененное, осужденное постигнет судьба тех мнений, которым преследование не придает благородный вид, и таким образом оно навсегда утратит свое привилегированное положение догмы.

Справедливость требует от правительства поступать именно так. Этого тем паче требует осторожность. Реакции против людей имеют всего одну цель — возмездие, и всего одно средство — нарушение закона. Поэтому от правительства не требуется ничего, кроме как предотвращать вполне определенные правонарушения. Но реакции против идей бесконечно разнообразны, а их средства еще изощреннее. Если правительство хочет быть активным, то вместо того, чтобы просто сохранять текущий порядок вещей, оно обрекает себя на работу без усталости; оно должно действовать с учетом определенных нюансов, но оно потеряет свое достоинство, если будет метаться между столькими не поддающимися учету предметами. Его постоянные усилия будут казаться ребячеством: без уверенности в своем методе, его действия будут произволом. Оно становится несправедливым, потому что оно не уверено в себе, оно заблуждается, потому что несправедливо.

ГЛАВА IV. ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ ПИСАТЕЛЕЙ В ТОМ, ЧТО КАСАЕТСЯ РЕАКЦИЙ ПРОТИВ ИДЕЙ

Именно те, кто влияет на мнения людей посредством просвещения, должны воспротивиться реакциям, направленным на идеи. Они относятся исключительно к области мысли, в которую никогда не должен

вторгаться закон. Прекрасен договор между властью и разумом, когда просвещенные люди могут сказать тем, кто наделен легитимной властью: вы гарантируете нам безопасность от всякого беззакония, а мы оградим вас от пагубных предрассудков. Вы предоставите нам защиту закона, а мы защитим ваши учреждения силой мнения.

Но в том, что касается исполнения этого договора, обе стороны обязаны быть в равной степени внимательны и верны его духу. Правительство не должно рассматривать любую жалобу как свидетельство недоверия. Необходимо также, чтобы те, кто претендует на просвещение остальных, не имели затаенных мыслей, которые побуждали бы к этому недоверию, хотя взгляды, которые они высказывают на публике, к этому не располагают. Если, превратившись в строгих ревнителей милых сердцу предрассудков, они своим молчанием освящают культ, посвященный этим таинственным божествам и жгут ладан в честь божества нации, то таким образом они только умаляют достоинство своего сана, лишают разум его престижа тем применением, которое они ему находят, и теряют всякое право быть выслушанными правителями (*gouvernants*), делая подозрительным священный язык, призванный защищать тех, кем они правят (*gouvernés*), от угнетения.

ГЛАВА VIII. О ПРИНЦИПАХ

Словом «принципы» злоупотребляли столь долго, что того, кто призывает их уважать и подчиняться им, обычно принимают за оторванного от жизни мечтателя или пустого резонера. У всякой политической фракции есть ненавистные ей принципы: одни видят в них источник прошлых бед, другие полагают, что они лишь умножают наши затруднения в настоящем. Те, кто не в состоянии вернуть прошлое, враждебны принципам потому, что видят в них причину его гибели; те же, кто не знает, что теперь делать, порицают их за бессилие. Да и людская масса в силу своей коллективной природы никак не заинтересована в частных исключениях и настаивает на том, чтобы общие принципы один за другим рассматривались через призму деклараций, с которыми выступают различные партии, поэтому она решительно настраивается против порицаемых ими принципов, даже если эти принципы являются ее единственной защитой против любых партий.

Реабилитация принципов могла бы стать предприятием одновременно крайне полезным и приемлемым для всех: таким образом удалось бы выйти из-под влияния того несчастного стечения обстоятельств, которое

постоянно доставляет нам столько различных неприятностей. Это избавило бы от необходимости обращаться к отдельным личностям: вместо того, чтобы изобличать их опрометчивые шаги или пороки, можно было бы заниматься исключительно идеями. К тому преимуществу, которое дает нам возможность глубже обосновать свое мнение, мы могли бы добавить не менее ценное — не переходить на личности.

Но этот труд потребовал бы более подробного изложения, чем позволяют рамки настоящего сочинения, которое я стремился опубликовать как можно скорее в надежде, быть может тщетной, принести им какую-то пользу. На следующих страницах, если только никто из более одаренных сочинителей не превзойдет меня этим, я постараюсь изложить то, что представляется мне базовыми принципами свободы. В настоящий момент я могу только обозначить фундаментальные идеи системы, которая состоит из длинной цепочки рассуждений, поэтому я обязан положиться на читателя и пропустить некоторые промежуточные этапы, если его действительно интересует данный вопрос.

Принцип является наиболее общим результатом отдельных фактов. Всякий раз, как совокупность этих фактов претерпевает определенное изменение, выведенный из них принцип также будет изменен, и сама эта модификация становится принципом.

Все в этом мире имеет свои принципы, то есть любые сочетания различных сущностей или же событий приводят к определенном результате: если результат всякий раз один и тот же, значит имели место те же самые сочетания. Именно этот результат называется принципом. Этот результат является общим только по отношению к тем сочетаниям, из которых он проистекает. Поэтому он является общим лишь в относительном, а не в абсолютном смысле. Это крайне важное различие, упуская его из виду, столь часто составляли ошибочное мнение о том, что представляет из себя принцип.

Существуют универсальные принципы, поскольку имеются исходные данные, присутствующие во всех комбинациях. Но из этого не следует, что к этим фундаментальным принципам не требуется присоединять те, которые вытекают из каждого отдельного сочетания.

Когда мы утверждаем, что общие принципы приложимы к определенным обстоятельствам, то делаем это только потому, что нам не удалось открыть опосредующий принцип, который является предметом нашего рассмотрения. Это означает упустить одно из звеньев цепи, что не ставит под вопрос существование самой цепочки. Вторичные принципы столь

же неизменны, что и первичны. Любое нарушение продолжительной цепочки требует всего лишь восстановления одного из ее звеньев.

Мы часто отчаиваемся в тех или иных принципах, что объясняется тем, что мы их совершенно не знаем. Едва мы утверждаем, что то или иное обстоятельство изменяет действие определенных принципов, то не встречаем понимания. Всякое обстоятельство относится к присущему ему принципу, так как принцип по своей сути не является общим или применимым к любому случаю, и именно эта составная сущность определяет его полезность.

Поэтому принципы — не просто бесплодные теории, годные лишь для того, чтобы их обсуждали по своим темным углам философские школы. Это выдержавшие испытание временем истины, которые постепенно связываются одна с другой вплоть до приложения их к самым конкретным обстоятельствам и самым незначительным деталям жизни общества при условии, что мы умеем следить за их ходом.

Как только мы забрасываем в самую гущу некоторого объединения людей изначальный принцип, отделенный от всяких опосредующих принципов, которые позволяют связать его с нами, или же делают подходящим для нашей ситуации, мы, вне всякого сомнения, вносим большой беспорядок. Так как принцип, оторванный от всего, что его обрамляет, лишенный всяческих опор, в окружении того, что ему противоречит, разрушается и теряет свою силу; но это не беда изначального принципа, к которому мы обращаемся, а неизвестных нам опосредующих принципов, поэтому не принципиальная невозможность первого, а именно непонимание того, как действуют вторые, повергает все в хаос.

Сравним эти идеи с фактами и с политическими учреждениями, и мы поймем, почему принципы до сих пор подвергались хуле со стороны шарлатанов, а людьми простыми и серьезными рассматривались как нечто абстрактное и бесполезное. Мы также увидим, почему предрассудкам была оказана честь, в которой было отказано принципам.

Разумеется, если принципы являются всего лишь результатом отдельных фактов, то в политической ассоциации они естественным образом являются результатом частных интересов, или, если говорить коротко, общий интерес должен быть одинаково дорог всем и каждому. Однако с учреждениями, которые были созданы для защиты интересов немногих против общего интереса, не могло не произойти того, о чем мы упоминали выше. Мы не можем вводить принципы иначе, как отдельно друг от друга, полагаясь на волю случая в том, что касается их осуществления, предоставляя им определить, послужат ли они во благо

или во вред. Из этого должно следовать, что если в их основании заложена разрушительная идея, то они будут неизменно ассоциироваться с разрушением.

Предрассудки, напротив, имеют то огромное преимущество, что, лежа в основе учреждений, они приспособлены к жизни в силу постоянного употребления, они связывают воедино различные стороны нашей жизни и становятся чем-то невероятно близким, они проникают во все наши дела, и человеческая природа, которая берет на себя заботу обо всем, что только ни есть, выстроила из них нечто вроде фундамента или общественного строя относительно несовершенного, но по крайней мере отводящего им определенную нишу. Всякий, кто таким образом переходит от частных интересов к наиболее общим предрассудкам, привязывается к ним, как и к тем, кто выступает в качестве их хранителей (*conservateurs*).

Принципы идут иным путем, поэтому им уготована совсем иная участь. Общие принципы появились первыми, вне прямой связи с нашими интересами, в качестве противоположности тем предрассудкам, которые эти интересы защищали. Поэтому они выступают в двойном качестве иностранцев и врагов. В них видели нечто общее и весьма разрушительное, а в предрассудках — нечто конкретное и сохраняющее. Как только у нас появятся учреждения, основанные на принципах, сама идея разрушения станет ассоциироваться с предрассудками, потому что именно предрассудки перейдут в наступление.

Например, учение о наследственности — предрассудок абстрактный, столь же абстрактный, что и учение о равенстве. Но наследственность самим фактом своего существования должна была некоторым образом это существование устраивать, поэтому она была привязана к целому ряду учреждений, привычек, интересов, которые простирались до самого личного, что есть в каждом человеке. Равенство, напротив, по причине того, что его не признавали, не было ни к чему привязано, наступало во всех направлениях и простиралась до отдельных личностей только для того, чтобы потрясти основы их бытия. После этих потрясений нет ничего проще, чем возненавидеть принцип и воспылать любовью к предрассудку.

Попробуйте изменить подобное положение дел: представьте, что учение о равенстве будет признано, устроено и станет первым звеном в цепочке социального, примешиваясь таким образом ко всем интересам, расчетам, принципам регулирования личной и общественной жизни. Представьте, что учение о наследственности само по себе и в качестве

общей теории вступит в противоречие с системой, и тогда предрассудок станет разрушительным, а принцип — сохраняющим.

Да будет мне позволено привести еще один пример. Это универсальный принцип, одинаково верный во все времена и во всех обстоятельствах, согласно которому никто не может быть ограничен законами, в составлении которых он не принимал участия. В не самом многочисленном обществе этот принцип может применяться непосредственно и не требует для своего утверждения принципа опосредующего. Но в другом сочетании или в обществе многочисленном к нему следует присоединить иной принцип, то есть принцип опосредующий, о котором идет речь. Этот опосредующий принцип заключается в возможности для отдельных лиц участвовать в составлении законов или непосредственно, или же через своих представителей. Тот, кто хотел бы применить к обществу, состоящему из множества людей, первый принцип без всякого опосредования, определенно вызовет потрясения, которые однако будут служить доказательством невежества и глупости законодателя, и равным счетом ничего не докажет относительно самого принципа. Государство ожидают потрясения не потому, что мы признаем за каждым гражданином право участвовать в составлении законов, а потому, что мы упустим из виду тот факт, что для участия в составлении законов каждый должен быть соответствующим образом представлен.

Нравственность — наука куда более обстоятельная, чем политика, так как потребность в нравственности мы ощущаем изо дня в день, и человеческий разум занимался ей к своей вящей выгоде, не будучи направлен частными интересами ее выразителей или тех, кто злоупотребляет властью. Поэтому принципы нравственности известны лучше, а ее абстрактные принципы не дискредитированы, вся цепочка надежно устроена, и ни один изначальный принцип не воспринимается как враждебный и разрушительный, что часто происходит с людьми и идеями, когда они находятся в изоляции.

Поэтому, вне всякого сомнения, абстрактные принципы нравственности, если отделить их от опосредующих принципов, приведут к такому же смятению в общественных социальных отношениях, что и отделенные от своих опосредующих принципов абстрактные политические принципы в отношениях гражданских.

Например, нравственный принцип, провозглашающий, что говорить правду является долгом, если рассматривать его абстрактно и изолированно, сделает невозможным само общество. Доказательством этому служат те непосредственные выводы, которые сделал из этого один

немецкий философ³, дошедший до утверждения, что перед лицом убийц, спрашивающих, не в вашем ли доме укрылся преследуемый ими ваш друг, ложь была бы преступлением. Только благодаря опосредующим принципам подобного рода изначальный принцип можно принять без всяких нежелательных последствий.

Но, возразят мне, как можно отыскать эти недостающие опосредующие принципы? Как вообще можно догадаться об их существовании? Как неизвестное подает знаки о том, что существует? Всякий раз, когда принцип, который кажется нам верным, выглядит неприменимым, мы просто игнорируем существование опосредующего принципа, в котором можно найти способ его применения. Чтобы найти подобный опосредующий принцип, для начала необходимо определить принцип более общий. Определив его, рассмотрев с разных сторон и окинув взглядом в целом, мы отыщем то звено, которое связывает его с другими принципом. Если его не существует, то необходимо открыть другой принцип, к которому он таким образом нас привел, который приведет нас к третьему, поэтому, вне всякого сомнения, мы таким образом отыщем способ его применения, разматывая всю цепочку.

В качестве примера я использую упомянутый мной нравственный принцип, согласно которому говорить правду является обязанностью. Если изолировать его от других, то этот принцип неприменим. Он разрушит общество. Но если вы полностью от него откажетесь, то общество в любом случае будет разрушено, так как будут подорваны основы всякой нравственности. Поэтому следует найти способ его применения, а для этого, как мы уже говорили, необходимо дать определение самому принципу.

Говорить правду является долгом. Что такое долг? Идея долга неотделима от идеи прав: долг — это то, что во всяком человеке соответствует правам другого. Там, где нет прав, нет никакого долга. Поэтому правда является долгом только по отношению к тем, кто имеет на нее право. Никто не имеет право на ту правду, что навредит другому. Таким образом, мне кажется, этот принцип оказывается применимым. Определяя его, мы нашли связь, которая объединяет его с другим принципом, и это объединение позволило найти выход из нашего затруднения.

Заметьте, сколь велика разница между подобными рассуждениями и полным отказом от самого принципа. В выбранном нами примере

³ Речь идет о Канте, работа которого «О мнимом праве лгать из человеколюбия» (1797) станет наиболее известным ответом на «Политические реакции».

человек, растерянный ввиду нежелательных последствий принципа, в соответствии с которым говорить правду является долгом, вместо того, чтобы дать ему определение и способ применить его, ограничится заявлением о том, что принципы не созданы для реальной жизни, и сведет все к произволу. Он нанесет всей системе нравственности урон, который будет ощутим во всех ее областях. Напротив, определив принцип и обнаружив его отношение с другими, отыскав в самом этом отношении способ его применить, мы нашли конкретную модификацию принципа правды, который позволяет полностью исключить всякий произвол и неопределенность.

Возможно, это совсем новая идея, но мне она кажется бесконечно важной: во всяком принципе или в его отношении к другим принципам содержится способ его применения. Никогда не стоит отказываться от принципа, признанного верным, каким бы опасным он ни казался. Он должен быть описан, определен, использован в сочетании с родственными ему принципами таким образом, чтобы найти средство предотвратить его нежелательные последствия и применять его надлежащим образом.

Учение, доказывающее обратное, абсурдно по своей сути и разрушительно на практике. Оно абсурдно, потому что доказывает слишком много, по причине чего опровергает само себя. Утверждение о том, что абстрактные принципы — всего лишь пустые и неприменимые на практике теории, равносильно признанию в том, что данное учение является абстрактным принципом. Так как подобное мнение является не частным фактом, а общим результатом. Это означает использовать абстрактный принцип против абстрактных принципов, и лишь этим доказать его бесполезность. Это означает также подражать сумасбродству греческих софистов, которые сомневались во всем, не отваживаясь даже настаивать на своем сомнении.

Помимо своей абсурдности, это учение еще и разрушительно, так как скатывается к полнейшему произволу. Потому что если отсутствуют принципы, то нет больше ничего неизменного, остаются только обстоятельства, и каждый рассуждает, исходя из них. Так мы будем переходить от одних обстоятельств к другим, не имея основания оспаривать что-либо. Когда все оказывается зыбким, не может быть никаких оснований. Справедливое, несправедливое, законное, незаконное перестанут существовать, потому что принципы лежат в основании всех вещей и исчезают вместе с ними. Останутся лишь страсти, подталкивающие к произволу, дух сопротивления, который попытается от него

спасти, как от направленного на него оружия, и сам в свою очередь станет угнетателем; одним словом, произвол, этот тиран, одинаково опасный для тех, кому он служит и для тех, на кого он обрушивается, будет править единолично.

Рассмотрим теперь более подробно последствия произвола, а поскольку мы доказали, что верно определенные и последовательные принципы смогут, поддерживая друг друга, преодолеть все сложности, то мы продемонстрируем, если это возможно, что произвол, сущность которого нельзя определить, а последствия — предвидеть, на самом деле не устраняет ни одного из тех неудобств, с которыми он якобы борется, и срубает одну из голов гидры только для того, чтобы прорастали новые.

ГЛАВА IX. О ПРОИЗВОЛЕ

Прежде чем опровергнуть сторонников произвола, я должен доказать, что у него есть сторонники. Ибо его природа такова, что даже те, кого соблазняют доставляемые им удобства, страшатся самого слова, едва его произносят; причем подобная непоследовательность чаще объясняется недоразумением, а не злым умыслом. Произвол, который может произвести самый позитивный эффект, тем не менее является чем-то исключительно негативным: это отсутствие правил, границ, определений, одним словом, всего более-менее точного. Поскольку эти правила, ограничения, определения — вещи не особо удобные и утомительные, вполне естественно желание сбросить их ярмо и скатиться к произволу, не испытывая никаких сомнений.

Если я не дам определения произволу, то едва ли смогу доказать, что он имеет губительные последствия. Все с этим согласятся, но все также будут оспаривать способ его применения. Всякий скажет: произвол, вне всякого сомнения, таит в себе великую опасность, но какое отношение это имеет к нам, ведь мы не желаем произвола?

Сторонниками произвола являются те, кто отбросил принципы, так как все, что определяется либо в отношении фактов, либо в отношении идей, должно привести к некоторым принципам. Тогда как произвол является тем, что возникает в отсутствии всякого определения, то есть все, что не соответствует принципам, является произволом.

Сторонниками произвола являются те, кто уверен в существовании непреодолимой границы между теорией и практикой, так как все, что можно уточнить, является предметом теории, а все, что не может им являться — есть произвол. Сторонниками произвола являются и те,

кто вместе с Берком утверждают, что аксиомы, верные с метафизической точки зрения, могут быть политически ложными⁴, предпочитая им пустые рассуждения, предрассудки, воспоминания, слабости, все эти смутные, зыбкие и не подлежащие определению предметы, таким образом погружаясь в стихию произвола.

Сторонники произвола весьма многочисленны, хотя само это слово вызывает всеобщее презрение, но поскольку произвол по своей природе неясен, мы погружаемся в него, сами того не ведая, и пребываем в нем, полагая, что находимся на значительном отдалении, подобно тому, как путешественник, скрытый пеленой тумана, думает, что туман расстилается перед ним.

Произвол как научный факт приведет к уничтожению всякой науки, так как наука является не чем иным, как сочетанием точных и установленных фактов, поэтому не будет науки там, где больше не будет ничего точного и установленного. Но поскольку у наук нет никаких точек пересечения с личными интересами, то никому не приходила в голову мысль навязывать им произвол. Никакой индивидуальный расчет или частная точка зрения не оспаривает законы геометрии.

Произвол как фактор нравственности приведет к уничтожению всякой нравственности, поскольку она является сочетанием правил, на которые индивиды должны взаимно рассчитывать в общественных отношениях. Не будет нравственности там, где больше нет правил. Но поскольку нравственность постоянно пересекается с интересами каждого, то все противятся этим правилам и, сами того не замечая, способствуют вторжению произвола в область нравственности.

Отсутствие личных интересов производит то же воздействие на науку, что их постоянное присутствие — на нравственность. Произвол для политических учреждений означает разрушение любых учреждений. Поскольку политические учреждения являются сочетанием правил, на которые индивиды должны иметь право рассчитывать в их гражданских отношениях, то нет политических учреждений там, где этих правил не существует.

Но с политикой дело обстоит совсем иначе, чем с науками или нравственностью. У политики множество точек пересечения с личными

⁴Цитата *in extenso* звучит следующим образом: «The pretended rights of these theorists are all extremes; and in proportion as they are metaphysically true, they are morally and politically false» (Burke, 2014: 63).

интересами, но эти точки не являются ни равноценными, ни постоянными, ни данными непосредственно, поэтому у нее нет защиты ни в виде полного отсутствия интересов, как в случае наук, ни в виде их постоянного присутствия, как в случае нравственности.

Поэтому именно в политике произвол обрел свое пристанище, я сейчас не говорю о религии, которая не является ни наукой, ни общественным отношением, ни учреждением и совершенно выходит за пределы нашего рассмотрения. Произвол несовместим с существованием правительства, если говорить об его учреждении; опасен для существования правительства, если говорить о его действиях; он не дает никаких гарантий правительству, если говорить о безопасности входящих в него индивидов. Я последовательно докажу эти три утверждения.

Политические учреждения являются всего лишь договорами. Суть договоров состоит в том, чтобы устанавливая четкие рамки, тогда как произвол как противоположность того, что составляет смысл контракта, подрывает основу всякого политического учреждения. Я знаю, что даже те, кто, отвергая принципы как нечто несовместимое с человеческими учреждениями, предоставляют произволу существенные возможности, хотели бы его смягчить и ограничить; однако эта надежда абсурдна, ведь для того, чтобы ограничить или смягчить произвол, следовало бы задать его четкие рамки, а в этом случае он перестанет быть произволом.

Он по природе своей должен быть или повсюду, или нигде, повсюду не фактически, а по праву, и мы вскоре увидим, как важно это отличие. Он разрушителен для всего, к чему прикасается, поскольку уничтожает всякие гарантии, тогда как ничто не может существовать без гарантий, потому что существует фактически, а факт — всегда дело случая, но всякая сущность в рамках учреждения существует исключительно по праву.

Из этого следует, что всякое учреждение, которое хочет утвердиться без всякой гарантии, то есть за счет произвола, направлено на самоуничтожение, и если какая-то из частей общественного порядка скатывается к произволу, то все остальные гарантии исчезают. Поэтому произвол несовместим с правительством, если рассматривать его с точки зрения учреждения. Он опасен для правительства с точки зрения его действий, хотя он ускоряет его шаг и отчасти придает ему значительный вид, при этом всегда лишает его действия последовательности и постоянства.

Прибегая к произволу, дают те же права, что забирают. По этой причине теряют значительно больше, чем приобретают: они теряют все. Говоря какому-то народу: «Ваших законов недостаточно для того,

чтобы управлять вами», — мы даем этому народу право возразить: «Если наших законов недостаточно, то мы хотим другие», — а с этими словами правительство утрачивает всякий законный авторитет. Ему остается лишь сила, то есть оно больше не является правительством. Потому что не стоит слишком полагаться на человеческую глупость, говоря им: «Вы наложили на себя то или иное ограничение, чтобы получить определенную защиту. Мы забираем у вас эту защиту, но оставляем ограничение. С одной стороны, вы вынуждены будете терпеть все пути, наложенные общественным состоянием, а с другой — вы будете оставлены на волю случая [...] в диком состоянии».

Таков негласный язык правительства, которое прибегает к произволу. Обязательства народа и правительства всегда взаимны. Если правительство поступает с народом законным образом, то также ведет себя народ по отношению к правительству; но если оно поступает по произволу, то народ по отношению к нему будет вести себя точно также.

Наконец, произвол не спасает правительство, если говорить о безопасности людей, которые его составляют, поскольку произвол не предоставляет никакого убежища индивидам. На те действия, которые вы предпримете против своих врагов в соответствии с законом, они не смогут вам ответить иначе, чем законным образом, потому что ясный и упорядоченный закон не сможет достать вас, если вы невиновны. Но если вы поступаете с врагами по произволу, то они поступят с вами также, ведь произвол не знает рамок и ограничений: виновны вы или нет, он вас достанет.

Во время заговора Бабефа многие выказывали раздражение из-за строгого следования процедуре и ее медлительности. Если бы заговорщики победили, то разве стали бы они строго следовать всем этим процедурам, чтобы нас осудить? Но именно потому, что они не стали бы этого делать, вы должны строго следовать им. Ведь именно это вас отличает и дает вам право карать их, выставляя их как анархистов, а вас самих — как сторонников закона.

Когда тираны, недавно правившие Францией, хотели восстановить свою отвратительную империю первого прериала третьего года⁵ и были наголову разбиты, утратив свою силу, то для их осуждения были созданы военные Комиссии и возражения отдельных добросовестных людей не были выслушаны. От этих Комиссий произошли на свет военные Советы тринадцатого вандемьера четвертого года, а также

⁵Речь идет о восстании якобинцев 20 мая 1795 года (1 прериала, III года Республики).

военные Комиссии, созданные в фрюктидоре того же года, а последние породили военные Трибуналы вантоза пятого года.

Я не обсуждаю здесь законность или компетентность этих Трибуналов. Я всего лишь хочу доказать, что они санкционируют сами себя, и так продолжается до бесконечности. Мне бы хотелось, чтобы все наконец поняли, что при непредсказуемом развитии событий ни одно даже самое привилегированное частное лицо или партия, наделенная достаточно твердой властью, чтобы считать себя надежно защищенной от своего собственного учения, не может не опасаться, что рано или поздно оно обратится против него.

Если мы могли бы трезво проанализировать те страшные времена, конец которым столь поздно положило Девятое термидора⁶, то увидели бы, что террор был ничем иным, как доведенным до крайности произволом. Поскольку природа произвола такова, что мы никогда не можем быть уверены, что он не будет доведен до крайности. Не приходится сомневаться, что это непременно произойдет, едва кто-то восстанет против него. Поскольку когда то, что не имеет никаких рамок, защищается при помощи ничем не стесняемых средств, не подлежит ограничению. Произвол, защищая самое себя, должен преодолеть любое препятствие, устранить любую преграду, словом, произвести нечто подобное тому, чем был террор.

Та полная бедствий пора, что известна под этим именем, предоставляет убедительнейшее доказательство наших рассуждений. Мы видим, как произвол делал бессильным правительство в том, что касается его учреждения, поскольку, несмотря на все его усилия и все софизмы жаждущих крови писак, ничего, что напоминало бы учреждение, так и не было создано этим чудовищным революционным правительством, которое предавалась всем бесчинствам и злодеяниям, не давая ни малейшей защиты, никакого постоянного закона, словом, ничего, что было бы ясным, определенным, то есть ничего того, что могло бы дать гарантию.

Мы видим, как произвол оборачивается против правительства в том, что касается его действий. Революционное правительство гибнет из-за произвола, так как правило с его помощью. Не будучи основано ни на каком законе, оно не имело никакой защиты. Беспорядочная и ничем не

⁶9 термидора (27 июля 1794 г.) произошел арест Робеспьера и его сторонников, положивший конец диктатуре якобинцев.

ограниченная власть чудной и взбалмошной ассамблеи⁷ была единственным принципом ее действий, и как только она переходила к реакции, ничто не могло ей противостоять; а поскольку власть революционного правительства обернулась чередой незаконных и свирепых изуверств, его падение было результатом благородной и священной ярости.

Мы увидели, наконец, что правительственный произвол не дает достаточных гарантий личной безопасности тем, кто правит. Чудовища, которые казнили без суда или судили, руководствуясь произволом, погибли без суда или будут осуждены по произволу: они ставили вне закона, так же вне закона поставят их самих.

Произвол пагубен не только тогда, когда служит преступлению. Он еще опаснее, когда с преступлением борется. Это орудие беззакония — сомнительный метод восстановления.

Причина этого проста. Когда нечто создается по произволу, мы понимаем, что он может уничтожить свое творение, и что всякое создаваемое им преимущество будет обманчивым, сводя на нет то, что лежит в основе любого преимущества, а именно его продолжительность. Все, что было сделано подобным образом, неизменно ассоциируется с шаткостью и беззаконием. Неизбежно возникает ощущение немого протеста как против хорошего, так и против плохого: и то, и другое кажется подорванным в своем основании. Людей привязывает к тому, что они делают, надежда на продолжение их деяний. Но никогда те, кто совершает благое дело по произволу, не могут лелеять подобной надежды. Потому что совершаемый сегодня произвол открывает путь произволу завтрашнего дня, который вполне может быть противоположен ему по смыслу.

Это приводит к новому нежелательному последствию: от неопределенности хотят избавиться за счет насилия. В чем заходят так далеко, что вернуться обратно уже не представляется возможным. Желая убедить самих себя в действенности этого шага, все делают нарочито, чтобы придать этому какую-то стабильность. Считая, что сделано недостаточно для того, чтобы удалить с плодов их деяний это несмываемое родимое пятно. В сегодняшних перегибах пытаются увидеть гарантию его долговечности, но, не имея возможности поместить свою постройку на достаточно глубокий фундамент, перелопачивают почву, вырывая пропасти.

⁷Намек на Национальную Ассамблею, сам термин предложен Сийесом, к которому во время Директории были близки Констан и Жермена де Сталь.

Так во время революций свершаются, следуя друг за другом, преступления: в реакциях, в злоупотреблениях, которым нет конца, пока не будет покончено с произволом. Нелегко дожидаться этого часа. Нет ничего привычнее смены одного произвола другим, нет ничего реже перехода от произвола к закону. Добродетельные мужи льстят себе этой надеждой, но это заблуждение может быть опасно. Они думают, что узаконить плоды произвола всегда уместно. Они предлагают прибегнуть к этому средству только для того, чтобы обойти все препятствия, и, разрушая посредством произвола, предлагают перейти к восстановлению посредством закона.

Но, прибегая таким образом к произволу, они возводят это в привычку и предоставляют эту возможность своим подчиненным: тем, кто принимают его и получают от него выгоду, а так как нет ничего более удобного и обнадеживающего, привычка переживает то время, когда она была уместна, и вступление закона в действие постоянно откладывается.

Я уже изложил эту систему в произведении, в котором, как говорят, была изрядная доля макиавеллизма⁸. Однако я полагаю, что нет ничего более противного макиавеллизму, чем необходимость позитивных принципов, ясных и четких законов, одним словом, учреждений настолько устойчивых, что они не оставляют никакой лазейки для тирании и ни малейшего повода для вторжения. Суть макиавеллизма в том, чтобы предпочитать произвол всему прочему. Произвол куда лучше подходит для злоупотребления властью, чем любое сложившееся учреждение, каким бы несовершенным он ни было. Точно так же друзья свободы должны предпочитать несовершенные законы тому, что потворствует произволу, потому что при несовершенных законах возможно сохранить свободу, произвол же делает ее неосуществимой. Поэтому произвол — великий враг всякой свободы, низкий развратитель любого учреждения, источник ее гибели, который нельзя ни изменить, ни ослабить: его непременно требуется уничтожить.

Если невозможно было бы представить себе учреждение, свободное от произвола, а представив его, без произвола невозможно было бы представить его работу, то тогда следовало бы вообще отказаться от всяких учреждений, отбросить всякую мысль, оставить все на волю случая, и, полагаясь на свои силы, надеяться на тиранию или безропотно ей покориться.

⁸ Речь идет о сочинении Константа «О силе настоящего правительства и необходимости ему подчиниться» (1796).

Но, поддавшись этому праведному гневу против произвола, стоит воздерживаться от того, чтобы принимать за произвол то, что им не является. Я вижу, как люди из самых благих намерений совершают эту ошибку, заключая из этого необходимость произвола. Они принимают за произвол всякую свободу действий, которой обладает правительство, даже тогда, когда она вполне обоснована, впадая тем самым в одну из крайностей. Или же они отрицают любую свободу действий, и тогда машина останавливается, так как между винтиками механизма не остается никакого зазора; или же бросаются в другую крайность, предоставляя ему неограниченную свободу, и тогда машина разваливается на части за отсутствием того, что удерживает их вместе.

Франция получила три конституции⁹, и мне не кажется, что сложилась какая-то ясная идея о том, чем должна быть конституция, а также о том уважении, с которым к ней бы следовало относиться. Именно поэтому отсутствует понимание тех огромных возможностей для утверждения свободы, которые предоставляют свободные учреждения, а не зная тех неисчислимых средств, которые дает закон, стремятся найти им замену в самом эфемерном и опасном из всех средств — в произволе.

Конституция гарантирует свободу того или иного народа, поэтому все, что поддерживает свободу, является конституционным, а все, что направленно против нее — нет. Распространять конституцию на все означает подвергнуть ее опасности и окружить подводными камнями. Есть великие основы, на которые не могут посягать власти ни одной страны. Но совместными усилиями власти могут делать то, что им не противоречит.

Для нас, например, этими основами являются национальное представительство в двух палатах, вопрос единства и вопрос наследственности, независимость судов, неотчуждаемое право собственности, которые гарантирует конституция, гарантия от необоснованного заключения под стражу, возможность не быть лишенным своих естественных судей, не подпадать под обратное действие законов и еще ряд весьма немногочисленных принципов.

Вот что единственно является конституционным: исполнительные меры должны определяться законодательно. Во всем, что касается деталей, административных законов, конституционным является только то, что все эти меры осуществляются в соответствии с правовыми нормами, предусмотренными конституцией. Когда говорят «конституция»,

⁹ Речь идет о Конституциях 1791, 1792 и 1793 годов.

то справедливо добавляют «конституция целиком», но когда говорят только о ней, то выходит нелепость. Конституция и конституция целиком, а также все, что необходимо для ее осуществления, — только это имеет смысл.

Руководствуясь этими принципами, правительство, под которым я имею в виду собрание лиц, наделенных исполнительной и законодательной властью, совершенно не нуждается в произволе. Без них оно постоянно вынуждено к нему обращаться. Если вы вменяете ему другие обязанности, помимо соблюдения конституционных основ и составления следующих из них законов, перед которыми все равны в соответствии с предусмотренными правовыми нормами, то эти обязанности оно никак не выполнить не сможет.

Поэтому вам стоит ограничиться конституцией настолько краткой, что она сможет предусмотреть все возможные обстоятельства. Она должна их описывать, а не искусственно ограничивать, проводить их границы, а не сдавливать в тисках. Таким образом вы избежите произвола, к которому чуть что требуют прибегнуть честолюбцы, называя его единственным средством. Вы предвидите революции, которые являются произволом, обращенным на разрушение, и положите конец реакциям, которые являются произволом, направленным на восстановление.

То, что без произвола было бы реформой, в сочетании с ним становится революцией, то есть потрясением. То, что без произвола было бы исправлением, в сочетании с ним становится реакцией, то есть мстью и исступлением.

ГЛАВА X. ВЫВОДЫ

В этом сочинении я ставил перед собой три цели. Я хотел предостеречь от реакций, оградить от произвола и, наконец, привести все к принципам. Если я достиг хотя бы одной из них, то именно за счет благотворной последовательности истин, которая помогла мне выполнить эту тройную задачу.

Если реакции настолько пагубны и ужасны, избегайте произвола, потому что он непременно влечет их за собой; если произвол обрушивается подобно бедствию, избегайте реакций, потому что они укрепляют его власть; наконец, если вы хотите обезопасить себя как от реакций, так и от произвола, руководствуйтесь принципами, которые только и могут вас спасти.

Только система принципов может обеспечить длительную стабильность. Только она служит политическим активистам незаменимым

подспорьем. Повсюду вспыхивают демонстрации, у которых больше нет конкретного повода. Они отказываются от привычного порядка вещей, чтобы направить свою агрессию на все еще спорные вопросы. Рабство, феодализм больше не являются поводами для войны. Предрассудки в их религиозном виде вынуждены почти повсеместно перейти к обороне.

Если происхождение все еще разделяет нас, то только потому, что направленные против него принципы еще не облечены в очевидные для них формы. Через сто лет мы будем говорить о происхождении, как сегодня говорим о рабстве. Еще один вопрос перестанет быть предметом мятежных страстей. За счет того, что будет основано при помощи принципов, страсти улягутся; как только эти принципы восторжествуют, воцарится мир.

Поэтому вы видим, как бьются, отступая, страсти неистовые, кроваво-жадные, свирепые, часто одерживая победы над отдельными лицами, но всегда терпя поражения от разума. Они с трепетом отступают от всякой преграды, которую воздвигает перед ними последовательная и упорядоченная система, постепенное построение которой есть высшая воля природы, неизбежное следствие хода вещей, надежда и отрада всех друзей свободы¹⁰.

Эта система, чье развитие было ускорено революциями, изменят самый их ход подобно тому, как мир меняет войну, а победа меняет битву. Политические расчеты, по точности сравнимые с естественными науками, неоспоримые основы всеобщих учреждений, позитивная гарантия личных свобод, безопасность всякого имущества, ясный путь к достижению наших целей, полная независимость людей, беспрекословное подчинение законам, раскрытие всех талантов и личных качеств, отмена всех злоупотреблений власти, всех этих эфемерных преимуществ, которые не имеют своим источником ни общую волю, ни общий интерес и прививают наделенным ими вкус к злоупотреблениям; гармония в целом, ясность в деталях, понятная теория, дальновидная практика — таковы основные черты этой системы принципов.

Она заключается в сочетании счастья личного и общественного. Она открывает путь гению и защищает собственность бедняка. Она принадлежит вечности, поэтому временные потрясения против нее бессильны. Сопротивляясь ей, все еще можно вызвать серьезные потрясения. Но по мере того, как человеческий дух продвигается вперед, а печатное слово

¹⁰ Аллюзия на работу Кондорсе «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума», посмертно опубликованную в 1795 году.

фиксирует этот прогресс, больше не будет варварских вторжений, союзов угнетателей, возвращения к предрассудкам, которые могут обратить его вспять. Просвещение должно распространяться, род человеческий — подниматься и постигать равенство, тогда каждое из следующих поколений, когда смерть поглотит его, оставит после себя восхитительный след, обозначающий путь к свободе.

Источники

Lezay de Marnésia A. De la faiblesse d'un gouvernement qui commence, et de la nécessité où il est de se rallier à la majorité national. — Paris : Chez B. Mathey, IV (1795).

ЛИТЕРАТУРА

Burke E. Revolutionary Writings : Reflections on the Revolution in France and the First Letter on a Regicide Peace / ed. by I. Hampsher-Monk. — Cambridge : Cambridge University Press, 2014.

Constant, B. 2019. "O politicheskikh reaktsiyakh [On Political Reactions]" [in Russian], trans. from the French and annot. by E. N. Blinov. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* III (2), 205–231.

BENJAMIN CONSTANT

ON POLITICAL REACTIONS

Translation of: Constant, B. 1998. *Écrits de Jeunesse (1774–1799)* [in French]. Vol. 1 of *Œuvres complètes*, ed. by K. Kloocke and P. Delbouille. Tübingen: M. Niemeyer. P. 447–606.

DOI: 10.17323/2587-8719-2019-3-2-205-231.

REFERENCES

- Burke, E. 2014. *Revolutionary Writings: Reflections on the Revolution in France and the First Letter on a Regicide Peace*. Ed. by I. Hampsher-Monk. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lezay de Marnésia, A. IV (1795). *De la faiblesse d'un gouvernement qui commence, et de la nécessité où il est de se rallier à la majorité national* [in French]. Paris: Chez B. Mathey.

ФИЛОСОФСКАЯ КРИТИКА

РЕЦЕНЗИИ

BOOK REVIEWS

МАРИЯ МАРЕЙ*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

МИФ О САМОДЕРЖАВНОЙ ВЛАСТИ

Соловьев К. А. Политическая система Российской империи в 1881–1905 гг. : ПРОБЛЕМА ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА. — М. : Политическая энциклопедия, 2018.

DOI: 10.17323/2587-8719-2019-3-2-235-244.

Книга Кирилла Соловьева «Политическая система Российской империи в 1881–1905 гг.» имеет подзаголовок «проблема законотвoрчества», но на деле автор производит гораздо более серьезное исследование: он анализирует то, каким образом в указанный временной промежуток функционировали правительственные институты управления в целом. Это, безусловно, связано как со спецификой законотвoрческого процесса в Российской империи, так и с тем, как сам автор использует понятийный аппарат. Собственно, первая часть книги посвящена «разговору о понятиях», а именно пояснению того, что автор имеет в виду, когда в работе с данным историческим материалом пользуется понятиями «закон», «реформа» и «самодержавие».

Стоит добавить, что значимым здесь также является понятие «институт», которое в контексте данного исследования понимается как «правила игры», принятые в данном обществе, характерные для него:

Их не нужно декларировать в законодательстве; более того, они даже могут противоречить ему и в то же самое время значить существенно больше любой официально установленной правовой нормы. В особенности это свойственно авторитарным режимам, когда не всегда удается проследить процедуру принятия решений государственной важности (Соловьев, 2018: 12).

Следуя за сторонниками неоинституционального подхода, автор указывает, что неформальные практики оказываются не менее, а часто более важными, чем формальные механизмы взаимодействия (там же: 13).

*Марей Мария Дмитриевна, к. филос. н.; ответственный секретарь журнала «Философия. Журнал Высшей школы экономики», mdyurlova@hse.ru.

**© Марей, М. Д. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Для исследователя это зачастую означает выявление того, что было очевидно для современников, а потому могло не проговариваться (или не могло проговариваться в силу ряда причин!) напрямую, а, следовательно, не осталось и в делопроизводственных документах, в журналах и отчетах, в которых должен был фиксироваться процесс написания, обсуждения и принятия законов. Кроме того, «молчание» документов во многом является следствием ограниченности публичного пространства российской политики имперского времени (об этом пойдет речь дальше) и фактической невозможностью публичного обсуждения законодательных инициатив. Это означает, помимо прочего, и особый подбор источниковой базы (Соловьев, 2018: 16).

Говоря о специфике исследуемого материала, Соловьев отмечает следующее:

Различные высшие правительственные органы власти составляли одни и те же лица, которые, меняя зал заседания, отстаивали те же принципы и интересы. Распределение полномочий среди центральных учреждений ни в коей мере не напоминало разделение властей. Речь должна идти о *размежевании процедур, особых правилах игры на каждой из площадок* (выделено нами. — М. М.), предоставленных высшей бюрократии. Они всегда интересны, будучи взятыми в совокупности, проанализированными как нечто целое. Именно так на них смотрел любой чиновник изучаемой эпохи. Он пользовался всеми имевшимися в его распоряжении процедурами, надеясь на скорейшее достижение искомого результата (там же: 15–16).

Таким образом, Соловьев предлагает рассматривать изучаемый период (1881–1905 гг.) как «большой цикл», внутри которого политические институты были достаточно устойчивы и менялись достаточно медленно, чтобы внутри их сформировалась так называемая «политическая повседневность» рабочего процесса принятия решений, которая может быть проанализирована.

В самом начале первой главы Соловьев пишет, что, говоря о законотворчестве как о технологии принятия законов (или других нормативных актов, их заменяющих), необходимо помнить, что технология — это путь к достижению цели, и исследователю нужно хорошо представлять, в чем заключается эта цель: что такое закон, и кто может его издавать (там же: 19). И здесь мы как раз и должны обратиться к понятиям «закон», «реформа» и «самодержавие».

Анализируя существовавшее в образованном обществе России второй половины XIX века представление о самодержавии, самодержавной

власти, Соловьев отмечает следующие важные моменты: во-первых, «мифологический образ самодержавной власти жил своей жизнью, явно расходясь с политической и административной реальностью» (Соловьев, 2018: 36). В обществе это порождало сожаления о некоем утраченном идеале самодержавия, подмененного в настоящее время всевластием бюрократического аппарата, и поиски этого идеала, например, в российском прошлом. Соловьев довольно подробно развивает идею о том, что самодержавная власть в Российской империи, как и абсолютная монархия в Европе — это в гораздо большей степени политический миф, чем реальность, однако это важный миф, он способствует легитимации политической системы, в частности, обосновывает и оправдывает функционирование политических институтов.

И здесь возникает второй важный момент: образов самодержавия в России было несколько (уж точно больше одного). Свои представления об идеальном самодержавном правлении были у славянофильских мыслителей, у представителей высшей бюрократии и, разумеется, у императоров. В чем-то они совпадали, но во многом и расходились. Это расхождение, в частности, демонстрируют дебаты о возможности / необходимости введения в России законосовещательного органа, принятии конституции, о вероятности ограничения власти императора. В обществе не было единого, доминирующего, одобренного властью (официального, если его можно так назвать) «мифа о власти» (там же: 25), т. е. мнение самодержца о себе и своем месте в политической системе империи парадоксальным образом не было самым влиятельным.

В своих прошлых работах Соловьев достаточно подробно писал о значимости политических конструкций позднего славянофильства для образованного общества второй половины XIX века, поэтому в этой работе он не останавливается на ней подробно (там же: 27, 37–38), отмечая только, что самодержавная власть в представлениях поздних славянофилов базировалась в первую очередь на этико-религиозных ценностях (там же: 28), она должна была опираться не на бюрократию, а на земство (там же: 31–32), а для восстановления доверительных отношений между самодержцем и народом власти необходимо провести ряд реформ. Можно сказать, что славянофилы были безусловными сторонниками самодержавной власти, однако, как отмечает Соловьев, они «конструировали его идеальный образ, во многом противоположный политической практике» (там же: 44).

Это третий важный момент, который можно выделить в рассуждениях о самодержавии: даже безусловно лояльные власти славянофилы

в своих теоретических построениях и практических проектах выступали критиками фактического положения дел и говорили о том, что для возвращения к идеалу самодержавия необходимы реформы, в том числе политические. Таким образом, они относились к тому типу консерваторов, которые считали государственные преобразования необходимым шагом для сохранения и воплощения своих политических идеалов.

Парадоксальным образом самодержавие в Российской империи определялось не как абсолютная власть царя (Соловьев пишет, что даже Александр III понимал реальную ограниченность своей власти (Соловьев, 2018: 42), а как власть, имеющая серьезные внутренние нравственные и религиозные ограничения, которые в политической практике должны быть реализованы в виде законосовещательного органа (например, Земского Собора), к мнению которого самодержец должен прислушиваться. В реальности же власть монарха виделась как ограниченная бюрократическим аппаратом («бюрократическое средостение», как его называли славянофилы), что признавалось недопустимым. И все же у этой власти было право, которое за ней признавали все: право издавать законы и проводить реформы (по крайней мере, инициировать их).

Однако, если говорить о законах, нужно отметить, что, несмотря на декларируемое в Основных законах Российской империи их верховенство в государственной жизни страны, реальная политическая практика, как обычно, была сложнее. Основной сложностью Соловьев называет сложную различимость закона и указа, по поводу чего шли сложные юридические дебаты:

Эта дискуссия профессоров права носила отнюдь не академический характер. Во-первых, пытаясь определить критерии, отличавшие закон от указа, отечественные юристы решали немаловажный вопрос: какие нормы должны были войти в постоянно пополнявшийся Свод законов Российской империи. Неразрешенность этой проблемы приводила к тому, что российское право загромождалось бесконечными законодательными актами, посвященными, например, отдельным акционерным обществам; отсутствовала ясная иерархия законодательных актов, а, следовательно, и четко очерченная процедура их принятия. Во-вторых, правovedы в иносказательной форме ставили вопрос о юридических пределах самодержавной власти. Если действительно закон в обязательном порядке должен был быть обсужден в Государственном совете, значит, император и его министры при всем желании не могли обойти это высшее законосовещательное учреждение и должны были считаться с позицией его членов (там же: 47).

Таким образом, представления о верховенстве закона так же, как идеи теоретиков самодержавия, вступали в противоречие с мифом о ничем не ограниченной самодержавной власти. Разумеется, у царя и некоторых его сторонников было свое мнение на это счет, заключавшееся в том, что император вправе подписать любой указ, который будет иметь силу закона. Это сильно усложняло законотворческий процесс, так как с мнением императора нельзя было не считаться, несмотря на то, что многие высшие чиновники считали такое положение дел недопустимым (Соловьев, 2018: 48–49).

На практике же все было еще сложнее: Соловьев указывает, что до 1905 года в России не было деления на законодательные и административные учреждения (там же: 49), что одни и те же органы власти участвовали в принятии законов и в их исполнении, и это касалось всех центральных органов власти. Это создавало широкий простор для разного произвола и мешало формализации законотворческого процесса. Завершение кодификации и издание Свода законов одновременно и упорядочило процесс управления, и высветило недостатки, имевшиеся в системе законодательства.

Таким образом, необходимость реформ отмечалась почти всеми, однако в понимании того, какими они должны быть, какова их цель, и кто должен их осуществлять, в обществе также не было единства.

Кроме того, как отмечает Соловьев, нужно различать реформы и Реформу, которую жаждала значительная часть общества: «...учреждение конституционного строя (или, по крайней мере, радикальную трансформацию политического режима)» (там же: 59). Общество, пишет Соловьев, желало больших, системных и масштабных реформ, и все участники политического процесса, за редкими исключениями, считали, что и правительственная политика должна иметь целью широкую программу преобразований, и высшая бюрократия могла оправдать свое существование только участием в таких «настоящих» реформах. Для этого нужно было обладать стратегическим мышлением и иметь общий план реализации желаемых преобразований, включающий, в том числе, экспертную оценку конкретных проектов и рисков, с ними связанных. Далеко не все государственные деятели могли мыслить так масштабно и одновременно практично, учитывая при этом необходимость сохранения существующей мифологии самодержавной власти.

Сами же критерии «правильных» реформ были настолько расплывчатыми, что практически любую инициативу, исходившую от высшей бюрократии, можно было упрекнуть в несистемности, отвлеченности

или умозрительности (Соловьев, 2018: 66), эти недостатки при желании можно было найти в любом проекте, и иногда это признавалось даже его авторами.

Соловьев указывает, что вследствие всего этого в ситуации, когда все-таки необходимо было проводить реформы, нужно было проводить реформы «украдкой», в надежде, что «их не заметят, не оценят как действительно полномасштабные преобразования» (там же: 67). Необходимость в такой конспирации затрудняла и законотворческий процесс в Российской империи, и работу над его исследованием.

Вторая часть книги посвящена собственно политическим институтам. Их можно объединить в две большие группы: самодержавный монарх и бюрократический аппарат.

При этом монарх здесь рассматривается не только и не столько как человек, личность со своим характером, пристрастиями, личными и слабыми сторонами, которые нужно учитывать при анализе его деятельности, но и как властный институт, функционирование которого сопряжено с исполнением ежедневных четко прописанных обязанностей, в том числе в части законотворческой деятельности. По мнению автора, мы вполне можем познать меру участия императора как участника политического процесса в выработке политических решений (там же: 77).

Анализируя положение и деятельность царя, Соловьев отмечает, что, во-первых, многое зависело от личности правителя, его убеждений, симпатий — и эта часть была сложно формализуема, в том смысле, что не было (и не могло быть) четких, явно прописанных алгоритмов взаимодействия с ним для достижения нужного результата. Это было предметом неявного, устно передаваемого знания о желаемой продолжительности личного доклада, объеме докладных записок, необходимости личной аудиенции и т. д. Поскольку самодержец был неустранимой частью политической системы, в особенности ее законотворческой части, взаимодействовать с ним нужно было регулярно, и он постоянно подвергался попыткам разного рода давления, убеждения и иных форм воздействия, что не могло не влиять на управленческий процесс.

Во-вторых, пишет Соловьев, в своем ближайшем окружении царь (в первую очередь это относится к Александру III и Николаю II) не мог найти никого, кто мог бы выступать в качестве грамотного советника по вопросам государственного управления:

Императоры в таком окружении оказывались в политическом вакууме. В повседневности они сталкивались с людьми, с которыми обсуждали новости

придворной жизни, охоту, погоду и только в редких случаях политику, чаще всего международную. Даже представители царской семьи в силу воспитания, стиля мышления, наконец, личных качеств, часто занимая значимые должности, не могли оказывать системное влияние на принятие политических решений. Министры же в большинстве своем в ближайшее окружение государя не входили. Их каналы влияния на царя были весьма ограниченными, время встречи с государем — отмеренным. Кто же при таких обстоятельствах правил? В 1896 г. К. П. Победоносцев отвечал на этот вопрос так: «Русский Бог да вдовствующая императрица, которая вмешивается в такие дела, которые не понимает» (Соловьев, 2018: 87–88).

Последнее высказывание, при всей его афористичности, безусловно, не совсем верно, однако в нем ухвачено главное: при всем декларируемом самодержавии монарх физически не мог управлять страной без своих министров и прочих чиновников (и все это понимали, хотя и по-разному оценивали), которым, однако, далеко не всегда доверял, и которые часто претендовали на власть, выходящую далеко за пределы их полномочий в рамках занимаемой должности или ведения их министерства.

С другой стороны, Россию второй половины XIX–начала XX века совершенно справедливо называли бюрократической империей: «В сущности, именно бюрократия — правящая корпорация в стране, так или иначе защищавшая свои интересы, чьи взгляды, вкусы и предпочтения отражались на законодательных решениях» (там же: 114). Чиновники, особенно высшая и средняя столичная и московская бюрократия, были теми, кто обладал знаниями и опытом, необходимым для управления страной. Они знали практику управления, реалии делопроизводства и законотворчества, механизм работы министерских канцелярий. Они были частью образованного общества и не могли игнорировать семейные, родственные и дружеские связи, экономические интересы, — и это также сказывалось на их служебной деятельности.

Не углубляясь в пересказ функционирования высших законосовещательных и управленческих институтов Российской империи, нужно отметить несколько ключевых моментов, касающихся их взаимодействия в части законотворчества:

- ◊ Уже отмеченные ранее сложности в определении того, что есть закон, и почему им не может быть названа любая выраженная в указе императорская воля; а также в разграничении полномочий между теми, кто обсуждает и редактирует вносимые законопроекты, и теми, кто их воплощает.

- ◇ Существование более одного пути внесения законопроекта и прохождения его через бюрократические инстанции, при этом не все они были в полной мере законными. Эффективность этих путей во многом зависела от того, как будет действовать лицо, заинтересованное в принятии законопроекта, насколько ему знакомы правила игры, различные формальные и неформальные практики российской политической повседневности.
- ◇ Дублирование друг друга различными ведомствами. Это было связано и с существовавшими в законодательстве лакунами, и с отсутствием четких служебных инструкций, регламентирующих работу бюрократического аппарата, и с личными качествами руководителей ведомств и министров, зачастую стремящихся контролировать сферы деятельности, напрямую к ним не относящиеся. В Российской империи не было объединенного кабинета, способного координировать действия министров, — и потому каждый из них вел свою игру самостоятельно, в меру сил пытаясь добиться чего-либо для себя и своего ведомства (Соловьев, 2018: 181).
- ◇ Огромная роль Государственной канцелярии, превосходившая чисто технические, делопроизводственные задачи, которые она должна была решать. Фактически, в канцелярии занимались законотворчеством, с 1893 года занимаясь кодификационной деятельностью (там же: 168): «Свод законов надо было периодически переиздавать, а, следовательно, внимательнейшим образом просматривать все его 16 томов и каждый раз вносить все необходимые изменения. В сущности, чиновникам Государственной канцелярии приходилось делать ту работу, которая обычно приписывается законодательной власти — по своему усмотрению менять правовые акты, полагая ту или иную норму устаревшей. Государственный совет с этой задачей сам бы не справился. И что самое важное: император не должен был даже утверждать решения Государственной канцелярии. Ведь издание Свода законов было как будто исключительно техническим делом, в которое верховная власть не должна была вмешиваться» (там же: 170–171). Естественно, что такое положение дел требовало от сотрудников канцелярии высочайшей юридической квалификации, ведь они занимались вопросами огромной важности — что парадоксальным образом не соответствовало их не очень высокому служебному статусу.

Итак, политические институты империи функционировали таким образом, что законотворческих путей могло быть несколько, правительственные инициативы обсуждались на разных площадках, на которых действовали свои собственные правила, а функции законосовещательных учреждений не были четко разграничены:

В такой политической системе нет места правительству как центру принятия решений. В данном случае *правительство — это скорее особая социальная среда, которую преимущественно составляли представители высшей бюрократии* (выделено нами. — М. М.). Прежде всего ее консолидировали привычные стереотипы поведения сановников империи. В ней отсутствовало (или, вернее, должно было отсутствовать) собственно политическое целеполагание. Имевшие место бюрократические «игры» в большей степени напоминали неупорядоченное броуновское движение, когда у каждого из участников законотворческого процесса была цель, а у системы в целом — нет: она находилась в статическом положении (Соловьев, 2018: 243–244).

Но дело в том, что определение общего политического курса не было и, по условиям ситуации, не должно было быть предметом разработки и обсуждения высшей бюрократии. Она занималась исключительно управлением империей, а публичной политики в привычном нам смысле в России того времени просто не было:

Российский чиновник, каким бы высокопоставленным он ни был, политиком не являлся. Он не мог поставить вопрос (если только, конечно, не в частной беседе) о векторе развития страны. В сфере его интересов — исключительно родное ведомство и направления деятельности последнего. Выходить за пределы собственной компетенции — значит, вторгаться на «территорию» прочих министерств, которые отнюдь не собирались делиться полномочиями. Хуже того, вмешиваться в дела чужих ведомств — означало подменять собой императора. Вплоть до 1906 г. в Российской империи был один подлинный политик — царь. Лишь он мог определять направления развития страны (там же: 245–246).

И, несмотря на то, что фактическое положение дел было не совсем таким (а иногда совсем не таким), официально оно было именно таково и до 1906 года изменениям не подлежало. Объединенного правительства не существовало, функции его главы должен был исполнять император, который с этим не справлялся чисто физически за обилием других возложенных на него обязанностей. В итоге даже тот единственный политик, который был в России, не мог полноценно исполнять свои функции, при этом ревниво следя за тем, чтобы их не взял на себя кто-то еще. Стоит ли удивляться, что в таких условиях законотворчеством

могла заниматься Государственная канцелярия, а важные законопроекты заинтересованные лица старались провести как можно незаметнее, не привлекая к ним внимания?

Однако, несмотря на существовавшие сложности, и законотворческая деятельность, и в целом управление империей все-таки осуществлялись, хотя этому мешали и несогласованность внутри государственного аппарата, и борьба за ресурсы и влияние между министерствами, и неустойчивый баланс политических сил. Значит, несмотря на все свои недостатки, эта система обладала достаточным запасом устойчивости и, возможно, внутренним потенциалом к самообновлению — при наличии на то царской политической воли или хотя бы позволения. Однако, учитывая существовавший «миф о самодержавии», это было маловероятно: мифология власти предполагала концентрацию ее в руках царя и деполитизацию государственной жизни (Соловьев, 2018: 342). Изменить ситуацию можно было, только разрушив этот миф, т. е. признав, что императорская власть ограничена фактически, и это должно быть зафиксировано и в праве, и в официальной политической практике. Это в итоге и произошло — правда, не совсем запланированным образом.

Marey, M. D. [Marey, A. D.] 2019. "Politicheskaya sistema Rossiyskoy imperii [The Political System of the Russian Empire]: mif o samoderzhavnoy vlasti [the Myth of the Autocratic Power]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* III (2), 235–244.

MARIA MAREY

PHD IN PHILOSOPHY; EXECUTIVE SECRETARY OF
"PHILOSOPHY. JOURNAL OF THE HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS"

THE POLITICAL SYSTEM OF THE RUSSIAN EMPIRE THE MYTH OF THE AUTOCRATIC POWER

SOLOV'YEV, K. A. 2018. *POLITICHESKAYA SISTEMA ROSSIYSKOY IMPERII V 1881–1905 GG [THE POLITICAL SYSTEM OF THE RUSSIAN EMPIRE IN 1881–1905]: PROBLEMA ZAKONOTVORCHESTVA [THE PROBLEM OF LAWMAKING]* [IN RUSSIAN]. MOSKVA [MOSCOW]:
POLITICHESKAYA ENTSIKLOPEDIYA

DOI: 10.17323/2587-8719-2019-3-2-235-244.

АНДРЕЙ ТЕСЛЯ*

«ОПАСНЫЕ ВЕЩИ» А. С. СУВОРИНА**

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ О. МАКАРОВОЙ

МАКАРОВА О. «ЖЕНСКИЙ ВОПРОС» В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ А. С. СУВОРИНА. — М. : НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОВОЗРЕНИЕ, 2019.

DOI: 10.17323/2587-8719-2019-3-2-245-252.

Как ни странно, по сей день не существует полноценной научной биографии Алексея Сергеевича Суворина (1834–1912). Странность эта тем более велика, что трудно найти сюжет в истории русской общественной мысли или истории русской литературы, по крайней мере с середины 1870-х годов вплоть до начала 1910-х, который так или иначе не касался бы личности Суворина, его газетных, журнальных или книжных предприятий или, с 1890-х гг. — истории созданного им театра.

Следует, правда, отметить, что последние два десятилетия существенно улучшили ситуацию по сравнению с предшествующими годами. За это время появилась ценная по многим сообщаемым данным работа Е. А. Динерштейна (Динерштейн, 1998); издана монография С. М. Саньковой, посвященная историографическому аспекту изучения А. С. Суворина и М. О. Меньшикова (Санькова, 2011); опубликован в гораздо более полном и точном виде, чем был издан в 1920-х, дневник Суворина (Суворин, 2000); собраны в двух объемистых томах «Маленькие письма» Суворина, наиболее известный и обсуждаемый его публицистический цикл (Суворин, 2005а, б). Совсем недавно, к примеру, были опубликованы письма З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковского к А. С. Суворину,

*Тесля Андрей Александрович, к. филос. н., старший научный сотрудник, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (Калининград), mestr81@gmail.com, AnATeslya@kantiana.ru.

**© Тесля, А. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики. Работа была выполнена в рамках гранта РНФ (№ 18–18–00442) «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта и поддержана из средств субсидии, выделенной на реализацию Программы повышения конкурентоспособности БФУ им. И. Канта в рамках Проекта 5–100.

существенно уточняющие и расширяющие наши представления о литературных и личных отношениях между ними (Эпистолярное наследие З. Н. Гиппиус, 2018: 17–107); в 2006 г. вышли, в пару к письмам А. С. Суворина к В. В. Розанову, опубликованным последним еще в 1913 г., ответные письма Розанова к своему многолетнему работодателю (Розанов, 2006). Перечень публикаций нетрудно многократно расширить¹, но в исследовательском плане Суворин преимущественно оказывается «фоновым» персонажем.

Интерес книги Ольги Макаровой — множественный. Прежде всего, это повествование о Суворине — не его полная биография, но один из биографических «срезов», исследование, которое станет непрямым элементом последующих работ, посвященных жизни и творчеству Суворина. И вместе с тем именно постольку, поскольку Суворин, в том числе и по собственному признанию — не писатель, не драматург как таковой, а в первую очередь журналист, то есть тот, кто умеет отзывать на реалии, фиксировать и отражать существующие идеи, а не формулировать свои собственные, его суждения, его осмысление своей собственной жизни и то, как он пытается универсализировать этот опыт (или, напротив, свой собственный поместить в универсальную рамку) показательны для русской интеллектуальной жизни 1860–1910-х гг.

Макарова вслед за современниками (см., напр., Амфитеатров, 2004) отмечает, что Суворин был типичным «шестидесятником», «нигилистом» — черта, которая зачастую забывается в свете позднейшей интерпретации «шестидесятников», непосредственно увязывающей их с историей русского революционного движения², но которая в действительности связана с тем или иным конкретным политическим выбором весьма опосредованно, относясь намного более к моделям поведения и самоопределения.

Выбор в качестве центрального для рассмотрения «женского вопроса» в случае Суворина более чем закономерен и обоснован — достаточно открыть его дневник, чтобы осознать, сколь много места и времени он отводит размышлениям, наблюдениям, заметкам о том, что в его время обозначалось этим выражением. Его личная жизнь давала к этому более чем достаточные основания, помимо общего интереса эпохи — ведь именно на период публицистической и литературной деятельности

¹См., в первую очередь, библиографию, приведенную в исследовании С. М. Саньковой (Санькова, 2011).

²См., напр., Шестидесятники, 1984.

Суворина приходится кризис и наступающий слом сформированных ранее гендерных моделей и формирование новых, носящих к тому же ярко выраженный рефлексивный характер.

Первая жена Суворина, Анна Ивановна Баранова, сыграла в жизни Суворина решающую роль — именно она, по его воспоминаниям, настояла, чтобы он принял предложение и перебрался в Воронеж из уезда, и в дальнейшем подталкивала его к переезду в Москву, а затем и в Петербург. Она выступала в качестве «равноправного партнера», организуя издательские проекты, выстраивая социальные связи и т. д.

В этом смысле жизнь Суворина имеет по меньшей мере два плана. С одной стороны — внешний, официальный, где он предстает очень успешным фельетонистом, редактором, основателем популярнейшей общероссийской газеты и большого издательства, а с другой — где в интимном, семейном кругу он оказывается человеком нерешительным, сомневающимся, требующим постоянной поддержки и подталкивания в ключевые моменты, когда он склонен медлить, откладывать, дожидаясь чего-то неведомого. Оба плана в общем-то не противоречат друг другу — иное дело, что избыточное внимание к дневнику дает, думается нам, некоторое искажение целого, поскольку в дневниковых записях и в интимных письмах Суворин не столько фиксирует наличное, сколько выражает — и тем самым изживает — свои сомнения и тревоги. Ведь дневник во многом ведется им не ради исторической фиксации событий (за несистематичность записей, «нехватку выдержки», он упрекает сам себя в записи от 30 мая 1907 г.), а для проговаривания того, для чего не находится другого места — он в первую очередь ведется для самого себя, потому свободен от любой заботы о стиле, зачастую даже о ясности записей³. Разумеется, Суворин не исключает позднейшего, внешнего читателя, но это лишь авторская трезвость, а не адресат, понимание, что все сделается историческим документом, а не устойчивая обращенность к «историческому».

³В той же записи от 30 мая 1907 г. характерно продолжение: «Прежде переписывался, особенно с Чеховым. А теперь не с кем». Переписка с немногими близкими корреспондентами сближается по своему функционированию с дневниковым типом писания — и примечательно, что сразу же после смерти Чехова Суворин энергично изъял у наследников свои письма к нему (напомним, что письма Чехова к Суворину образуют один из наиболее крупных его эпистолярных комплексов, насчитывающий более 350 писем). Последующая судьба писем Суворина к Чехову неизвестна.

Первый брак закончится трагически — жена будет убита любовником, Комаровым, в гостинице Бель-вю, история делается не только публичной, но и станет предметом обсуждений и пересудов на протяжении нескольких лет, а сам Суворин более десяти лет спустя, уже после самоубийства сына, будет вновь в дневнике обращаться к событиям тех дней. Несколько лет спустя он примется за выбор второй жены — советуясь с ближайшими, пытаясь тщательно взвесить аргументы в пользу той или иной кандидатуры. В итоге он женится на совсем юной девушке, тоже Анне Ивановне, которая привлечет его своей страстностью. Брак окажется весьма неудачным в первую очередь из-за быстро наступившей физической неспособности Суворина, которую вторая жена компенсировала в сторонних романах, а для самого Суворина центральной темой для размышлений станет отцовство.

Рамкой осмысления «женского вопроса» для Суворина является расплывчатая «энергетическая» модель, исходящая из представления о едином энергетическом резервуаре, из которого черпаются силы для всех видов деятельности — от творчества до секса — и, соответственно, трата в одном отношении сокращает количество доступной энергии для другого. «Женщина» в суворинском представлении — одновременно и опасный, и желанный объект, при этом ее власть возрастает — она все в меньшей степени оказывается подчиненной мужчине и все в большей степени оказывается не только властвующей над ним, но и способной выполнять те функции, которые традиционно считались мужскими. Поэтому представление о наступающем веке для Суворина — это образы женской эмансипации, которой он то пугает, то одобряет, но неизменно отмечает, что сам не будет уже жить в то время, когда это делается реальностью.

Говоря о суждениях Суворина по поводу «женского вопроса» и характеризуя по существу публицистическую модель Суворина в целом, Макарова отмечает его «раскачивание» между разными позициями и оценками — в последовательных фельетонах, когда условно-«либеральные» суждения снимаются или проблематизируются иронией, а консервативные высказывания тут же оттеняются замечаниями противоположного характера. В случае «женского вопроса» такого рода поведение слабо связано с внешней аудиторией — для самого Суворина противоречие, побуждающее к публицистическим «качелям», обусловлено тем, что влекущими и интересующими его (в том числе и далеко за пределами сексуального) типажам являлись эмансипированные женщины, активно демонстрирующие способность к самостоятельному выбору и сами

намечающие себе цели собственного действия — и в то же время они выступают в его глазах теми, кто представляют угрозу, что связано, помимо прочего, с представлением о чувственности и влечении, принадлежащим в первую очередь мужчинам. В рамках типичных для второй половины XIX века представлений «желание» является (и нормативно должно являться) в первую очередь мужской чертой — женщина отвечает, и, во-вторых, за исключением отклонений, распущенности, является гораздо слабее испытывающей сексуальное влечение — ее необходимо «будить», «возбуждать», «тревожить»⁴. Следовательно, в рамках этой логики, «женщина» оказывается той стороной отношений, которая способна в гораздо большей степени их контролировать, поскольку менее вовлечена, менее «охвачена страстью» — и это делает ее потенциально властвующей стороной.

И здесь же противоположностью делаются интересующие Суворина истерические персонажи, видимо, в силу того, что они сами, как Шебальская, делятся с ним своими переживаниями, обсуждают то, что его интересует по преимуществу. Так, именно подобного рода история, основанная на реальных событиях, станет основой его наиболее популярной пьесы «Татьяна Репина», о которой в мемуарном очерке к столетию Суворина Амфитеатров писал: «...не сходила она с театрального репертуара тридцать лет, да не сошла бы и дальше, если бы вообще всякие репертуары дореволюционного театра не кончились» (Амфитеатров, 2004: 19).

В дневнике 1890-х гг. даже больше, чем в беллетристике и фельетонах Суворина соответствующего периода, виден его напряженный интерес к сфере сексуального: от прогулок по кварталам красных фонарей до фиксации различных историй об отношениях и сексуальных практиках. Параллельно публично утверждаемым идеалом все более выступает идеал патриархальной семьи. Примечательно, что в качестве его реализации Суворин готов утверждать толстовское семейство, и это относится

⁴См., напр., более позднего времени описание положительной героини Ксении в рассказе В. В. Вересаева «Княгиня»: «...Ксения — податливая, мягкая — наконец согласилась на замужество, согласилась [...] не подозревая, в чем оно заключается. [...]

Ну, а наконец, все-таки, конечно, случилось то, что должно было случиться. И это была такая гадость, такой стыд и ужас! [...]

После ужасающе бесстыдных ласк мужа Ксения оставалась в постели вся разбитая, полная отвращения, обливаясь потом, задыхаясь в невероятной духоте комнаты» (Вересаев, 1984: 350–351). В данном случае мы цитируем эти фрагменты именно в силу их типичности для литературы 1890-х–1910-х гг., ср. показательный в своей усредненности роман Ф. Ф. Тютчева «Кто прав?», относящийся к концу 1880-х–нач. 90-х гг. (Тютчев, 1985).

не только к публичным его суждениям, но и к дневниковым записям, хотя он мог достаточно близко наблюдать семью Толстого и видеть, сколь далека она от соответствия его идеальным образам. Кажется, в этом случае для Суворина в том числе и перед самим собой возможно пожертвовать реальностью, чтобы утвердить возможность желанного.

Впрочем, с годами болезненное напряжение 1880-х–90-х гг., полная несладка второго брака и разлад в семье становятся привычными — неудача в семейной жизни перестает быть предметом размышлений, обращаясь в данность. Ко второй половине 1900-х в дневнике Суворина «женский вопрос» и «женщины» 1890-х вытесняются «евреями», другим носителем угрозы и влечения, по крайней мере для сына, против брака которого на еврейке Суворин будет решительно возражать, записывая, что не потерпит этого хотя бы в своем семействе (Суворин, 2000: 511, запись от 6 июля 1907 г.).

ЛИТЕРАТУРА

- Амфитеатров А. В.* Старик Суворин // Жизнь человека, неудобного для себя и для многих. В 2 т. Т. 2 / сост. и предисл. А. И. Рейтבלата ; коммент. А. И. Рейтבלата. — М. : Новое литературное обозрение, 2004. — С. 5–15.
- Вересаев В. В.* Невыдуманные рассказы о прошлом. Литературные воспоминания. Записки для себя / предисл. Ю. У. Фохт-Бабушкина. — М. : Правда, 1984.
- Динерштейн Е. А.* А. С. Суворин. Человек, сделавший карьеру. — М. : РОС-СПЭН, 1998.
- Макарова О.* «Женский вопрос» в жизни и творчестве А. С. Суворина. — М. : Новое литературное обозрение, 2019.
- Розанов В. В.* Признаки времени : статьи и очерки 1912 г. Письма А. С. Суворина к В. В. Розанову. Письма В. В. Розанова к А. С. Суворину / под ред. А. Н. Николюкина, В. Н. Дядичева. — М. : Республика, Алгоритм, 2006.
- Санькова С. М.* Два лица «Нового времени». А. С. Суворин и М. О. Меньшиков в зеркале историографии. — Орел : ФГОУ ВПО «Госунiversитет –УНПК», 2011.
- Суворин А. С.* Дневник Алексея Сергеевича Суворина. — М., London : Независимая Газета, The Garnett Press, 2000.
- Суворин А. С.* В ожидании XX века. Маленькие письма (1889–1903) / под ред., предисл. А. Д. Романенко. — М. : Алгоритм, 2005а.
- Суворин А. С.* Русско-японская война и русская революция. Маленькие письма (1904–1908) / сост. и предисл. А. Д. Романенко. — М. : Алгоритм, 2005б.
- Тютчев Ф. Ф.* Кто прав? : Роман, повести, рассказы / коммент. Г. В. Чагина ; предисл. Г. В. Чагина. — М. : Современник, 1985.

Шестидесятники / под ред. Ф. Ф. Кузнецова, В. С. Лысенко. — М. : Советская Россия, 1984.

Эпистолярное наследие З. Н. Гиппиус. Ч. 1 / под ред. О. А. Коростелева, Н. Богомолова, М. М. Павловой. — М. : ИМЛИ РАН, 2018. — (Литературное наследство ; 106).

Teslya, A. A. 2019. “‘Opasnyye veshchi’ A. S. Suvorina [‘Dangerous Things’ of Aleksey Suvorin]: retsenziya na knigu O. Makarovoy [A Review of O. Makarova’s Book]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* III (2), 245–252.

ANDREY TESLYA

PHD IN PHILOSOPHY, SENIOR RESEARCH FELLOW, SCIENTIFIC DIRECTOR RESEARCH CENTER FOR RUSSIAN THOUGHT, INSTITUTE FOR HUMANITIES, IMMANUEL KANT BALTIC FEDERAL UNIVERSITY, KALININGRAD

“DANGEROUS THINGS” OF ALEKSEY SUVORIN

A REVIEW OF O. MAKAROVA’S BOOK

MAKAROVA, O. 2019. “ZHENSKIY VOPROS” V ZHIZNI I TVORCHESTVE A. S. SUVORINA [“WOMEN’S ISSUE” IN LIFE AND WORK OF A. S. SUVORIN] [IN RUSSIAN]. MOSKVA [MOSCOW]: NOVOYE LITERATURNOYE OBOZRENIYE

DOI: 10.17323/2587-8719-2019-3-2-245-252.

REFERENCES

- Amfiteyrov, A. V. 2004. “Starik Suvorin [Suvorin, the Old Man]” [in Russian]. In vol. 2 of *Zhizn’ cheloveka, neudobnogo dlya sebya i dlya mnogikh [Life of a Man, Inconvenient to Himself and to Many]*, comp. A. I. Reytblat, comm. by A. I. Reytblat, with a forew. by A. I. Reytblat, 5–15. 2 vols. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Dinershteyn, Ye. A. 1998. *A. S. Suvorin. Chelovek, sdelaushiy kar’yeru [A. S. Suvorin, a Man who Made Oneself a Career]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: ROSSP-EN.
- F.F., Kuznetsov, and V. S. Lysenko, eds. 1984. *Shestidesyatniki [Men of the Sixties]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Sovet-skaya Rossiya.
- Korostelev, O. A., N. A. Bogomolov, and M. M. Pavlova, eds. 2018. *Epistolyarnoye naslediye Z. N. Gippius [Epistolar Legacy of Z. N. Gippius]* [in Russian]. Bk. 1. Literaturnoye nasledstvo [Literary Heritage] 106. Moskva [Moscow]: IMLI RAN.
- Rozanov, V. V. 2006. *Priznaki vremeni [Tags of the Time]: ctat’i i ocherki 1912 g. Pis’ma A. S. Suvorina k V. V. Rozanovu. Pis’ma V. V. Rozanova k A. S. Suvorinu [Articles and Scetches of 1912. Letters from A. S. Suvorin to V. V. Rosanov. Letters from V. V. Rosanov to A. S. Suvorin]* [in Russian]. Ed. by A. N. Nikolyukin and V. N. Dyadichev. Moskva [Moscow]: Respublika / Algoritm.
- San’kova, S. M. 2011. *Dva litsa “Novogo vremeni”. A. S. Suvorin i M. O. Men’shikov v zerkale istoriografii [Two Faces of “The New Time”. A. S. Suvorin and M. I. Men’shikov in the Mirror of Historiography]* [in Russian]. Orel: FGOU VPO “Gosuniversitet – UNPK”.

- Suvorin, A. S. 2000. *Dnevnik Alekseya Sergeevichicha Suvorina [Alezei S. Suvorin's Diary]* [in Russian]. Ed. by D. Reyfilda, O. Makarovoy, and N. Roskinoy. Moskva [Moscow] and London: Nezavisimaya Gazeta / The Garnett Press.
- . 2005a. *Russko-yaponskaya voyna i russkaya revolyutsiya. Malen'kiye pis'ma (1904–1908) [Russian-Japanese War and Russian Revolution. Minor Letters (1904–1908)]* [in Russian]. Comp. A. D. Romanenko. With a forew. by A. D. Romanenko. Moskva [Moscow]: Algoritm.
- . 2005b. *V ozhidanii xx veka. Malen'kiye pis'ma (1889–1903) [Waiting for the 20th Century. Minor Letters (1889–1903)]* [in Russian]. Ed., with a forew., by A. D. Romanenko. Moskva [Moscow]: Algoritm.
- Тютчев, Ф. Ф. 1985. *Kto prav? [Who is Right?: Roman, povesti, rasskazy [Novel, Stories, Tales]* [in Russian]. Comm. by G. V. Chagin. With a forew. by G. V. Chagin. Moskva [Moscow]: Sovremennik.
- Veresayev, V. V. 1984. *Nevydumannyye rasskazy o proshlom. Literaturnyye vospominaniya. Zapiski dlya sebya [Non-Fictitious Stories of the Past. Literary Memoirs. One-self's Notes]* [in Russian]. With a forew. by Yu. U. Fokht-Babushkin. Moskva [Moscow]: Pravda.

АЛЕКСАНДР МАРКОВ*

ДА, ЭТО ПЛАТОН И АРИСТОТЕЛЬ**

ОТВЕТ НА РЕЦЕНЗИИ

Юнусов А. Т. «Бессильная невозможность». О новом переводе «Метафизики» Аристотеля // *Историко-философский ежегодник*. — 2018а. — Т. 33. — С. 361–385

Гринцер Н. П., Щервакова Е. А. АРИСТОТЕЛЬ. МЕТАФИЗИКА. ПЕРЕВОД С ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО, ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ И КОММЕНТАРИЙ А. В. МАРКОВА. М., 2018 // *Вестник древней истории*. — 2019. — Т. 79, № 1. — URL: <http://ras.jes.su/vdi/s032103910004517-1-1> (ДАТА ОВР. 26 МАЯ 2019)

Гараджа А. В., Протопопова И. А. «Что-то смешное на нас напало» : о новом переводе платоновского «Пира» // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. — 2019. — Т. III, № 1. — С. 265–285

DOI: 10.17323/2587-8719-2019-3-2-253-273.

Если даже не столкнувшись сейчас, в скором времени философия в России столкнется по меньшей мере с тремя вызовами, каждый из которых относится к проблеме перевода классических источников настолько прямо, как, кажется, никогда прежде. Первый вызов — интернационализация российского образования, так что вслед за стандартом англоязычного академического письма, во всяком случае, в естественных науках, придет и англоязычная аналитическая философия, непременно входящая в инфраструктуру этого письма способами построения аргумента, так что даже если не будет введено в учебные планы англоязычное преподавание философии, включая чтение и комментирование классических философских источников по-английски, русские переводы Платона и Аристотеля в России все больше будут уступать место английским. Второй вызов — развитие автоматического и автоматизированного перевода на основании технологий искусственного интеллекта. Такой перевод не хуже человека справляется с грамматикой, различая подлежащие и сказуемые с наименьшим числом ошибок, так что задачей переводчика оказывается скорее вскрытие философских проблем, которые никак не связаны с грамматическим строем отдельного языка.

*Марков Александр Викторович, д. филол. н., профессор, Российский государственный гуманитарный университет (Москва), markovius@gmail.com.

**© Марков, А. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Третий вызов — растущий интерес к философии в медийном поле, требующий перевода не только языка на язык в привычном понимании, сформированном языками индоевропейской семьи и их грамматической логикой, но и переводов на «языки» визуального опыта (эмоджи, уличное искусство, визуальные медийные искусства, кинематограф). Это повлечет за собой переселение философии в целые миры (например, мир японского аниме и манги или какую-то из «вселенных»), и границы грамматики для каждого такого переноса надо будет устанавливать заново, приводя научные аргументы, а не обращаясь к бытовому опыту понимания.

В авторитетных российских научных изданиях вышли рецензии, посвященные выполненным А. В. Марковым переводам «Метафизики» Аристотеля (Юнусов, 2018а; Гринцер, Щербакова, 2019) и «Пира» Платона (Гараджа, Протопопова, 2019). Все названные рецензенты глубоко разочарованы работой А. В. Маркова: первые страницы всех трех рецензий посвящены анализу изданий как книг, с точки зрения предисловия, комментариев, примечаний и вообще научного аппарата. По нашему мнению, простое указание «литературно-художественное издание» в выходных данных обеих книг уже регламентирует, что находится в предисловии, а что — в необходимо кратчайшем аппарате. Можно было бы обратиться к ближайшим аналогам таких изданий, например, к советской серии «Классики и современники» издательства «Художественная литература», и указание на эти серии дало бы достаточно полное представление об издательских проектах А. В. Маркова.

Переводчик Аристотеля, как и любого другого классического автора, стоит всегда перед дилеммой: либо воссоздавать мысль Аристотеля с помощью огромного, но всегда недостаточного аппарата комментариев «что это тогда значило», ведя читателя в неизбежно реконструируемое и аффективно переживаемое прошлое, либо актуализировать эту мысль, показывая, что она значима в современных философских дискуссиях, что эта мысль не устареет, и Аристотелю есть что сказать и в наши дни. А. В. Марков, судя по всему, — радикальный сторонник второй стратегии, вплоть до полного отказа от комментирующих примечаний: Аристотель у него должен звучать так же современно, как переведенные с английского стихи или графический роман. Оппоненты А. В. Маркова допускают только первый вариант, что прямо следует из предлагаемых ими вариантов перевода. Предложенные как альтернатива критикуемым переводам варианты, вроде «мы видим, что опытные преуспевают [в практических делах] более, чем те, кто, не имея опыта, обладает лишь

понятиями» (Юнусов, 2018а: 372), или «[деятельная и страдательная возможности различны в том отношении], что одна, т. е. страдательная, находится в претерпевающем [...] другая (деятельная) — в действующем: теплота и умение строить заключены одно в том, что может жечь, другое — в строителе» (Гринцер, Щербакова, 2019), или «есть ведь те, кто душами вынашивают даже больше, чем телами, то, что душе пристало и вынашивать, и рожать» (Гараджа, Протопопова, 2019: 273) невозможны в русском литературном языке хотя бы потому, что в них нарушены нормативные для русского языка и наших привычных рассуждений правила противопоставления. Невозможно противопоставление «опытные / те, кто не имея опыта», но только «опытные / неопытные»; или «находится в претерпевающем / находится в действующем», так как слово «находится» будет значить в первом случае «помещено», а во втором — «действует»; или «вынашивают душами / вынашивают телами», потому что явно вынашиваются разные вещи, а значит, сопоставление невозможно, и получается очередное сопоставление «идут дождь и два студента, один — в университет, другой — в галошах». Радикальный модернизм А. В. Маркова может вызывать какие угодно протесты, но там такие нарушения логики противопоставления найти трудно.

Впрочем, во всех трех рецензиях, несмотря на их как бы консерватизм, есть явная модернизация смысла, заложенного Аристотелем. Например, А. Т. Юнусов возмущается тем, что «искусство» у А. В. Маркова может переводиться как «изготовление вещей», ссылаясь на то, что в мире Аристотеля существуют математические искусства (Юнусов, 2018а: 370), которые как бы вещей не изготавливают. Но рецензент явно переносит на античное понимание математики современное абстрагирующее, хотя ясно, что для любого античного мыслителя линия или умножение были вполне вещами. Или предложение Н. П. Гринцера и Е. А. Щербаковой переводить рассуждение Аристотеля о древних мудрецах как «те, кто вместе с нами уже держал совет по этому вопросу» соответствует современным представлениям о «республике ученых», объединяющей усопших и живых, но никак не представлениям Аристотеля, для которого эти мудрецы непроходимой гранью отделены от современности и могут разве что нам поспособствовать в наших рассуждениях. Или А. В. Гараджа и И. А. Протопопова требуют выдерживать любыми средствами оппозицию прекрасное / безобразное, игнорируя акцентированные А. В. Марковым нюансы оппозиции привлекательное / позорное (Гараджа, Протопопова, 2019: 275), хотя оппозиция прекрасного и безобразного была утверждена окончательно только в эстетике Шефтсбери и Канта,

а этические ее импликации стали восприниматься как самоочевидные еще позднее, тогда как текст Платона скорее подразумевает аффекты, а не ту отрешенную оценку, которая стала возможна только в «классицистской» философии. Таких примеров скрытой модернизации можно приводить много, но разумнее обратиться к тому, что подкупает любых читателей рецензии — утверждение, что А. В. Марков, наверное, плохо знает грамматику, плохо переводит и, значит, не дает возможности читателю почувствовать логику переводимого автора.

Действительно, во всех трех рецензиях значительное место занимает грамматический аргумент, указание на то, что если «неправильно» передается грамматика исходного текста, то нельзя говорить и о передаче семантики и философской глубины переводимых авторов. Грамматический детерминизм рецензентов, скорее всего, будет поддержан большинством читателей, для которых понятия «грамотный» и «компетентный» стоят близко до неразличимости. Вместе с тем, если мы хотим оставаться в пределах легитимной аргументации, то опора на поддержку большинства читателей еще не будет последним словом в споре о том, насколько глубинное содержание того или иного философа передается прежде всего точным воспроизведением грамматики исходного текста.

Но перевод осуществляется не только с языка на язык, но и со смысла на смысл. Например, представим сцену: за мальчиком бежит собака (А). Рядом с этой сценой А расположим несколько фраз:

- (а) собака бежит за мальчиком;
- (б) мальчик бежит от собаки;
- (в) за бегущим мальчиком гонится собака;
- (г) бег мальчика направлен от бегущей собаки.

Очевидно, что все четыре фразы соответствуют сцене А, данной на рисунке или видео. Вместе с тем, если руководствоваться грамматическим аргументом, то переводом фразы (а) будет только перевод (а) или (б), так как мы заучили то свойство индоевропейских языков, что субъект активного залога может стать объектом пассивного залога («я пью воду» — «вода „пьется“ мной»), без учета других семейств языков. Если допускать художественный перевод, то фразу (а) передает фраза (в), тогда как фраза (б) представляет собой внесение тех модальностей (воли мальчика, начала движения), которые диктуются свойством данного языка и потому искажают перевод. Наконец, вариант (г) сторонниками грамматического аргумента будет признан однозначно искажающим оригинал (а) из-за того, что подлежащее и сказуемое как бы поменялись местами с точки зрения бытового восприятия, хотя именно он передает

наибольшее число смыслов (а), так как в (б) неясно, бежит ли сама собака (может, она стоит), а в (в) неясно, где кончается временная связь и начинается причинная. Во всех трех рецензиях по большей части встречаются случаи, когда переводчик предлагает (г) или реже (в), а рецензенты настаивают только на (а) и (б).

Общее всех трех рецензий также — страстная заинтересованность в предмете, повышенная с самого начала эмоциональность, явно противоречащая обычному образу бесстрастности античного философа, но очевидная уже с первых строк и неизменная до последней точки. Так, уже в первой фразе рецензии Н. П. Гринцера и Е. А. Щербаковой сказано о непрерывном «трепете», который должны испытывать исследователь и читатель даже при обращении к «Метафизике» (правда, происходит ли что-то с этим трепетом в ходе чтения, не раскрыто), а А. В. Гараджа и И. А. Протопопова в первом абзаце говорят о множестве эмоций и реакций, которые они испытывали при чтении «Пира» в переводе А. В. Маркова, из которых одни побеждали, а другие проигрывали, представляя почти картину античного стадиона в начале и конце соревнований. Такая риторическая смелость вполне коррелирует у противников переводов А. В. Маркова со смелостью передачи философского аргумента, вроде: «Правильный перевод фразы должен быть таким: „приобщенное к единому претерпело единство в результате приобщения и испытало становление единым“» (Месяц, 2018: 32) — признаюсь, как неспособный представить ни «претерпевание единства», ни «испытание становления единством», я могу только восхититься храбростью философской речи, превышающей среднее человеческое воображение.

Мы убеждены, что логика философского рассуждения — это прежде всего аффективная, а не дискурсивная логика. Философ сначала захватывает воображение читателя, а потом уже вместе с ним вырабатывает дискурсивное разделяемое обоснование тех или иных положений. В противном случае не было бы спора философских школ античности или спора континентальной и англо-американской философии, длящегося уже много десятилетий, но все бы приняли оправданность дискурсивных положений как необходимо разделяемый опыт. Проблема в том, что оппоненты А. В. Маркова вполне аффективны, тогда как сам А. В. Марков стремится продумать, как и при каких условиях данный текст будет философски истинным, а не только впечатляющим читателей, поддержавших оппонентов А. В. Маркова большим количеством просмотрев рецензий.

Во многих случаях рецензенты говорят не только о своих пережитых эмоциях или нормативных эмоциях, но и об эмоциях различных возможных групп читателей Аристотеля, что представляется ключевым в создании критической убедительности. Так, А. Т. Юнусов пишет:

Популяризаторский эффект издания Маркова может быть только самым сокрушительным. Человек, впервые знакомящийся с Аристотелем по этому изданию, может подумать, что мысль Аристотеля действительно представляет собой ту бессвязную словесную жижу, которая получилась у Маркова. Кого-то это навсегда оттолкнет от Стагирита. Те, кто решит продолжить знакомство с Аристотелем, очень скоро поймут, как они были обмануты. Те же, кто ограничится чтением Аристотеля по Маркову, останутся с превратным впечатлением о том, что вот это и есть античная философия (Юнусов, 2018а: 382–383).

Нам не известно никаких исследований по читательской рецепции переводов А. В. Маркова, таким образом, тезисы приведенной цитаты не подтверждены научной проверкой. Вместе с тем, риторически это рассуждение построено очень искусно. В начале идет фигура обобщения, «человек, [...] знакомящийся с Аристотелем», хотя ясно, что даже в группе «читатели, впервые прочитавшие „Метафизику“ в переводе А. В. Маркова» все знакомятся очень по-разному, и ждут от текста разного. Фигура обобщения сменяется фигурой олицетворения, мы должны вообразить «кого-то», кого перевод оттолкнул от Аристотеля, причем вроде бы единственное число говорит об исключении (остальных читателей А. В. Марков от Аристотеля не оттолкнет), но так как олицетворение — более яркая фигура, то читателю рецензии внушается мысль, что перевод отталкивающий. Наконец, вводится фигура неустойчивого противопоставления, «те, кто [...] / те же, кто [...]», при этом первые, разоблачившие обман, представляются как положительный пример, а вторые — как отрицательный, и тем самым перед читателем рецензии уже разворачивается картина не индивидуальных, а социальных эффектов перевода. Перед нами отличный пример риторической аргументации, от обобщения к олицетворению и противопоставлению, очень зрелищный и эффектный, но который мы затрудняемся признать философской аргументацией. Вообще, риторические элементы во всех трех рецензиях настолько обильны, что даже кажется, что рецензируется перевод не Платона и Аристотеля, но Демосфена или Цицерона, скажем, встречаются такие мощные риторические приемы, как эпидиктическое создание мнимой ситуации, как то в утверждении, что

можно было бы «записать переводчику в плюс» не-обращение к переводам на европейские языки (Гараджа, Протопопова, 2019: 269), хотя это можно записать в плюс только на воображаемом уроке греческого языка; или эмфаза, причем обратимая, особенно частая в рецензии Н. П. Гринцера и Е. А. Щербаковой, скажем, сводящая семантику affection как перевода греческого ἀγάπησις к русскому «любовь» и наоборот. Эффектное сужение значений слов в трех языках относительно друг друга сразу внушает читателю рецензии мысль о власти рецензентов над языками, обеспечивая им риторический триумф. Равно как такой же эмфазой является утверждение этих же рецензентов, что φορτικός якобы нельзя понимать в смысле «насильственно», потому что это слово принадлежит семантическому полю тяжести, но тут же они, приводя примеры, сами устанавливают, что это семантическое поле скорее грубости, чем тяжести, но почему-то не считают грубость относящейся к насилию. Вероятно, именно этим представлением, что грубость не причинит никакого вреда и не заденет, и объясняются некоторые особенности полемики со стороны иных противников переводов А. В. Маркова, к которым названные пять рецензентов, к счастью, не относятся.

Задача талантливой не только в риторике, но и в философской проницательности работы А. Т. Юнусова выходит за пределы обычной рецензии: уже в аннотации (Юнусов, 2018а: 361) рецензент говорит о главном выводе из своей работы: издание А. В. Маркова (Аристотель, 2018) таково, что «зачастую оно даже не представляет собой связный текст». Оценка связности или не связности текста обычно не входит в задачу рецензента, так как требует введения разделяемых критериев связного текста, если же связность понимается не в лингвистическом, а в бытовом смысле («несвязный» текст как синоним «конспективный», «сумбурный», «плохо вычитанный редактором» и т. д.), то это может быть промежуточным аргументом, но не окончательным выводом. Получается, что при всей добросовестности А. Т. Юнусова цель повисает в воздухе, тем более что о связности текста он дальше говорит только два раза, и оба раза не в связи с итоговым тезисом: первый раз, — замечая, что «серьезного урона связности текста это [вольное обращение с синтаксисом] не наносит» (Юнусов, 2018а: 369–370), а второй раз, — характеризуя текст как «бессвязную словесную жижу» (там же: 381). Очевидно, что ни читательское наблюдение в первом случае, ни экспрессивная оценка во втором не раскрывают понимание рецензентом связности текста. Замечу, кстати, что на молекулярном уровне жижа

связана ближним порядком молекул. Но самое странное — это отождествление издания с текстом, вопреки заявленному в начале аннотации намерению рассмотреть издание как реальность, отличающуюся от просто бытования текста, а именно принципы и цели издания. Нельзя сказать «принципы текста», тогда как «цель текста» можно сказать, но с оговорками, что речь идет не о тексте как таковом (его *meaning*), а о его осмысленности (его *sense*), но А. Т. Юнусов нигде в своей работе, насколько мы можем судить, не проводит такого различия ни открыто, ни скрыто.

Структура рецензии А. Т. Юнусова, если не считать краткой преамбулы, трехчастная, сразу напоминает о квалификационных работах с необходимыми «Введением», «Основной частью» и «Заключением». Близость структуры рецензии структуре квалификационной работы усиливается тем, что в первой, вводной, части нет никакого анализа, а есть только сбор материала, а в последней части подводятся итоги сказанного в приложении к практике, в данном случае, — практике издательского дела. Основная часть посвящена разбору первой главы первой книги «Метафизики» в переводе А. В. Маркова как примера «репрезентативной выборки» (Юнусов, 2018а: 368). Само понятие «репрезентативная выборка» удивляет: если единственной задачей автора, как не раз заявлено в основной части, является демонстрация крайне низкого качества перевода, то гораздо лучше подошел бы статистический анализ более крупной выборки, а если автор решает и какие-то философские задачи, показывая, каким не должен быть философский перевод, то выбор начала «Метафизики» никак не мотивирован.

Вводная часть представляет собой аргументативный опыт, а именно косвенное обсуждение условий, при которых перевод античной философской классики может состояться. Аргументацию А. Т. Юнусова нельзя определить как философскую: автор не говорит ни об условиях бытования философского текста, ни о том, какие приемы или решения позволяют воспринимать текст как философский. Это явно наносит ущерб аргументации: рецензент несколько раз переопределяет ключевые для его аргументации понятия, что при первом чтении можно не заметить. Приведем один пример: понятие «современный русский язык» (там же: 365). Сначала современным языком А. Т. Юнусов называет язык, лишенный архаизмов, и торжествует, находя архаизмы. Далее он сближает «современность» языка с «богатством» и «точностью», иначе говоря, проводя границу не стилистическую, а содержательную. Наконец, на той же странице современный русский язык — это язык

без странностей, например, без разговорных оборотов, и здесь уже граница оказывается социальной, современный язык оказывается языком хорошего общества. На каждом из этапов А. Т. Юнусов порицает по-новому переводческие решения А. В. Маркова, приписывая ему те определения современного русского языка, которых у самого А. В. Маркова нет. Мы можем назвать такой способ полемики не философским, а софистическим: софист всегда развивает учение о речи, постоянно переопределяя речь то как эстетический, то как интеллектуальный, то как социальный феномен, и тем самым увлекает слушателя, соглашающегося с выгодной софисту социально-политической программой как чем-то, само собой разумеющимся. Poleмика философская потребовалась бы, если мы признаем современный язык не очищенным от архаизмов, но, напротив, богатым, признать архаизмы А. В. Маркова законными, а если мы признаем его языком хорошего общества, то достаточно было бы утверждения, что язык А. В. Маркова не является языком хорошего общества.

Критика А. Т. Юнусова, бесспорно, основана на очень хорошем знании греческого языка и наследия Аристотеля. Многие в тексте А. В. Маркова законно вызывает возмущение рецензента — действительно, строй фраз у переводчика часто не сохранен, а некоторые лексические решения можно назвать провокационными. Многие замечания по тексту заставляют задуматься и по крайней мере предложить свой вариант, или даже вернуться к варианту Кубицкого, но при этом осознавая, что такое удалось именно потому, что мы держим в уме мысль Аристотеля и на нее нанизываем формулировки перевода. Эта критика, в целом блестящая, иногда злоупотребляет смешением бытового и научного смысла слова: скажем, понятие «аграмматичный», применяемое к фразам перевода А. В. Маркова, взято из генеративной лингвистики, но генеративная лингвистика никогда не считала аграмматичные фразы бессмысленными, квалифицируя их вполне определенным образом, тогда как А. Т. Юнусов, судя по всему, требует понимать «аграмматичный» в бытовом смысле, скорее как «полностью безграмотный», и, значит, опять же в бытовом смысле бесполезный и бессмысленный. Но главный недостаток критики А. Т. Юнусова, по нашему мнению, заключается в том, что вопрос о передаче лексики и синтаксиса рассматривается в рецензии автономно от задачи Аристотеля обучить отвлеченному мышлению, а значит, употреблять семантику и синтаксис лишь постольку, поскольку они достигают этой цели.

Вообще, литературная или грамматическая (памятуя, что слово «литература» переводит греческое «грамматика») критика всегда рискует стать софистической, так как она говорит об автономном создании смыслов правильно выстроенным текстом, а, значит, может легко породить софистический ход, как только мы квалифицируем какой-то текст как «неправильный» и начинаем выстраивать «правильный» вариант того же текста, тем самым вовлекая читателя в причастность этого как бы гарантированно правильно созданного смысла. Схематически софистическую критику можно представить так. Сначала указывается на то, что данный перевод ошибочен, потому что не соответствует духу, стилю или общему смыслу оригинала. Читатель собирается обратиться к оригиналу, чтобы выяснить, нарушает ли перевод дух оригинала. Но тут софистическая критика незаметно вводит следующий аргумент: не сам перевод, а те интеллектуальные выводы, которые мы сделаем из перевода, будут нарушением смысла оригинала. Читатель уже не думает о том, по каким критериям сопоставлять оригинал и перевод, но сразу же задумывается об интеллектуальных содержаниях, чтобы почувствовать себя интеллектуалом. Наконец, софистическая критика окончательно ловит читателя, сообщая ему не просто интеллектуальную, а привилегированную позицию, говоря, что он знает законы культуры, которых не знает критикуемый автор или переводчик, а, значит, обладает культурным преимуществом и должен ощутить себя в одной привилегированной культуре вместе с критиком.

Сразу следует признать, что в софистической критике нет ничего незаконного, более того, она вполне может быть справедливой. Но у нее есть один недостаток: она в принципе не способна показать ту критическую работу по переопределению и уточнению понятий, часто поверх синтаксиса, через сложный диалог, парадоксы, оспаривание себя в еще недоговоренной фразе, которую и осуществляла отталкивавшаяся от софистики философия Сократа, Платона и Аристотеля. Ограничения такой софистической (литературно-философской) критики показывает и прекрасное исследование (Месяц, 2018), созданное внутри той же философской программы, что и рассматриваемая рецензия: С. В. Месяц в качестве исходной точки рассуждений о задачах философского перевода принимает диспозицию стратегий в советском художественном переводе 1930–1960-х годов (И. Кашкин, К. Чуковский, С. Маршак) и специфицирует философский перевод только как уточнение смысла сказанного, причем уточнение, конструирующее дело философии, а не продолжающее его: «В переводе есть только то, что вложил в него

переводчик: ни больше и ни меньше» (Месяц, 2018: 19). Опять же, нет никаких оснований утверждать, что программа С. В. Месяц не может принести такую удачу, в сравнении с которой любые альтернативные переводческие программы окажутся неудачей, но просто речь о том, что конструктивизм и литературоцентризм такой позиции не дают, как нам кажется, рассмотреть усилия перевода, выполненного как критика критики, как деконструкция, — подхватывающая критический пафос философии, а не фиксирующая его.

Такую софистическую тактику А. Т. Юнусов избирает, когда ему требуется доказать ключевое положение: перевод А. В. Маркова несостоятелен, потому что неверно передает грамматический строй исходного текста. Грамматический аргумент, как мы уже сказали — всегда один из самых сильных из-за способности речи быть социальным маркером. Но всякий раз, когда А. Т. Юнусов объявляет, что нашел грубую грамматическую ошибку, он, вероятно, несколько раз перекодирует статус грамматики. Так, часть замечаний рецензента касается превращению безличных конструкций в личные, по образцу «можно считать, что этот человек сильный» — «этот человек считается сильным». Но аргументация А. Т. Юнусова радикально меняется в пространстве нескольких фраз. Например, рецензент порицает передачу конструкции «иметь представление [...] а [иметь представление], что для определяемых одним видом» через «мы исходим [...] мы определяем для такого-то вида» как недопустимую вольность и грамматическую ошибку: не мы определяем, а вещи определяются, разная семантика «определения». При этом «определяем» перевода А. В. Маркова, вероятно, он понимает в смысле «назначаем», как назначают лекарство, и должен был бы считать это лексической, а не грамматической ошибкой. Но также в аргументации он дважды меняет позицию от эстетической к интеллектуальной, и от интеллектуальной — к социально-политической (Юнусов, 2018а: 372). Сначала он отождествляет форму с грамматической позицией грамматической же формой: «Глагола „определяем“ в этой форме в оригинале нет», хотя его нет не только в этой форме, но и нет в оригинале вообще, учитывая, что «определены» далее А. Т. Юнусов требует понимать без всякого предикативного смысла, как «ограничены», вероятно, в пространстве. Иначе говоря, форма появилась там только как стремление указать на то, что все должно быть на месте. Но через две фразы А. Т. Юнусов пишет: «Соответствующего ἀφορισθεῖσι слова нет на своем месте в русском тексте; вместо него встречается отсутствующий в греческом

глагол в личной форме с тем же значением». Но он сам в своем варианте настаивал, что это «слово» ни в коем случае не глагол, и что оно не может иметь семантики определения, но только отграничивания, а теперь оно оказывается «с тем же значением», иначе говоря, интеллектуальный критерий оценки пришел на смену формальному. Наконец, А. Т. Юнусов приходит к заключению: «Если эта догадка верна, то очень похоже, что Марков не способен опознать в греческом тексте базовые грамматические формы», что представляет собой доказательство через не доказанный еще тезис, но, так как оппоненту приписывается неспособность опознания, а не ошибка как таковая, то перед нами софистический ход — критика не интеллектуальных, а чувственных способностей оппонента с целью подчеркнуть его варварство.

Другой пример: А. Т. Юнусов комментирует перевод простой фразы: «Перевод фразы τὴν τέχην τῆς ἐμπειρίας ἡγοούμεθα μᾶλλον ἐπιστήμην εἶναι как „мы относим искусство к знанию, а не к опыту“ грамматически невозможен. Верный перевод: „мы считаем, что искусство в большей степени, нежели опыт, является знанием“» (Юнусов, 2018а: 377–378). На самом деле, А. В. Марков и А. Т. Юнусов говорят об искусстве в разном смысле: А. В. Марков — как о понятии, которое нужно соотносить с другим понятием и дистанцировать от третьего, поэтому в переводе А. В. Маркова и исчезла сравнение «в большей степени» — это сравнение осуществляется самими действиями над понятиями; А. Т. Юнусов понимает искусство и опыт как некие факты, которые надо оценить с точки зрения их когнитивной мощи. Но у Аристотеля здесь не оценка, а предикация, он действительно предикцирует искусство и опыт как знания, а не уточняет определения искусства и опыта через знание: определение идет далее, что одни умеют учить, а другие не имеют. У Аристотеля в его рассуждении присутствует строгая последовательность: сначала признак (σημεῖον), потом предикация, а потом уже определение. А. Т. Юнусов, возможно, прекрасно сознает эту особенность рассуждения Аристотеля, учитывая его прекрасную работу о предикации в гипотезе в логических трудах Аристотеля (Юнусов, 2018b), но в ходе полемики никак к ней не обращается. Опять мы встречаем софистический ход: сначала рецензент говорит о принудительности грамматики для любых семантических решений у Аристотеля, затем рассуждает в рецензии о том, что Марков неправильно понимает логическую конструкцию, иначе говоря, переводит вопрос от семантического производства к логической формализации, которую читатель легче поймет и согласится с рецензентом, и, наконец, он заканчивает, как всегда, указанием на

то, как в греческом языке сравнительные обороты всегда выражаются очевидным образом и значат что-то очевидное независимо от того, какие проблемы ставит или не ставит философ.

В некоторых случаях А. Т. Юнусов приписывает тексту Аристотеля дилеммы, которых в оригинальном тексте нет. Например, порицая перевод «мудрость приобретается не от разных работ», А. Т. Юнусов замечает, что А. В. Марков «возможно, [...] не видит разницы между вопросами „как приобретается мудрость“ и „в чем состоит мудрость“». Такая разница, однако, есть» (Юнусов, 2018а: 378). Но во фразе Аристотеля не ставится вопрос, в чем состоит мудрость, а говорится только о том, каких людей можно назвать по-настоящему мудрыми. В других случаях А. Т. Юнусов видит ошибку в парафразе и удивляется ей, например, он пишет:

Переводить $\theta\epsilon\rho\alpha\pi\epsilon\upsilon\tau\acute{\omicron}\nu\ \gamma\acute{\alpha\rho}\ \tau\acute{\omicron}\ \kappa\alpha\theta'\ \xi\kappa\alpha\sigma\tau\omicron\nu$ как «лечим мы каждый раз разное» — значит не понимать, о чем идет речь. Аристотель говорит, что мы лечим «единичное» — Сократа и Каллия, а не человека вообще, — а вовсе не что объекты нашего лечения всегда различаются. Сам же Марков всего несколькими строками выше дважды переводил $\tau\acute{\omicron}\ \kappa\alpha\theta'\ \xi\kappa\alpha\sigma\tau\omicron\nu$ более-менее правильно как «отдельные вещи» и «отдельные события». И вдруг — «каждый раз разное». Учитывая, что $\tau\acute{\omicron}\ \kappa\alpha\theta'\ \xi\kappa\alpha\sigma\tau\omicron\nu$ — одна из самых частых технических формулировок в философии Аристотеля, я не могу понять, как в тексте могла возникнуть подобная ошибка (там же: 374).

Очевидно, что разное каждый раз — синоним единичного, так что упрекнуть в ошибке здесь невозможно, «человек вообще» разным быть не может. Но для А. Т. Юнусова софистический ход, возможно, важен (хотя доказательств этому не имеем): в первой фразе он говорит о непонимании переводчиком смысла, приписывая Аристотелю проблематику «объекта лечения», которой у Аристотеля нет, иначе говоря, сначала пытается установить некоторый аристотелевский стиль мысли, в котором есть место Сократам и Каллиям, но нет места структурам различий. Но потом А. Т. Юнусов от требований стиля переходит к интеллектуальным требованиям, а именно к исключительно терминологическому различению «отдельного» и «разного» независимо от того, каков контекст сказанного во фразе, и понимание Аристотеля возникает тогда из некоторой интеллектуальной медитации, а не из следования аристотелевскому стилю мысли. Наконец, рецензент в конце дает фразу опять же с целью доказать варварство оппонента: культура поддерживает себя благодаря частотности и воспроизводимости своих формулировок,

и если кто-то их не усваивает или не чувствует, то тогда он или она не принадлежат культуре.

Наконец, в рецензии есть случаи, когда А. Т. Юнусов, справедливо указывая на вольность перевода А. В. Маркова, предлагает вариант, несколько затемняющий смысл. Например, А. Т. Юнусов пишет:

Перевод ἄλλ' ἢ κατὰ συμβεβηκός как «разве что словом *человек* мы будем обозначать свойства» одновременно ошибочен и лишен смысла. Это типичнейшее аристотелевское выражение означает «разве что акцидентальным образом» (Юнусов, 2018а: 373).

Но тогда мы получаем бессмысленный перевод: «Врач лечит человека разве что акцидентальным образом», так нельзя сказать по-русски, и даже если сказать, то это будет бессмысленно. Правильно было бы сказать что-то вроде: «Врач не лечит человека вообще, разве что мы будем учитывать акциденции». Смысл рассуждения Аристотеля не в том, что лечат как-то с помощью акциденций (как бы это ни понималось), а в том, что слово «человек» можно понимать и в смысле «человек вообще», и в смысле «человек со всеми его свойствами». Иначе говоря, Аристотелю важно провести логические разграничения, а так как логические разграничения для нас принадлежат миру слов, то А. В. Марков допустил вольность, введя «слово». Тогда как А. Т. Юнусов опять говорит о некоторой культуре, о неких типичнейших выражениях, которые опознаются знатоками Аристотеля и сами воспроизводят мысль Аристотеля.

Другой пример оттуда же. Комментируя перевод «Если кто-то знает формулу, но не знает, что происходит, то он знает только общее, а в отдельных событиях разобраться не может, и поэтому часто ошибается при назначении лечения», А. Т. Юнусов замечает:

По Маркову, грамматическая структура переводимого предложения выглядит так: «Если кто-то знает [...], то он знает [...] и поэтому ошибается [...]». На самом же деле предложение имеет структуру: «Если кто-то знает [...] и знает [...], то он ошибается [...]». Иными словами, видимо, Марков, не разобравшись в границах условного периода, просто выдумывает какой-то свой синтаксис (там же: 318).

Но Аристотель не говорит в этой фразе о двух однородных знаниях, но только о том, что ни формулы, ни общие знания недостаточны для профессионализма врача. Конечно, вариант А. В. Маркова синтаксически волен и вполне уязвим, но он позволяет сосредоточиться на условиях профессионализма врача, а не условиях самого знания. Тогда

как для А. Т. Юнусова есть структура условного периода, порождающая смыслы независимо от того, как употребляет ее Аристотель в своих целях — для формулирования новых понятий мысли.

Итак, хотя вполне можно допустить, что А. Т. Юнусов полностью прав в своей критике перевода А. В. Маркова, и более того, что перевод Аристотеля должен выглядеть именно так, как его мыслит А. Т. Юнусов и никак иначе, пока что предложенный в рецензии на перевод А. В. Маркова метод критического исследования далек от совершенства как в смысле философских, так и в смысле литературных задач критики, что не означает, что функционирование и тем более обсуждение этой рецензии не будет продуктивным для исследований античной философии, отрасли какого совершенствования могут определить только историки античной философии. Любой, кто возьмется далее критиковать «Метафизику» Аристотеля в переводе А. В. Маркова, должен будет серьезнее обосновать сам метод критики, чтобы эта критика дала ожидаемые результаты.

Работа Н. П. Гринцера и Е. А. Щербаковой производит впечатление вдумчивости и деликатности, благодаря вниманию к особенностям не только мысли, но и стиля Аристотеля. Эта работа, как нам кажется, может войти в некоторый минимум чтения по теме «Аристотель в России», и как культурная программа создания нескольких изданий «Метафизики», так и многие переводческие предложения вызовут только симпатию и одобрение любого доброжелательного читателя, в том числе достигшего или достигшей вершин в изучении античной философии. Но одна филологическая особенность в этой блестящей рецензии смущает, а именно взгляд на перевод А. В. Маркова не с позиции возможных читателей этого перевода, а с олицетворенных позиций греко-латинской образованности. Авторы этой рецензии обсуждают не столько то, что читатель-философ или просто любитель, не изучавший классических языков, узнает из рецензируемого текста, а наоборот, что знаток классических языков увидит в этом переводе такого, что выходит за привычные ему или ей грамматические рамки.

Так, рецензенты недовольны решением А. В. Маркова передать $\alpha\iota\sigma\theta\acute{\eta}\sigma\epsilon\omega\nu\ \acute{\alpha}\gamma\alpha\tau\eta\sigma\iota\varsigma$ как «чувственное восхищение» и видят в этом результат смешения двух грамматических форм: родительного объекта и родительного субъекта. Считая, что А. В. Марков перевел выражение, поняв его как родительный субъекта, рецензенты приводят два аргумента:

argumentum ex silentio, указывая, что в дошедших до нас текстах родительный субъекта при этом отглагольном существительном не встречается, и аргумент школьной грамматики, что при существительных, образованных от переходных глаголов, родительный объекта более чем вероятен. Но дело в том, что в переводе Маркова вообще нет родительного падежа, а стоит прилагательное, — так что говорить, как именно Марков понял это выражение, нельзя на основании греко-латинской грамматической мерки, но только интерпретируя, что означает «чувственное восхищение». Надо заметить, что применение рецензентами *argumentum ex silentio* при обсуждении того, какие русские обороты допустимы в философских текстах (например, что «готовки» и «тупить» не встречаются в русских философских текстах), не учитывает того простого факта, что текст А. В. Маркова тоже является философским текстом, следовательно, любые словоупотребления А. В. Маркова, включая «готовки» и «тупить» допустимы в русскоязычных философских текстах отныне и во веки веков.

Сравним, какие смыслы передает предложенное переводчиком «чувственное восхищение», а какие — предлагаемое рецензентами «любовь к чувствам». В современном русском языке «чувственное восхищение» — довольно частый оборот, связанный с гедонистическим потреблением: Венеция или ресторанная еда могут это восхищение вызывать. Тогда как выражение «любовь к чувствам» в современном русском языке семантически невозможно, любить можно предметы или действия, тогда как чувства понимаются по умолчанию как эмоции или моменты восприятия. Нам не удалось найти удовлетворительных контекстов, которые объяснили бы русскому читателю, что такое «любовь к чувствам» и тем самым помогли бы понять Аристотеля. Тогда как «чувственное восхищение» сразу говорит о том, что человек любит наслаждаться, потому что любит чувствовать наслаждение, сразу переводит нашу мысль от дающих наслаждение предметов к тем интеллектуальным процессам, которые Аристотеля интересовали. Прочитав «чувственное восхищение», читатель сразу подумает, что человек любит чувствовать, а прочитав «любит чувствовать», читатель уже подумает другое, что что-то недосказано, что нужен объект. Поэтому русское слово «восхищение», не требующее названия объекта, так как описывает состояние, а не завершённое действие, лучше передает мысль Аристотеля, что человек наслаждается самими чувствами. Поэтому формально-грамматическая верность оборачивается семантическими зияниями, тогда как созерцание семантики и ее ограничений при переводе позволяет лучше

передать мысль, а не слово, с опорой на феноменологию состояний, понятную читателю XXI века. Если у Платона и Аристотеля что-то не получалось, то мы должны прийти им на помощь, как к друзьям, а не оставлять в беде их несовершенного грамматического выражения. Сюда же относится, например, идиома «такого качества», которая, по мнению рецензентов, есть притяжательный родительный падеж: «Читая фразу „вода, огонь и такого качества вещи“, невольно думаешь, что речь идет о каких-то вещах, обладающих качествами воды и огня, хотя самом же деле Аристотель просто хотел сказать: „огонь, вода и тому подобное“» (Гринцер, Щербакова, 2019), — тогда как любой носитель русского языка понимает, что так функцию этого родительного падежа понимать нельзя. Например, во фразе «„Вестник древней истории“, „Историко-философский ежегодник“ и такого качества журналы» вряд ли кто-то невольно заподозрит, что эти журналы обладают качествами именно «Вестника древней истории» и «Историко-философского ежегодника», например, что издание того или иного подразделения РАН, а, скорее, подумает об уровне качества, остающегося у этих журналов неизменно высоким, и самое большее — об их тематических и стилистических предпочтениях.

Другой пример, καὶ ἐνδέχεται εἶναι ἀδιαίρετόν τι ὥστε [καὶ οὕτως] καὶ πρὸς ἐκεῖνόν τι ἄπολογία ἔχειν. А. В. Марков переводит как «и допускает какую-то неделимость, приходится все время его извинять», а Н. П. Гринцер и Е. А. Щербакова предлагают «возможно, чтобы нечто было неделимым таким образом, что оно смогло бы защититься от него (Зенона)» (скобки рецензентов). Что следует из предложения переводчика и предложений рецензентов? Переводчик обращается к людям, со школы помнящим апории Зенона, подразумевающие, что все что угодно можно делить до нескончаемости. Но Аристотель, согласно переводу А. В. Маркова, имеет в виду, что рано или поздно даже такой убежденный человек, как Зенон, наткнется на какую-то неделимость, и нам станет за него стыдно, что он противоречит сам себе. Перевод Н. П. Гринцера и Е. А. Щербаковой подразумевает, что неделимая вещь опровергает все аргументы против неделимости, включая даже такой сильный аргумент, как Зенон. Но текст Аристотеля не подразумевает никакого сравнения аргументов, а только, что Зенон должен быть готов всякий раз к ситуации спора. Кроме того, олицетворение вещи, которая еще и произносит судебную речь в свою защиту, даже если и подразумевалось Аристотелем (хотя точно установить это невозможно), вряд ли уместно выглядит в русском философском тексте. Так мы подходим

к еще одному моменту рецензий: часто против переводов А. В. Маркова выдвигаются не доказанные теории, а гипотезы, принадлежащие самим рецензентам или по неоговариваемым в самой рецензии основаниям ими разделяемые.

Если рецензия Н. П. Гринцера и Е. А. Щербаковой открыто настаивает только на одной гипотезе, как понимать произведение искусства, созданное Павсоном, которую принудительно требует сделать основанием переводческой интерпретации, хотя скрытых настаиваний, как мы только что сказали, больше, то рецензия А. В. Гараджи и И. А. Протопоповой на перевод «Пира» А. В. Маркова упоминает целый ряд гипотез, принадлежащих уже самим рецензентам, которые переводчик должен был бы учесть. Если не считать некоторого числа *argumenta ad hominem*, например «своих предпочтений и решений [по текстологии греческого оригинала] переводчик никак не объясняет, а может, и вовсе не осознает» (Гараджа, Протопопова, 2019: 267), как будто вообще возможно принять совершенно бессознательное текстологическое решение, или «а быть может, ему кажется, что добавление слова „бытие“ привносит в текст многоумие и философичность» (там же: 277) и подобные попытки чтения в сердце оппонента, пусть с оговоркой «быть может», но вряд ли содействующие стройности аргумента, то в остальном рецензия опять же касается прежде всего точности перевода, семантической и стилистической.

Что удивляет и одновременно восхищает в этой талантливейшей рецензии — это преобладание риторических конструкций несравненно более тонких, чем в рецензии А. Т. Юнусова, но вызывающих не меньший интерес. Так как на них держатся предпочтения в выборе целей критики, того, что критикуется: семантическая неточность, вольности синтаксиса или особенности интерпретации, то необходимо разобрать, насколько такие конструкции отвечают той требуемой строгости аргументации, которая только и позволяет направить критику на нужные предметы. Разберем один пример яркой риторики рецензентов:

Во-первых, он [А. В. Марков] постоянно смешивает Эрота как персонификацию, то есть бога (или, по словам Диотимы, даймона, а по-марковски «духа»), с эросом как соответствующим проявлением у людей и героев, в природе и т. д. Иногда эта «эротическая неразличимость» соответствует неверно переданной грамматике. Рассказ Федра о том, как Алкестида решила умереть вместо мужа, а боги, восхищенные ее поступком, дали ей вернуться из Аида, завершается выводом, что боги больше всего почитают рвение и доблесть ради эроса (179d1—2: θεοὶ τὴν περὶ τὸν ἔρωτα σπουδὴν τε καὶ ἀρετὴν μάλιστα τιμῶσιν).

У Маркова же читаем: «Так что боги глубоко признательны пристрастному и доброму Эросу». Здесь боги вместо того, чтобы вознаградить бесстрашную и верную Алкестиду, признательны своему «коллеге» (так у Маркова называет Эроса Сократ в 212b), то есть в переводе полностью извращена тема награды / возмездия богов в отношении «эротических поступков» (Алкестиды — Орфей — Ахилл) (Гараджа, Протопопова, 2019: 278).

Перед нами прекрасный пример хорошей, высокой и продуманной риторики. Сначала идет фигура пугающей фатальности: А. В. Марков что-то смешал, и появилась «эротическая неразличимость», и мы никогда не будем знать, что такое эрос. Далее идет фигура привлечения к ответственности: тут смешать было нельзя, но преступный Марков, неверно поняв грамматику, должен понести за это полную ответственность. Далее идет объективирующее описание, создание некоторой картины, в которой есть свои завершающие выводы, что сразу заставляет читателя рецензии поверить в истинность этой картины — раз из нее даже выводы делаются. И наконец, идет фигура скуки: Марков наделал что-то невразумительное, и об этом говорится несколько конспективно, чтобы отвращение к Маркову возникло при словах «полностью извращена» — непонятно, чего Марков хочет, понятно, что он все извращает. Таким образом, этот абзац — образец судебной, обвинительной риторики, и в этом качестве может даже войти в профильные учебники. Но может ли он войти в платоноведение?

Стремительный переход в этом пассаже от разбора семантики к синтаксису и далее — к интерпретации не дает возможности заметить сразу, как надо и как не надо трактовать фигуру Эроса. Даже не разбирая филологический вопрос, когда слово «эрос» используется нарицательно (замечу, что Н. П. Гринцер и Е. А. Щербакова протестовали в своей рецензии против характеристики условных имен в «Метафизике», как обижающей современников и предшественников Аристотеля, о которых думал последний), Платон удивился бы, не говоря о Сократе, если бы счел бога Эроса персонификацией — до того, чтобы считать чтимых ими богов персонификациями, не дошли бы они, более того, даже Мелет и Анит не посмели бы обвинить в этом Сократа, все же они обвиняли его в нечестии, а не в абсурде, чтобы считать реально существующего Эроса всего лишь персонификацией отвлеченного начала. Далее, по-русски нельзя сказать «проявление», не уточнив проявление чего, да и в других языках это был бы смелый эллипсис, оправданный разве что чрезвычайными философскими задачами, которые в рецензии никак не

оговорены. У людей и героев, в природе и т. д. — эту фразу рецензентов мы понять затрудняемся, почему это люди и герои не относятся к природе, и относятся ли боги к «и т. д.». Наконец, о наградах богов Платон ничего не говорит, скорее уж они сделали Алкестиду вечным примером, и это А. В. Марков и передал как признательность Эросу: если мы признательны человеку, который сделал для нас вазу, мы ставим вазу на видное место в своем доме. Если в переводе А. В. Маркова пропал риторический театр, в котором боги награждают и мстят у всех на глазах, и мы должны это воображать, то в предложении рецензентов, как кажется, пропадает идея образца, о которой Платон не мог не думать. Конечно, А. В. Гараджа и И. А. Протопопова могут представить доказательства, что там нет мысли об образце, более того, эти доказательства научное сообщество может принять, не приняв предложение А. В. Маркова, но вряд ли в риторическом театре всем будет так же уютно, как прежде.

ЛИТЕРАТУРА

- Аристотель*. Метафизика / пер. с древнегреч. А. В. Маркова. — М. : РИПОЛ-Классик, 2018.
- Гараджа А. В., Протопопова И. А.* «Что-то смешное на нас напало» : о новом переводе платоновского «Пира» // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. — 2019. — Т. III, № 1. — С. 265–285.
- Гринцер Н. П., Щербакова Е. А.* Аристотель. Метафизика. Перевод с древнегреческого, вступительная статья и комментарий А. В. Маркова. М., 2018 // *Вестник древней истории*. — 2019. — Т. 79, № 1. — URL: <http://ras.jes.su/vdi/s032103910004517-1-1> (дата обр. 26 мая 2019).
- Месяц С. В.* Искушение буквализмом, или Каким должен быть перевод античной философской классики? // *Историко-философский ежегодник*. — 2018. — Т. 33. — С. 5–37.
- Юнусов А. Т.* «Бессильная невозможность». О новом переводе «Метафизики» Аристотеля // *Историко-философский ежегодник*. — 2018а. — Т. 33. — С. 361–385.
- Юнусов А. Т.* Гипотезы как предикативные начала доказательного знания во «Второй Аналитике» Аристотеля // *Историко-философский альманах*. — 2018b. — № 6. — С. 81–97.

Markov, A. V. 2019. “Da, eto Platon i Aristotel’ [There Is Plato and Aristotle Indeed]: otvet na retsenzii [Reply to My Critics]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [*Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*] III (2), 253–273.

ALEKSANDR MARKOV

DOCTOR OF LETTERS IN PHILOLOGY; FULL PROFESSOR AT THE RUSSIAN STATE UNIVERSITY
FOR THE HUMANITIES (MOSCOW)

THERE IS PLATO AND ARISTOTLE INDEED

REPLY TO MY CRITICS

YUNUSOV, A. T. 2018. “‘BESSIL’NAYA NEVOZMOZHNOST’”. O NOVOM PEREVODE ‘METAFIZIKI’ ARISTOTELYA [‘A POWERLESS IMPOSSIBILITY’. A REVIEW OF A. V. MARKOV’S TRANSLATION OF ARISTOTLE’S ‘METAPHYSICS’]” [IN RUSSIAN]. *ISTORIKO-FILOSOFSKIY YEZHEGODNIK* 33:361–385

GRINTSER, N. P., AND YE. A. SHCHERBAKOVA. 2019. “ARISTOTEL’. METAFIZIKA. PEREVOD S DREVNEGRECHESKOGO, VSTUPITEL’NAYA STAT’YA I KOMMENTARIY A. V. MARKOVA. M., 2018 [A REVIEW OF: ARISTOTLE. METHAPHYSICS. TRANS. BY A. MARKOV. MOSCOW, 2018]” [IN RUSSIAN]. *VESTNIK DREVNEY ISTORII* 79 (1). ACCESSED MAY 26, 2019.
<http://ras.jes.su/vdi/s032103910004517--1-1>.

GARADZHA, A. V., AND I. A. PROTOPOPOVA. 2019. “‘CHTO-TO SMESHNOYE NA NAS NAPALO’ [‘SOMETHING FUNNY ATTACKED US’]: O NOVOM PEREVODE PLATONOVSKOGO ‘PIRA’ [THE NEW TRANSLATION OF PLATO’S ‘SYMPOSIUM’]” [IN RUSSIAN]. *FILOSOFIYA. ZHURNAL VYSSHEY SHKOLY EKONOMIKI* [*PHILOSOPHY. JOURNAL OF THE HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS*] III (1): 265–285

DOI: 10.17323/2587-8719-2019-3-2-253-273.

REFERENCES

- Aristotel’ [Aristotle]. 2018. *Metafizika* [*Metaphysics*] [in Russian]. Trans. from the Ancient Greek by A. V. Markov. Moskva [Moscow]: RIPOL-Klassik.
- Garadzha, A. V., and I. A. Protopopova. 2019. “‘Chto-to smeshnoye na nas napalo’ [‘Something Funny Attacked Us’]: o novom perevode platonovskogo ‘Pira’ [The New Translation of Plato’s ‘Symposium’]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [*Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*] III (1): 265–285.
- Grintser, N. P., and Ye. A. Shcherbakova. 2019. “Aristotel’. Metafizika. Perevod s drevnegrecheskogo, vstupitel’naya stat’ya i kommentariy A. V. Markova. M., 2018 [A Review of: Aristotle. Methaphysics. Trans. by A. Markov. Moscow, 2018]” [in Russian]. *Vestnik drevney istorii* 79 (1). Accessed May 26, 2019. <http://ras.jes.su/vdi/s032103910004517--1-1>.
- Mesyats, S. V. 2018. “Iskusheniye bukvalizmom, ili Kakim dolzhen byt’ perevod antichnoy filosofskoy klassiki? [The Temptation of Literalism, or What Should be the Translation of Ancient Philosophical Texts?]” [in Russian]. *Istoriko-filosofskiy yezhegodnik* 33:5–37.
- Yunusov, A. T. 2018a. “‘Bessil’naya nevozmozhnost’”. O novom perevode ‘Metafiziki’ Aristotelya [‘A Powerless Impossibility’. A Review of A. V. Markov’s Translation of Aristotle’s ‘Metaphysics’]” [in Russian]. *Istoriko-filosofskiy yezhegodnik* 33:361–385.
- . 2018b. “Gipotezy kak predikativnyye nachala dokazatel’nogo znaniya vo ‘Vtoroy Analitike’ Aristotelya [Hypotheses as Predicative Basics of Demonstrative Knowledge in the Posterior Analytics by Aristotle]” [in Russian]. *Istoriko-filosofskiy al’manakh*, no. 6: 81–97.

